63.3(2Рос-6Ямл)
Л-61

Л.Ф. Липатова

“Сава луца” - хороший человек М.М. Броднев

63.3(2Рос=Яма)
Л-61

Л.Ф. Липатова

«Сава луца» — хороший человек М.М. Броднев

-5187-аб

Государственное учреждение
"Национальная
библиотека ЯНАО"

Тюмень
2008

УДК 92(470)
ББК 63.4Л75
К 43

Липатова Л.Ф., «Сава луца» — хороший человек М.М. Броднев. — Тюмень: Сити-пресс, 2008. — 360 стр.

ISBN 978-5-98100-126-0

Книга издана при поддержке:

Департамент информации и общественных связей Ямало-Ненецкого автономного округа, Государственное учреждение «Ямало-Ненецкий окружной Музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского», Администрация муниципального образования г. Салехард, Государственная Дума муниципального образования г. Салехард.

Книга «Сава луца» — хороший человек М.М. Броднев» рассказывает о Михаиле Митрофановиче Бродневе (1904-1971), человеке ярком и одаренном. По его жизненному пути можно изучать судьбу целого поколения, начиная с гражданской войны. Он начал свою деятельность в округе в 1935 году на Ямальской культбазе в Яр-Сале, преподавал в Оленетехникуме, был заведующим окружного отдела народного образования, в годы войны был избран на должность председателя Окрисполкома и исполнял ее до 1950 года. Заболел туберкулезом, после лечения работал заведующим отделом экономики на Ямальской сельскохозяйственной опытной станции. Трудился в Новосибирске, Москве, Якутии. Был репрессирован и реабилитирован. М.М. Бродневым опубликовано много краеведческих статей в различных изданиях. Некоторые из них приведены в этой книге. В 1962 году ушел на пенсию. Одна из улиц г. Салехарда названа его именем. Краеведы, исследователи, занимающиеся историей края, найдут в этой книге много интересного.

Автор-составитель книги — Л.Ф. Липатова, старший научный сотрудник ГУ «Ямало-Ненецкий окружной Музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского», живет в ЯНАО с 1975 года. Имеет звания: «Заслуженный работник культуры РФ», «Почетный гражданин г. Салехард», «Ветеран Ямала», «Ветеран труда». Является членом Союза журналистов Ямала и России.

ISBN 978-5-98100-126-0

© Л.Ф. Липатова, авт., 2008
© Сити-пресс, изд., 2008

Предисловие

Согласитесь, что большинство из нас даже не задумывается, почему улица, на которой мы живем, носит то или иное название. Понятно, если Арктическая — значит, мы обитаем в Арктике. Трудовая, Рабочая, имени Ленина, Совхозная, Республики, Мира и так далее — тоже можно догадаться. А если приезжаешь впервые в Салехард, как это было со мной, и селишься в доме, который торцом выходит на улицу Броднева, то поначалу эта фамилия тебе ни о чем не говорит. Но время идет, и если у человека есть желание и стремление хоть что-то знать об истории того места, куда его занесла судьба, то он узнает много интересного. Так произошло и со мной. Во всяком случае, теперь я многое знаю о Михаиле Митрофановиче Бродневе, именем которого названа одна из улиц Салехарда.

В справочнике «Улицы города Салехарда», составленном В.Л. Реусовой — начальником отдела службы по делам архивов ЯНАО — и выпущенном в 2005 году, говорится следующее: 22 июля 1977 года решением исполкома Салехардского городского Совета депутатов трудящихся №146 «О переименовании улиц и упорядочении уличного хозяйства в городе», «принимая во внимание предложения общественных организаций и просьбы трудящихся», переименовать улицу Парковая, присвоив ей наименование — улица Броднева (ф. 44 оп. 1 д. 535 л. 10).

Так что же это за человек, именем которого хотели назвать улицу общественные организации и трудящиеся города Салехарда? Ответ на этот вопрос отчасти дает эта книга.

В первой части книги, которая так и называется — «Воспоминания», Михаил Митрофанович подробно пишет о многих периодах своей жизни. Мне не довелось быть знакомой с этим неординарным человеком. Я приехала в округ только в 1975 году, когда уже его не было в живых. Судьба музейщика и журналиста привела меня к Татьяне Михайловне — дочери М.М. Броднева, которая сейчас живет в Тюмени. Она рассказала об отце, о своей жизни в поселке Панаевске Ямальского района, где Татьяна Михайловна была директором школы, а ее муж, Алеханов Валентин Матвеевич, — директором совхоза «Россия». При разговоре присутствовала и ее дочка Ирина (интервью с Т.М. Бродневой и ее дочерью Ириной см. во второй части, «Дочь и внучка»). Потом Татьяна Михайловна достала документы, фотографии и напечатанные на машинке, пожелтевшие от времени листы бумаги с воспоминаниями отца. Я тут же начала читать и буквально не могла оторваться. Вот тогда-то у меня и возникла мысль, что это нужно издать, ведь нет ничего интереснее, чем живое свидетельство человека о происходящих событиях. Все, чем жила страна в те годы, коснулось и М.М. Броднева. Я сказала об этом Татьяне Михайловне, она согласилась и предложила мне поработать над книгой, а они вместе с дочерью Ириной будут мне помогать.

Не могла я отказаться от этой идеи и начала работать. Татьяна Ми-

хайловна передала мне хранящиеся в ее личном фонде документы, фотографии, статьи и т.д. Были изучены личные дела М.М. Броднева и его жены, С.И. Бродневой, хранящиеся в фондах МВК им. И.С. Шемановского, в том числе и рукопись книги «От родового строя к социализму» (у нее есть и другое рабочее название — «Ямал: время и люди»), которую Михаил Митрофанович подготовил, но она, к сожалению, так и не была издана. Были проштудированы и фонды Ямальского районного музея, сотрудники которого собирают документы об этой семье, оставившей большой след в истории района. Часть этих материалов вошла в книгу.

Филиал Всесоюзной государственной телерадиокомпании ГТРК «Ямал» любезно предоставил копии документов, хранящихся в архиве ФСБ РФ регионального управления по Тюменской области: справки о реабилитации М.М. Броднева, Т.Т. Бродневой; постановление о предъявлении обвинения, ордер на арест, анкета арестованного М.М. Броднева.

В третьей части книги — «Письма» — помещены материалы, подготовленные Натальей Ивановной Ного, они были напечатаны в журналах «Ямальский меридиан» и «Северяне». Н.И. Ного — ветеран Ямала, старожил нашего округа. В основном это переписка с его женой Станиславой Ивановной Станкевич. Трогательная, нежная любовь соединяла их. Кстати, эти письма хранятся в фонде М.М. Броднева окружного архива. Кроме того, в эту часть книги включены несколько писем, которых не было в публикациях, подготовленных Н.И. Ного.

В четвертую часть книги — «Статьи М.М. Броднева» — вошли многие из публикаций М.М. Броднева, напечатанные в различных изданиях. Следует отметить, что в некоторых статьях он приводит одни и те же примеры, что вполне естественно. В пятой — «О М.М. Бродневе» — помещены несколько статей о самом Бродневе.

Встретилась я и с теми, кто помнит Михаила Митрофановича и его семью (материалы помещены в конце первой части книги — «Воспоминания современников о М.М. Бродневе»). Валентина Александровна Вахнина — известный на Ямале человек, Почетный гражданин округа. Сразу после окончания Салехардского зооветтехникума 44 года работала в Ямальском районе, возглавляла совхоз «Россия». Она прекрасно знает ненецкий язык, традиции и обычаи кочующих северных народов. Это от нее я узнала, что ненцы звали Михаила Митрофановича «сава луца» — «хороший русский». А такое звание надо заслужить. Поэтому и решено было назвать книгу «Сава луца — хороший русский М.М. Броднев».

Открывает книгу автобиография Михаила Митрофановича Броднева, написанная им самим и сохранившаяся в фондах Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса имени И.С. Шемановского, и завершает — некролог, опубликованный в газете «Красный Север» 23 ноября 1971 года.

Идею издания этой книги, в первую очередь, одобрили мои коллеги — сотрудники Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного

комплекса имени И.С. Шемановского во главе с директором С.Е. Гришиным. Они также принимали участие в подготовке книги к изданию.

Большая благодарность комитету по средствам массовой информации Администрации ЯНАО, главе города Салехарда А.М. Спирину и его заместителю по социальным вопросам, Л.Н. Смарыгиной, председателю городской думы А.И. Беленькому за моральную и материальную поддержку.

Слова признательности в адрес коллектива Ямальского районного музея во главе с Г.С. Зайцевым, а также всем тем, кто поделился своими воспоминаниями о М.М. Бродневе и его семье.

Л. Ф. Липатова,
старший научный сотрудник
Ямало-Ненецкого
окружного музейно-
выставочного комплекса
им. И.С. Шемановского

Автобиография*

Родился в 1904 году в деревне Кузнецовой, Пировского района, Красноярского края, в семье крестьянина-бедняка. (При советской власти хозяйство отца переросло в середняцкое).

Школы в деревне не было, грамоте обучали ссыльнополитические. Общение с ними с детства определило дальнейший путь моей жизни. В 16 лет (в 1920 г.) вступил в комсомол и в кандидаты партии. После изгнания из Сибири Колчака работал секретарем волостного ревкома, участвовал в борьбе с белыми бандами.

Летом 1920 года был направлен в Красноярскую Совпартшколу. После двухмесячного обучения меня назначили секретарем Пировского волкома партии. В то время руководители партийных органов были председатели, я выполнял организационно-техническую работу.

В июне 1922 года Енисейский губком партии командировал меня учиться в Иркутскую совпартшколу 2-й ступени, которую окончил в июле 1923 года и был направлен завполитпросветом Енисейского Укома комсомола, а в сентябре 1924 года был направлен на аналогичную работу в Ачинский окружком комсомола.

В сентябре 1925 года Сибирский краевой комитет комсомола назначил меня своим представителем в Сибирский краевой комитет профсоюза сельхозрабочих, объединяющих батраков, рабочих совхозов

* Автобиография хранится в фондах Ямало-Ненецкого окружного МВК (музейно-выставочного комплекса) имени И.С. Шемановского.

и лесоразработок. В крайкоме сельхозрабочих я проработал четыре года — заведующим культотделом.

Закончив вечерние курсы подготовки в ВУЗ, в сентябре 1929 года поступил в Сибирский плановый институт. В институте был трехлетний срок обучения. За месяц до окончания института меня отозвали в распоряжение ЦК КПСС и направили на работу во вновь организуемый ЦК профсоюза МТС (*машинно-тракторная станция. — Прим. авт.-сост.*). Фактически закончив институт, но не получив диплома, я пишу в анкетах, что имею незаконченное высшее образование.

После двухлетней работы секретарем ЦК МТС (с 1932 г. по 1934 г.), по постановлению Президиума ВЦСПС был переведен в высшую школу профдвижения. По совместительству с преподавательской работой в ВШПД был старшим редактором Профиздата.

В апреле 1935 года Комитетом Севера ВЦИК был назначен начальником Ямальской культбазы. Я охотно дал согласие поехать на Ямал, рассчитывая собрать материалы для диссертации. Но сделать это не удалось. В июле 1937 года меня с культбазы отозвали и назначили начальником окружной конторы ГУСМП (*главное управление северного морского пути. — Прим. авт.-сост.*). В личном листке записана работа в ГУСМП по сентябрь 1939 года.

В сентябре 1937 года был арестован, как «враг народа», а после реабилитации и восстановления в партии в мою учетную партийную карточку время, проведенное в заключении, записали как работу в ГУСМП. Так я и пишу во всех последующих анкетах.

В октябре 1939 года начал работать преподавателем в Олентехникуме и Культпросветшколе. В ноябре 1941 года меня назначили заведующим Окружным отделом народного образования, а в марте 1942 года избрали первым заместителем председателя окрисполкома. В сентябре 1943 года был избран председателем окрисполкома. На этой должности проработал 7 лет.

В ноябре 1949 года я заболел открытой формой туберкулеза легких. Несмотря на квалифицированную помощь и лечение в лечебницах Санупра Кремля, болезнь затянулась, и от работы в окрисполкоме в июле 1950 года был освобожден. Между прочим, для меня имело большое моральное значение то обстоятельство, что больше чем через год после прекращения работы в окрисполкоме (учитывая период лечения) моя работа была высоко оценена — я был награжден Орденом за развитие хозяйства и культуры округа. После восстановления трудоспособности я обратился в ЦК КПСС и в августе 1950 года назначен управляющим Госрыбтреста Якутской АССР. В начале 1958 года Якутский обком КПСС укрепил кадрами геологической организации занимающуюся поисками алмазов, меня направили в эту организацию на политическую работу — зам. начальника по политчасти. (В этой должности утверждало ЦК КПСС).

В 1956 году получилась новая вспышка туберкулеза, меня перевели на вторую группу инвалидности, и я вынужден был прекратить работу.

После годичного лечения и отдыха трудоспособность несколько восстановилась и с июля 1957 года начал работать на Ямальской сельскохозяйственной опытной станции старшим научным сотрудником — зав. отелом экономики.

Работая на станции, я изучал экономику Крайнего Севера, разрабатывал рекомендации, в частности, по вопросам организации и оплаты труда в колхозах и совхозах. Разработанные мною рекомендации по оплате труда оленеводов (1958 г.) одобрены окружкомом КПСС и окрисполкомом, внедрены в производство не только колхозов Ямало-Ненецкого округа, но и в других районах Крайнего Севера. За эту разработку рекомендаций и их внедрение в производство НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера выдал денежную премию. Рекомендации изданы брошюрами.

Мной написано и издано несколько книг и брошюр, много статей. Укажу некоторые: «Батрацкая сила в организованности» (в соавторстве с П. Вакуленко книга 15 п.л., Новосибирск, 1929 г.); «На передовые посты социалистической стройки» (в соавторстве с Я. Оболонковым Новосибирск, 1930 г); «Профсоюзы в борьбе за большевистские колхозы» (брошюра 3 п.л. 1934 г. Профиздат). Некоторые мои научные статьи опубликованы в изданиях Академии Наук СССР, например, «От родового строя к социализму» (по материалам Ямало-Ненецкого национального округа — 1,5 п.л. журн. «Советская этнография № 1, 1950 г.) «Из истории земельных и имущественных отношений у ямальских ненцев» (2 п.л. журнал «Советская этнография» №6. 1959 г.).

Имею правительственные награды: Ордена Трудового Красного Знамени и «Знак Почета» за развитие хозяйства и культуры Ямало-Ненецкого национального округа, а также медаль «За победу над Германией» (во время войны руководил мобилизационной работой в округе и «За доблестный труд в период Великой Отечественной войны», «За трудовую доблесть» в ознаменование 100 лет В.И. Ленина. Награжден почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

За последний год здоровье значительно ухудшилось (гипертония, склероз, туберкулез) и в марте 1962 года решением ВТЭК признан нетрудоспособным, отнесен ко II группе инвалидности.

М. Броднев

Воспоминания

Детство и юность

Недосыпая, недолюбя,
Молодость наша шла.
Э. Багрицкий

Дед и бабушка

Мой дед, Тарас Григорьевич, не помнит, кто из его предков поселился первым в нашей деревне. Вероятно, деревня возникла одновременно с Енисейским и Маковским острогами, в начале XVII века была или ямской станцией, сторожевым или ясачным пунктом. Ветхая маленькая избушка деда стояла на берегу у того места реки, где был удобен въезд на берег. Рядом стояла избушка Петра Броднева, считающегося каким-то дальним родственником деда. Так как предки деда поселились на этом взъезде, можно предполагать, что они были первыми жителями этого места.

Коренных жителей Сибири раньше звали чалдонами. Есть такая легенда о происхождении этого названия. Первыми в Сибирь сослали женщину с реки Чала и казака с Дона. У них появился ребенок. Они решили назвать его по названию рек, на берегах которых они жили до поселения в Сибирь. И назвали первенца-сибиряка Чалдоном.

Дед с гордостью называл себя чалдоном. Как попали его предки в Сибирь, он не знал, но объяснял происхождение своей фамилии от слова «бродить». Бродили его предшественники по доброй воле или находились в бегах — неизвестно.

Дед был беспечным человеком и не любил тяжелый крестьянский труд. Он засевал небольшой клочок земли — хлеба до лета обычно не хватало. Летом большую часть времени он проводил на реке, с удочкой. Беспечность к жизненным нуждам у него доходила до того, что, живя у самого леса, он не заготовлял на зиму дров, и бабушка с ребятишками зимой на санках возили из леса сухостойные деревья.

Любимым занятием для деда была рыбалка и охота. Речка наша Белая небольшая. В ней водились щуки, окуни и другая мелкая рыбешка. Весь улов удовлетворял только текущие потребности семьи и рыболовством дед занимался только по открытой воде. У него было несколько сеток, вязал он их сам, из ниток, напряденных бабушкой. Ставил он жерлицы на щук. Крючки для жерлиц делал сам, из гвоздей. Иногда дед с соседом Трофимом Усковым уплывал рыбачить на реку Кеть, в которую впадала наша Белая. Проводил там две-три недели и привозил бочонок соленых щук, окуней, сорог. Их берегли на зиму.

Охотой дед занимался, но както несерьезно. Многие деревенские осенью уезжали в тайгу за 50—60 километров, там у них были охотничьи избушки, они поселялись в них и занимались охотой в течение двух-трех месяцев. Сотни белок и несколько соболей привозили. Дед же мой не признавал такое длительное пребывание в тайге. Охотился он около деревни. В мою память он садился верхом на мерина Игреньку, старую и спокойную лошадь, брал с собой собаку и, не слезая с лошади, стрелял по белкам. Пять-шесть бе-

лок в день считалось удачной охотой. Ловил он глухарей ковшами. Ковш — это остроумное изобретение. В землю конусом вбивались колья. На их концы навешивался овес или прутики с ягодой. Круг, обруч которого был сделан из тонкой талины или рябины, застилался соломой и на двух тонких веревочках прикреплялся к кольям.

У меня в детстве был такой случай, связанный с этими ковшами. Дед заболел. Ковши уже несколько дней не проверялись. Местоположение знали только дед и я. Он иногда брал меня с собой, когда выезжал на проверку ковшей. Дед предложил послать меня проверить ловушки. Я был польщен таким поручением. В четырех ковшах оказались глухари. Я их достал и, как делал дед, закрутил им головы. Привязал добычу сзади седла и, довольный, поехал в деревню. По дороге глухари ожили, забились в мешке, лошадь испугалась, выбросила меня из седла и галопом поскакала в деревню. Упал я удачно, ничего не повредил и поплелся в деревню. Охотник оскандалился. Через некоторое время увидел всадника, скачущего галопом мне навстречу. Всадником оказался мой отец. Дома очень встревожились, встретив лошадь без седла и с живыми, бьющимися глухарями. А перед этим в деревне произошла трагедия с мальчиком, моим сверстником. Он повез на заимку продукты. Его лошадь чего-то испугалась, он с нее упал, а нога застряла в стремени, и его нашли с разбитой головой и обезображенным лицом. Этот случай усилил тревогу родных за меня.

При всем нерадении к хозяйственным и домашним делам, дед охотно занимался общественными делами. Как-то ездил в Красноярск к губернатору в составе делегации от волости. По какому поводу — не знаю, но дед часто рассказывал о большом городе, о губернаторском доме.

За всю свою жизнь дед не был у врача или фельдшера. А под старость он заболел, и как я позднее понял, туберкулезом. Плевал он без разбора на пол, и за ночь на полу собиралось много мокроты. Невесткам моей матери и тетке приходилось убирать эту пакость. Делали они это с отвращением, но сказать деду боялись. Идиотизм деревенской жизни проявлялся не только в этом. У двери стояла лохань. В нее оправлялись по малому дети, а иногда и взрослые. Вонина. Но из этой лохани поили свиней и не считали это предосудительным.

Последние годы жизни дед стал слабым. Вот поплывем с ним рыбачить, дает мне двухлопастное весло — греби. Я гребу до усталости: «Дедушка, я устал». И думаю, что он меня подменит. «А ты пристань к берегу, отдохни, и поплывем дальше».

Как-то мы поставили ловушки. Утром мать меня будит: «Дедушка заболел, ты поезжай, сам сними ловушку». Я поехал. В сети и на жерлицы попало много рыбы — необычно много щук и окуней. Пристал к берегу, решил ловушки оставить в лодке, а рыбу унести. Но ее много. Я сел и задумался: оставить часть — собаки съедят. К речке подошла соседка. Кричу: «Скажите, чтобы кто-нибудь из наших пришел». Пришла мать: «Миша, дедушка умер... царствие ему небесное».

Рыба оказалась кстати: устроили поминки. Отец на поминках говорил: «Любил старик реку, и она ему щедро отпустила на поминки из своих запасов».

Помер дед в семьдесят лет.

Не помню, чтобы кто-либо называл бабушку по отчеству, и я не знаю, как звали ее отца. Бабушка Олена. Вышла она за дедушку из крепкой, по-деревенски богатой семьи, жившей в деревне Кеть, находящейся от нас километров за тридцать. Вышла за бедняка, видимо, потому, что в детстве у нее был поврежден глаз. А на кривой не многие желали жениться.

Дед требовал от нас, ребят, беспрекословного послушания, и на гвоздике около его кровати висела плетка для наказания провинившихся. Воспоминания о деде у меня ассоциируются с этой плеткой. Бабушка была добрейшим человеком, нам, детям, — истинным другом. Физическое наказание детей она считала ненужной жестокостью, и когда дед брался за плетку, обзывала его иродом и энергично становилась на защиту. Случалось, что удары плетки, предназначенные внуку, сыпались на заступницу — бабушку. Бабушку мы любили и ее распоряжения выполняли охотно.

Часто конфликты между дедом и бабой возникали в воскресенье и другие праздничные дни. Церкви в нашей деревне не было. В праздники, рано утром дед зажигал перед иконами свечи и выстраивал всю семью на молитву. Ребятишки не сразу поднимались, он, осмотрев молящихся, обнаруживал, что нет Мишки или Кольки. Тянулся за плеткой и с матами набрасывался на спящего. Бабушка хватала деда за руку, в которой была плетка, и решительно кричала ему: «Из богомолья ты службу черту устраиваешь. Материшься, как кобель, ребенку не даешь поспать, а у него нет грехов, нечего замаливать. Идол ты проклятый». Обычно это на деда действовало. Он становился на колени и, энергично крестясь, просил бога: «Прости Господи, согрешил я, сладу нет с чертенятами...».

Бабушка ухаживала за огородом внимательно, и мы получали самые любимые и вкусные огурцы и бобы от бабушкиных трудов.

Она водила нас в лес по ягоды и грибы. В округе деревни медведи каждое лето задирали коров, лошадей. Дед боялся медведей и говорил бабушке: «Шла бы одна, зачем тащишь ребятишек». Бабушка отвечала: «Бог не выдаст — медведь не съест».

Дед панически боялся чертей. Поехал он как-то смотреть верши. Вытащил вершу на берег и — о, ужас, в ней «черт» с широким лбом, поросшим как бы тиной. Бросил ловушку и скорее домой.

— Митрошка! — кричит отцу. — Черт в вершу попал. Лбище зеленый, глазищи — во.

Отец расспросил подробности, сел на лодку и поехал смотреть «черта». Вернулся с огромным налимом. Потом ели налима и посмеивались: «Хороший черт, почаще бы такие попадались». Долго дедов «черт» был причиной шуток над суеверным рыбаком.

Дед и баба жили не дружно. Постоянно ругались. Шестидесятипятилетний дед, желая досадить бабушке, часто навещал вдову Пи-

маниху, о которой шла плохая слава. За несколько лет до смерти деда они с бабушкой разошлись. Дед ушел от бабки и поселился у нас. Не скажу, чтобы наша семья этим была довольна, но деду отдавался почет и уважение, как и положено по патриархальным нормам.

Отец и мать

Отец среднего роста, коренастый человек. У него были значительная сила и хорошая сноровка. Он один не только нарубил леса, один вывез его, но и сам срубил дом. Работоспособностью обладал исключительной.

Без дела он не мог сидеть, всегда находил работу, иногда ненужную для своего хозяйства. Напротив нашей бани были на речке мостки, на них полоскали белье, с них брали воду. Вошло в традицию, что эти мостки после ледохода всегда ремонтировал отец и переносил их с изменением уровня воды, хотя мостками пользовалось полдеревни. Метрах в трехстах от деревни прибило к берегу огромную сухую лиственницу. Отец перегнал ее к нашей бане и укрепил у берега, и теперь в прилив набирали воду и полоскали белье у корня, а по мере спада — спускались к вершине.

В метрах пятистах от деревни речка делала километровый крюк и близко подходила к своему верхнему руслу. В одно из воскресений на узком перешейке отец прокопал канаву, а года через два она превратилась в глубокое русло реки, ее изгиб стал старицей. Для него самого это было не нужно, рыбалку он считал пустым занятием, а полей и лугов по речке у нас не было.

Труд для этого человека был действительно потребностью. Уже на старости лет он жил в городе. Двор в его домишке был всегда чисто убран. Чтобы заполнить время, он неоднократно перекладывал поленницы дров, перетаскивая их с одного места на другое. Также

несколько раз переносил с места на место стайку для коровы. Среди болота выбрал возвышенное место, выкорчевал деревья, расчистил кустарник и получился хороший сенокосный участок. И это в семьдесят-то лет!

Дед не заготовлял дров на зиму. С детства отцу пришлось ходить в лес за сушняком. Зато когда он стал взрослым, у нас всегда был двух-трехлетний запас прекрасных березовых дров.

С раннего возраста отец ходил в батраки. Рассказывает: «Жил я у Ворожейкиных. Хозяин снарядил обоз в город. Стояли сорокоградусные морозы. Хозяин — В дохе, а я в худеньком полушубке. Большую часть пути бежал пешком... промерз до костей, думал, пропаду».

В наших местах не было проблемы с землей. Распахивай хоть сотни гектар. Главным в благополучии крестьянина были лошади. И обзавестись парой коней было главной мечтой Митрофана. Нанимаясь в батраки, он выговаривал оплату жеребенком. Заработав за два лета пару жеребят, он их растил с особой заботой и, наконец, заимел пару хороший коней. Нужда батрачить отпала. Отцу стало мало небольшого поля около деревни, которым владел еще дед. Километрах в семи от деревни был увал — Вражное. Большая площадь удобной земли была свободна от леса. Отец начал ее распахивать. В начале он разработал поле в десятину. Потом начал обрабатывать вторую, третью и уже на моей памяти на Вражьем засевал семь десятин. Осваивать целину — дело очень трудоемкое. Знаю это по собственному опыту: лет с семи я уже работал бороноволоком. Две лошади и две бороны. Ведь на целине надо было по одному и тому же месту пройти с боронами не менее пятнадцати раз. Дело нудное, а в жару еще очень

Слева направо: внизу — мать М.М. Броднева, племянники, отец Митрофан, вверху — брат Яков с женой Галиной

утомительное. Когда я стал бороновolоком, у нас было пять лошадей. Работать начинали с восходом солнца и до заката. Лошадей меняли. Я же пятнадцать-шестнадцать часов сидел в седле. Нудно бесконечно ездить по одному и тому же месту, клонило ко сну. Однажды я подъехал к краю поля, ничего не подозревая. Из кустика вылетела тетерка, оказалось у нее тут гнездо, лошади рванули в сторону, я упал на землю, но удачно — Не ушибся. Лошади побежали к балагану. Отец увидел их еще издали и испугался: парнишка попал под борону. Но скоро заметил, что и я иду к балагану. В семье у нас не приняты были нежности. И в первый раз отец бросился ко мне, поднял меня на руки, прижал к себе и с тревогой спросил: «Не убился ли? Я боялся, что ты попал под борону».

Отца мы в детстве не любили и боялись. К нам он не проявлял нежности, а к матери относился плохо, часто бил ее, и главное, совсем незаслуженно. Как-то раз приехал с поля, а бабушка и мать поругались. Бабушка пожаловалась отцу на неуважительное отношение невестки. Отец схватил скамейку и замахнулся на мать. Бабушка повисла у него на руках, удержала его, а то бы все могло закончиться плохо. Вот из-за такого отношения к матери мы не любили отца, и в его присутствии вели себя не по-детски серьезно.

В 1916 году отца призвали в солдаты. Мать мне рассказывала, что отец оставил ей несколько золотых монет. Монеты были им взяты из дедова ящика, тайно. Мать закопала их в подполье, и они дождались возвращения отца.

Дед за всю жизнь не держал в руках боле пяти рублей, но под старость в его ящике лежало их не менее сотни... большие деньги. Он их оберегал страстно, ночью ока-

Слева направо: отец Митрофан Броднев, мать и племянница Вера

ло кровати держал топор. Считал он плохо и исчезновения золотых монет, взятых отцом, он мог и не заметить или, все-таки заметив, промолчал, избегая скандала в семье.

Хозяйство было натуральным. Все нужное производили сами. Нижняя одежда была холщовая, вместо пальто носили шоданики, сшитые из шерстяной ткани собственного изготовления и покрытые холстом. Обувь делали тоже сами. На лето для мужчин — бродни, для женщин — черки. Кожу выделывали сами. Поэтому в доме был тяжелый воздух, когда вымачивали кожи. Покупали что-либо редко. Отец в молодости купил сапоги. Одевал их только по большим праздникам, и будучи уже стариком, носил эти же сапоги. На всю жизнь одна пара!

Деньги расходовались редко, ведь при натуральном хозяйстве большой нужды в них и не было. Представления о расходах горожан им были не понятны. В 1925-м приехал к отцу. Он спрашивает: «Сколько получаешь?» — Семьдесят рублей. — Ох, много, — замечает мне, — ты бы дал мне на покупку молотилки».

Я получал сто восемьдесят рублей, и если бы сказал ему про действительные заработки — он попросил бы на трактор.

Отец был предприимчивый человек. В первые годы советской власти ему кто-то рассказал, что кредитное товарищество дает семена клевера и хорошо платит за его урожай. Он посеял, клевер хорошо уродился, и он получил невиданный доход — рублей двести. Узнал о сепараторе и приобрел его. На сепараторе пропускали молоко все соседи, и с них ничего не брали. Но в дальнейшем этот сепаратор принес отцу трагедию. В 1930 году отца раскулачили именно за сепаратор. В постановлении Сибирского Крайисполкома указывалось, что к типу кулацкого хозяйства относятся имеющие сепаратор, на котором перегоняется чужое молоко за плату деньгами или натурой.

Семью выселили из дома в избушку пастуха, а пастух вселился в наш дом, потом семью отвезли на лесозаготовки в Маковское. На лесоучастке не было продуктов — семья голодала. Брат Максим был смелый человек: поймал ночью казенную лошадь и поехал в свою деревню за хлебом, а деревня была в шестидесяти километрах. Приехал и здесь узнал, что раскулачивание семьи отменили и они могут вернуться в свой дом. Вернулись, вступили в колхоз. Дела в колхозе шли плохо, голодали. В личном пользовании им оставили бычка и корову. Отец смастерил для них сани и, посадив ребятишек, двинулся в город Енисейск. Здесь первым делом надо было построить домишко. В эту осень был хороший урожай кедровых шишек. Поехали в тайгу на бычке и корове, заготовили много орехов, продали их и на эти деньги построили дом. Отец стал работать сторожем, а Максим — столяром в больнице. Хоть и бедно, но концы с концами сводили.

Дома Максим был пасечником, и поэтому ему поручили организовать пасеку при больнице. Они с отцом наделали ульев, построили дом, вырыли омшаник и три года хорошо жили на пасеке. Оторван-

ность от людей, скука вызвали желание вернуться в город. Максим стал работать завхозом больницы, а отец — сторожем.

В 1955 году нам со Станиславой (*вторая жена М.М. Броднева. — Прим. авт.-сост.*) пришлось жить со стариками в Енисейске. Я в Якутске повторно заболел туберкулезом (*вычеркнуто. — Прим. авт.-сост.*). Мы поехали в Вильнюс, где отчим Станиславы подарил нам половину недостроенного дома, мы его достроили и уехали туда. В Енисейск заехали в гости, но серьезно заболела мать, и мы остались со стариками. Я всегда считал, что молодые и старики не должны жить вместе. С родителями жили в согласии, но многое не устраивало — как их, так и нас. Например, они ложились спать рано, а мы — поздно. Вставали они в пять-шесть утра. Тихо ходили и тихо разговаривали, но мать была глухая и объяснялась знаками, а нередко они забывали о нас и будили своими громкими разговорами. Прожив с год, мы уехали в Салехард.

Отец умер восьмидесятипятилетним, умер неожиданно. Утром ушел убирать снег, и вернувшись домой, сказал, что плохо себя чувствует. Мать побежала к соседу, у которого был телефон, — вызвать врача, но, вернувшись домой, нашла старика мертвым.

Мать пережила отца года на три, но конец ее жизни был тяжелым. Года за два до смерти она лишилась рассудка и доставила много хлопот братьям Якову и Николаю, у которых она жила по очереди. Она была добрейшим человеком и за свою жизнь никого не обидела. Кто бы ни зашел к нам, обязательно ставила самовар и угощала «чем бог послал». Эта ее приветливость осталась и у меня. Зашедшего к нам считаю своим долгом угостить.

Отец был очень скуп, с каждой копейкой расставался неохотно. Как-то приехал я к ним. Мать ходит в чиненой-перечиненой фуфайке. Спрашиваю, почему не купит новую. Я им посылал ежемесячно пятьсот рублей, да и еще отец прирабатывал, они продавали молоко, жили не нуждаясь. Но отец считал, что можно ходить и в старой фуфайке, хоть и чиненая, а тепло держит. Я пошел в город и купил матери новую фуфайку. Отца спрашиваю: «Зачем скупишься, ведь деньги-то у тебя есть». — «Спасибо тебе, что посылаешь, накопил маленько, а вот мать и ты обвиняете меня в скупости, а она часто выручает. Вот у Агнии (жены брата Максима, погибшего на фронте) пала корова. У нее четверо ребятишек, жила она коровой да огородом. Пришла: ревет, как же я буду жить без коровы. Действительно, как? Говорю ей: «Ищи, кто продаст корову, денег дам». Дал три тысячи. А ты обвиняешь меня в скупости».

По-своему он был прав, но я решил создать для матери независимый бюджет и стал переводить деньги двумя переводами, один — на мать, другой — на отца. Но отец ухитрялся забирать деньги матери в свой ящик, но если ей надо было что-то купить, она смело требовала свои деньги. Отец ворчал, но давал просимую сумму, признавал ее право собственности на посланные мною деньги. В молодости мать боялась отца. А в старости часто ругала его:

Государственное учреждение "Национальная библиотека ЯНАО"

«Эй, идол!» Отец стал послушным. О потерянном собственном хозяйстве очень сожалел, говорил: «Я бы развернулся, завел бы машины, стал бы крепким хозяином». Говорю ему: «Тебя вовремя обрезали, стал бы заядлым кулаком, а теперь сам живешь неплохо, сыновья все заняты полезным трудом: Николай — токарь на заводе, Яков — бухгалтер, я тоже при деле. А что бы нас ждало, не случись революции?» Он соглашался, что сейчас лучше, а все-таки хозяйства жалко, особенно коней.

Сестры и братья

До раздела наша семья была большая — семнадцать человек, а если бы не большая смертность детей, она была бы огромная. У матери родилось семнадцать детей, а выжили только четверо. Во время эпидемии оспы за один день умерло два моих брата и сестра. Всех положили в один гроб. Братьев звали Фома и Ерема, девочку — Зоей. Мать, конечно, горевала, но ее успокаивали обычной в деревне формулой: «Бог дал, Бог и взял».

Из братьев мы были больше всех связаны с Иваном. Он с детства тяготился идиотизмом деревенской жизни и тяжелым характером отца. Тяготила его обстановка в семье и весь уклад их жизни. В отличие от Максима, отец считал его плохим помощником в хозяйстве, после окончания трех классов привез его ко мне в Енисейск. Отец, видимо, считал, что раз я служащий, значит, живу хорошо, и не привез даже продуктов, которых у него было достаточно. Я уже был женат на Тане, она хорошо отнеслась к Ивану, хотя мы сами с трудом сводили концы с концами.

Ивана поселили в маленькую комнатку. Вечером я заметил, что свет в его комнате, то загорится, то погаснет. Зашел к нему. Электричество он видел в первый раз, и ему было интересно включать и выключать лампочку. Объяснил ему, как мог, об электричестве. Окончил он четвертый класс и уехал в деревню, а меня перевели работать в Ачинск.

Осенью он приехал ко мне, оказывается, от деревни до Краснояр-

ска шел пешком, а это — восемьсот километров. Недобрым словом я помянул отца, пожалевшего лошадей, а не мальчика. В Ачинске весь доход семьи состоял из восемнадцати рублей моей зарплаты, жили впроголодь. В пятом классе он попал под влияние плохих ребят и учился плохо. Я договорился в депо, и его взяли учеником. Вскорости я уехал из Ачинска. Ивана взял на квартиру рабочий депо, хороший человек. Через год я поехал из Новосибирска в Минусинск. На станции Ужур прогуливался по перрону. Слышу, с паровоза кричит кто-то: «Михаил!». В чумазом парне на паровозе узнал Ивана. Он уже был помощником машиниста паровоза. Разговорились. Он высказал пожелание учиться. На обратном пути я остановился в Ачинске. В окружкоме комсомола были знакомые ребята, и они пообещали дать Ивану путевку в Томский рабфак. За время учебы на рабфаке и в институте он жил на стипендию, а я, имея хорошую зарплату, не догадался регулярно помогать ему, ограничиваясь редкими подачками при встречах. Ругаю себя за это, а иногда думаю, что, может, это было и к лучшему, так как и сейчас дети хорошо обеспеченных родителей учатся плохо. Нужда тоже неплохой учитель — это использовали еще спартанцы.

Иван стал инженером. Может быть, та электролампочка, с которой он впервые познакомился в Енисейске, дала первоначальный толчок в его стремлении к технике. Проработав недолго в Кунгуре, он решил стать научным работником и переехал в Москву, работал в Висхоме, потом оформился в аспирантуру. Мы уже были в то время на Севере.

Одну комнату оставили любовнице моего приятеля и начальника Бабкина. Иван поселился в нашей маленькой комнате, к нему переехала семья, а соседка по квартире оказалась плохим человеком, жилось им неважно. Узнал я об этом поздно.

В то время, когда я «находился в ежовых рукавицах» (*см. главу «Страшное время». — Прим. авт.-сост.*), Иван и Клавдия помогали моим детям, продавали наши вещи, посылали свои деньги, хотя сами получали мало. После освобождения, в 1940 году мы со Станиславой поехали в Москву, жили у Ивана. Впервые познакомились с его женой. Клавдия была временами вспыльчива, допускала, как она сама говорила, «эффекты». Я спросил Ивана: «Однако тебе с ней нелегко». Он мне с жаром доказывал, что человек она очень хороший, а ее вспышки кратковременны и жизнью он доволен. Позднее я убедился, что Иван был прав.

Время было тяжелое, напряженное: фашизм активно прибирал к рукам Европу. Молотов тогда подписал с Гитлером договор, и многие ортодоксы даже не позволяли Гитлера называть фашистом. В партийной пропаганде говорили об этом договоре только положительное, недоверие к нему высказывать не полагалось, хотя многим этот договор казался ненадежным. Я в него тоже не верил, считаю неправым Сталина в том, что он и вся наша пропаганда успокаивала народ этим договором, да и, судя по началу войну, вероломство Гитлера

было для Сталина неожиданным. Рассуждая так, мы пообещали друг другу позаботиться о семьях и при необходимости все сделать для них. Женам мы не сказали об этой как бы клятве, но жизнь показала, что они договорились о том же.

Во время войны брат погиб. Клавдия с ребятами оказалась в очень тяжелом положении, голодала в эвакуации. Мы вызвали ее к себе и сделали все от нас зависящее, чтобы она с ребятами легче пережила трудное время. При болезни и после смерти Стаси она сделала для меня очень многое, при ее чутком попечительстве я легче пережил утрату и, главное, в моем доме сохранился порядок, заведенный еще Стасей. Клавдия — добрейший человек.

Со старшим братом, Николаем, мы не переписываемся, встречались всего один раз в Норильске, где он работал токарем. Иван устроил его в Челябинске на завод и войны он избежал, но дома обстановка была хуже фронтовой. Женился на непутевой девке, на двадцать лет моложе его и очень развращенной. Да и с мозгами у нее, видимо, не все в порядке. Имея уже взрослую дочь, сожительствовала с молодым парнем, привела его домой и попросила Николая помочь им обзавестись квартирой. Все удивляются терпению Николая, а он и сейчас живет с этой непутевой, мается.

Младший брат, Яков, доучился до пятого класса, больше не захотел. Его, восемнадцатилетнего, взяли в армию. Их эшелон, который не дошел даже до фронта, разбомбили, у него оторвало ногу, и, так и не побывав на фронте, он вернулся домой без ноги. Беда не приходит одна: дома бедро здоровой ноги поразил туберкулез, и он почти поте-рял возможность передвигаться. Человек способный. Имея только пять классов образования, окончил бухгалтерские курсы и работал главным бухгалтером аэропорта, а потом — строительного треста. Повезло ему с семьей: попалась славная жена, Галя, родились двое хороших сыновей.

Старший брат Максим пошел в отца по хозяйственным способностям и скопидомству. За что бы он ни брался — все у него получалось хорошо. Завел пасеку — она была лучшей в деревне, решил сделать шкаф — получилось отлично. После выезда из деревни организовал хорошую пасеку у больницы, и врачи приписали ему несуществующую болезнь, чтобы избавить от призыва в армию. Во время войны он мне писал, что его в армию не берут, потому что мед сладкий. Однако, несмотря на сладкий мед, в армию его все-таки взяли, там он был поваром. Человек он работящий, и желая лучше накормить солдат, поехал за картошкой на поле, находящееся между нашими и немецкими частями. Его убили. Осталась неграмотная жена с тремя детьми. Старшая дочь окончила техникум, младшая, Валя, способная девушка, тоже хотела после седьмого класса идти в техникум, но я посоветовал ей закончить десятый класс и поступить в ВУЗ, обещал материально помочь. Она так и сделала. Теперь — преподаватель математики, у нее хороший муж, и жизнью она довольна. Племянник Миша связался со шпаной и отбыл восемь лет лагерей.

Моя единственная родная сестра умерла в детстве, есть две сродные, замечательные, но своеобразные женщины. У них рано умерли родители. Семнадцатилетняя Анна осталась хозяйкой с оравой братьев и сестер. Что могли заработать ребятишки в колхозе? Пошли собирать колоски на сжатом поле. Их поймали, и старшей дали пять лет лагерей. Она отбывала срок в Норильске и там осталась до старости. Добрейший человек, она перетащила туда сестру Варю, брат подрос, остался в деревне, был председателем сельсовета, погиб на фронте. А младшая сестра, Варя, работала в магазине уборщицей, видимо, хорошо, потому что ее выдвинули в продавцы, затем поставили заведующей магазином и, наконец, заведующей отделом торговли Норильска. Будучи уже завторгом, она поступила в техникум. Видимо, ее быстрому продвижению содействовали большие способности, честность и принципиальность. Анна окончила курсы электриков, работает на электростанции. В личной жизни ей не повезло. Муж оказался пьяницей, она его выгнала, осталась с двумя парнями, но те пошли в отца, стали пить, а один — пьяным отморозил руки. Но, несмотря на такую несчастную судьбу, осталась добрейшим человеком, очень напоминала мне мою мать. Она к нам приезжала, и они очень сошлись со Станиславой.

Учитель

В нашу деревню прислали ссыльного, Николая Алексеевича Паскевича, хромого человека лет тридцати. Он решил организовать в деревне школу и начал вербовать учеников. Крестьян, пожелавших отдать учиться своих детей, оказалось двое — мой отец и Моисеев.

Брат Моисеева жил в городе, и родители хотели выучить Сашу, чтобы послать в город и избавить от каторжной деревенской жизни.

Моими родителями руководило иное желание. У меня с раннего детства повреждена нога, и в крестьянстве от меня мало пользы. Решили, что если я буду грамотным, то смогу быть сельским писарем или заняться тем, что подойдет по моему здоровью.

Учитель поставил условие родителям — платить за ученика полтинник в месяц. Для родителей это были большие деньги. Единственным видом товарной продукции хозяйства был овес. Рожь шла на личное употребление, пшеница в наших местах не родилась, и отец мог ежегодно продавать по 30—40 пудов овса, по 30—40 копеек за пуд. Это был единственный источник денежного дохода. В основном хозяйство было натуральным. Одежду шили из домотканого холста, обувь — из самостоятельно вырабатываемой кожи. Полтинник при таких денежных оборотах был значительной суммой. Я обходился родителям в 12—13 пудов овса.

Учитель на свои деньги покупал тетради, учебники и фактически не имел от нас дохода. Уже взрослому он объяснил мне:

— Я понимал, что для твоего отца это большие деньги, что братья отца и невестки, с которыми вы в одной семье жили, тоже недовольны этими расходами, но я брал эти полтинники, чтобы ваши родители серьезнее относились к вашему обучению, не отрывали вас на работу по хозяйству во время обучения. Дескать, платим деньги. Учил бы бесплатно, они иначе бы относились, мол, этому ссыльному нечего делать от скуки, потому и с ребятишками занимается.

Он был прав.

Первые недели мы занимались без букваря. Учебники учитель выписал, но они что-то долго не приходили. Он сам написал на листочках азбуку. Я нес этот листочек домой. Был сильный ветер. Я выпустил листочек из рук, его унесло ветром, и я с плачем заявился домой.

— Не беда, — сказал мне на второй день учитель и написал азбуку вновь.

Занимался он с нами очень внимательно и, как я позднее понял, «своим» методом. Например, предупреждал: «Завтра, ребята, берите санки — пойдем в лес, захватите топор». В лесу он рассказывал нам, что есть степные места, где на сотни верст нет деревьев, что в разных зонах растут и разные деревья, короче — около дерева проходит урок по географии, ботанике. Выбрали и срубили подходящую березку. И опять разговор: «А вот в тех местах, где я вырос, мы бы не смогли срубить дерево, там леса охраняются вооруженными десятниками и можно срубить дерево только с разрешения лесничего и за плату. А вот у вас и лесничества нет, руби, где хочешь и сколько хочешь».

Из привезенной березы, по предложению учителя, стали делать санки. Согнули и высушили полозья. Надо тесать копылья.

— Сколько копыльев будем вставлять в каждый полоз?

— По четыре.

— Сколько надо копыльев?

— Восемь.

— А сколько потребуется гнезд для копыльев?

И так далее. Это был урок по арифметике на сложение. Хороший, доходчивый урок. Таким комплексным методом с практическими занятиями проходили уроки, весело и увлеченно.

Самыми нудными были занятия по Закону Божьему. Учитель был не верующим, но по программе начальной школы полагался Закон Божий — мы его изучали. Изучение Закона Божьего учитель использовал для антирелигиозной пропаганды. Как-то разбирая, что Бог всесильный и всемогущий, он рассказал, что, когда он был учеником, спросил попа: «Если Бог всесильный и всемогущий, то может ли он создать такой камень, чтобы сам его не мог поднять?». Так изучение Закона Божьего превращалось в воспитание безбожников.

Три года, проведенных с Николаем Алексеевичем, были полезны. Наш учитель дал нам хорошие знания. Мы грамотно писали, бойко читали, считали в пределах четырех действий и главное — получили некоторое представление об общественной жизни царской России, о причинах бедности в деревне. Саша Моисеев поступил в городское

выше-начальное училище и оказался хорошо подготовленным. Мне в жизни тоже пригодились знания, а главное — понимание жизни, полученное в период первоначального обучения.

Уже взрослым я узнал судьбу своего учителя. Странный и своеобразный это человек. Учился он на медицинском факультете. За участие в студенческих беспорядках был отчислен. Работал акцизным чиновником на Украине. В девятьсот пятом году стал революционером, но ни одна партия не совпадала с его мировоззрением. Решил создать свою партию. Идеология была у него народническая. Русского мужика считал главной революционной силой. Первый же поход в деревню окончился арестом и ссылкой в нашу деревню, куда он прибыл единственным членом своей партии.

В деревне было несколько ссыльных большевиков, два эсера. Как-то между ними разгорелся спор о евреях. Учитель высказал такую точку зрения: «Отрицательные черты у евреев живучи потому, что у них нет родины. Надо им создать родину, а для этого надо осушить Черное море и на освободившуюся от воды территорию выселить евреев. Будет у них родина, и они будут настоящими людьми». «Бред сумасшедшего», — сказал большевик Тиммерман.

К мероприятиям Советской власти учитель относился отрицательно. Он считал, что она защищает интересы рабочих и враждебна к крестьянству, недаром она выражает диктатуру пролетариата. Диктатуру, прежде всего, над крестьянством.

В 1924 году я работал в Енисейске. Уполномоченный ГПУ Сальников спросил меня о моем учителе: «А у него с мозгами все в порядке?». Я сказал, что он нормальный. «Черт его знает, сомнительно», — и зачитал написанные рукой Паскевича ответы на вопросы:

«Вопрос: Почему Вы сорвали организацию ячейки МОПР в вашей деревне?

Ответ: Рабочие за границей живут значительно лучше наших крестьян, занимаются революцией от жира и незачем нашему бедному крестьянину отдавать трудовые копейки в их пользу, лучше помочь своим беднякам. Поэтому я и советовал послать этот МОПР ко всем чертям рогатым, полосатым...» Перечисление чертей заполнило две страницы убористого текста. Каких только наименований чертей не было!

Через некоторое время в город приехал мой отец и сказал: «Паскевичу послали бельишко да еды. Я тороплюсь, коней кормить нечем, ты отнеси ему».

Пошел я в тюрьму. Начальник тюрьмы Усов сказал, что даст распоряжение вывести Паскевича. Я сказал, что я не видел тюрьмы и нельзя ли мне самому пройти в камеру Паскевича. Начальник поручил надзирателю Кузнецову проводить меня. Дорогой надзиратель мне все рассказывал, что этот Паскевич бешеный. Во все горло орет наши революционные песни. «Я ему несколько раз строго запрещал, но он уставится на меня и еще громче орет: «Смело, товарищи, в ногу».

С Паскевичем говорили больше о деревенских новостях. Коснулись

и его положения. «В царской тюрьме лучше было. Там нас, противников царя, было много, а здесь я один. Скучновато. Вот держат третий месяц. Да в больнице держали. Проверяли, не сумасшедший ли я». Я спросил: «Зачем ему понадобилось две страницы заполнять перечислением чертей?»

«Я так и подумал, что эти черти и еще некоторые места моих показаний, явились причиной моего знакомства с психиатрами. А чертей я столько написал, желая поиздеваться над моими следователями. Они-то ведь должны перечитать всех моих чертей. Кроме того, я показал свое преимущество, пусть-ка сами они попробуют найти чертей на две страницы. Черта с два, не сумеют».

Ссылкой в Архангельскую губернию поплатился Паскевич за свое несогласие с советской властью.

В начале тридцатых годов я получил письмо от Николая Алексеевича, примерно такого содержания: «Когда Вы у меня учились, знакомились со свойством термометров и решили мой термометр засунуть в горящую печку, он лопнул. Я сказал, что, когда будете зарабатывать, купите мне новый. Не настало ли такое время, тем более что я не имею термометра, купить его у нас негде, а он мне крайне нужен на пасеке?».

Послал термометр и вложил в посылку некоторые подарки. В ответ получил письмо с благодарностью.

Это была последняя весточка от моего учителя. В 1937 году его расстреляли.

В писарях

Перед родителями, естественно, встала проблема, как мне жить. К крестьянскому труду я не пригоден. Попросили учителя взять меня на пасеку и обучить пчеловодству. Но тот отказался это сделать. Решили определить в волостное правление — «научится, будет писарем». Отца в 1916 году призвали в армию. Он попросил волостного писаря взять меня в ученики. Помню, еще дед повез меня в волость. Дорогой я попросил у деда денег. Он сказал — потом. Оказывается, дед решил показать свою щедрость при народе. Определив меня жить у сторожа — тот жил со старухой в доме волостного правления, — и сговорившись с ним, сколько мне будут привозить муки и продуктов, при народе вручил мне серебряный рубль на расходы — «знай наших».

Фактически главным в волости был волостной писарь Суздалев. Человек хороший, жил рядом с семьей: женой и двумя девочками. Его жена — жалостливый человек, иногда зазывала меня к себе, кормила, реденько оставляла ночевать на полатях. В правлении я спал под столом, на потнике из конского волоса (его подкладывают под седло), укрывался своим пальтишком.

В волостном правлении, кроме волостного, было еще два писаря — безрукий Лапшин и Раменский, а также рассыльный Тимошка. Эти писари были плохими людьми, нередко устраивали вечерами в канцелярии попойки и посылали меня или Тимошку за Кресой и пользовались ею посменно с их приятелями. Между

прочим, интересная это была женщина, красивая, лет тридцати. Муж ее был пастухом, знал, что она ведет распутный образ жизни, но не протестовал, у них было шесть детей. И удивительное событие произошло с ней после революции. В волостном революционном комитете работал коммунист, вдовец, влюбился в Кресу. Она выгнала мужа и стала с ним жить, да так хорошо и дружно, что все дивились. Он в прошлом железнодорожник, и его по партийной мобилизации направили на транспорт, увез с собой Кресу и ее детей. Работая в Ачинске, я встречался с ними, замечательная семья. Детей определили учиться, и из них тоже вышли хорошие люди. Впервые наблюдал превращение плохой женщины в очень хорошую жену и мать.

Обстановка в волостном правлении была гнусная, и я очень скучал по дому, да и целый день переписывать бумаги было нудно. Если писарь написал бумагу без помарок и ее послать можно, мне давали переписать ее, и в делах оставался написанный мной «отпуск». В мои обязанности входила подшивка дел, разборка писем и отправка их по деревням. В Пировске была почта, но почтовой связи с селениями не было. С почты приносили письма и раскладывали их по клеточкам специального шкафа, над каждой клеточкой было написано название деревни. Приезжающие из этой деревни брали письма своих односельчан. Этим почтовым ящиком ведал я, и это мне приносило доход. Забравший письма просил посмотреть: — нет ли ему, и, если получал, просил прочитать и нередко тут же написать ответ. За работу давали кто пятак, кто гривенник. Лапшин и Раменский орали на меня за это, но Суздалев сделал им внушение: «Письмо-то с фронта, как же можно отказать неграмотному человеку прочитать его или ответить солдату». Он вменил мне в обязанность чтение и, при нужде, написание писем. Писари больше на меня не ворчали.

Обстановка волостного правления тяготила, я скучал о доме. Ко мне приехала мать, я залез на телегу и сказал, что не останусь больше в Пировске. Мать уговаривала. Безрезультатно. Она меня никогда не била, но тут взяла и отхлестала меня вожжами, но, видимо, это было ей нелегко: сама плакала больше чем я. Грустный, я остался в Пировске. Эту сцену видела жена писаря и, видимо, упросила его отпустить меня на неделю домой. С первым же попутчиком я приехал домой. Мать встретила с тревогой... Успокоил — отпустили на неделю.

Узнав о февральской революции, ссыльные пошли по селу с флагами, зашли в управу, сняли портреты царя и уничтожили, провели митинг, пели песни, которые я слышал от ссыльных в нашей деревне, Кузнецовой. Провели собрание села. Ссыльный эсер Бородачев рассказал о свержении царя. Многие мужики недоумевали: «А как же теперь, что же будет?» Выходили другие ораторы и разъясняли каждый программу своей партии, прославляли новую эпоху. Урядников и стражников разоружили.

Некоторое время в селе было безвластие. И тут случилось со-

бытие: двое кустарей у богатого мужика украли с гумна несколько мешков хлеба. Хлеб у них нашли, и собрался сход. Один из них быстро смылся из деревни, а второй предстал перед разъяренной толпой. Богачи потребовали убить его. Их многие поддержали. Стали искать желающего убить и похоронить. Бывший каторжник Мартынюк согласился пристрелить и похоронить за двадцать пять рублей. Ему принесли наган, отобранный у стражника, он подобрал кирпич, положил на него голову осужденного и выстрелил в висок, прямо на сходе.

Ссыльные, а большинство из них были эсеры, собрали волостной съезд и избрали волостную и земскую управу. Во главе управы стал бывший солдат-эсер из поселка Кириевского, Шевелев. Помню выборы в учредительное собрание. Большинство проголосовало за эсеров. Многие ссыльные сразу же выехали, некоторые — связанные семьями и хозяйством — остались. Из них некоторые были расстреляны колчаковцами.

Большую часть восемнадцатого и весь девятнадцатый год я прожил дома, в Кузнецовой. В Пировске было неспокойно, и родители оставили меня у себя. В 1919 году в нашей деревне произошел дикий случай: колчаковские милиционеры отобрали самогонные аппараты. Несколько пьяных мужиков напали на них, аппараты отобрали, а в драке милиционерам здорово попало. Через несколько дней в деревню приехал карательный отряд, отобрали семнадцать молодых мужиков и расстреляли. Некоторые из них в драке и не участвовали. Мой дядя Василий был десятским. Ему сказали — веди к ближайшему гумну. Он пошел вместе с ними и встал с ними в ряд. Один из солдат заметил, что это десятник, вытолкнул его из ряда, а остальные упали сраженные пулями. Некоторые остались в живых, им саблями отрубили головы.

Дикими зверствами колчаковцы вызывали ненависть к себе, способствовали росту партизанских отрядов. В наших краях действовал сильный партизанский отряд Яковенко, контролирующий часть Енисейского уезда. Своей жестокостью колчаковцы приближали свою гибель. Мужики нашей деревни были аполитичными, а массовый расстрел всех их восстановил против Колчака и они, заслышав о приближении колчаковских отрядов, с сыновьями уходили в лес, на заимки. Убийство половины молодых людей деревни было большой трагедией. У Митрофана Ананьевича расстреляли трех сыновей. Его жена сошла с ума, но это обнаружили только после еще одной трагедии: она садила в печку хлеб, в зыбке заплакал ребенок расстрелянного сына, она вынула его из зыбки, положила на лопату и засунула в печь. Ребенок сгорел.

В начале двадцатого года установилась советская власть. Наш, деревенский — Тиммерман Ян Янович, латыш, член большевистской партии с 1904 года — стал председателем ревкома, меня взял секретарем волостного революционного комитета. Он же был председателем уездного комитета партии, а позднее на меня возложили обязанности секретаря райкома.

С Тиммерманом произошел необычный для старого коммуниста случай: заходит он ко мне в комнату, кладет на стол партбилет и наган: «Возьми, я выхожу из партии». Я, конечно, удивился. «Меня отзывают отсюда для работы в губернском комитете, а куда мне девать семью, ведь у меня шесть ребят, тащить в город — там голодно, оставить здесь — тоже на погибель. Кто будет ухаживать за моей пасекой?» Лет через пять я встретился с ним, он очень раскаивался, что вышел из партии. С полгода я в волостном комитете работал один, но руководил, пожалуй, не я, а руководили мной. Хорошие товарищи, особенно Никифор Гольский и дядя Максим (*Максим Васильевич Виноградов. См. ниже. — Прим. авт.-сост.*), всегда мне подсказывали, что делать. Дядя Максим пострадал по глупости, от своих партизанских нравов.

В селе был дьячок Емельянов. Советскую власть ненавидел. И когда село заняли бандиты (мы отступили в Казачинское), нацепил берданку и бегал по селу искать коммунистов. Видимо, по его указке, белобандиты расстреляли несколько человек. Вернулись в село, псаломщика арестовали и отправили в УЧК. Он вскоре вернулся в село. Вторично арестовали и отправили. Опять вернулся. Возможно, неубедительно были оформлены бумаги на него. Дядя Максим и Василий Раменский встретили его за селом, он вез на лошади траву, остановили. Накинули ему на шею вожжи, задавили. Красный бандитизм в уезде был распространен. Дядю немного подержали в тюрьме, но вскоре выпустили, не исключили из партии. Уехал он из Пировска, и больше я его не встречал.

Нас, коммунистов, было немного. В Пировской волости всего человек тридцать, из них человек пятнадцать — В деревнях и поселках. Наиболее крупная партячейка была в Бушуе, там же организовалась первая коммуна.

Малочисленность, враждебная, бандитская обстановка делали нас спаянными и взаимозаботливыми. Чутко относились к комсомольцам старшие товарищи, даже в мелочах быта. Запомнился мне такой случай. В Пировское с небольшим отрядом приехал отряд красноармейцев во главе с председателем уездного революционного комитета Бабкиным Филиппом Яковлевичем, в прошлом командиром Енисейской группы партизан, членом ВЦИК. Истопили баню и пригласили товарищей мыться. Я тоже пошел с ними. В предбанник мы вышли одновременно с Бабкиным и начали одеваться.

— Ты что же, Миша, надеваешь брюки на голое тело? — спросил Бабкин.

— Белье износилось, а где достанешь, — смущенно ответил я.

— Это не дело, чтобы такой парень ходил без кальсон. Одевай вот это. — и он положил на мои колени свою чистую пару белья. — У меня еще эта не грязная, дотерпит до дому.

Я смутился и переложил белье к нему.

— Не валяй дурака, а то силой наденем.

Пришлось подчиниться. Первый раз в жизни я облачился в белье из полотна, до этого ходил в холщовом.

— Вот и хорошо. Да брючишки-то у тебя неважные. Найдем другие, без заплат.

На второй день товарищ, ведающий интендантскими делами отряда, принес мне галифе, сшитые из красного сукна, правда, изрядно поношенные. Я был на седьмом небе.

Старшие товарищи, проявляя заботу о других, сами жили очень бедно. Позднее я узнал, что у Филиппа Бабкина почти нет вещей и, вероятно, он отдал мне последнюю пару белья. Встретившись с Филиппом Яковлевичем через тридцать лет в Москве (он работал в Комитете Севера ВЦИК), я напомнил ему о красных штанах и всех происшествиях с ними. Посмеявшись, он сказал: «Трудное было время, а хорошее есть что вспомнить».

Осенью двадцатого года я поехал в Енисейск — меня избрали делегатом на уездный съезд кооперации, а там — на губернский съезд. Надо было ехать в Красноярск. Была осень. У меня развалились много раз чиненные бродни. Сказал секретарю укома Винтеру, что не в чем ехать. Он вызвал завхоза и сказал, чтобы тот обул меня. У того оказались ботинки, а сапог или бродней не было. А ботинки я носить не мог, мои галифе продырявилось на сидячем месте, и я их латал заплатами, отрезанными от брючин. Бродни маскировали короткие штаны, а ботинки?.. Примерял ботинки прямо в кабинете секретаря, он очень смеялся и согласился, что так не годится. Стал звонить в кооперацию, в совнархоз, добывать мне брюки на выпуск или бродни. Безрезультатно. Кому-то из присутствующих пришла хорошая мысль, отрезать от бродней голенища и надеть их с ботинками, как краги. Получилось удачно: голенища бродней хорошо маскировали короткие брюки. На пароходе нас с Сашей Пашиным посадили в каюту. Спустившись за кипятком, Саша наткнулся

на знакомую женщину с маленькими детьми, разместившуюся в проходе. Была осень, ребятишки плакали от холода. Саша с возмущением выпалил: «Что мы, баре — В каюте ехать, когда ребятишки в проходе мерзнут!». Он предложил пустить ее в нашу каюту, а самим ехать на палубе. Я согласился и выбрал себе место на котле, точнее на железе, огораживающем котел.

Я, с детства, и так до старости, не могу уснуть в обуви. Устроившись на котле, снял ботинки и голенища бродней. А утром проснулся и — о, ужас... голенищ бродней не оказалось — сперли. По пароходу я не ходил — стыдно, а в Красноярске пришлось вылезать. Толпа смотрела на меня и ржала, хотя тогда ко всякой одежде привыкли, но моя была особенная. Грешно было и не посмеяться. Мое несчастье усугублялось тем, что мне надо было сразу идти в губком партии и передать секретный пакет. Фельдсвязи тогда не было, и секретную почту посылали с попутчиками, которым можно было доверять. Пришел в губком, спросил, где товарищ Машкин, мне нужно передать ему пакет. В приемной сидел хорошо одетый парень, а к таким мы относились подозрительно. «Давай пакет, я передам». Я говорю, что должен передать лично. Заспорили шумно. Открылась дверь: «Что шумите?», — спросил пожилой человек. Я рассказал, что привез пакет, а бюрократ меня не пускает к товарищу Машкину. «Проходите, я Машкин». Вскрыл он пакет, прочитал и начал расспрашивать меня о положении в деревне, о жизни крестьян, о сельских коммунистах. Старался я отвечать солидно и обстоятельно. Слушал он меня внимательно, и мы проговорили долго.

— Парень ты толковый, а почему у тебя такой вид, почему так одет?

Подробно рассказал историю красных штанов и всех происшествий, связанных с ними. Смеялся секретарь долго и хорошо, не обидно.

— А где почивать будешь, знакомые есть?

— Не знаю, где ночевать, знакомых нет, пойду на пристань

Он подумал...

— Не дело. Я живу в помещении обкома, семьи у меня нет, диван есть, переспи у меня. Пойдем.

Сели ужинать. В его продовольственных запасах оказались три сушеных воблы и кусок хлеба. У меня в котомке нашелся кусок сала и ломоть хлеба. Взаимно друг друга угощали.

Утром он завел меня в свой кабинет и вызвал «бюрократа»:

— Одень этого парня так, чтобы красноярские девушки любовались им.

«Бюрократ» привел меня на склад. Из небольшого ассортимента выбрали костюм-тройку, пальто и рубашку. Жилет — символ буржуазности — я выбросил тут же на складе, а в остальное переоделся. Бюрократ промолвил: «Скажу товарищу Машкину, что ты теперь «как денди лондонский одет».

А свои красные штаны я завернул в газету и привез домой.

Съезд кооперации проходил бурно. В губернском союзе окопалось много меньшевиков и эсеров. На заседании фракции коммунистов Машкин предупредил, что их надо

не допустить к захвату кооперации, надо избрать свое, в основном коммунистическое, правление. И что на съезде будет острая борьба и надо к этому себя подготовить. Тогда было не принято выдвигать в состав президиума списками. Наметили, кого выдвинуть, и распределили, кто кого выкрикивает. На первом же заседании поднялся невообразимый шум и гам. Кричали, свистели, топали ногами. Это продолжалось часа два. Большинство делегатов поддержали коммунистов. При выборах правления вышло то же самое. Коммунисты победили, и на этот раз меньшевики и эсеры потерпели поражение.

Я комсомолец и коммунист

У каждого человека под влиянием разных обстоятельств формируется сознание, определяющее направление его жизни. Мне повезло. Вырос я в деревне Кузнецовой (Пировской волости). Деревня начиналась широкой улицей, а с середины эта широченная улица делилась на две. За сходство с брюками деревню называли штанами. В ней было тридцать восемь домов, кругом тайга, глухомань. Школы и даже захудалой лавчонки в деревне не было. Грамотных среди крестьян — тоже.

В деревне было много ссыльно-политических. Общение с ними явилось определяющим фактором моего детства и юности.

Как-то у учителя собрались ссыльные и пели песни. Нам понравилась песня «Смело, товарищи, в ногу» и мы попросили научить нас петь эту песню. Учитель сказал: «Это революционная песня, и если пристав узнает, что вы ее поете, запретит мне учить вас, а может устроить и другие неприятности». Мы обещали не петь при людях. Заучивание слов песни и объяснение ее текста было первым «уроком политграмоты». Пели мы песню на рыбалке, в отдалении от деревни и, как полагается в одиннадцать лет, воображали себя революционерами.

Особое влияние оказал на меня Ян Янович Тиммерман. (В деревне его звали Иван Иванович). Этот большевик, рабочий из Риги, много и понятно рассказывал о жизни в городе, о рабочих, об их бесправном положении и революционной борьбе. В четырнадцать-пятнадцать лет

нам доверяли «запретные» книжки. Первой такой, прочитанной мною книгой была брошюра Баха «Царь голод».

А сколько я перечитал своим деревенским писем от солдат во время империалистической войны? Ведь я был первым грамотеем деревни. Меня часто отрывали от детских забав писать письма солдатам. С бесчисленными поклонами от близких и дальних родственников.

В 1919 году отряд карателей приехал в нашу деревню, отобрал шестнадцать молодых, советски настроенных мужиков и на глазах жителей их расстреляли, некоторым отрубили головы. Этот страшный день наглядно показал крестьянам необходимость борьбы за Советскую власть.

После изгнания колчаковцев Тиммерман возглавил Пировскую волостную партийную организацию и был назначен секретарем Волостного революционного комитета. В то время среди советски настроенных людей было мало грамотных, и меня — шестнадцатилетнего парня — назначили секретарем волревкома.

В апреле 1920 года в Пировское приехал Яков Абрамович Кваш — работник Енисейского уездного комитета партии. На собрание пригласили не только коммунистов, но и беспартийных активистов. Кваш говорил о необходимости укрепления партийной организации и вовлечения в партию активных сторонников советской власти. Началась активная запись желающих вступить в партию. Я тоже подошел к столу и попросил записать меня.

— А сколько тебе, парень, лет? — спросил Кваш.

— Шестнадцать.

— Маленько рановато тебе в партию, для таких молодых есть комсомол. Ты собери ребят и организуй комсомольскую ячейку. Я список передам в уездный комитет РКСМ, вас оформят, а работать будете вместе с коммунистами, помогать им во всем.

Желающих вступить в комсомол, кроме меня, оказалось двое: батраки Павел Мартынюк и Тимофей Лапшин. Прошло несколько дней, и нас пригласили на партийное собрание. На этом собрании было решено создать ЧОН (части особого назначения). Нас — комсомольцев — зачислили в ЧОН и выдали винтовки. Ох, как гордились мы званием чоновцев и радовались тому, что стали обладателями настоящих винтовок. Командиром ЧОНа назначили продовольственного комиссара Никифора Гольского. В течение нескольких дней мы научились разбирать, собирать, чистить винтовки. А с какой радостью мы участвовали в первых учебных стрельбах! Жаль было, что разрешили сделать только пять выстрелов — берегли патроны. Детское желание пальнуть было у нас сильным, но патроны были на учете, и поневоле приходилось быть дисциплинированными. Правда, были и срывы. Паша Мартынюк наткнулся на стаю гусей и не выдержал — выстрелил по сидячим и послал несколько пуль вдогон. Это стало известно командиру, и он перед строем проверил подсумок Паши, обнаружил недостачу и отобрал винтовку. Пашка был крепкий парень, но тут выдержки не хватило — заплакал. Через несколько дней получили сообщение о банди-

тах, появившихся за Бушуем, подняли отряд. Пашка стоял грустным в сторонке.

— Почему не в строю?! — закричал командир.

— Я без винтовки.

— Выдать винтовку. Посмотрим, как будешь стрелять по бандитам, это тебе не гуси лапчатые.

Пашка, да и все мы, радовался возвращению в отряд, а главное — получению винтовки. Уж очень болезненно переживал он свое разоружение.

Позднее мы обзавелись большим количеством патронов, заимели гранаты и даже револьверы. Отступающие колчаковцы бросали оружие, и многие крестьяне несли его в ревком, отдавали приехавшим в деревню коммунистам и комсомольцам. Вспоминается такой курьезный случай: мы с Мартынюком приехали в деревню Зыряне. Пришла женщина и сообщила, что под ее навесом белые оставили ящик, наверное, с гранатами, но она боится к ним прикоснуться и просит забрать этот опасный груз. В ящике лежали круглые железные банки. Таких гранат мы не видели и даже не слышали о них. Но кто его знает, что это за чертовщина. Осторожно погрузили мы ящик на сани и привезли в Пировское. Внесли ящик в волревком и доложили, что привезли из Зырян какие-то гранаты. Посмотрели на наши трофеи продкоммисар Гольский, начальник милиции Виноградов и стали громко хохотать. «Гранаты... Ха-ха-ха. Гранаты! Это вкусные гранаты, вот поедим». Мы не понимали, в чем дело, и обиженные стояли около ящика. Тем временем старшие товарищи вскипятили чай, нарезали хлеба, вскрыли несколько банок и пригласили нас к столу — есть «гранаты». Они действительно оказались вкусными. Но откуда нам, деревенским парням было знать, что мы привезли рыбные консервы. Мы плотно поели и даже были довольны своей ошибкой.

Мне очень хотелось иметь наган, а обзавелся я им таким путем: в Пировске в колчаковской милиции служил Иван Фоменко. Человек добродушный — никому плохого ничего не сделал, — когда приверженцы Колчака бежали из Пировска, он не последовал за ними, остался в селе. Я сидел на крыльце каталажки с винтовкой, охранял двух арестованных. Сын Фоменко, Ваня, шел мимо меня из леса с ягодами, остановился и уставился на мою винтовку.

— Что, нравится ружье? — спросил я десятилетнего паренька.

— Винтовка хорошо, а наган лучше, — ответил он.

— Нагана у меня нет.

— А у нашего папы есть, — похвастался малыш.

Сменившись с дежурства, я пошел к Фоменко и потребовал отдать наган: «Добровольно не отдашь, найдем — хуже будет». Он слазил на чердак и отдал мне револьвер.

Я считал свой поступок законным и с гордостью нацепил наган на ремень. В таком воинственном виде пришел в волревком. Начальник милиции спросил: «Где взял наган?» Рассказал чистосердечно и даже несколько хвастливо. Ждал похвалы. А Виноградов скомандовал: «Снимай наган, ты не имел права самовольничать в таком деле, для этого есть

милиция». Долго он на повышенных тонах говорил о революционном порядке и в заключение резко сказал: «Мы не можем всяким соплякам позволять делать «что хочу». Конечно, я не ожидал такого оборота, тем более, что Максим Васильевич Виноградов был женат на сестре моей матери, приходился мне дядей. Раньше он относился ко мне очень хорошо, и я считал его лучшим своим другом. Обидно было очень — наган отобрал, да еще и устроил здоровую «проволочку», как мы тогда называли подобное внушение. Позднее я понял, что это был воспитательный прием на конкретном примере самовольства.

Примерно через неделю я все-таки стал обладателем этого нагана самым законным порядком. Формировались продовольственные отряды для выезда в деревни для проведения продразверстки. В Пировской волости было двадцать восемь селений, а коммунистов и комсомольцев — примерно столько же. Правда, на помощь нам приехало с десяток коммунистов и комсомольцев из Енисейска. Решили начать выполнение плана с чалдонских деревень, то есть со старых селений. Их в волости было пять, а большинство были переселенческими поселками, возникшими в 1910–1913 годах. Население в них жило очень бедно. Я попал в отряд, направленный в деревню Доново. Продкомиссар Никифор Гольский рассказал нам, как мы должны добиваться выполнения продразверстки, и, между прочим, сказал, что с винтовками по деревне таскаться не следует, а револьверы, на случай, имейте при себе. Тут-то я и вспомнил, что у меня наган отобрали. Видимо, острота с моим самовольством уже прошла и старшие товарищи, пошептавшись, сказали начальнику милиции, что револьвер мне надо вернуть, дескать, парень едет на выполнение важного задания. И я вторично с гордостью нацепил на ремень наган.

В Доново выехало нас четверо. Член ревкома Назаров — старшим, я, Мартынюк и комсомолец из Енисейска, кажется, Сидоров. Начали с того, что собрали сход. Наш начальник Назаров рассказал о положении в стране, о необходимости помочь революции — сдать излишки хлеба. Мне было поручено записывать, кто сколько согласен сдать хлеба. Я долго сидел с карандашом, но сход молчал. Назаров вызывал каждого к столу и спрашивал, сколько сдаст хлеба. Результаты оказались неутешительными... в моем списке значились желающие сдать три, пять, десять пудов и каждый убеждал, что отдает последнее.

Назаров сказал, что Советская власть не может мириться с тем, чтобы народ в городах голодал, а доновские крестьяне держали в амбарах большие излишки хлеба. Сход распускаем и думаем, что делать.

Коммунистов в деревне не было. Собрали бедняков и посоветовались с ними. Они сказали: «Хлеба у некоторых много, но добровольно не дадут». — «Завтра с утра пойдем по амбарам, учтем наличие хлеба, определим излишки и заставим их вывести, но чтобы было законнее, нужны понятые из местных людей», — предложил Назаров. Нашлись желающие быть понятыми.

Утром разбились на две группы, в каждой двое из продотряда и двое понятых, и пошли по дворам мерить хлеб. Я не оговорился, хлеб мерили аршином, записывали данные обмера и кубатуру переводили в пуды, по таблице, данной нам продкомиссаром. Помню, что в квадратном аршине ржи считалось десять пудов веса. Записывали состав семьи, количество скота, размер площадей для посева и определяли потребность хозяйства в зерне и муке. Между прочим, нормы потребления были установлены порядочные, например, на каждого едока считали по два пуда муки на месяц. С выведенной цифрой излишков не соглашались. Подсчетами пришлось заниматься мне, остальные товарищи были малограмотными. Сколько же я наслушался упреков в неправильных подсчетах! Сидит напротив бородатый дядя и бубнит: «Неправильно подсчитал». Пересчитываем вместе, я на бумаге, он на пальцах. Цифра — штука упрямая, в конце концов, он убеждался в правильности подсчета, но вдруг заявлял: «У вас аршин короче, больше намеряли». Начинались поиски другого аршина для сверки с нашим. И аршин оказывался правильным. «Тогда парень неправильно смерил». Шли вторично мерить и, если он больше не находил повода к опровержению размеров, начинался разговор о сроках сдачи излишков на приемный пункт. Обычно дело заканчивалось подпиской о доставке хлеба к определенному сроку. Несколько богатых наотрез отказывались сдавать хлеб. С ними велись утомительно долгие разговоры, но действенным оказалось предложение собираться ехать с нами, а ревтрибунал решит, как наказать саботажников.

С наступлением весны 1920 года встала задача засеять больше земли. Нас, двоих комсомольцев, меня и Пашу Мартынюка, послали в деревню Зыряне (потом переименованную в Игнатовку, в память о расстрелянном колчаковцами Игнатове). Собрали сход, разъяснили необходимость засеять все поля. «А зачем мы будем сеять много, все равно хлеб отберете», — говорили некоторые. Другие кричали, что «хлеб забирают, спичек нет, керосину нет, все равно пропадем, зачем нам есть?!». Пришлось богатых припугнуть: «Если отказываетесь засевать поля, семена заберем, передадим беднякам, они засеют ваши поля». Действовало: хоть и с руганью, но и богатые засевали поля.

Выяснилось, что вдовы расстрелянных при Колчаке и некоторые бедняки не могут засеять поля — нет семян. Собрали молодежь и обсудили, как помочь таким семьям. Желающих вспахать и засеять поля вдов нашлось достаточно, но где взять семян? Решили запрячь лошадей и объехать дома. Почти все крестьяне сочувственно отнеслись к вдовам и дали кто ведро зерна, кто несколько горстей. Собранных семян оказалось мало. Молодая учительница взялась помочь. Она собрала учеников и рассказала им о нуждах вдов. Школьники понесли учительнице котелки и мешочки с зерном. Поля вдов были засеяны. Удовлетворенные, мы вернулись в Пировское и доложили председателю ревкома о проделанной работе.

Жили мы практически на казарменном положении, спали в поме-

щении волревкома, расположенном на самом краю села. Здесь жили Тиммерман и Назаров. Так было безопаснее. Небольшие группы белобандитов и дезертиров укрылись в лесах, иногда выходили в селения за продовольствием. Сообщения об этом приходили обычно с опозданием, но отряду ЧОН приходилось выезжать и прочесывать местность около деревень. В конце двадцатого года на Пировское двинулась банда в несколько сотен человек, нашему отряду удалось отступить в Казачинское, а белые, заняв Пировское, расстреляли многих советски настроенных людей.

1920 и 1921 годы мы — комсомольцы — работали много, но занимались преимущественно общегосударственными делами, выкачивали хлеб, проводили посевные, гонялись за бандитами и так далее. Именно комсомольскими делами в современном понятии занимались мало. В Пировском не было драматического кружка, иногда ставили спектакли, но комсомольцы были только зрителями. Кружок состоял из учителей, телеграфистов, дочерей псаломщика — короче говоря, местной интеллигенции. У нас было мало сил и знаний, чтобы заниматься такими делами, как художественная самодеятельность.

С местной крестьянской молодежью мы пытались проводить некоторую работу. Деревенская молодежь развлекалась по-своему. В летние вечера собирались на лужайке, пели песни, плясали, а когда девушки расходились по домам, парни придумывали для себя иные развлечения. Особенно были распространены набеги на огороды за огурцами. Часто в этих набегах участвовали парни из той семьи, чей огород вытаптывался «варнаками». Нравились и такие занятия: забирались на крышу и забивали дымоходную трубу травой, землей. Утром хозяйка затапливает печь, а весь дым валит в дом. Развлекались и по-другому: человек собрался в поле и с вечера сложил на телегу соху, борону или другой инвентарь. Что лежало на телеге, затаскивали на крышу ближайшего скотного двора, телегу угоняли дальше, иногда прятали так, что хозяин терял много времени на ее поиски. Зверским обычаем было мазать дегтем ворота домов, где была девушка. Это для нее считалось величайшим позором, родители ее наказывали, она неделями не смела выйти на улицу. Так наказывали не только распутных девушек, но и тех, которые отвергли ухаживания строптивых парней.

Зимой гулянья молодежи переносились на вечерки. Они были двух родов: рабочие и развлекательные. Рабочие проходили в будние дни, а развлекательные — В воскресенье. На обычную вечерку девчата приходили с прялками, рассаживались на скамьях и работали, а парни устраивались на полу при входе, залезали на полати или на печку, курили и балагурили. В воскресенье девушки приходили без работы. Парни рассаживались на лавки, на колени к ним садились девушки, начинались пляски, песни. Без гармошки, конечно, не обходилось. Между прочим, с точки зрения морали, соблюдалось строгое приличие: и если кто-то из парней пытался созорничать — мог поплатиться боками. Была своеобразная пре-

лесть в этих вечерках. Устраивали их чаще всего в банях по-белому, парни вскладчину арендовали помещение для вечерок.

Долгое время мы — комсомольцы — воздерживались ходить на вечерки, считая это занятие не подходящим для серьезных людей, какими мы себя считали, и несовместимым с нашим высоким званием. После одной крупной драки на вечерке, кто-то из старших товарищей сказал нам: «А вы бы, комсомольцы, ходили на вечерки, ведь там молодежь, а кто, кроме вас, должен наставлять ее на путь истинный?» и вот мы направились на ближайшую вечерку. Подходим к бане. У двери услышали частушку, как будто специально распеваемую для нас:

Пароходы идут ближе к пристани,
Будем рыбу кормить коммунистами.

Мы ввалились в помещение и в ответ запели:

Эх, яблочко, куда котишься,
В губчека попадешь —
Не воротишься.

С нашим приходом все притихли, очевидно, ждали, как мы себя поведем. Через некоторое время кто-то затянул песню и вечерка пошла обычным порядком. Мы чаще стали ходить на вечерки, часто удавалось вступать в разговоры с молодежью, рассказывать кое-что из прочитанного, отвечать на вопросы связанные с местной жизнью. С некоторыми парнями установились добрые отношения. Попробовали агитировать за вступление в комсомол, но безуспешно. Время было тревожное: вступишь в комсомол, а придут белые — и расстреляют. Обычно ссылались на запрет родителей — «безбожники вы». Какие-то результаты давало участие в вечерках, да мы на многое и не претендовали.

Наша комсомольская жизнь в Пировске в 1920—1921 годах не отличалась от жизни всех коммунистов: мы делали то, что нам поручал волком партии. Мы допускались на все партийные собрания. Своих, официально комсомольских, собраний я не помню. Жили мы вместе и, если возникал какой-то вопрос или давалось какое-то поручение, обсуждали «на ходу», не избирая председателя, не оформляя протокола. Как-то я приехал в Енисейск, зашел в уком комсомола и мне был задан вопрос: «Почему не присылаете протоколов своих собраний». «Мы не пишем протоколов». В укоме было порядочно ребят и разгорелся спор, должны ли мы заниматься этим бумажным делом. Большинство не поддержало укомовского работника, требующего протоколов. А Петя Логинов разыграл сценку в лицах. Собрались трое: «Товарищи, считаю собрание открытым, прошу избрать председателя и секретаря. Двоих избрали, а третий не у дел — несправедливо, надо избирать президиум, чтобы никому не было обидно, пусть каждый пишет по протоколу».

В уком комсомола зашел Яков Иванович Кваш — заведующий укома партии. Узнав о сути спора, сказал: «А писать протоколы надо, так же, как и не подменять комсомольские собрания просто беседами. По протоколам уком будет знать, чем вы занимаетесь, сможет исправить ошибку, если вы ее допустите.

Мы в подполье решения собраний часто оформляли протоколами и по возможности пересылали свои решения высшим партийным органам, а также и в большевистские газеты». Потом обратился ко мне: «Протоколы партийных собраний ты пишешь, и мы их регулярно получаем. Это хорошо. Не зря, по просьбе Тиммермана и Назарова, выдали тебе карточку кандидата партии, хотя тебе еще не исполнилось восемнадцати лет».

Действительно, к оформлению протоколов районных партийных собраний я относился серьезно, как и ко всему делопроизводству волкома партии. Партийным «хозяйством» волкома я стал заведовать в декабре 1920 года, и произошло это так: на волостном партийном собрании избирался состав волкома. Возникла трудность, кого избрать секретарем волкома. Более грамотные коммунисты были на более важных делах, и садить их на эту полутехническую работу не было смысла — все дела волкома решал председатель. Кто-то предложил избрать Мишку Броднева. Другой сказал, нельзя — он еще не принят в партию. Третий предложил немедленно принять в партию и назначить секретарем волкома. Так и сделали, я стал кандидатом в члены партии и работником волкома. При утверждении в укоме, говорят, были споры, но местные товарищи заверили, что я «дозрел» до партии. К чести коммунистов тех далеких лет, надо отметить, что они смело шли на нарушения формальных норм в интересах дела. Я, конечно, не исключение — известно много фактов когда шестнадцатилетние парни назначались на большие должности и носили в кармане партбилеты с большой пользой для партии.

Иначе оценил мое назначение дед. Как-то я приехал в свою Кузнецову. Дед спрашивает:

— Говорят, тебя назначили на новую должность, что это за должность?

— Секретарь волкома.

— А что это за должность, вроде волостного писаря?

— Нет. Волком — это партийный орган, он руководит всеми организациями: советами, кооперацией и другими

— Значит волком — это главный в волости, вроде как при царе: крестьянский начальник был выше волостного старшины и писаря.

— Не совсем так.

Мои объяснения дед не понял, но решил, что меня назначили на большую должность, и в заключение сказал:

— Порядка не будет, если мальчишек назначают на такие должности.

Успокоился дед, только узнав, что главным в волкоме Тиммерман, а я больше по письменной части.

— Раз Иван Иванович главный, это хорошо. Он умный, в обиду мужиков не даст, да и собак стрелять не будет.

Между прочим, о собаках. Появились случаи бешенства, и гражданам было предложено держать собак на привязи, бродячих уничтожали. Участвовали в уничтожении собак и комсомольцы. Полаяли же нас владельцы убитых собак, да и не только они... не надо было заниматься этим делом, да и делали мы его неохотно, жалко было Собольков и Жучек.

Весной 1922 года меня отозвали в Енисейск, несколько месяцев я работал заведующим учраспредом укома партии, а потом послали учиться в Иркутскую советскую партийную школу. Вернувшись, стал заведующим политико-просветительного отдела укома ВЛКСМ в Енисейске.

В то время комсомольская организация была небольшая. У меня сохранилась фотография. В 1923 году снялись комсомольцы после городского собрания, на фотокарточке тридцать шесть человек — это почти весь состав организации. Секретарем укома был Митя Щукин, а после его выезда по комсомольской мобилизации в военный флот стал Саша Пушин. Из Енисейских комсомольцев этого времени хорошо помню Борю Бубновского, Петю Логинова, Алешу Коростелева, Маргариту Овчинникову, Таню Кыштымову, Шуру Белецкую, Дусю Ким, Зою Ефремову, Таню Лысенко и других.

Полнокровно шла жизнь комсомола. Военные учения и другие обязанности по ЧОН, поездки в деревни по заготовке хлеба и проведению сева, политзанятия и диспуты, выступления синеблузников. Хорошо работала не только городская организация, но и комсомольские ячейки в Маклаково, Казачинске. Вожаком маклаковских комсомольцев был Иннокентий Накрохин, казачинских — брат и сестры Григорьевы.

Большинство комсомольцев было малограмотными, многие не закончили начальной школы, а тяга к знаниям была действительно огромной. Занимались в кружках политграмоты, охотно посещали лекции (их, правда, было мало), много читали, устраивали диспуты, спорили до хрипоты, вели антирелигиозную пропаганду, иногда допускали перегибы.

Более грамотные комсомольцы: Щукин, Овчинникова, Ефремова — были по горло загружены пропагандисткой работой. Окончив совпартшколу, я тоже был нагружен пропагандистскими делами: руководил политкружком, вел обществоведение в средней школе, проводил занятия с красноармейцами и допризывниками. По этому поводу наша «Синяя блуза» посвятила мне песенку, в которой были такие слова: «Миша Броднев похудал — все по лекциям летал, с экономикой связался — без сапог Миша остался».

К слову о «Синей блузе». Это была распространенная форма художественной самодеятельности и действенной пропаганды. Выступлению «Синей блузы» обычно предшествовало выступление, посвященное наиболее злободневному вопросу дня, называлось «Текущий момент». После обычно краткого доклада выходили комсомольцы, одетые в синие блузы, и начинали выступление со своего марша:

Мы синеблузники,
Мы профсоюзники,
Мы не бояны-соловьи,
Мы только гайки
Великой спайки —
Одной трудящейся семьи.

В репертуаре «синеблузников» преимущественно были революционные и народные песни, частушки на местном материале, разоблачающие попов, спекулянтов, бюрократов. Некоторые ребята хорошо декламировали. Особой славой пользовался Боря Бубновский. Не помню, как

называлось стихотворение, которое требовали от Бори каждый раз, но в нем повествовалось о том, что победила мировая революция, вокруг земного шара расставлены столы. Руководитель торжества спрашивает:

Оркестры, сколько вас?

Десять тысяч.

Играйте же все интернационал.

Во время выступлений пели не только участники «Синей блузы». Песни слышались везде, где были комсомольцы. Перед началом партийных собраний, особенно комсомольских, неизбежно группировались певцы и с упоением пели. После собраний шли по улицам и пели. Будучи уже взрослым, мне приходилось бывать на комсомольских собраниях, конференциях и меня как-то удивляла тишина, серьезность молодых парней и девушек. Сравнивал эту серьезность со своими молодыми комсомольскими годами, когда мы плохо питались, плохо одевались, но пели с азартом, и невольно думалось: «Не надо бы им этой серьезности и напускной деловитости — шум, песни как-то больше подходят молодежи».

Конечно, не только языком и горлом работали енисейские комсомольцы — они были первыми на субботниках, заготавливали дрова для детского дома и школы, в 1923 году распахали и засеяли несколько гектаров комсомольского поля.

Что было характерным для комсомольцев двадцатых годов?

Пожалуй, главное — это глубочайшая убежденность в правоте и полной победе дела большевистской партии, всеобщая любовь к тому, ради чего вступали в комсомол, энтузиазм и самые возвышенные чувства к тому, к чему стремились, за что боролись. Это обусловливало крепкое товарищество, дружбу и наш веселый певучий нрав.

За годы, проработанные в укомах комсомола, я не помню ни одного случая исключения из комсомола или наложения взыскания за невыполненные поручения, за недисциплинированность и аморальные поступки. Не встречал и ни одного пьяного комсомольца. Была высокая самосознательность. Сильно было развито у нас чувство гражданского долга. В начале НЭПа в городе появились частные магазины, ларьки. Мы строго придерживались правила — ничего не покупать у частника. Если надо было пачку папирос, шли лишних два-три квартала, но брали их в магазине кооперации или госторга.

Протестовали мы против НЭПа и своей внешностью. Одеты были плохо, некоторые девчата щеголяли в платьях, сшитых из мешковины, и туфлях, связанных из веревок. Это по нужде. Против хорошей гимнастерки, толстовки, пиджака или даже хромовых сапог никто не возражал. А, например, ношение галстука считалось не совместимым со званием комсомольца. Порицалось всякое подражание моде, игра на бильярде, посещение танцев. Кровать с шишечками, модная тогда, считалась буржуазной принадлежностью.

Некоторые склонны объяснять это недостатком культуры. Я с этим не согласен. Дело было сложнее: решался вопрос «кто кого победит». Мы понимали вред влияния НЭПа на неустойчивую молодежь, оттора-

живались от нэпмановских сынков и своим внешним видом. Отвергали галстук, потому что его носили нэпманы и выходцы из буржуазии. Не хотелось быть похожими на них даже внешне, подражать им в пристрастии к моде, к кроватям с шишечками, к танцам. По-своему, своеобразно мы боролись с нэпманским влиянием, нэпман для нас было ругательным словом. Между прочим, имея большой жизненный опыт, я и сейчас не понимаю, как некоторые из современной замечательной молодежи возвели моду в культ, почему они не понимают, что подражание моде унижает человека, что желание выделиться по одежде, которая модна, но не всегда удобна и практична, говорит о стиляжестве. Я, конечно, «за» хорошую, красивую одежду, но считаю, что слепое подражание моде в какой-то мере приближает таких модников к мещанству.

У комсомольцев двадцатых годов было сильно развито чувство товарищества, полнейшее бескорыстие. Примером этому может служить комсомольская коммуна в Енисейске. Горкомхоз (*городское коммунальное хозяйство. — Прим. авт.-сост.*) выделил нам небольшой дом (напротив здания женской гимназии, в котором теперь помещается пединститут). В трех комнатах наверху мы поставили десять кроватей, в полуподвале сделали кухню-столовую и жилье для поварихи. Избрали председателя коммуны и казначея, определили уставные нормы коммуны: весь заработок полностью сдается казначею, который совместно с председателем Шурой Белецкой определяет размер расходов на питание. На топливо и другие общие нужды резервируют, на всякий случай, десять процентов общего дохода, а на то, что оставалось сверх этого, приобретали одежду или обувь тем, кто в них нуждался. Кому купить брюки или ботинки, решали все члены коммуны. Казначей каждую субботу выдавал деньги на баню и курящим на табак. Уборку помещения проводили по очереди. Мытьем полов и стиркой занимались девушки, а парни кололи и носили дрова, топили печи, убирали двор. В коммуне было полнейшее согласие, жили очень дружно и весело. Полнейшую уравниловку даже не замечали, одни вносили казначею по пятьдесят-шестьдесят рублей ежемесячного заработка, другие по пятнадцать-восемнадцать рублей. Получающие разные заработки, в том числе получающие больше, считали порядки коммуны правильными и хорошими, ведь мы — борцы за коммуну в мировом масштабе.

Вообще, была у нас непримиримость к стяжательству, мещанству, стремлению к обогащению. Вспоминается такой случай: один товарищ, с большими заслугами в партизанском движении, подчинясь хапуге-жене, завел двух коров, двух лошадей, большой огород и для работы по хозяйству держал прислугу и батрака. Многие этим возмущались, а комсомольцы коммуны поручили мне и Саше Пушину выступить на партийном собрании и поставить вопрос — надо ли держать в партии этого товарища. Выступили мы со всей комсомольской задиристостью и резко спросили: «За что ты боролся, чему мы должны учиться у тебя?» Коммунисты нас поддержали. Това-

рищ этот произнес покаянную речь, сказал, что спутала его проклятая баба, и заверил, что хозяйство ликвидирует. Ограничились взысканием. А он, придя домой, так выполнил свое обещание: коров зарезал, коней выгнал со двора, а вместе с ними и батрака с прислугой. Они пришли к нам с обидою: «Что вы с нами сделали? Мы остались без работы». А безработица была большая. Предприятий в Енисейске не было. Парня и девушку мы приютили в коммуне, а потом устроили на работу.

Это был единственный случай недовольства старшими товарищами. Все остальные коммунисты Енисейска оставили о себе самые теплые воспоминания и большую благодарность за действительно отцовскую заботу о нас, о нашем воспитании и всей жизни молодежи.

Видимо, в жизни каждого человека есть отдельные случаи, определившие его поведение на протяжении всей жизни. У меня такой случай был. В 1923 году Президиум укома партии постановил послать несколько человек в Кежемскую и Богучанскую волости, расположенные на далеком расстоянии от Енисейска. Работники из уезда там бывали редко — уж очень сложным был путь. По Ангаре тогда не ходило ни единого судна, а ехать на лодке против быстрого течения почти невозможно. Поэтому передвигались так: в деревне по очереди были дежурные лодки, того, кому надо ехать, садили в лодку, и тянули ее бечевой до следующей деревни. «Бурлаками» обычно были женщины. И кого посылали на Ангару, вздыхали: «На бабах придется ехать». Способ передвижения не из приятных. В 1923 или 1924 году приехал в Енисейск новый секретарь укома Лукин. Узнав, как ездят в Приангарские волости, он страшно возмутился и сказал, что на бабах не поедет. А пришлось. Направившись на Ангару, он в первых деревнях отказался от лодок и пошел пешком. Через сотню километров вконец разбил сапоги, натер ноги, и ему ничего не оставалось, как сесть в лодку, «буксируемую» девушкой.

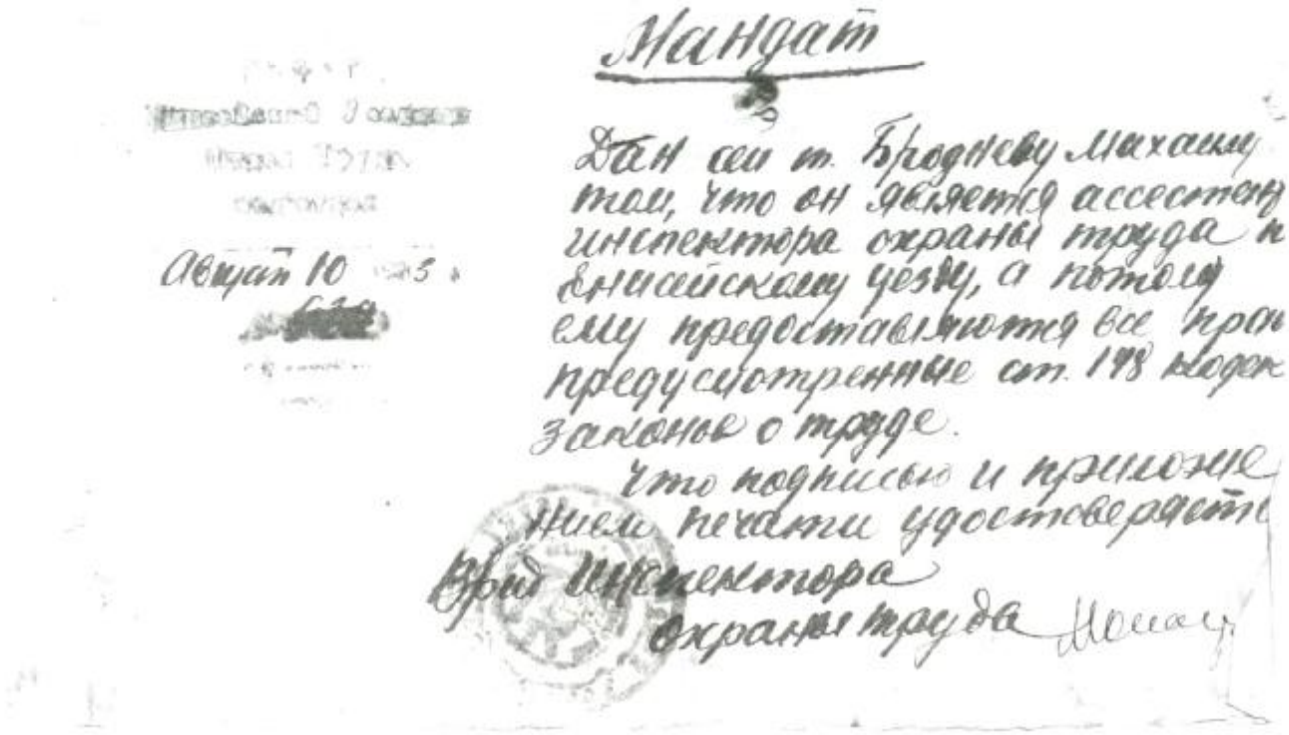
В группу, направляемую в Приангарье, включили меня и Володю Лященко. Отъезжающих собрали у секретаря укома партии Густава Карловича Винтера, коммуниста с подпольным стажем, замечательного человека. Не помню уж, какая блоха нас с Володей укусила, но мы стали отказываться от поездки. Вначале нас уговаривали, долго уговаривали, а мы упорствовали. Настроение создалось явно не в нашу пользу, и кто-то предложил исключить из партии за недисциплинированность (мы состояли кандидатами) и поручить укому комсомола решить вопрос о нашей работе в укоме РКСМ и пребывании в комсомоле. Большинство с замечаниями одобрило такое предложение, дело подходило к голосованию. Оно не могло быть в нашу пользу, но нам, как говорят, под хвост попала вожжа безрассудного упрямства.

— Что же, товарищи, будем голосовать за предложение об исключении Бродиева и Лященко из партии. Кто за?

— Подождите, — сказал Михаил Михайлович Дымовский, председатель уисполкома, большевик с 1904 года, — дайте мне поговорить с ребятами.

Михаил Михайлович пользовался всеобщим уважением, и против его попытки не возражали. Он завел нас в свой кабинет, усадил, уставился на нас долгим пронизывающим взглядом и со злостью закричал: «За каким чертом вы влезли в партию, если хотите спокойной жизни?! Спокойной жизни в партии нет и быть не может!». Нам сказать нечего, мы молчим — растерялись. До этого нам не приходилось видеть Дымовского злым, мы считали его воплощением доброты. Долго молча ходил он по кабинету. А потом взял стул, поставил его и сел против нас.

— Вот думаю и не пойму, откуда вы взялись такие, чем виновато наше поколение, что в партии оказались молодцы, склонные жить по принципу «делаю, что хочу». Вам дается серьезное партийное поручение, надо гордиться доверием, а вы... — Замолчал и опять с укором уставился на нас. А затем каким-то задушевным голосом начал. — В вашем возрасте я тоже был в партии. Тогдашние условия не сравнить с теперешними... Подполье со всеми трудностями и опасностями, но мы, молодые коммунисты, с чувством особой гордости относились к любому партийному поручению. Знаете, какую обязанность я выполнял первое время пребывания в партии? Варил клейстер. Да-да, варил клейстер. Меня предупреждали, что к определенному времени должен приготовить клейстер. Готовил я его с особым чувством выполнения партийного долга и считал это революционным делом. А как был доволен, видя полицейских, соскабливающих саблями прокламации, приклеенные моим клейстером. Когда же мне поручили расклеивать прокламации — я был горд этим поручением. В партии нет малых дел, и даже клейстером мы вносили свой вклад в общее дело борьбы. А вы отказываетесь от такого ответственного поручения. Как


Мандат

Дан сей т. Бродневу Михаилу
том, что он является ассестен
инспектора охраны труда п
Енисейскому уезду, а потому
ему предоставляются все пра
предусмотренные ст. 148 кодек
законов о труде.
Что подписью и приложе
нием печати удостоверяется
Врид инспектора
охраны труда

Августа 10

вас понять? Мальчишество? Вступившие в партию должны мальчишество держать в кармане. Ну, уважаемые, что вы на это скажете?

— Распорядитесь, Михаил Михайлович, чтобы выписывали мандаты, мы немедленно выедем.

— Значит, вы едете... не знаю, надо ли выезжать, можно ли вам доверять. Пойдемте к товарищам, они будут решать, как поступить с олухами царя небесного.

«Олухи» смущенно вошли в кабинет секретаря укома. Пришлось ждать, пока закончится начатый до нас разговор. Винтер, обращаясь к Дымовскому, спросил:

— Уговорил?

— Пусть сами скажут, — ответил Дымовский, указав на нас.

— Поедем и все, что в наших силах, сделаем, — ответили почти хором.

— А что же «волинку» затеяли? — спросил Пельман, тоже уважаемый коммунист, подпольщик, председатель Енисейского совнархоза. Его любимым словом было «волинка».

— Извините нас, не допустим больше этого.

И опять началось обсуждение, но уже в плане: доверять нам или нет, посылать нас или мы этого поручения не достойны. И опять слово взял Дымовский:

— Склонен я рассматривать это происшествие, как срыв ребят, не характерный для них. Знаем мы их давно, как хороших комсомольцев и молодых коммунистов, давайте доверим и посоветуем им быть достойными великого звания коммуниста. Пусть сегодняшняя критика не пропадет для них даром. Верю, что они поняли значение дисциплины в партии.

Решили доверить, и мы искренне благодарили товарищей.

Для меня это обсуждение и беседа с Дымовским остались на всю жизнь не только в памяти, но и при определении норм поведения. Бывало, конечно, что партийная организация давала поручения, которые бы не хотелось выполнять, но я обычно вспоминал рассказ Дымовского о клейстере, его утверждение о том, что в партии нет малых дел, что дисциплина в партии — главное, и выполнял задания. И, вероятно, енисейским старым коммунистам я обязан тем, что за сорок с лишним лет пребывания в партии я не получил ни единого партийного взыскания и имею высокие правительственные награды. Урок, полученный в молодости, помогал мне и в практической работе, настроил меня на внимательное отношение, когда мне приходилось решать вопрос о том или ином поступке людей, помня, как чутко отнеслись ко мне Дымовский и старые коммунисты. Много раз я мысленно благодарил их.

Еще один случай. Вечером я приехал в Енисейск. В укоме был Винтер, работавший тогда секретарем укома партии. Он пригласил меня к себе ночевать. Я знал о маленьких пайках, о голодной жизни горожан, но зрительно этого не представлял. А тут пришлось увидеть. У Винтера было шесть детей, мал мала меньше. Уселись они за стол. Мать налила им по стакану кипятку — сладкого, с сахарином, и раздала по малюсенькому кусочку хлеба. Дети истощенные, грустные. Из разговоров женщины я понял, что они

хронически недоедают. В деревне Бушуй была коммуна. Я рассказал коммунарам увиденное и услышанное у Винтера. Андрей Ермолаев предложил:

— Я еду в Енисейск, увезу ему муки.

Привез, зашел на квартиру, попытался передать подарок коммунаров. Вернувшись, рассказал:

— Винтер, узнав, что привез муку, накричал на меня, сжал кулаки. Я попятился, боялся — ударит.

— Как вам не стыдно, ведь коммунист, коммунар, откуда у вас лакейские замашки, разве только моим детям живется голодно. Забирайте мешок, несите в детский дом, а я вас провожу. Подарок сиротам от коммунаров будет — хорошо.

И проводил меня в детдом.

Такая принципиальность старших товарищей, подчинение личных интересов общественным, их скромность являлись для нас наглядными, действенными примерами. Следует упомянуть об агитпропе укома партии Георгии Тихоновиче Григорьеве, человеке высокой партийности и друге комсомольцев.

Мы, комсомольцы двадцатых годов, прошли трудный и славный путь борьбы и побед: «Недосыпая, недолюбя, молодость наша шла» (Э. Багрицкий). Поколение современной молодежи отдает нам должное. Мы уже старики. Песня «Комсомольцы двадцатого года» вышибает у нас слезу. А дела теперешних комсомольцев, наших внуков, вызывают законную гордость и хочется крикнуть: «Молодцы, ребята, так держать!»

Женюсь

Если бы я умел писать художественные произведения, я бы написал книгу о трагедии молодого человека, имеющего физические недостатки. Сколько приходится пережить этим людям!

Мать в моем несчастье обвиняла тетку Ольгу — сестру отца. Та, будучи шестнадцатилетней девчонкой, меня — полуторалетнего — носила по улице, а у соседей была свадьба. Неприглашенные на свадьбу жители деревни облепили окна. Тетка тоже пробиралась к окну и в людской свалке уронила меня. Ревущего принесла домой. Решили, что просто «убился», и никаких мер не приняли. Больница была от нас за сто верст. Позднее выяснилось, что у меня вывих бедра левой ноги. Несчастье усугубилось параличом левой же ноги и правой руки. Рука отошла, а нога осталась короче и тоньше. В 1920 году мы гонялись за бандитами с отрядом ЧОН. Подо мной убили лошадь, я, видимо, растерялся, и она упала на мою левую ногу. Вероятно, оказались поврежденными связки. Когда я выздоровел и вставал на эту ногу, она в колене подгибалась. Так я и стал ходить, поддерживая рукою колено.

В детстве я прихрамывал, но не отставал от ребят в сборе кедровых шишек, ягод, в рыбалке. В деревне меня никто не дразнил хромым. Только часто изводили старухи. Иду я, а сидящая на завалинке бабка и скажет: «Ох, бедненький...» Эти сожаления были очень неприятны. Да и дома я чувствовал эту обидную жалость, всех ребя-

тишек пороли, а меня щадили — и «так бог наказал». Всю жизнь я отвергал скидки на инвалидность. В окрисполкоме, например, распределяя кому куда ехать, мне выбирали маршрут полегче. Я протестовал и выбирал тот, который был по ходу дела и по моей должности наиболее целесообразным.

В детстве я особенно не чувствовал своей беды. А когда повзрослел, часто приходилось больно переживать. Помню такой случай. Приехал я в Анциферово — волостное село. В Народном доме были игры. Девушка загадывала загадку, а первый отгадавший парень имел право ее поцеловать. Я отгадал и направился к девушке получить выигрыш. Она отскочила от меня и зло крикнула: «Ишь, хромой, чего захотел». Я долго и болезненно переживал этот случай и больше никогда в жизни не проявлял инициативы в сближении с женщиной.

Но, несмотря на это, женился я рано, а произошло это неожиданно. В 1924 году в комсомоле проводились диспуты о половой морали. Кто-то пустил по рукам книжку Коллонтай «Крылатый эрос». Там шла речь о том, что в наше напряженное время мы не можем тратить силы на любовь, а поскольку от половых потребностей никуда не денешься, удовлетворять их надо на ходу, между делом. Большинство парней приветствовали такую «теорию», а девушки возмущались.

После диспута я зашел в уком комсомола, туда же зашла Таня. Разговорились о закончившихся спорах. Оба мы не соглашались с высказыванием Коллонтай. Таня сказала, что парни обнаглели, что многие девушки глупо погибнут. Я сказал, что ей такая опасность не угрожает, у нее есть Кешка — хороший парень. «Кешка хотел следовать советам Коллонтай и обидел меня, с ним все кончено».

— А ты что не женишься? — спросила меня Таня.

С Таней мы работали в укоме комсомола, я — заведующим политпросвета, она — учетчиком, были очень дружны и разговаривали откровенно. Девушка она была красивая, видная, и у меня даже в мыслях не было завладеть ей. Я ей рассказал о случившемся в Анциферове и заметил, что не рассчитываю на любовь какой-либо девушки.

— Напрасно. Давай с тобой поженимся.

Я считал это шуткой, хотя и принял участие в обсуждении деталей женитьбы. Почему бы и не помечтать?

Она сказала:

— Завтра вечером я к тебе перееду.

Я жил у коммуниста Сергея в подвальном этаже мужской гимназии. Сергей работал электромонтером, получал восемнадцать рублей, да я — восемнадцать, и хозяйственная тетя Дуся сводила концы с концами.

Темнеет. Стук в дверь. Тетя Дуся открыла. На пороге Таня с корзинкой, а за ней — укомовский кучер со свертком постели.

— Вот я и приехала, пустите, тетя Дуся?

Я от радости ошалел. Ведь такая девка и... моя жена.

Через несколько дней мы все перебрались во флигель дома купца Тонгоногова (*так у М. Брод-*

нева. — *Прим. авт.-сост.*). Трехкомнатная квартира была хорошо обставлена еще хозяином, а выехавший из нее товарищ ничего купеческого не увез. Таня пожелала вести наше хозяйство самостоятельно и справлялась с этим хорошо. На наш скромный заработок мы терпимо питались и даже кое-что приобретали. Таня занялась моим туалетом. У меня была растрепанная белая папаха. Звали ее «вороньим гнездом». Собираясь утром на работу, я не обнаружил «вороньего гнезда». Таня с ехидным видом наблюдала за моими поисками, а потом сказала: «Я беспризорнику отдала твою шапку, а тебе купила новую». И подала мне прекрасную пыжиковую шапку. Она одно время работала в ГПУ, и там ей выдали шинель. Из этой шинели сшила мне пальто. Таня была внимательна ко мне, и жили мы прекрасно.

В 1924 году меня перевели работать в Ачинск в уком комсомола, проработал я там несколько месяцев. Таня была уже беременной и не работала, на мои восемнадцать рублей жили очень бедно, питались преимущественно одним хлебом. Как-то я принес из редакции двадцать рублей. Я иногда писал в местную газету о комсомольских делах и не знал, что это оплачивается. Знакомый бухгалтер редакции сказал, чтобы я зашел получить гонорар. Это было серьезным пополнением скудного бюджета. Вскоре я получил еще большую сумму за лекции «О пионерском движении» на учительских курсах. Таня истратила их в основном на вещи для будущего ребенка. В Ачинске родился сын, назвали его Витя.

Меня отозвали в распоряжение Сибкрайкома (*Сибирский краевой комитет. — Прим. авт.-сост.*) комсомола, послали представителем комсомола в профсоюз работников земли и леса, объединяющий, в основном, батраков. В начале я работал инструктором, получал семьдесят рублей, а вскоре меня избрали в президиум и назначили заведующим культотделом, получать я стал партмаксимум — сто восемьдесят три рубля. Это были большие деньги. Тогда фунт масла стоил десять-двенадцать копеек, а извозчику, который возил меня на работу и с работы (около двух километров в один конец), я платил тридцать рублей в месяц. Получили хорошую двухкомнатную квартиру. Замечательно зажили. В Вите души не чаяли, он рос хорошим ребенком. Жили мы дружно и, мне казалось, счастливо.

В 1927 году поехали в гости к моим родителям в Кузнецову. Я рыбачил, Таня иногда со мной ездила. Она выросла на Ангаре в селе Рыбном и в рыбацком деле понимала. Витя без нас бегал по улице, играл с ребятами, бабушка за ним доглядывала. У матери был ребенок — ползунок Яков. Витю научили звать его дядей. Бывало, Витя играет на полу, подползает Яша и тянет к себе игрушку. «Дядя Яша, не тронь», — кричит Витя. Смеялись часто над дядей, что младше племянника.

Вернулись мы с Таней с рыбалки. Мать тревожно сообщила, что Витя заболел. От Тиммермана принесли домашний лечебник и определили, что скарлатина. Повез я их в Пировское, в боль-

ницу. Там работал единственный на волость фельдшер, Якушев. Я знал его давно. Он подтвердил наш диагноз. И Таню с Витей оставили в больнице. Через день я поехал и застал Витю мертвым, а Таню — В большом расстройстве. Похоронили мы его первым на новом кладбище деревни. Старое кладбище оказалось около домов, огородили новое и деревенские все решали, кому же его обновлять. Оказывается, есть примета: если кого из семьи первым похоронят на новом кладбище, в семье еще кто-нибудь умрет вскоре. Дядя Максим сделал оградку, мы ежедневно ходили на кладбище. Таня очень плакала, а когда собрались уезжать, хотела не оставлять Витю одного, а выкопать и увезти с собой. С трудом отговорили от этого.

Таня не работала. При Вите ей хватало забот, и жили мы дружно. После его смерти стала усиленно заниматься нарядами, денег я получал много, и она часто покупала дорогие платья, туфли, манто и всякие модные вещи. Меня это мещанство страшно возмущало, и мы часто стали поругиваться.

Как-то мы с ее сестрой сняли дачу в деревне. Я пришел с реки и сел на крыльцо. Сестры разговаривали на кухне обо мне. Марина была старшей сестрой и советовала Тане:

— Уйди ты от Михаила, зачем живешь с хромым? Разве не найдется здоровый, красивый?

Таня повторяла:

— Мне его жалко.

И до этого я замечал, что Таня стесняется ходить со мной по улице.

Однажды произошел случай, ускоривший развязку. Выходя из театра, я упал — это со мной бывает редко, падают и здоровые, но на Таню это произвело угнетающие впечатление — она убежала. Пришел я домой, конечно, расстроенный. Она мне заявила, правда, через несколько дней, что жить со мной не может. В загсе мы не регистрировались, и развод не требовал формальностей. Но я понимал, что без специальности ей будет плохо, тем более тогда была еще безработица.

Спрашиваю, как будешь жить, что будешь делать, ведь сестра не будет тебя содержать? Сестра не работала, муж — приказчик — зарабатывал мало.

Она не знала, как будет жить и что будет делать. Я боялся, что нужда ее толкнет на недобрый путь. У нас были небольшие накопления, и я сказал, чтобы она все их забрала, поступила на курсы машинисток и приобрела специальность. Она поблагодарила, так и сделала — и всю жизнь проработала машинисткой.

Таня уехала, остался один. Решил, что одиночество мой удел, что женщинам я не нужен. К удивлению, многие женщины пошли на меня в атаку. Подруга Тани, Лена Секерина, вечером пришла ко мне выразить сочувствие и порицать свою подругу. Посещения эти стали ежедневными и длительными. В этом и в ряде других случаев я избежал западни.

Таня подкарауливала меня, расспрашивала, как живу, и я понимал, что она не прочь вернуться ко мне, но считал жертву с ее стороны ненужной и переводил разговор на другую тему. Она была доброй

и жалостливой к животным и людям. У нас была маленькая собачка, чем-то заболела, и от нее сильно пахло в квартире. Соседи и я предлагали ее выбросить. Таня не согласилась и выходила Бобика. В Красноярской больнице лежал ее брат, Григорий. Проездом из Енисейска, зашли к нему. Он был в тяжелом состоянии, и врач сказал, что жить ему осталось не больше двух недель. Таня настояла взять его с собой, и он у нас поправился, потом долго работал в Новосибирске милиционером.

Поехали мы с Мишей (*сын М.М. Броднева. — Прим. авт.-сост.*) в Якутск, остановились в Новосибирске. Муж сестры Тани — Павел Андронович — работал там, разыскали его. У этого человека было большое несчастье: он заведовал магазином «Динамо», жил хорошо, а его двадцатилетний сын вытащил у него ключи и с приятелями обворовал магазин. Его перевели в рядовые продавцы, все, что можно, он продал на покрытие недостачи, и жил очень бедно. Я нашел его в магазине, дал свой адрес. О моем приезде он сообщил Татьяне, и она пришла ко мне в гостиницу. Встретились через тридцать три года, и каждый поведал, как эти годы жил. Осталась откровенность комсомольских лет. Она рассказала, что нашла красивого, хорошо одевающего мужа, но он оказался плохим человеком — пришлось уйти. Вышла за другого, тоже красивого. Оказался совсем подлецом. «Убедилась я, что красивые и лощеные люди — это эгоисты, себялюбы. Сейчас у меня немудрящий муж, но прекрасный человек и живем хорошо».

С Павлом Андроновичем сговорились, что я заеду к нему, привезу вина и закуски — пусть об этом не заботится. Таня, узнав о нашей встрече, позвонила мне и спросила, как я отнесусь к тому, если она в это же время приедет к Павлу Андроновичу. Я одобрил эту встречу. Она подвела ко мне невысокого и плешивого человека и сказала: «Знакомьтесь, мой муж», — и представила меня ему: «Мой первый муж». За столом мы оказались с ним рядом и по-человечески поговорили, он произвел на меня хорошее впечатление. Они проводили меня до гостиницы и настойчиво приглашали побывать у них. Я не смог. Таня пришла на вокзал провожать меня. Сказала, что обо мне хорошо вспоминает и, «обжегшись» на красивых мужьях, недобрым словом вспоминает свою покойную сестру, настоявшую на разводе со мной. До сих пор тепло вспоминаю Таню.

Новосибирский период

Рабземлес

Как я уже писал, в 1925 году меня отозвали в распоряжение Сибирского Краевого комитета комсомола и назначили представителем комсомола в Краевой отдел работников Земли и леса, где я вначале был инструктором, а через несколько месяцев меня избрали членом президиума и поручили заведовать культотделом. Зарплата была высокая — больше 180 рублей в месяц. Против 18 рублей, которые я получал до этого в комсомоле, — это было целое состояние.

Профсоюз Работников земли и леса, позднее переименованный в союз сельхозрабочих, объединял батраков, рабочих совхозов и лесников. Основным составом союза были батраки. Их в Сибири насчитывалось более 200 тысяч человек, а в профсоюзе состояли 100 тысяч человек. Этому профсоюзу придавалось большое политическое значение в связи с борьбой с кулачеством. Батраки были первой опорой партии в деревне. Главными задачами профсоюза были: организация батраков, защита их от эксплуатации, вовлечение в активную борьбу против кулачества.

Остановлюсь только на мероприятиях по экономической защите батраков. Наемный труд в середняцких крестьянских хозяйствах регулировался специальным законом: «Временными правилами о подсобном наемном труде в сельском хозяйстве». По этому закону трудовые договоры должны быть обязательно письменными. Это было очень важно для батраков, так как при устном соглашении наниматель нередко отказывался от оговоренных условий труда при найме. В договор записывались размер и сроки оплаты, условия труда и отдыха. Батраки быстро поняли значение договоров. В Сибири в 1924 году было заключено 15 750 трудовых договоров, а в 1928 — уже 96 915. От имени батрака договор подписывал профсоюз, и он же контролировал его выполнение. В волостях и крупных селах были сельбатрачкомы (*сельские батраческие комитеты. — Прим. авт.-сост.*), часто с освобожденными работниками.

Труд в кулацких хозяйствах регулировался Кодексом законов о труде и Постановлением Правительства о порядке применения Кодекса законов о труде.

Нижеприведенные материалы взяты из моей книги «Батрацкая сила в организованности», изданной в Новосибирске в 1929 году. Это книга большого формата, объемом в 270 страниц. Как заведующему культотделом, мне приходилось организовывать многие курсы профактива, а учебников не было, пользовались брошюрами, газетами, и это затрудняло работу. Вот и пришлось засесть за создание учебника-хрестоматии, включив в него полностью имеющиеся литературные источники. А отдельные разделы, по которым их не оказалось, написать самому при помощи заведующего батрацкими курсами Вакуленко. Многие тысячи батрацкого актива учились по этой книге.

Какие хозяйства Сибкрайисполком отнес к кулацким

Сибирский краевой исполнительный комитет своим постановлением от 27 марта 1929 года постановил, что:

К явно кулацким должны быть отнесены хозяйства только при наличии одного из следующих признаков:

а) если члены двора, живущие в своем хозяйстве или вне хозяйства, но имеющие постоянную и непосредственную хозяйственно-экономическую связь с данным хозяйством, занимаются скупкой (перекупкой) сами непосредственно или через третьих лиц с целью перепродажи, торговлей или ростовщичеством (денежным или натуральным). А также если хозяйство занимается систематической эксплуатацией бедноты и середняков путем раздачи хлеба, денег и машин под отработки, как в сельском хозяйстве, так и на промышленных предприятиях;

б) если в хозяйстве или в промысле систематически применяется наемный труд (сроковые рабочие, сезонные рабочие и временные рабочие), за исключением случаев, когда:

1) крестьяне-земледельцы применяют в своем хозяйстве наемный труд одного постоянного рабочего при особых обстоятельствах, как-то: болезни, мобилизации, уход на трудовые сезонные заработки, избрание на общественную должность, требующие отрыва от хозяйства и т.п. на все время данного состояния хозяйства;

2) земледельцы нанимают во время страдной поры временно не более двух человек рабочих для уборки урожая;

Примечание. Количество человекодней сезонного наемного труда, не являющееся признаком для отнесения

хозяйства к явно кулацкому, устанавливается постановлениями окрисполкомов.

в) если в хозяйстве имеются промышленные предприятия: мельница, маслобойка, крупорушка, просорушка, волночесалка, шерстобойка, кожевенный, кирпичный, гончарный, известковый, смолокуренный заводы, плодовая или овощная сушилка, пимокатная, свечное заведение, частная паромная переправа или другие промышленные предприятия — при условии применения в перечисленных предприятиях механических двигателей (ветряных, водяных, паровых, внутреннего сгорания, в том числе тракторов), а также приводов, действующих силой домашних животных или наемного труда;

г) если хозяйство сдает в наем постоянно или на сезон отдельные оборудованные помещения под жилье или под торговлю, либо промышленное предприятие, за исключением случаев, когда сдается квартира учителям, врачам, агрономам, другим лицам, работающим по найму и выборам в деревне;

д) если хозяйство занимается эксплуатацией сложных сельхозмашин (сноповязалка, жатка-самосброска, молотилка с механическим двигателем, конная молотилка) с целью извлечения прибыли от сдачи их в наем независимо от того, эксплуатируется ли сложная машина при помощи наемной силы или с участием владельца машины, или без него;

е) если хозяйства в районах промышленно развитого охотничества и рыболовства являются исключительно промышленными с признаками эксплуататорского типа: скупка пушнины у охотников и рыбы у рыбаков с целью перепродажи, охота и рыболовство с наемной рабочей силой; выдача охотникам под пушнину и рыбакам под рыбу ссуд деньгами или натурой, снабжение охотников и рыбаков припасами и принадлежностями;

ж) если хозяйство специально занимается извозом и ямщиной с применением наемной силы;

з) если хозяйство имеет сепаратор, на котором перерабатывает чужое молоко за плату деньгами или натурой;

и) если хозяйство занимается перегоном и пастьбой гуртов скота государственных, кооперативных и частных лиц на свой страх и риск с имущественной ответственностью и применением чужой рабочей силы (подрядчики);

к) хозяйства, облагаемые промысловым налогом, во всех случаях считаются явно кулацкими;

л) если члены двора, живущие в своем хозяйстве, участвуют в качестве вкладчиков и совладельцев в торговых и промышленных предприятиях;

м) если хозяйство занимается раздачей скупаемого сырья для обработки кустарям и ремесленникам с целью оптового сбыта продукции в виде полуфабрикатов или готовых изделий;

н) если хозяйства, имеющие свои земельные наделы и одновременно систематически арендующие землю, применяют наемный труд.

Эта выдержка взята из постановления Крайисполкома о сельхозналоге. Своим постановлением от 21 апреля сего года Крайисполком установил применение этих же признаков и при регулировании условий найма, то есть

распространение на такой тип хозяйств Кодекса законов о труде и постановления ВЦИК вот такие хозяйства являются кулацкими:

1. Хозяйство гражданина Сизых Н. (Барнаульский округ).

40,5 десятин посева, 11 лошадей, 11 коров, 53 штуки мелкого скота, жнейка, косилка, веялка, конные грабли, бороны, плуги. Арендует 60—70 десятин земли. Владеет мельницей с нефтяным двигателем с пропускной способностью свыше 200 пудов в сутки. Нанимает 2 годовых батраков и 4 сезонных.

Доход гражданина Сизых, по его собственным показаниям, в 1927 году складывался из следующих сумм:

а) от реализации хлеба ..... 2 000 руб.
б) от продажи шерсти, мяса, кож и рогатого скота ..... 1 000 руб.
в) от эксплуатации мельницы ..... 1 200 руб.
Итого ..... 4 200 руб.

Капиталистический характер этого хозяйства самоочевиден. Здесь налицо, при общей мощности хозяйства и его крупных размерах, систематическая эксплуатация наемного труда, крупная аренда земли и соединение земледелия с промышленной деятельностью. Гражданин Сизых мало чем отличается от американского фермера. Товарищ, обследовавший это хозяйство, пишет: «Сизых хорошо грамотен. Систематически читает газеты и законы, касающиеся деревни, знает хорошо. В 1921 году был председателем волисполкома (*волостной исполнительный комитет. — Прим. авт.-сост.*). Договоров с батраками не заключает и за задержку зарплаты, обсчеты и жестокую эксплуатацию батраков неоднократно привлекался к судебной ответственности».

2. Хозяйство гражданина Степаненко (Барнаульский округ).

27 десятин посева, 7 лошадей, 9 коров, 63 штуки мелкого скота, 2 молотилки, жнейка, косилка, конные грабли, веялка, плуги, бороны, 50 рамочных ульев. Нанимает 3—4 сезонных рабочих. Доходы этого хозяйства составляются:

а) от реализации хлеба, мяса, шерсти, кож ..... 3 600 руб.
б) от продажи меда ..... 900 руб.
в) от эксплуатации двух молотилок ..... 800 руб.
г) от эксплуатации жнейки, косилки и другого инвентаря ..... 100 руб.
Итого ..... 5 400 руб.

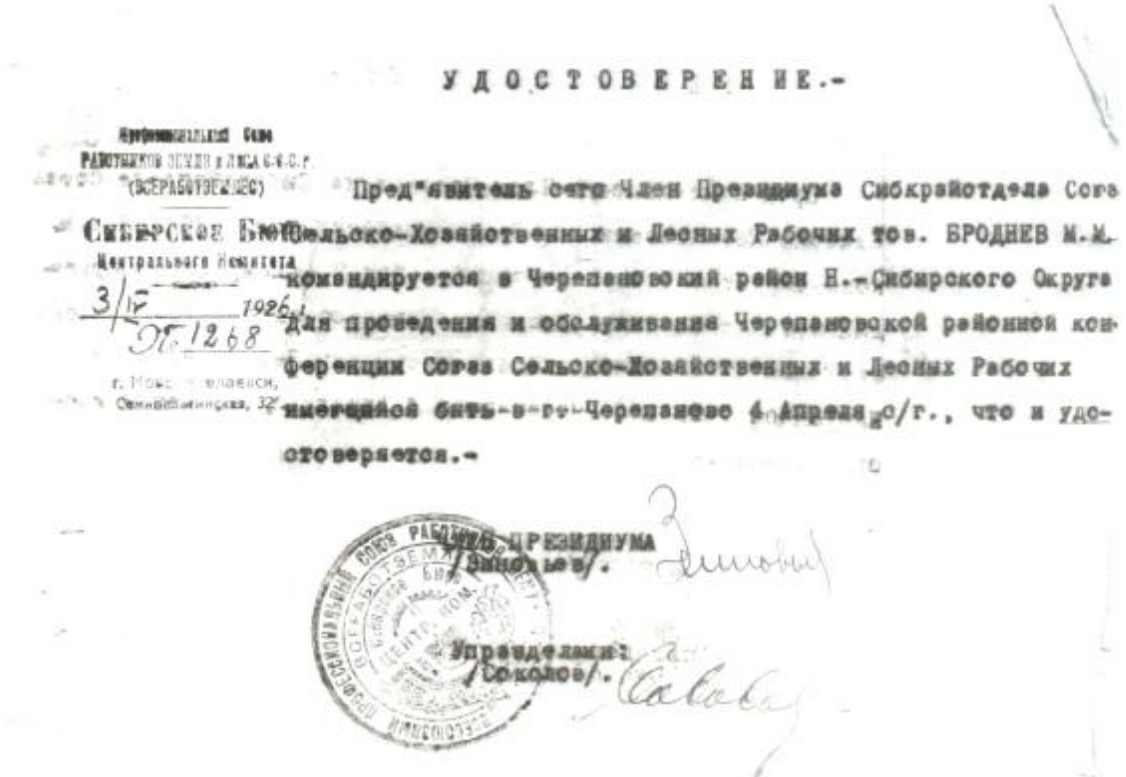
Эти цифры, приведенные, как выразился сам Степаненко, «округленно», составляют довольно кругленькую сумму. Гражданин Степаненко — тип, если можно так выразиться, «чистого» сельхозпредпринимателя, не соединяющего земледелие с торгово-промышленной деятельностью. Никаких подсобных предприятий это хозяйство не имеет. Эксплуатация наемной рабочей силы и сдача машин позволяет ему получать значительные нетрудовые доходы и без торгово-промышленных предприятий.

Хозяйства, описания которых мы только что привели, выделяются своей мощностью даже в условиях Южной Сибири, отличающейся глубиной расслоения. «Много ли таких акул найдется!» — восклицает иной, недоверчиво настроенный читатель. Оставим поэтому «акул» в покое и приведем описания «рядовых» кулацких хозяйств.

3. Хозяйство гражданки Гусевой К. (Барнаульский округ).

12,5 десятин посева, 3 лошади, 2 коровы, 18 штук мелкого скота, молотилка, сенокосилка, плуг, борона, 6 едоков, из них только один работник. Хозяйство это вынуждено прибегать к найму одного годового рабочего. Так как это хозяйство не располагает своей рабочей силой в достаточном размере (вдова), то при наличии одного только

Документы Сибкрайотдела сельскохозяйственных и лесных рабочих, выданные М.М. Бродневу. 1925–1926 гг.



УДОСТОВЕРЕНИЕ.-

Предъявитель сего Член Президиума Сибкрайотдела Сора Сельско-Хозяйственных и Лесных Рабочих тов. БРОДНЕВ М.М. командируется в Черепановский район Н.-Сибирского Округа для проведения и обслуживания Черепановской районной конференции Сора Сельско-Хозяйственных и Лесных Рабочих имеющейся быть в гор. Черепаново 6 Апреля с/г., что и удостоверяется.-

Член Президиума
/Зимовьев/.

Управделами:
/Соколов/.

наемного рабочего оно не могло бы быть отнесенным к числу хозяйств кулацких. Эксплуататорский характер этого хозяйства вскрывается только при учете сдачи машин. По показаниям гражданки Гусевой, сдача машин в 1927 году дала ей чистого дохода 320 рублей (молотилка и сенокосилка).

4. Хозяйство гражданина Захарчука (Барнаульский округ).

2,5 десятин посева, 1 лошадь, 2 коровы, 5 штук мелкого скота, плуг. Читатель не должен спешить выражать свое удивление по поводу того, что это «маломощное, бедняцкое» хозяйство приведено, как образец кулацкого. «Секрет» заключается в том, что гражданин Захарчук является владельцем пимокатной мастерской с 4 наемными рабочими, мастерской, которая, по собственному заявлению ее владельца, дает 900 рублей чистой прибыли. Для гражданина Захарчука его сельское хозяйство является только подсобным.

Между прочим, гонорар за эту книгу — 600 рублей — я сдал полностью в партийную кассу. Тогда существовал порядок: коммунист, получающий партмаксимум, должен был все полученное сверх него сдать в партийную кассу. Разумный был порядок, и напрасно его отменили. Я встречал коммунистов, у которых на сберкнижке лежат десятки и сотни тысяч. Их нетрудовые доходы — проценты — составляют значительные суммы. Встречал коммунистов, напоминающих Плюшкина. В их искреннюю партийность не верю. В Амакинской экспедиции знал двух геологов — мужа и жену. Они оба получали (по новому курсу) более 2-х тысяч рублей, на питании экономили, скупердяи были редкие, а на книжке у них было более ста тысяч рублей. Следовало бы вернуться к партмаксимуму.

Работая в Новосибирске, я писал много статей в газеты и журналы, издал несколько книг. В 1930 году

Окружной съезд Союза Сельхозлесработник. 16–19 мая 1928 г.

вышла моя книга, написанная совместно с Оболонковым, о задачах сельхозрабочих в социалистическом строительстве, под названием «На передовые посты социалистической стройки», объемом 12 печатных листов, тиражом 14 тысяч экземпляров. Особенно мне запомнилась небольшая брошюра, написанная мной в 1928 году. Крайком партии обсуждал вопрос о трудовых договорах с батраками. Меня вызвали в отдел агитации и пропаганды и сказали, что для партийного и профсоюзного актива надо написать брошюру и побыстрее.

Меня на неделю освободили от работы. Я утром засел писать и писал с таким азартом, что не заметил наступления следующего утра. Через три дня брошюра, объемом в один печатный лист, вышла из печати. Озаглавил ее так: «Трудовым договором по кулаку». К сожалению, эту брошюру у меня изъяли при обыске в 1937 году и не вернули. Такая же участь постигла брошюру «Батрачество — опора партии в деревне», написанную мной совместно со Страховым и Сизых.

Я отвлекся. Возвращаюсь к разговору о кулаках. Отец мой рассказывал много о своей батрацкой жизни. Я с детства наблюдал за тяжелой жизнью этих людей в своей деревне, а во время работы в союзе встречался со многими случаями нечеловеческого отношения к батракам.

На Севере я много раз бывал в спецпоселках: Аксарке, Новом Порту, Халмерседе — и убедился, что в раскулачивании было допущено много ошибок. Отчасти это объясняется тем, что при раскулачивании руководствовались вышеприведенными признаками кулацких хозяйств. А по этим правилам попало в ссылку много людей, фактически не являющихся эксплуататорами. Например, со мной в тюрьме сидел высланный «кулак». Хозяйство у него было почти бедняцкое, но он имел сепаратор. Весь доход от сепаратора составляло небольшое количество молока, которое иногда ему приносили соседи, пользующиеся его сепаратором. Весь его «эксплуататорский» доход, в переводе на деньги, составлял несколько рублей. Много было выслано за получение платы за квартиру с учителей или других служащих, а квартирантов обычно навязывал сельсовет, да и плата была мизерная. Ошибки были, да и как им не быть в таком деле, касающемся многих тысяч людей, но эти ошибки были тенью на большом историческом мероприятии.

Работал я в краевом комитете Рабземлеса с большим желанием и хорошим настроением, понимал, что помогаю батракам — этим забитым, самым бедным людям — улучшить их тяжелую жизнь. Я проводил много курсов, собраний, конференций батраков и видел, что эти малограмотные люди тянутся к знаниям, к свету, что они видят в Советской власти свою надежную защиту. Приятно было помогать этим людям.

В составе нашего небольшого коллектива были и батраки, уже выросшие в полноценных работников. Председателем был, белорусский батрак в прошлом, Пахомович Л.А., секретарем — Виниченко, батрак из Барнаульского округа. За не-

сколько лет эти товарищи, начав свой путь с сельбатрачкомов, выросли до работников краевого масштаба. Фактически руководителем комитета был Зиновьев Дмитрий Прохорович. Он умело и тактично направлял работу своих начальников, будучи только заведующим тарифно-экономическим отделом. Это замечательный человек. Он по образованию инженер-химик, но партия послала его на работу с батраками. Он — одесский еврей, человек редких высоких качеств, большой культуры. Иногда большое понимаешь через ерунду, как говорил Маяковский. Мне запомнился такой случай: комиссия, руководимая Зиновьевым, была послана крайкомом партии в Омский округ изучать арендные земельные отношения и классовое расслоение в деревне. Командировка была рассчитана на 2—3 месяца. При докладе в окружкоме партии о результатах нашей поездки, мы отметили многие недостатки в работе районных организаций. С нами не согласились и сказали, что мы посетили мало селений, и настаивали охватить обследованием еще два района, где мы не найдем отмеченных нами недостатков и наши выводы изменятся.

Была уже осень, поездки по деревням осточертели, но делать нечего. В три часа ночи я выехал на вокзал. Шел дождь, погода отвратительная. Настроение прескверное. Мы с Зиновьевым жили в одном номере. Когда я уезжал, Зиновьев ложился спать. Приехал я на вокзал, стою в очереди за билетом. Подходит Зиновьев: «Уснуть не мог и приехал тебе сказать, чтобы собрал материал не по четырем селениям, как договорились, а только по двум и ближайшим к райцентру. В такую распутицу и это нелегкое дело». Поблагодарил я Митяя, как мы его называли, и подумал: «Не каждый может ночью встать и ехать на вокзал, чтобы облегчить поездку и настроение товарища. Хороший человек».

С П Р А В К А

Дана тов. Броднев Михаилу Никифоровичу в то что он состоит на службе в Сибирском Краевом Комитете Профсоюза Сельхозлесрабочих с сентября 1925 года по настоящее время.

В должности Зав. Культотделом

СПРАВКА выдана на предмет пред'явления в участковый пункт по выдаче заборных книжек на 1930 г.

Председатель СибКрайКомитета /ШАРО

Управделами /ВАСИЛЬЕВ

За Профуполномоченного /КАНДАКОВА

СИБИРСКОЕ КРАЕВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСКАВКАЗА Телеграфного Агентства „СИБРОСТА" при С.И.Б.Р.О.Н.С.Р.

№ 74

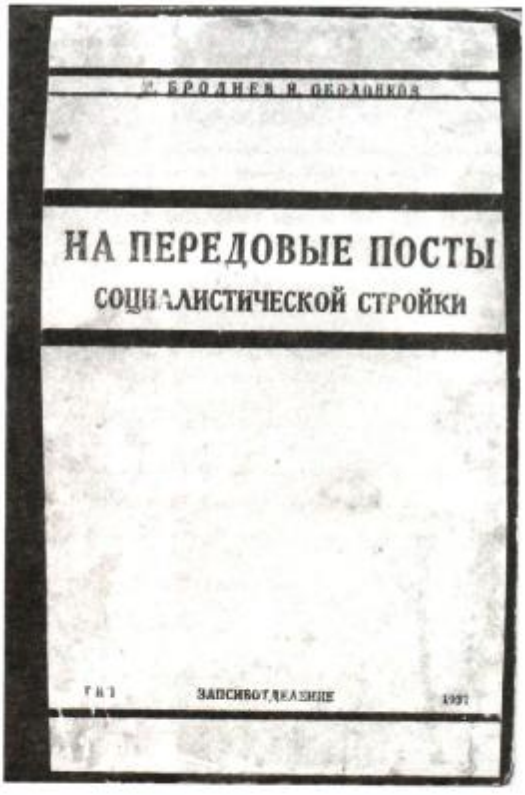
Удостоверение.

Зав. Сибирским Отделением „РОСТА"

Дмитрий страдал из-за своей фамилии. Его спрашивали, не брат ли он Зиновьеву — председателю Коминтерна. А раз произошел скандальный случай. Он собрался в район. Туда дошел слух, что к ним едет Зиновьев. Районные начальники дали распоряжение привязать собак (а то облают большого человека), вышли встречать, а Зиновьев-то оказался не тот.

Интересно сложились семейные дела у Дмитрия. Во время отступления белых на пароход пробивалась семья князя, и в сутолоке потеряли дочь — девочку лет 14. Росла она в детском доме, а после — работала уборщицей в Доме крестьянина. Дмитрий женился на ней. Она, видимо, кому-то рассказала свою историю, и бдительный товарищ написал заявление в парторганизацию. На партсобрании Дмитрию приходилось отвечать на вопросы: «Знал ли он прошлое своей жены?», «Что его потянуло к княгине, разве мало комсомолок?» и так далее. Признали его невиновным и дело прекратили. В 1937 году Дмитрия посадили, и он погиб в тюрьме. В последнее время он работал директором совхоза «Гигант», и товарищи рассказывали, что дела у него шли хорошо.

В конце 1925 года меня избрали делегатом на Всесоюзный съезд работников земли и леса. Впервые я приехал в Москву. Съезд продолжался 18 дней. На съезде выступали многие видные деятели партии: Луначарский, Ярославский, Томский. Заседание проходило в Доме союзов, а тут объявили, что следующее будет в другом месте. Мой близкий товарищ, Афоня Страхов, завел дружбу с девушкой-контролершей, проверяющей у дверей билеты на вход, и узнал от нее, что в этом зале будет выступать Троцкий. Он уговорил девушку пропустить нас на это собрание — хотелось посмотреть и послушать этого знаменитого человека. Троцкий быстрыми ша-

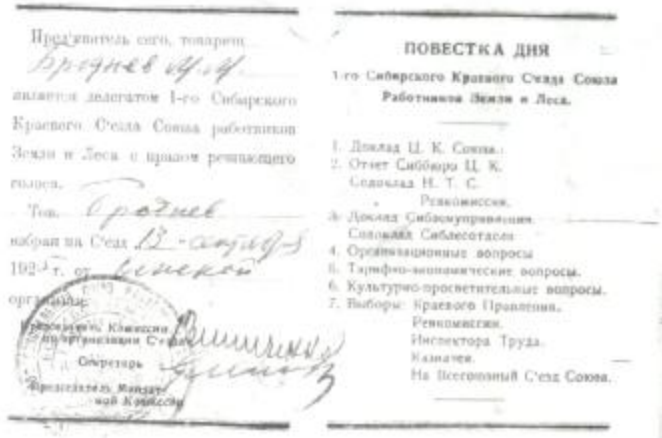


гами взошел на трибуну, несколько секунд всматривался в аудиторию, немного задрав голову, и мне запомнилась его характерная бородка. Одет был Троцкий в приличный черный костюм, и как-то шел к нему черный галстук. Он произнес речь, кажется, называвшуюся «Куда идет Америка». Говорил он красиво, мастерски владел интонацией и жестами.

Между прочим, с этим съездом в памяти остался такой курьезный случай. Меня послали в Барнаул сделать доклад о работе съезда. Среди записок-вопросов оказалась такая: «Товарищ докладчик, сколько вы выиграли в преферанс?». Я позднее понял, в чем дело. Пулька была расчерчена на чистой стороне тезисов, полученных мною на съезде. По ходу доклада я зачитал выдержку из этого документа, а обратная сторона, с пулькой, оказалась перед глазами слушателей. Неудобно.

Считаю свою работу в Рабземлесе очень интересной и по тем временам очень нужной, партийной. В статьях и речах часто цитировал следующее высказывание Ленина, прозвучавшее в его выступлении на первом съезде Рабземлеса: «Ваш союз, которому вы здесь кладете основание, превратится в недалеком будущем в единый всероссийский профессиональный союз сельскохозяйственных рабочих; он будет настоящей опорой советской власти в деревне, он будет опорой, передовой армией всей сельской, деревенской жизни так, чтобы никакая эксплуатация, никакое господство богатых над бедными не могли бы возродиться на почве общего единения товарищеского труда».

Председателем ЦК профсоюза был Наум Маркович Анцелович, интересный человек. Ленин отзывался о нем как о лучшем организаторе. В опубликованных воспоминаниях о Ленине Анцелович рассказывает, как В.И. Ленин но-



Представитель сего, товарищ Броднев М.М. является делегатом 1-го Сибирского Краевого С'езда Союза работников Земли и Леса с правом решающего голоса.

Тов. Броднев избран на С'езд 13-октября 1923 г. от [illegible] организации.

Председатель Комиссии по организации С'езда

Секретарь

Председатель Мандатной Комиссии

ПОВЕСТКА ДНЯ

1-го Сибирского Краевого С'езда Союза Работников Земли и Леса.

1. Доклад Ц. К. Союза.
2. Отчет Сиббюро Ц. К. Содоклад Н. Т. С. Ревкомиссии.
3. Доклад Сибземуправления. Содоклад Сиблесотдела.
4. Организационные вопросы.
5. Тарифно-экономические вопросы.
6. Культурно-просветительные вопросы.
7. Выборы: Краевого Правления, Ревкомиссии, Инспектора Труда, Казначея. На Всесоюзный С'езд Союза.

БИЛЕТ № 24

Выдан тов. Бродневу на право посещения заседаний Сибирского Краевого Агрономического с'езда в здании Дворца Труда в гор. Новосибирске.

Зав. Сибкрайземуправлением

Секретарь Орбюро

18 января 1927 г., гор. Новосибирск

Нар. 7.12.

чью приехал к нему на квартиру по вопросам организации похорон Елизарова. В Анцеловиче большой ум уживался с чудачеством, о его странностях ходило много анекдотов. На заседании президиума ЦК он закатывал двух-трехчасовые речи, иногда входил в состояние аффекта и поднимал над головой стул, а потом со всей силой ударял им по полу и стул разлетался. В ЦК работало много батраков-выдвиженцев. Целую группу их командировали в деревню. Вызывает Анцелович секретаря ЦК Казакова и спрашивает: «Презервативами ребят обеспечили?» Тот удивился. «А ведь ребята-то молодые, проститутки могут их прельстить, привезут сифилис, а как мы будет выглядеть, если не предотвратим ребят от этого?». Длинные речи мог произносить в любой обстановке и при любой аудитории. Работая уже в Москве, я поехал в Химки на закладку здания профшколы сельхозрабочих.

Приехало нас трое, по количеству сельскохозяйственных профсоюзов, и Анцелович. (Он уже работал секретарем ВЦСПС). Шел дождик. Анцелович в этой обстановке перед пятью человеками произнес часовую речь. Поехал я в отпуск и зашел в ЦК, я не предполагал, что Анцелович знает о моем существовании, и удивился, когда его секретарь сказал, что он просит меня зайти. Зашел. У нег на столе лежала только что вышедшая наша книга «Батрацкая сила — В организованности». «Молодцы, нужная книга. Наш культотдел не додумался». Много расспрашивал о нашей работе в Сибири. А потом спросил, куда я еду в отпуск и сколько у меня денег. Потребовал показать деньги. «Да ведь с такими деньгами ты не сможешь приобрести цветы понравившейся девушке, сводить ее в ресторан и отдыхать, как следует». Позвонил казначею Пронину, чтобы выдал мне двести рублей. Я не отказался, и в отпуске не приходилось пересчитывать, хватит ли денег на обратную дорогу.

Пятилетняя работа в профсоюзе мне самому многое дала, я был часто в Сибкрайкоме партии, много раз на бюро, выполнял поручения партийных органов, много читал, занимался самообразованием, готовился по сборникам «Рабфак на дому» для поступления в ВУЗ. Новосибирский период был, пожалуй, самым продуктивным и интересным в моей жизни периодом становления.

Я студент

Работой в Рабземлесе я был доволен, дела шли хорошо. Но я начал понимать, что человек я малограмотный. Особенно я почувствовал это после такого случая: приехал в совхоз, там поднимали трубу электростанции. Техник объясняет рабочим, что надо воротом довести трубу до половины высоты, потом она пойдет легче, и мы ее поставим на 90 градусов. Для меня, например, пределом являлись сто процентов. Почему же, думаю, на девяносто градусов, а не на сто. Решил, что она должна стоять несколько наклонно. Приехав в Новосибирск, спросил Зиновьева, что значит градус. Он объяснил. Понял я, что не знаю элементарных вещей.

В Новосибирске открывался плановый институт. Решил попробовать поступить в него. В то время рабочей и партийной прослойке в вузах, особенно экономических, придавали большое значение, и меня приняли без экзамена, а сельхозбанк установил мне высокую стипендию, как будущему работнику банка. Таких, как я, набралось человек 20. На занятиях по экономическим наукам мы чувствовали себя прекрасно, а преподавателя бухгалтерии даже иногда поправляли — он любил сослаться на Маркса, но иногда путал. Например, доказывал, что транспорт не надо связывать с производством. В перерыве ребята обязали меня поправить преподавателя, что это надо сделать для ребят, только что окончивших среднюю школу. В начале следующего урока я встал и сказал, что, по Марксу, транспорт является продолжением производства. Преподаватель смутился. Подобное происходило несколько раз.

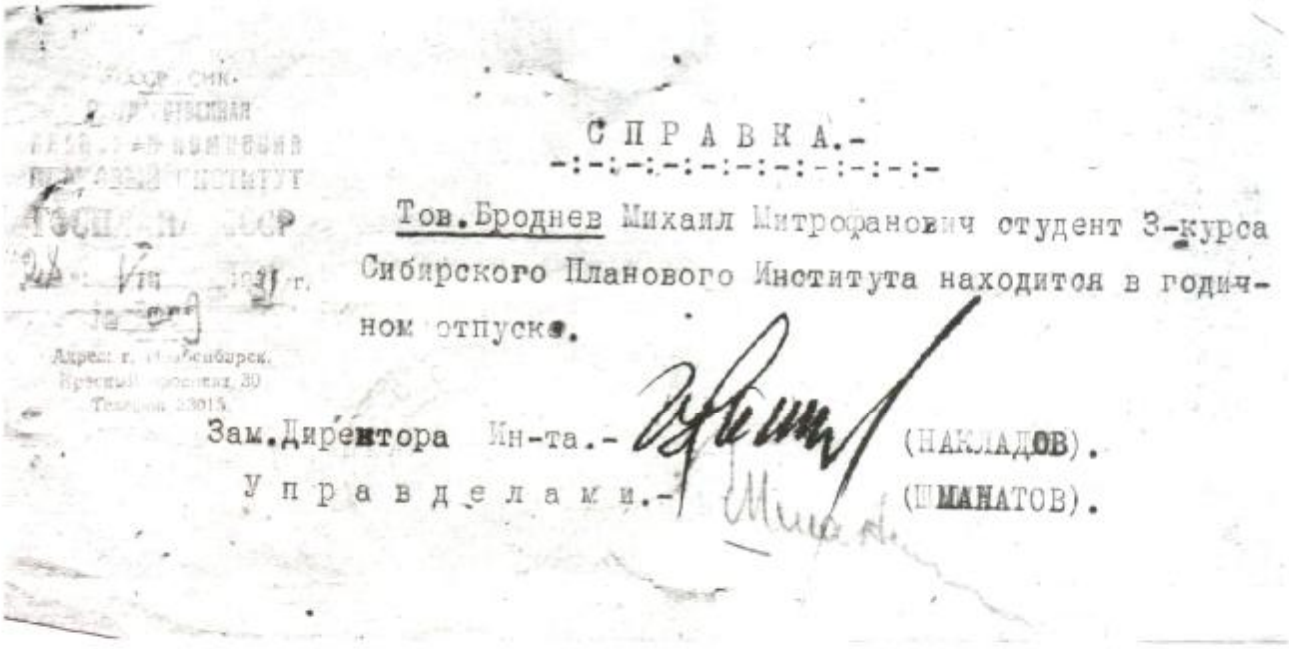
Математику вел Гецев. Он вел семинарские занятия в нашей группе. Начал первую лекцию с предупреждения: «Надеюсь, вы меня не обяжете объяснять вам, что такое катет и гипотенуза, сие известно всем мало-мальски грамотным людям. Разрешите начать с аналитической геометрии». Я не знал катета и гипотенузы, и ничего не понял из его лекции о синусе и косинусе. А на занятиях в группе произошло совсем скандальное. Вызвал Гецев к доске Копыткова, здорового тридцатилетнего парня, в прошлом большого работника Сибсоюзкооперации. Тот, как говорят, не в зуб ногой. Молодые студенты ржут. Вызвал меня. Я сказал, что средней математики не учил, не знаю. Вызвал еще одного из нашей компании, тот сказал ему грубость в том смысле, что он все время занимался более важными делами, чем катет и гипотенуза. Гецев со злостью бросил мел на пол и с криком: «Пропала высшая школа!» — убежал из класса.

Директором института был Дмитрий Константинович Чудинов, в прошлом крупный партийный работник. Я зашел к нему в кабинет и сказал: «Я авантюрист по незнанию, а зачем же он допустил прием не знающих катета и гипотенузы. Прошу разрешить дать распоряжение меня из института отчислить». Он долго и пристально смотрел на меня: «Не горячитесь. Уйти из института всегда успеете, а попасть в него больше не удастся. А нам крайне нужны свои кадры. Вы ведь, надеюсь, читали о шахтинском деле? Давайте попробу-

ем одолеть катет и гипотенузу». Он вызвал заведующего рабфаком Эвензик и предложил ей создать для нас группу по изучению средней математики, провести занятия по сокращенной программе, а мне посоветовал дисциплины, хорошо мне знакомые, например, экономполитику, сдать и не ходить на некоторые занятия, а плотнее заняться синусом.

Мы занимались ежедневно два часа средней математикой, и на втором курсе уже отвечали Гецеву не хуже остальных. На первом курсе мы, кроме занятий в специальной группе, посещали занятия Гецева, но он нас не спрашивал, а на третьем курсе мы уже были вполне подготовленными, нас вызывали к доске и мы там вели себя уверенно, а Гецев смущался. Я был секретарем парткома. В определенные дни я сидел вечером в парткоме. Заходят ребята и говорят, что в коридоре ходит Гецев и хотел бы зайти к тебе, но не знает, могу ли я с ним поговорить. Я открыл дверь и пригласил его. Он сказал: «Я чувствую себя очень виноватым, считал прием малограмотных коммунистов гибельным для высшей школы, а вы оказались лучшими студентами. Я должен извиниться перед вами всеми, посоветуйте, как это сделать, когда и где». «У нас через несколько дней будет общее собрание студентов, я советую вам выступить там, хотя мы на вас не в обиде, вы по-своему были правы. Но и мы проявили упорство, выполняя указания партии в подготовке кадров из коммунистов». Гецев на собрании произнес покаянную речь, говорил он взволнованно, и мы ему поверили.

Учение в институте дало многое. Но главное — понятие, что образован недостаточно, поэтому я мечтал попасть в институт красной профессуры. Я охотно принял предложение работать в Москве заведующим



СПРАВКА.-
-:-:-:-:-:-:-:-:-:-:-:-

Тов.Броднев Михаил Митрофанович студент 3-курса Сибирского Планового Института находится в годичном отпуске.

Зам.Директора Ин-та.- (НАКЛАДОВ).
Управделами.- (ШМАНАТОВ).

культурным отделом ЦК профсоюза МТС и батрачества. С третьего курса я оформил отпуск, переехал в Москву. Дирекция и партком дали мне гарантию, что если я вернусь в институт и доучусь, буду зачислен в аспирантуру. Эти мечты не сбылись, в институт красной профессуры я не смог попасть, так как в партийной карточке значился «сыном кулака». В плановый не вернулся — там «вскрыли» контрреволюционную организацию, и многих хороших ребят-коммунистов, в том числе профессора Круссера, расстреляли. Значит, я вовремя выбрался из Новосибирска, там «ежовщина» началась раньше.

Мои дети

О трагедии своих сыновей я напишу в другом месте. Мой первый сын, Витя, родился в 1925 году. С ним я впервые испытал чувство отцовства. Замечательное это чувство у человека. Весь этот маленький человечек вызывает восхищение. Запомнилось такое: жили мы в Новосибирске, в маленьком домике на Трудовой улице. Витя уже ходил. Обычно он ждал меня с работы на улице и бежал навстречу при моем появлении. Я брал его на руки и шел домой, слушая его приятную болтовню. Говорить он начал рано и хорошо. Правильно говорит пословица: не знаешь, где найдешь, где потеряешь. И Витю мы потеряли, когда ездили в мою деревню Кузнецову к родителям. Подробнее об этом — В том месте, где я говорил о своей первой Татьяне. Не умри Витя, моя жизнь сложилась бы иначе, да и у Тани тоже.

Миша родился в Москве, годовалым увезли его на Север. Ребенок был здоровый и хороший. С восьми лет жил с нами в Салехарде. Станислава его любила, и жили они дружно. В Якутске он был уже большим, но застенчивым и скромным. Долго у него не было приятелей. В холодные зимние вечера сидели дома. Мише было скучно. Чтобы отвлечь его, научили играть в преферанс. Играл с увлечением и, если не везло, расстраивался. Старались ему подыгрывать, и если он уйдет в уборную, сдадим на 9 или 10 взяток. Он был доволен — подвоха не подозревал. Учился в 10 классе, собирался в геологический институт. И необычайно дикий слу-

чай: замерз около города. Но об этом подробнее при описании нашей жизни в Якутии.

С сыновьями не повезло. Дочь Таня выросла хорошим человеком, а пережить ей пришлось много неприятного. В деревне, куда была сослана мать, не было средней школы. Она с шестого класса жила у нас, в Салехарде. Для девушки в таком возрасте мало приятного жить с мачехой, да еще при родной матери. Один год она оставалась в Омске у тетки, но быстро поняла, что сделала ошибку. Станислава строго контролировала ее. Если она куда-то уходила вечером, спрашивала, куда и когда вернется. Таня говорит, на вечер в школу, вернусь в 11 часов. Одиннадцать, а ее нет. Станислава начинает разыскивать. Иногда находила их с Валей Алехановым на лавочке. Тот убегал, а Таня, недовольная, шла домой. Я как-то сказал Станиславе, что она перехлестывает с контролем. Она ответила: «Я за нее отвечаю, а если из нее не выйдет доброго человека, кого осудят, как не меня? а для девушек чрезмерная свобода опасна». Таня была недовольна, а став взрослой, оправдывала Станиславу — и все-таки передоверили. После окончания школы она поехала в Омск, договорились, что поступит в пединститут, а она пошла в сельхозинститут и мечтала, что будет работать в саду. Действовала по принципу стадности — В сельскохозяйственный поступили многие салехардцы, и главное — Валя Алеханов, а мы-то на нее понадеялись. Хуже того, она нам долго не писала. Беспокоились, и вдруг узнаем — вышла замуж. Это был уже крепкий удар. Поехал в Омск. Поповы мне все рассказали, поехали мы с Иваном Николаевичем разыскивать молодоженов. Нашли, живут в убогом домишке с хозяйкой. Я был, конечно, очень расстроен и не знал как себя вести. Зашел, сел и молчу, а они тоже молчат. Попытались начать разговор, но я молчу. И такая тактика была, пожалуй, правильной — выразил свое неудовольствие без слов и ругани. В словах были бы неизбежные упреки и ругань. А что пользы? Просидели молча порядочно. Молодые не знают как себя вести, Таня расплакалась.

Наконец и мне показалось, что пора кончать эту тяжелую молчанку, спросил: «Справляли свадьбу?» — «Не справляли, но зарегистрировались, Таня пожелала сохранить свою фамилию».

Послал зятя за вином и закуской. В узком кругу отметили это событие. Я им сказал примерно следующее: «Глупость сделали, теперь мое требование — при всех условиях закончить институт». Обещали, и слово сдержали. Тане, конечно, это далось тяжело, она родила Сережу и училась.

Я всегда мечтал, что Таня окончит институт хорошо, останется в аспирантуре и из нее выйдет хороший ученый — она человек способный. Но ее преждевременное замужество нарушило мои планы. Ну, да это не главное. Важно, что из нее вышел хороший человек, она сохранила теплое отношение ко мне, внимание, заботливость. В детстве должна была приспосабливаться к жизни под руководством неродного человека, хотя Станислава относилась к ней так, как не все

матери относятся к родным детям. А ведь в раннем возрасте Таня этого не понимала и обижалась. К тому же чрезвычайно рьяное выполнение Станиславой взятых на себя обязанностей воспитания оказывало, в общем, положительное влияние, но молодежь тяготит всякая опека. Понимаю, что юношеские годы для Тани были тяжелыми.

С Таней тесно связаны воспоминания о ее няне, Апполинарии Алексеевне, старухе редкой доброты и глубоко несчастной судьбы. Выросла она в Ленинграде, в богатой семье. В шестнадцать лет ее принудительно выдали замуж за пожилого знаменитого адвоката. Богатый дом, прекрасные лошади и всякие буржуазные удобства не могли примирить с пожилым человеком, и она от него убежала. Вернули к мужу принудительно. Убежала второй раз, опять вернули к мужу. Пыталась повеситься — подкараулили, не дали. Молодые годы промучилась с нелюбимым стариком, после революции лишилась всего богатства и нанималась в няньки. Она очень хотела иметь ребенка, чувство материнства у нее, видимо, было сильное, и она переносила его на чужих детей, хорошо нянчила их. Маленькая Таня редко плакала, я спрашиваю няню, почему редко слышу голос ребенка, здорова ли Таня? Я сам в детстве был нянькой братьев, и они у меня, кажется, больше ревели и редко лежали молча. Она объяснила, что ребенок кричит, если ему неудобно или что-нибудь надо. «Танечке нет необходимости кричать, я делаю все, чтобы ей было удобно, чтобы она вовремя была накормлена и обихожена». По каким-то непонятным для меня признакам она точно знала, когда ребенку подставить горшок, и поэтому возни с пеленками было мало. Когда Таня начала ходить, я ежедневно водил ее гулять, обычно садил себе на загорбок и носил по улице, а по площадке у Казанского вокзала она бегала сама. С удовольствием вспоминаю это время. Раз я захотел пить. Зашел в пивную. Таня сидела у меня на загорбке. Пивник мне сделал замечание: «Молодой человек, зря сюда заходите с ребенком, а уж если зашли, больше одной кружки не пейте, ребенка уронить можете». Искренне поблагодарил старика за такую заботу, больше с Таней в пивную не заходил.

Как-то старуха была занята и попросила меня досмотреть за кашей, которую она поставила на огонь. Досмотрел и принес кашу в их комнату. Старуха сказала Тане, что кашу варил папа, и она должна быть очень вкусная. Таня подтвердила, что каша вкусная, и на следующий день потребовала, чтобы я сварил вкусную кашу. Варить кашу стало моей постоянной обязанностью. Старуха знала французский и немецкий языки, в студенческие годы помогала мне при изучении немецкого.

Два обстоятельства в поведении старухи были непонятны. У нее из родни осталась только сродная сестра, которая жила в Томске приживалкой у знакомых. Значит, рассчитывать на чью-либо помощь Апполинария Алексеевна не могла. Плату она оговаривала выше, чем тогда платили домработницам, при ее положении полагалось бы дорожить каждой копейкой, а она, получив свой заработок, шла в город

и покупала Тане подарки, а ко дню рождения — и мне. Один ее подарок Тане особенно запомнился. Она купила ей юбку, но не совсем по росту, до пят, кофточку, и Таня в этом наряде была забавна. На мое замечание о неправильном отношении к деньгам отвечала: «Даст Бог день, даст и пищу». Мне казалось, что она решила при невозможности работать добровольно уйти из жизни. Видимо, так она и поступила, уехала в Томск, обещала писать, но ни одного письма мы так и не получили.

Второе обстоятельство, удивлявшее меня, было в ее восхвалении советских порядков, которые лишили ее спокойной старости. Особенно она восхищалась правом женщины на свободный развод. «Эх, поздно для меня произошла революция», — сокрушалась она. Такую старуху нельзя не уважать, и я ей предложил жить у нас не уезжая. Она сказала, что не хочет никого обременять.

Искренне жалко этого хорошего, глубоко несчастного человека. В развитии хороших качеств Тани, несомненно, она сыграла немалую роль. Она была способным воспитателем. Мне в выходные дни приходилось часто работать — обычно занимался статьями для газет и журналов. Таня просится ко мне. Она как-то для ребенка убедительно разъясняла, что мешать нельзя. «Можешь приоткрыть дверь в его комнату и посмотреть, но молча». Я обычно слышал эти разговоры — перегородка между нашими комнатами была фанерная, не выдерживал, оборачивался к двери, встречал взгляд в приоткрытую дверь и прерывал работу. Старуха извинялась, ругала себя за то, что разрешила Тане посмотреть, как я работаю, а сама была довольна, что из-за дочери я прервал работу.

Как-то Таня расшалилась и не выполнила какое-то требование старухи, что случалось редко — обычно она ее слушалась. Вмешался я — не помогло. Я взял ремень, стеганул ее по попке. Таня уставилась на меня расширенными удивленными глазами, а потом расплакалась, слезы текли обильно, старуха ее успокаивала, следом и сама расплакалась. А потом мне сказала: «Она очень чувствительная, будьте осторожны».

Купил я корзину живых раков. Принес домой и поставил у двери. Таня спрашивает: «Что это?» — «Раки, потом покажу», — отвечаю. Вешаю на вешалку кепку, и раздается дикий крик Тани. Она засунула руку под газету, рак клешнями зажал ей пальчик. Оглянувшись, я увидел висящего на пальце рака. Я сам виноват — приучил ее самостоятельно находить, что принес. С продуктами было сложно. Обедал я в привилегированной столовой, на третье там обычно давали мандарины или яблоки. Таня сама лезла в карман и находила там подарок. Это происходило ежедневно, как же она могла не поинтересоваться, что я принес в корзинке. Старуха расстроилась: «Недосмотрела, старая дура, ребенок напугался». В семье часто вспоминали этот случай.

Приятные воспоминания остались от детства Тани. Хорошо бы, чтобы детский возраст людей был более продолжительным.

Московский период

В 1932 году, будучи студентом, я поехал на курорт в Крым. В Москве встретился с Пахомовичем, с которым работал в Сибирском крайкоме Рабземлеса. Он сказал, что его назначили секретарем оргбюро ЦК МТС и батрачества. В связи с большим значением МТС работа интересная, и они с Анцеловичем возбудили ходатайство перед ЦК партии об отзыве меня с учебы и назначении заведующим культотделом ЦК.

Вернувшись из Крыма, я узнал, что вопрос о моей работе в Москве решен и мне надо немедленно приступать к своим обязанностям, я даже не смог выехать за семьей. Месяц я жил в гостинице «Балчуг», а потом дали две комнаты в доме, переделанном из конюшни, на Коланчевке. Позднее мне купили квартиру в доме № 8 по Краснопрудной. Покупка оформлялась так: желающий продать квартиру оформлял якобы обмен на мою прежнюю квартиру, но в нее не въезжал, а получал двадцать тысяч рублей. Эти незаконные операции сходили, в ЦК был управдел — дока по этим делам.

Заведующим культотделом я проработал недолго. Вскоре большинство работников ЦК взяли на работу в политотделы и уполномоченными Наркомзага. Мне пришлось работать секретарем ЦК и заведующим тарифно-экономическим отделом. От мобилизации для работы в деревне меня спасла запись в партийной карточке — «сын кулака». Эта же запись была причиной того, что не был представлен на утверждение секретарем ЦК МТС в ЦК партии. Был исполняющим обязанности секретаря ЦК.

Председателем ЦК профсоюза был Максимов, до этого работавший председателем Украинского комитета пищевиков. Этот шестидесятилетний старик имел два увлечения: игру на ипподроме и молодых женщин. В сельском хозяйстве разбирался плохо, делами интересовался мало, в ЦК партии или в совнарком, когда его вызывали, ходить уклонялся и посылал меня.

МТС, как центры укрепления колхозов и подведения под колхозное производство высоко технической базы, сыграли важную роль.

Трактора МТС плохо ремонтировались, часто ломались. Я много ездил по МТС и убедился в правильности многочисленных жалоб на то, что они не могут укомплектовать мастерские квалифицированными рабочими, так как зарплата у них была очень низкой. Собрал данные о зарплате в ремонтных мастерских в совхозах, на автотранспорте и оказалось, что рабочие мастерских получают значительно ниже. Составил расчеты, требовались многие миллионы на подтягивание зарплаты рабочих мастерских МТС, или как они тогда назывались — МРМ. Пошел к наркому, показал ему эти расчеты. И выразил сомнение в согласии правительства пойти на такие расходы. Он снял трубку и соединился с Молотовым: «Профсоюз ставит вопрос о повышении зарплаты рабочим мастерских МТС. Ставит обоснованно». Зачитал цифры из моих расчетов и обосновал необходимость поддержать это предложение. Молотов дал принципиальное согласие

и предложил представить предложение в СНК. Он вызвал заведующего отделом труда наркомата и предложил ему включиться в эту работу, предупредив, что ходатайство в правительство пойдет от имени ЦК профсоюзов, а наркомат его завизирует. Мы быстро написали ходатайство в правительство, составили расчеты, их нарком, Яковлев, завизировал, и они пошли к референтам Молотова. Те быстро продвинули этот вопрос на заседание Совнаркома, и наши предложения были утверждены. Докладывать на Совнаркоме полагалось Председателю ЦК Максимову, но он сказал: «Ты, Миша (так он звал меня, если были вдвоем), иди и докладывай, я тонкостей этого дела не знаю, могу не ответить на некоторые вопросы, а ты это дело затеял, доводи до конца». Все оказалось проще. Я очень коротко доложил, Яковлев меня поддержал, а Молотов сказал, что необходимо механизаторов деревни поставить в лучшие условия, и предложил наши предложения утвердить. Все дело было решено за десять минут. Нам же пришлось поработать крепко: разработать новую тарифную сетку, квалификационный справочник, провести Пленум ЦК, совещания в республиках и областях. Сделали хорошее и полезное дело.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ
РАБОЧИХ МАШИННО-ТРАКТОРНЫХ СТАНЦИЙ и БАТРАЧЕСТВА СССР
(ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ)

1932 г.
№ 611/020

АДРЕС
Москва, 11, Сокольники, 12, Дворец Труда
Для телеграмм:
Москва ЦК МТС батрачек
Коммутатор—Дворец Труда
ТЕЛЕФОНЫ

Председатель ЦК 4-80-20
3-87
Секретарь ЦК 3-90-20
3-54
Управление делами . . . 3-90-20
3-54
Орган.-инструкторский сектор 3-90-20
Сектор кадров 3-93
Сектор прогов. и конкурсов . . }
Сектор корреспон. и марок . . } 3-71-
Соц.-бытовой сектор . . . . }
Бухгалтерия . . . . . }
Сектор мест. рас. и делег. конференций 3-87
Фининспектор . . . . . 3-94 (Для отметок)

СПРАВКА.

На Вход. №
(Наш исход. №

В одном отношении касаться только одного вопроса.

О ЧЕМ:

Дана члену Президиума ЦК союза рабочих МТС и батрачества тов. БРОДНИКУ М.М. в том, что ему разрешается произвести обмен жил. площади в доме ЦК гор. Москва Калашниковская ул. № 19-е корпус б с граждан. СОКОЛОВОЙ В.И. и ЛЕБЕДЕВЫМ В.П., проживающими в гор. Москве по Краснопрудной ул. д№ № 8 кв. 23.

ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА: (Сонн).

УПРАВДЕЛАМИ: (Оберг).

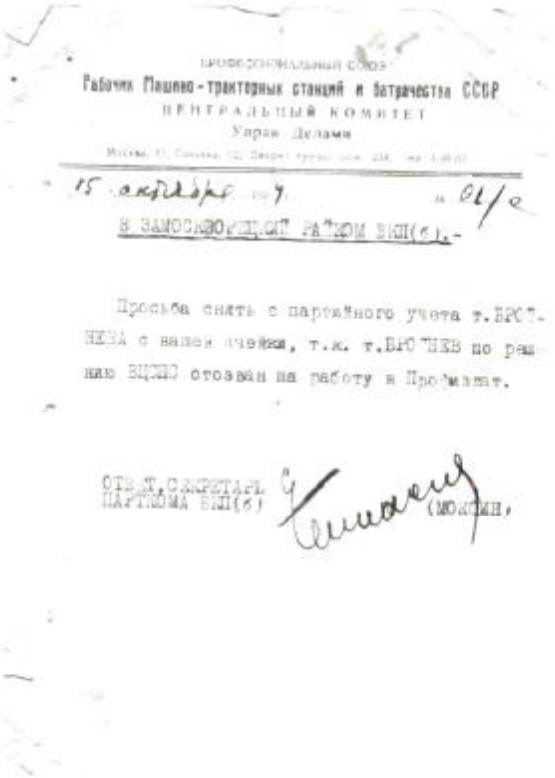
УПРАВЛЕНИЕ ДЕЛАМИ Ц.К.

Раза два слышал Бухарина. Он уже был «штрафным», руководил технической пропагандой. Этот средний человек, скромно одетый, в кожаной куртке, производил очень

На заседаниях Совнаркома мне приходилось бывать несколько раз. В зале заседаний в Кремле — длинный стол. У каждого наркомата определенное место с надписью на кресле. Места определены по значению наркомата. Последними были кресла Наркомсвязи и ВЦСПС. Наркомом связи был Рыков. Сиживал с ним рядом. Говорят, он здорово пил, и иногда это было видно по его лицу. А как-то видел его с сильно поцарапанными руками, видимо, кот выразил свое недовольство. Учуяв окончательный закат Рыкова, Президиум ВЦСПС обсуждал вопрос о нем в связи с невниманием к работникам почт и телеграфа. Выступления многих были демагогическими, придирчивыми, а особенно неумную речь произнес представитель ЦК ВЛКСМ Петелин. Рыков ответил ему спокойно: «Ммм-олодой человек, я ссс-вами встречаюсь не ппервый раз и зззнаю, что Вы вппп-еред ггг-оворите, а потом ддд-умаете». Рыков заикался. Это придало его остроумной реплике еще большее впечатление.

сильное впечатление. По отношению к нему Сталин проявил иезуитство. Во время борьбы с Троцким он сказал: «Нашего Бухарчика в обиду не дадим». А через некоторое время «Бухарчика» расстреляли.

Сталина видел на съезде колхозников-ударников. Невзрачный на вид человек, конопатый. На портретах его «подкрашивали». После событий тридцать седьмого года я думал, что, будучи стариком, напишу о сталинском периоде то, что я видел, зарою в землю, потомки найдут и по таким записям (а, вероятно, такая мысль была не у меня одного) узнают о его подлом времени по отношению к людям. Я убежден, что Сталин был сумасшедшим: страдал манией преследования, покарал даже близких людей, жен Молотова, Калинина и многих других. Нормальный человек на это не способен. И Хрущев правильно сделал, что разоблачил его. Мне не надо зарывать свою писанину в землю. Удивительно другое: ведь его сумасшествие видели остальные члены Политбюро, но каждый боялся за свою шкуру. Хрущев писал, как они ехали к Сталину с Булганиным и не знали — вернутся ли домой от него. Конечно, объявить Сталина сумасшедшим даже Хрущев не решился, ведь это мировой скандал — десятилетия правил страной сумасшедший. Хрущев не назвал цифру погибших и репрессированных при Сталине, хотя дал понять, что их очень много, назвав цифру погибших делегатов предыдущих партийных съездов. Удивляюсь, почему не сняли обвинения в измене родине с Бухарина, Рыкова и других, которые, конечно же, не были контрреволюционерами и шпионами. Ведь Ленин работал с Зиновьевым и Каменевым, допустившими явное предательство во время революции. Он простил им их ошибки. Зачем же оставлять на Рыкове, Бухарине, Зиновьеве и других ошейники



ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ
Рабочих Машино-тракторных станций и батрачества СССР
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
Управ. Делами

15 октября 1934 г. № 01/с

В ЗАМОСКВОРЕЦКИЙ РАЙКОМ ВКП(б).-

Просьба снять с партийного учета т. БРОДНЕВА с вашей ячейки, т.к. т. БРОДНЕВ по решению ВЦСПС отозван на работу в Профиздат.

ОТВЕТ. СЕКРЕТАРЬ ПАРТКОМА ВКП(б) (МОЖКИН)

т. Бродневу ЦК МПСС

ВСЕСОЮЗНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ

Москва 15/IX 1934 г.

Выписка из протокола № ... заседания Секретар. ВЦСПС от ... 193 г.

СЛУШАЛИ: Просьба т. Лазаря об откомандировании на редакционную работу Профиздат т.т. Броднева и Ампра.

ПОСТАНОВИЛИ: Согласиться с переходом т. Броднева на работу в Профиздат сохранив за ним право на столовую и снабжение.

СЕКРЕТАРЬ ВЦСПС: Н. ШВЕРНИК.

Верно: Секретарь Президиума ВЦСПС: (Александрова).

врагов народа и шпионов, а не объективно оценить их ошибки. Сейчас неприятно слушать гимны Мао, а ведь при Сталине было то же.

Отвлекся. Работа в ЦК профсоюза мне многое дала. Общение с работниками ЦК партии, наркоматами, поездки по многим республикам и областям и прочее значительно расширили мой кругозор, обогатили опытом. В Москве я много писал, регулярно давал статьи для заграничной печати, Международный комитет сельхозрабочих их переводил и рассылал по заграничным издательствам. Пачку таких статей на иностранных языках у меня изъяли при аресте. Печатал большие статьи в толстом теоретическом журнале «Вопросы профдвижения». Опубликовал книги: «Все силы МТС на уборку урожая» (1933 г.), «Агротехническая пропаганда в МТС и совхозах» (1933 г.), «Профсоюзы в борьбе за большевистские колхозы» (1933 г.), «Рабочкомы в борьбе за урожай» (1934 г.). Работал я много и продуктивно.

Из ЦК меня перевели на работу в Профиздат, старшим редактором. Но я оказался малограмотным, некоторые слова писал неправильно, знаки препинания ставил не всегда где надо. В ранее опубликованных работах машинистки и корректоры все подгоняли на свое место, и я даже не подозревал, что пишу со многими орфографическими ошибками. А тут сразу выявился мой дефект. На одной из рукописей написал: «мало конкректных данных». Подчиненный редактор указала на это и предложила вечерами заняться со мной грамматикой. Я ушел из издательства. Стал работать в Высшей школе профдвижения преподавателем политэкономии и заведующим программно-методическим бюро. Работа ладилась, но я решил готовить диссертацию и выехал на Север.

Ямальская культбаза

В книге «Край земли, устремленный в будущее», которая посвящена 75-летию Ямальского района (Яр-Сале, Санкт-Петербург, 2005 г.), говорится следующее:

Ямальская культбаза была организована решением Комитета Севера при ВЦИКе. Ее строительство началось в августе 1932 года в районе Ярсалинской фактории. Предстояло в кратчайшие сроки построить школу, больницу, жилые дома, туземный дом, помещение для местных и районных — советских, партийных и хозяйственных организаций. А задачи, поставленные перед культбазой, были поистине широкомасштабными и крайне трудными для выполнения: развертывание коллективизации на Ямале, организованное и хозяйственное укрепление колхозов и простейших производственных товариществ (ППТ); перевод кочевого населения на оседлый образ жизни; повышение культурно-политического уровня коренного населения, внедрение культуры в быт; улучшение образования и здравоохранения; выполнение хозяйственных планов и развертывание стахановского движения; изучение экономики и быта ненецкого населения. И что поразительно — многое, наперекор невероятным трудностям, удалось сделать! к концу 30-х годов в распоряжении культбазы уже имелись больница, школа-интернат, Дом ненца с клубным помещением, столовой и комнатой для приезжих, ветеринарный пункт, краведеческий пункт, два Красных чума, ряд различных хозяйственных объектов.

С деятельностью культбазы тесно связаны все сколько-нибудь значительные события, происходящие в ту пору в жизни не только Яр-Сале, ставшего тогда административным и культурным центром, но и всего района. Одно из них произошло 9 ноября 1935 года. В этот

ВСЕСОЮЗНЫЙ Центральный Совет Профессиональных Союзов
Высшая Школа ПРОФДВИЖЕНИЯ
Сектор
Москва, Солянка 12, Дворец Труда

28 апреля 1935 г. №
На Ваш № п/п №

СПРАВКА

Предъявитель сего тов. Броднев М.М. действительно состоял преподавателем по [illegible] с 1/IX-34 г. по 15/IV-35 г. при Высшей Школе Профдвижения ВЦСПС освобожден в связи с отзывом для работы на севере.

Справка дана для предоставления.

ЗАВ. УЧ. ЧАСТЬ
СЕКРЕТАРЬ

СССР
МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
30 ноября 1936 г.
№ Б-619
Москва, 60 Б. Пионерская, 11
Тел. 7-5-0019, доб. 43

Гр-ну БРОДНЕВУ Михаилу Митрофановичу
г. Енисейск, Красноярского края, Фефелова, 37

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В документальных материалах архивного фонда Центрального комитета профсоюза рабочих Машино-тракторных станций и батрачества в личном деле БРОДНЕВА Михаила Митрофановича имеются сведения о его работе в ЦК профсоюза Машино-тракторных станций и батрачества в должности заведующего культсектором с 20 августа 1931 г. по август 1934 г. Постановлением президиума ЦК профсоюза рабочих МТС и батрачества от 25 августа 1934 г. БРОДНЕВ Михаил Митрофанович откомандировывается в распоряжение ВЦСПС для использования старшим редактором Профиздата и преподавателем ВШПД.

Основание: ЦГАОР СССР, ф. 7924, оп. к/с, д. 5, лл. 22, 45.

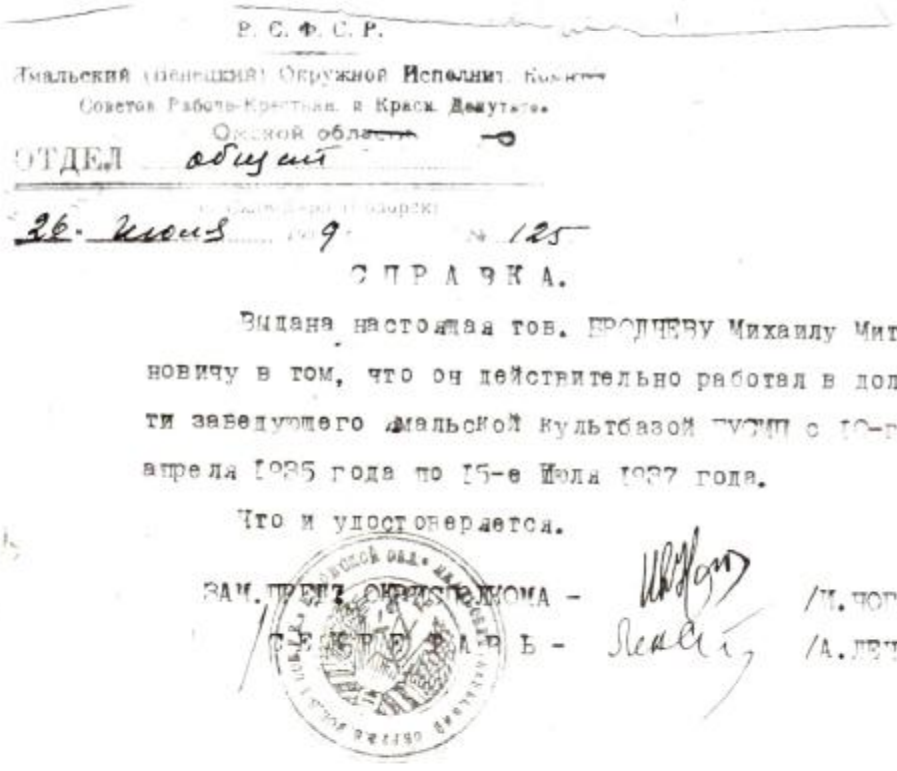
НАЧАЛЬНИКА ЦГАОР СССР /РЫБИНСКИЙ/
НАУК ОТДЕЛА /БЛИНКОВА/

день, в 5 часов 30 минут, электростанцией базы был впервые пущен ток на поселок, в дома ярсалинцев пришел электрический свет.

Фактически культбазой были заложены основы систем образования. (Правда, первая в районе школа была открыта Варварой Филипповной Михайловой в Новом Порту для детей-спецпереселенцев из Астрахани в 1931 году, то есть до создания базы). В 1932 году открылась школа и интернат в Яр-Сале, здесь же, в 1938-м, — промышленно-техническая школа.

До 1940 года появились школы в Пуйко, Тамбее, Се-Яхе, в 1943-м — начальная школа в Панаевске, учреждения здравоохранения и культурно-бытового обслуживания населения в их теперешнем виде. В этих и других добрых делах (участие в ликвидации безграмотности среди взрослых, профессиональном обучении местных жителей и т.д.) — нелегкий труд всех тех, кому в разные годы довелось работать в Ямальской культурно-хозяйственной базе в том или ином качестве. Большой вклад в общее дело внесли педагоги и медики, краеведы и зоотехники, ветврачи, культурные и технические работники.

Но самых благодарных слов заслуживает Михаил Митрофанович Броднев, заведующий культбазой в 1935—1937 годы, человек непростой судьбы, оставивший по-настоящему добрый и глубокий след в истории и Ямальского района и Ямало-Ненецкого автономного округа. Именно под его руководством база за короткое время превратилась в подлинный центр хозяйственной и культурной жизни района. При множестве повседневных, связанных с базой хлопот, он выкраивал время еще и для научной работы — серьезного изучения прошлого Ямала, собирания и обобщения материалов по его истории и этнографии. Итогом творческого



Р. С. Ф. С. Р.

Ямальский (Ненецкий) Окружной Исполнит. Комитет
Советов Рабоче-Крестьян. и Красн. Депутатов.
Омской области
ОТДЕЛ общий

26 июня 1939 № 125

СПРАВКА.

Выдана настоящая тов. БРОДНЕВУ Михаилу Митрофановичу в том, что он действительно работал в должности заведующего Ямальской культбазой ГУСМП с 10-го апреля 1935 года по 15-е июля 1937 года.

Что и удостоверяется.

ЗАМ. ПРЕДС. ОКРИСПОЛКОМА - /И.ПОГО/

СЕКРЕТАРЬ - /А.ЛЕТУНОВ/.

поиска М.М. Броднева стала рукопись «Ямал», в которой уместилась многовековая история края, изложенная точным, выразительным, образным слогом. Его размышления об экономике, этнографии коренных ямальцев нашли отражение и в ряде статей, опубликованных в журналах «Советская этнография» и «Омская область».

С 1 января 1939 года Ямальская культурно-хозяйственная база официально прекратила свое существование.

Считаем необходимым перед воспоминаниями М.М. Броднева поместить еще и статью Бориса Ивановича Шмырева, который был первым руководителем Ямальской культбазы. Она была напечатана в журнале «Советский Север» (№ 6. 1933. С. 69–74) под одноименным названием «Ямальская культбаза».

На одной из Ярасалинских (*так в тексте. — Прим. авт.-сост.*) проток, среди полного безлесья, в голой тундре, среди озер и болот, в центре зимних кочевий, построена Ямальская культурная база. Она находится в юго-восточной части Ямальского полуострова, примерно около 68 параллели северной широты, на западном берегу Обской губы.

Соприкосновение базы с туземным населением происходит в зимнее время, когда наступают холода и олень уже не может кормиться зелеными кормами, когда зимняя пурга создает очень тяжелые условия пребывания в тундре и туземцы начинают переходить в лесотундровую полосу.

Подход населения к участку базы начинается со второй половины ноября, то есть тогда, когда наступают темные дни и солнце совершенно не показывается из-за горизонта и когда день нельзя назвать собственно днем, а просто «безразрывной зарей».

Шура Серасхова во вновь отстроенном культбазой доме. 1936 г., Яр-Сале

Почему мы избрали южную часть полуострова, часть зимних кочевий, для нашей базы? Это объясняется тем, что в период летних кочевий, когда тундры представляют собой исключительно хорошие летние корма в любом месте, туземное население разбрасывается по всей тундре. Зимою же, когда зеленых кормов нет, оно вынуждено искать ягельные пастбища, расположенные, главным образом, в южной части полуострова.

Кочуют в Ямальском районе в преобладающем большинстве ненцы (самоеды). Туземное население, непосредственно соприкасающееся с базой, имеет такую «амплитуду кочеваний», что со старыми купеческими центрами им трудно было связаться. В старое дореволюционное время и в первые годы революции приходилось преодолевать колоссальное количество верст, чтобы дойти до торгового и административного пункта. Такая отдаленность создавала большие трудности для связи с культурными центрами. Культбаза облегчила эту связь.

Люди культурно-отсталые, с нетронутым отсталым бытом, с пережитками полуфеодализма, сплошная неграмотность — таково туземное население Ямальского района. Это обусловило на первых же порах недоуменное и недоверчивое отношение к базе. Предварительная разъяснительная работа вокруг строительства не была проведена, население не знало, кто это строит, зачем, что это за постройки, какая работа в них будет разворачиваться, какой «начальник» в них будет жить.

Надо еще добавить, что этот участок тундры, с ярко выраженным классовым расслоением населения и очень слабым советским освоением, представлял собою благоприятную почву для деятельности антисоветских кулацких элементов,

Учащиеся культпросветшколы. М.М. Броднев в центре. 1940 г.

для всякой агитации против мероприятий партии и советской власти в тундре и, в частности, против такого мероприятия, как постройка культурной базы. Туземное население было напугано предположением, что на такие большие дома потребуется много топлива, что на такое большое количество людей потребуется много мяса и рыбы и что, естественно, их заставят заниматься добыванием топлива и продуктов. Этими доводами оперировало кулачество, восстанавливая туземное население против базы.

Но благодаря условиям, в которых проходило строительство базы, туземное население было поставлено уже перед свершившимся фактом (существованием базы). Первые туземцы, приблизившиеся к нашей культурной базе, предполагали, что заблудились, потому что перед их взором выросли большие, не существовавшие до сих пор постройки. Туземцы знали очень хорошо эту местность и привыкли к ориентирам, которые стоят на одном месте в течение веков. Они не могли себе представить, что в столь короткий срок кто-то смог построить такие большие дома, а про 250 человек населения базы они говорили: «Людей появилось, как комара в тундре».

Как стоилась Ямальская культбаза? Построить ее в таком чисто тундровом районе, как Ямал, было не так-то просто. Лето в тундре очень коротко, а мы знали, что на месте строительства нет ни одного жилища, где бы можно было расположить рабочую силу. Все разгрузочные работы — А разгрузка велась круглые сутки — были закончены только 15 августа. Условия разгрузки были неимоверно тяжелы. Пароходом нельзя было подойти вплотную к месту строительства — пришлось остановиться в 12 километрах от него. Все стройматериалы перетаскивали по бревнышку к месту строительства по Ярасалинской протоке. Каждая смена работала по 12 часов, а руководящий персонал — пока не свалится с ног. Помогало работать незаходящее солнце.

Нужно было преодолеть такое препятствие, как болото, протяжением в 200 метров. По болоту нельзя было ни пройти, ни проехать на лошадях. Пришлось строить специальную гать. Работали круглые сутки, жестоко страдая от гнуса, который не давал возможности даже уснуть.

Все же к 15 августа вышли на берег. Тут перед нами встала новая задача — постройка не только зданий культбазы, но и помещений для местных районных, советских, партийных и хозяйственных организаций. Для этого необходимо было вновь доставить лес. Решение созрело только в конце сентября, в то время как в половине октября уже становятся реки.

Сплав леса в низовьях Оби широкими плотами не был знаком ни одной хозяйственной организации. Впервые за эту практику взялись строители базы. Несмотря на все запугивания, что работа будет не по плечу, мы все же решили сплавлять лес таким способом. И 2 октября приступили к разборке специальной показательной матки леса. Работа была тяжелая. Бывали такие моменты, когда вся речушки были сплошь завалена лесом. Бывали случаи, ког-

да оставалось каких-нибудь полкилометра до места строительства, вдруг поднимался страшный ветер, и приходилось направлять все усилия на то, чтобы как-нибудь запрудить лес, иначе он шел обратно. Необходимо было охранять лес, чтобы его не разбило штормом. Люди работали по пояс в ледяной воде.

Положение было крайне напряженное. Мобилизованы были все, вплоть до детей, которые сидели верхом на лошадях и вытаскивали на постромках бревна на берег. О всех препятствиях не расскажешь, но в результате нашей работы были вчерне построены два двухэтажных дома для Районного исполнительного комитета — сверх строительной программы.

Культбаза начала функционировать 7 ноября 1932 года. Первыми открытыми учреждениями стали школа, интернат и Дом ненца. Вслед за этими учреждениями одно за другим начали функционировать больница, ветеринарный, зоотехнический и краеведческий пункты.

Характерным показателем недоверчивого отношения населения к базе были результаты первоначальной вербовки детей в школу. На призыв отдать своих детей учиться родители подговаривали своих детей притвориться глухонемыми, слепыми или истеричными.

Часто к моменту приезда школьного работника в чум, дети отправлялись к соседу в гости, километров за 50—100, только для того, чтобы показать, что в этом чуме детей школьного возраста нет. В некоторых же местах заявляли прямо: «Детей не отдадим». Когда не хватало логики для возражений, родители говорили, что если дети сами согласятся, то они не возражают, а бывало, что говорили: «Детей возьмете только тогда, когда привяжете их к нарте».

Вначале эти разговоры свидетельствовали не только об отношении к школе, культурной базе и советским мероприятиям в целом, но и о скрытой кулацкой агитации, так как никто из работников школы и советского актива никогда не ставил вопрос о принудительной вербовке детей в школу.

На первых порах существования больницы кулачество распространяло слухи, что если кто-нибудь из туземцев приведет туда больного ребенка, а тем более, если женщина придет рожать, то русский врач обязательно отрежет голову ребенку и поместит ее в спирт.

Коллективу базы стоило колоссальных усилий и выдержки упорным разъяснением и практической работой доказать отсталому туземцу всю абсурдность подобных слухов. Результаты упорного длительного разъяснения задач и целей культурной базы, разоблачения кулацких хитросплетений вокруг работы базы — Не преминули сказаться на улучшении отношения к базе основного кочевого населения.

Показателем завоеванного доверия туземного населения может служить тот факт, что весной, к моменту рыбопутинной кампании, на предложение базы отдавать своих детей на детскую площадку население откликнулось уже охотнее. Если в первое время в школе было не более 6-ти малышей, то весною количество детей на детплощадке доходило до 14—15. При этом надо

отметить, что население беспрерывно следило за нашей деятельностью. Родители зачастую по несколько часов просиживали на занятиях. Завтракали вместе с детьми и бдительно смотрели, как с ними обращается персонал и чему их учат.

Не менее характерные факты можно было наблюдать и в больнице: если в первое время население чуждалось и избегало посещать больницу, и муж, приводя жену, обязательно присутствовал при освидетельствовании, то после прошедшей эпидемии гриппа — когда медицинский персонал базы оказал большую помощь тем, кто добровольно шел в больницу и исполнял все указания врача, — недоверие по отношению к больнице, созданное кулаками, было уже надломлено. Об этом говорят и цифры: больницу посетили более 1 000 человек.

Центром базы является Дом ненца, в котором и разворачивалась, в основном, разъяснительная работа и практическая помощь туземному населению.

Дом ненца организован и работает таким образом, что пришедший туземец сразу же чувствует непосредственную заботу обслуживающего персонала. Дом работает круглые сутки — если и бывают часы отдыха, то они приходятся на день. Это и понятно, так как приехать на базу — значит бросить свое стадо, свои домашние дома, промысел и так далее. В течение короткого дня ни один хозяин такой роскоши позволить себе не может и на все приватные дела, а в том числе и на посещение базы, отводится ночь.

Можно себе представить, как действует на человека тот факт, когда после долго пути, зачастую в пургу, в жестокий мороз, среди глубокой ночи, он находит в Доме ненца приют, кружку горячего чаю, кусок свежего мяса и теплый ночлег. За кружкой чаю дежурный — один из ответственных работников базы и партийно-советского актива — расскажет ему: что он может получить в фактории, сколько стоит песец, попутно спросит о состоянии здоровья и, если нужно, вызовет врача. После чая его обязательно сводят в музей, подробно покажут экспонаты, отражающие его хозяйство, его деятельность в тундре и объясняющие наглядно, как организовать хозяйство и практически приобщиться к социалистическому способу производства.

Музеем население очень интересуется.

В музее промышленник-туземец наглядно представляет, какой ущерб приносят плохая предварительная обработка шкуры, скверная традиция обрезания хвостов у первого пойманного песца. Он видит преимущество шкурок, выправленных по стандартным правилам, и преимущество современных ловушек на зверя перед своими допотопными «слопцами». Тут же он может убедиться в преимуществах коллективного способа работы в промысле песца, рыбы и в оленеводстве. Когда группе туземцев стали объяснять, куда идут песцы и вообще вся экспортная пушнина, они были очень удивлены и заявили, что до сих пор этого не знали. Затем последовал естественный вопрос — сколько машин дадут в этом году за пушнину, которую они добыли, и в какой степени эти машины их обеспечат.

С огромным любопытством туземцы слушают объяснения и разбирают модель человека, с еще большим вниманием и удивлением смотрят они на школьную выставку, где видят, как их дети шаг за шагом обучаются грамоте и необходимому в тундре ремеслу.

В Доме ненца туземец может подать жалобу на обидчика дежурному, получить от него совет, а если нужно, то тут же ночью встретиться с председателем. Здесь же туземец увидит и диковинные «живые картины», которые ему покажут, не считаясь с количеством присутствующих.

Если у него сломалось ружье, капкан, нарта, или же испортилась упряжь — у него примут все в починку и справят по себестоимости.

Вот способы и методы работы, которыми коллектив базы завоевал доверие туземного населения.

Естественно, на базе все побывать не могут. И поэтому база организует выезды временных красных чумов в гущу кочевья.

Состав таких чумов предопределяет их роль и работу. С чумом едет массовик коммунист, с ним обязательно медицинский работник, представитель власти (национального кочевого совета), и обязательно разъездной кооператив. Такие чумы в каждом сезоне выезжают сроком до 2-х месяцев, имея с собой собственные передвижные средства (оленьи стада). Благодаря этому красный чум является гибким проводником политики партии и советской власти в тундре.

Постепенно коренное туземное население начинает приобщаться к непосредственной работе базы. В аппарате базы в первый же год ее существования несут руководящую работу три представителя туземного населения. Домом ненца заведует молодой, энергичный и способный ненец Саратето (*так в тексте. — Прим. авт.-сост.*) Николай. Заместитель заведующего базой — тоже ненец, студент Института Народов Севера. Кроме того, в состав Совета культурной базы входят четыре представителя местного коренного населения, в том числе две женщины. Вокруг базы имеется и актив туземного населения, который помогает базе в ее повседневной работе и сам приходит к ней за помощью. Этот актив состоит, главным образом, из членов колхоза «Харп», а также отдельных туземцев, которые принимают участие в выездах с красными чумами в качестве представителей местной общественности.

Большая и серьезная работа по привлечению к советскому строительству была проведена организованной на культбазе печатной газетой «Нарьяна-Вы» (Красная тундра). Работа этой газеты складывалась в особо тяжелых условиях. «Американку» нужно было привезти за 400 километров на оленях. Зачастую не хватало шрифта. Организовать селькоровскую сеть газеты в условиях почти 100%-ной неграмотности было тоже нелегко. Требовались особые формы и методы привлечения туземного актива. Газета имела постоянных устных корреспондентов, они приходили в редакцию газеты, высказывали свои наболевшие вопросы и нужды, которые они считали необходимым довести до сведения общественно-

сти. Если корреспондент находился далеко, он прибегал к помощи грамотных русских — приказчиков фактории, секретарей и других советских работников, диктовал им заметку и просил доставить по адресу. За неимением латинизированного шрифта, газета печаталась на русском языке. В связи с этим нужны были кадры читальщиков, переводчиков и организаторов коллективного чтения. Газета имела большой успех, пользовалась авторитетом среди туземного населения и с удовольствием заслушивалась на коллективных читках.

Основными проводниками газеты были красные чумы, фактории, кооперативы, рыбопромысловые участки, где всегда имелись переводчики и грамотные люди.

Кроме взрослого населения, в работе газеты принимала участие и школьная детвора. Показательна заметка ребят в №4 газеты от 23 января 1933 года:

«Ребята, идите к нам учиться — здесь хорошо». Письмо учащихся школы культурной базы ко всем детям сиротам, ко всем детям батраков, бедняков и середняков туземцев».

«Мы, ребята туземной школы, шлем вам привет. Мы уже три месяца учимся в школе. Мы научились писать хасаво буквы, писать цифры 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, прибавлять, отнимать.

Мы в школе каждый день моем руки и лицо с мылом. Мы уже получили новые рубахи, штаны, пиджаки, шапки. У нас есть мясо, рыба, булки, крендели, масло. Мы едим хорошо. Ребята-туземцы, идите к нам учиться — здесь хорошо. Мы вас ждем».

Одной из очередных задач работы базы являлась ломка старого патриархального быта.

Первыми практическими шагами было внедрение санитарно-гигиенических навыков. Начали с белья и бани. Туземец думает, что если человек часто моется, то будет мало жить. Поэтому добиться его согласия пойти в баню — тяжелая задача. Все же удалось создать так называемый «актив»: весь колхоз «Харп» моется в бане культбазы и сдает в стирку белье.

Проведена первая опытная работа по рационализации жилища и борьбе с коническим чумом, с его костром в центре. С этой целью база соорудила два специальных показательных передвижных домика, в каждом из которых может расположиться семья в 3—4 человека и есть маленькая железная печка, окно, дверь, кровати. Совместно с другими организациями и Национальным Советом был разработан, сооружен и пущен в эксплуатацию летний нартяной чум, который дает возможность более культурного образа жизни. Не меньшую роль сыграло внедрение обыкновенных железных печей в старые чумы. В этом деле культбаза и ее мастерские оказали большую помощь туземному населению, приспособляя обыкновенные «железки».

К каждому из хозяйств, живущих непосредственно на территории базы, прикреплен медицинский работник, разъясняющий и помогающий, по возможности, соблюдать, в условиях чума, элементарные правила санитарии и гигиены.

Кроме того, для выезжающих в постоянное кочевание вместе

с туземным населением работников факторий, советских организаций и самой базы, больницей разработана специальная инструкция и указания, какими способами и методами внедрять в быт населения хотя бы элементарные правила санитарии и гигиены.

Ведется также массово-разъяснительная работа в области борьбы с шаманизмом, так называемым «сямяем», и калымом.

В общей деятельности базы значительное место занимает краеведческий пункт. Основная его задача — организация массового краеведения, привлечения к изучению культурных и производительных сил района, непосредственно самого населения, руководство этой работой и систематизация материалов.

Краеведческий пункт ведет исследовательскую работу в отрасли пушного хозяйства района, воспроизводства его естественных ресурсов, изучения отдельных промысловых районов, форм перевода охотничьего хозяйства на социалистические рельсы.

Ветеринарно-зоотехнический пункт свою непосредственную работу среди основных масс и единоличников начал проводить в период летнего кочевания. Осенью он работал, главным образом, по укреплению колхозного и совхозного секторов. Достигнуты результаты в части постановки учета и ветеринарно-зоотехнического отбора племенного материала. 4 100 голов оленей обслужено ветзоопунктом во время убойной компании. Для убоя отобран низкокачественный племенной материал, изучалась печень каждого убитого животного, так как среди оленей оказался очень большой процент больных печеночным глистом. Ветпунктом поставлена на очередь задача проведения опытов борьбы со свищеватостью посредством хлорпикриновых камер.

Было проведено совещание в оленеводческом совхозе при участии ветзооперсонала культабазы. На этом совещании выработан тип специальных походных коралей, обсуждался вопрос о копытных заболеваниях, о движении стада, о разукрупнении совхозов, о пятилетнем плане развития оленесовхозов, о молочном хозяйстве, оленеводстве и собаководстве, о формах связи с колхозами, о технике выпасов и т.п.

Была проведена просветительно-разъяснительная работа среди населения по борьбе с эпидемией бешенства, но, к сожалению, результаты ее до сих пор не особенно значительны — очень трудно добиться, чтобы туземцы не ели оленей, погибающих от бешенства.

Всю свою работу и все свои мероприятия культурная база, безусловно, проводит в теснейшем контакте с руководящими окружными организациями, со своей стороны помогая местным органам власти. Вполне естественно, что большой интерес представляют собой практические результаты, которые могла дать деятельность культурной базы в деле оказания помощи и укрепления советов в тундре. В период летних кочеваний культурная база передала Совету для совместного с ними кочевания школу-передвижку, которой до сих пор в районе не было. Южно-Ямальскому Национальному Совету передан политпросве-

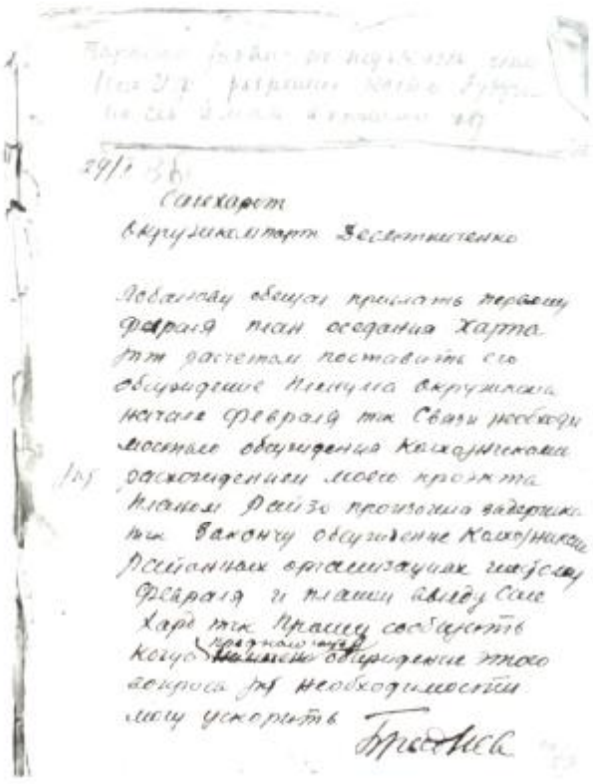
тработник. Совместно с туземным советом, культурной базой командирован врач с соответствующим медицинским инвентарем. Из наличных культурных сил базы во время летних касланий посланы два ветеринарно-зоотехнических отряда: один вместе со стадом колхоза «Харп» и второй — с Уралпушниной. Проводилось также медицинское обслуживание рыболовецких туземных артелей. В отрядах имеются специальные работники-массовики. В тундре созданы две партийные группы и одна кандидатская группа при колхозе «Харп».

В заключение необходимо подчеркнуть, что база преодолела целый ряд трудностей и добилась положительных успехов благодаря четкому руководству районной парторганизации.

Такова вкратце работа Ямальской культбазы за первый год ее существования.

Воспоминания Михаила Митрофановича Броднева

Итак, я назначен заведовать Ямальской культбазой. Сборы были сложными и длительными. Договор я подписал, кажется, 10 апреля, — а из Москвы мы выехали 20 мая 1935 года. В Ярсале добрались в середине июня. Мне надо было подобрать почти весь состав специалистов культбазы. Двоих я принял из числа работников профсоюза: Соина — массовиком, точнее, заместителем по массово-политической работе и Тимофеева — краеведом. В Комитете Севера мне порекомендовали взять Каргара, высылаемого ГПУ из Ленинграда. Это был крупный этнограф, он работал ученым секретарем института, занимающегося вопросами Севера, создал букварь для ханты. Почему выслали — ни он, ни мы не знали. Он оказался хорошим человеком, дельным работником и много мне помог в специфических условиях.



Из записной книжки М.М. Броднева. 1936 г.

Трудность подбора людей осложнялась тем, что после челюскинской эпопеи, многие думали, что следует только попасть на Севера — будут знаменитыми героями. В основном, мне удалось подобрать хороший состав работников, но в электрике ошибся. Принял я на работу молодого парня, навел предварительно справки — отзывы положительные. В Москве мы должны были достать все для монтажа электростанции. Это с большим трудом удалось. Не могли только достать когтей. Электрик Данилов сказал: «Скуем на месте, да и при нужде проведу линию при помощи лестницы». Электростанцию, столбы поставили, а провод не натягивается. Спрашиваю, в чем дело? Отвечает: когтей нет. Напоминаю о лестнице. «А вы напишите приказ, обязывающий меня навесить провода при помощи лестницы». Я понял, что с первого же столба упадет, поднимет шум о нарушении техники безопасности и расторгнет договор. Север на него действовал угнетающе. Я вызвал совхоза и предложил на завтра подготовить лошадь, отвезти Данилова до Салехарда. «А как же с проволокой?» — спросил он. «Вызовем другого — добросовестного монтера. Он обещал провести линию». Утром я вышел — провода натянуты. Захожу к нему: не убились. Вскоре я его отпустил.

Продолжение этой большой статьи, к сожалению, не сохранилось. О культбазе закончу указанием на то, что это было опытное учреждение, на практике проверившее наиболее целесообразную организацию форм и методов здравоохранения, просвещения и хозяйственного строительства у отсталых народов Севера.

Между прочим, сложными оказались взаимоотношения культбазы с местными партийными и советскими органами. Райком и райисполком были еще слабыми,

с небольшим и плохим составом работников. Секретарем райкома был латыш — Стеберклис. Его хорошо описал Большаков в книге «В чаду костров», как глупого человека — любителя пельменей.

Райком и райисполком не имели жилья, приходилось ущемлять интересы работников культбазы и расселять их. Специалистов в их аппарате не было. Медицинское, ветеринарное обслуживание, школьное дело находились под ведомством культбазы. Мы имели инструкторов по колхозам, проводили коллективизацию и оказывали им помощь. Районные организации были зависимы от культбазы даже в таких мелочах, как топливо, освещение и т.д. Возникало много конфликтов на почве этих мелочей. И невольно возникал вопрос, кто же власть на Ямале — райком или культбаза. Культбаза подчинялась непосредственно Комитету Севера ВЦИК, а позднее — ГУСМП. Коммунисты культбазы состояли на учете в политотделе, и у райкома не было над нами власти. Положение усугублялось тем, что секретарь райкома был неумным человеком.

В конце 1936 — начале 1937 года состоялась районная партийная конференция. В первые райкомы избирали тайным голосованием. Инструкцию применили без ограничений, кандидатов обсуждали целый день, в список для голосования включили больше людей, чем надо было избрать. Стеберклиса никто не выдвинул. Секретарь окружкома Лобанов произнес длинную речь в его защиту, но он получил мизерное количество голосов и в состав райкома не прошел. На пленуме начальник райотдела НКВД предложил избрать секретарем меня. Избрали. Объединение райкома и культбазы под одним руководством было целесообразным.

Окружком считал иначе. Прислали Василевского, не избранного в состав райкома, а через некоторое время он поставил вопрос о моем исключении из партии за связь с троцкистской женой. Исключили, но окружком восстановил в партии.

Культбазы много сделали для возрождения Северных окраин и, в частности, Ямала. Для работников культбаз были созданы хорошие условия, особенно по сравнению с районными работниками. Секретарь райкома получал 400 рублей, а начальник культбазы — 1 200 рублей. Зарплата учителей, врачей и других специалистов культбазы была в два раза выше, чем у находящихся на местном бюджете. Это порождало антагонизм между культбазовскими и районными работниками. С укреплением районного аппарата культбаза в 1938 году была ликвидирована.

В масштабе страны вопросами возрождения малых народностей Севера занимался Комитет Севера ВЦИК. Возглавлял Комитет Севера П.Г. Смидович — старый большевик, прекрасный человек, он был и заместителем председателя ВЦИК.

Много внимания развитию Северных окраин уделял В.И. Ленин. Советское правительство, в трудное для страны время, тратило огромные средства на изучение и развитие Северных окраин. Только Советская власть по-настоящему взялась

за освоение Севера, проявила большую заботу о малых народностях.

Ненцы с большим уважением рассказывают о Ленине в своих сказках и былинах. В одной легенде рассказывается, как злой дух отобрал у ненцев солнце, а богатырь, вооруженный семиверстным хореем, победил злого духа и вернул ненцам солнце. Тот богатырь был Ленин. Многие старики убеждены, что Ленин был на Ямале, видел горе ненцев и избавил их от нищеты, кабалы и угнетения. Не раз приходилось отвечать на вопрос, был ли Ленин на Ямале.

Работая на культбазе, я собирал материалы о ненцах, но они были изъяты при аресте и погибли. Все последующие годы я их восстанавливал, и написал о ненцах несколько статей, частично опубликованных в журналах Академии Наук.

Станислава

Девичья фамилия ее — Станкевич. Родилась 1 марта 1904 года в городе Вильнюс. Отец ее — бедный поляк, рабочий — уехал в Америку искать счастья, да там и умер. Пятилетняя Стася осталась с матерью Марцианой в Вильнюсе. Жили тем, что могла заработать мать стиркой белья, мытьем полов и другой работой.

Во время первой империалистической войны их эвакуировали в Тобольск. Мать работала прислугой у купцов. Стася училась в высшем начальном училище, окончив его, уехала в село Ропалово и стала работать делопроизводителем в райисполкоме.

В 1922 году мать Стаси вышла замуж за сапожника-поляка, и отчим настоял вернуться в Вильнюс, входивший в то время в состав буржуазной Польши. Восемнадцатилетняя Станислава не захоте-

РОССИЙСКАЯ СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

АТТЕСТАТ

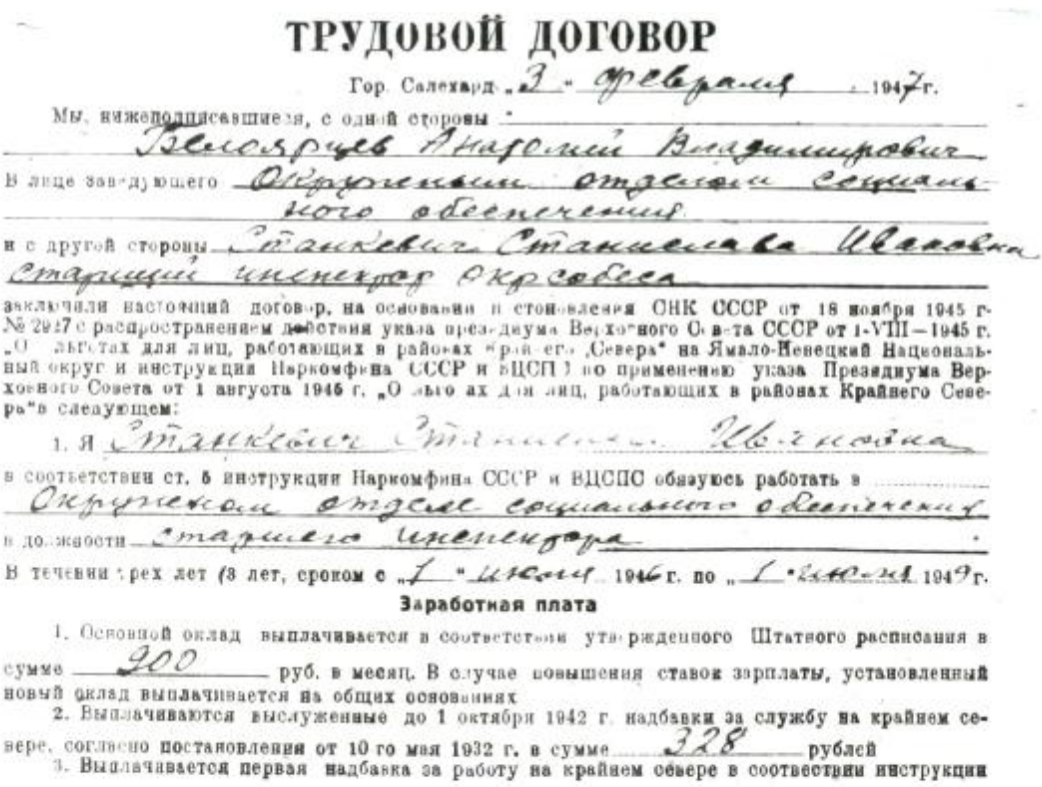
НА ЗВАНИЕ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

ЗВАНИЯ УЧИТЕЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

ла ехать в Польшу: «Там буржуи и паны, останусь в советской России». Мать, конечно, упрашивала, убеждала, но Станислава была непреклонной, осталась в Тобольске одна. Была безработица, много горя и голода пришлось испытать ей. Помогли люди, особенно семья Никитиных. Марфа Васильевна отнеслась к ней, как к родной дочери, помогла пережить тяжелое время. Со своими сверстницами: Евдокией, Марией, Серафимой, Варварой Никитиными — Станислава всю жизнь сохраняла теплую дружбу.

Окончив учительские курсы в Тобольске, Станислава Ивановна на многие годы стала сельской учительницей в Филатово, Сазоново и других селах Тобольского округа. Сама, испытав нужду, легко находила общий язык с батраками и бедняками, обучала их грамоте, втягивала в работу советов, групп бедноты, помогала сельским коммунистам проводить коллективизацию, много раз избиралась в советы.

В 1932 году Станиславу Ивановну назначили заведовать Ново-Портовской школой Ямальского района. С этого времени она связала свою судьбу с Крайним Севером. В 1933 году в поселке Яр-Сале была создана одна из первых школ для детей-ненцев. Станиславу послали в эту школу учителем. Дело оказалось очень трудным: она не знала ненецкого языка, а дети — русского. Упорно занималась изучением ненецкого языка, овладела им и проводила уроки на родном языке. Но трудность была не только в этом — В школу-интернат удалось набрать только шесть учеников. Ненцы отказывались отдавать детей в школу. Мотивировали свой отказ они так: «Если ребенка отдать в школу, из него выйдет ненужный человек, он не научится пасти оленей, охотиться, добывать рыбу. Как жить в тундре такому неумеющему человеку? Пропадет. В чуме же он



ТРУДОВОЙ ДОГОВОР

Гор. Салехард „3" февраля 1947 г.

Мы, нижеподписавшиеся, с одной стороны:
Высочуев Анатолий Владимирович
в лице заведующего Окружным отделом социального обеспечения
и с другой стороны Станкевич Станислава Ивановна
старший инспектор Окрсобеса
заключили настоящий договор на основании постановления СНК СССР от 18 ноября 1945 г. № 2917 о распространении действия указа президиума Верховного Совета СССР от 1-VIII—1945 г. „О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера" на Ямало-Ненецкий Национальный округ и инструкции Наркомфина СССР и ВЦСПС по применению указа Президиума Верховного Совета от 1 августа 1945 г. „О льготах для лиц, работающих в районах Крайнего Севера" в следующем:

1. Я Станкевич Станислава Ивановна
в соответствии ст. 5 инструкции Наркомфина СССР и ВЦСПС обязуюсь работать в Окружном отделе социального обеспечения
в должности старшего инспектора.
В течении трех лет (3 лет, сроком с „1" июня 1946 г. по „1" июня 1949 г.

Заработная плата

1. Основной оклад выплачивается в соответствии утвержденного Штатного расписания в сумме 900 руб. в месяц. В случае повышения ставок зарплаты, установленный новый оклад выплачивается на общих основаниях.
2. Выплачиваются выслуженные до 1 октября 1942 г. надбавки за службу на крайнем севере, согласно постановления от 10 го мая 1932 г. в сумме 328 рублей
3. Выплачивается первая надбавка за работу на крайнем севере в соответствии инструкции

без вашей школы научится работать и будет для тундры настоящим, нужным человеком». Надо было доказать ошибочность этого мнения.

Станислава Ивановна выехала с учениками в ненецкое стойбище, поставила свой чум, в чуме проводила занятия, а в свободное время ученики пасли оленей, ставили капканы, девушки выполняли женскую работу. Школа-чум проводила массовую работу: ученики наводили чистоту в других чумах, а также много хорошего рассказывали о своей школе. Это месячное пребывание в стойбище было учтено в дальнейшей работе — в интернате создали мастерскую, где учили ребят ремонтировать капканы, ружья, запаивать чайники, из дерева делать вещи, необходимые в чуме: корытца, черпаки, хореи и так далее. Ученики ставили капканы и добывали пушных зверей. Доводилось любоваться, с какой гордостью ученик вручал родителям отремонтированное ружье или добытого им песца и как родители были довольны этим. В интернате был введен специальный порядок приема родителей. Приезжая в Яр-Сале, они навещали своих детей. Приемом родителей ведали сами ребята: они показывали спальни, классы, мастерские, рассказывали об учителе, вели в столовую, поили чаем. Все это происходило без участия учителей. Родители обычно желали поговорить с учительницей, и были довольны, что она с ними беседовала по-ненецки. Успокоенные родители везли в тундру хорошие вести из интерната. Недоверие к школе развеивалось, и большая заслуга в этом — Станиславы Ивановны.

Вероятно, первые выступления ненцев на сцене были организованы Станиславой Ивановной. Под ее руководством был создан кружок из ненецких ребят, занимавшийся постановками несложных пьес на ненецком языке, переведенных

С.И. Станкевич с первыми учениками Ярсалинской школы-интерната, 1939 г.

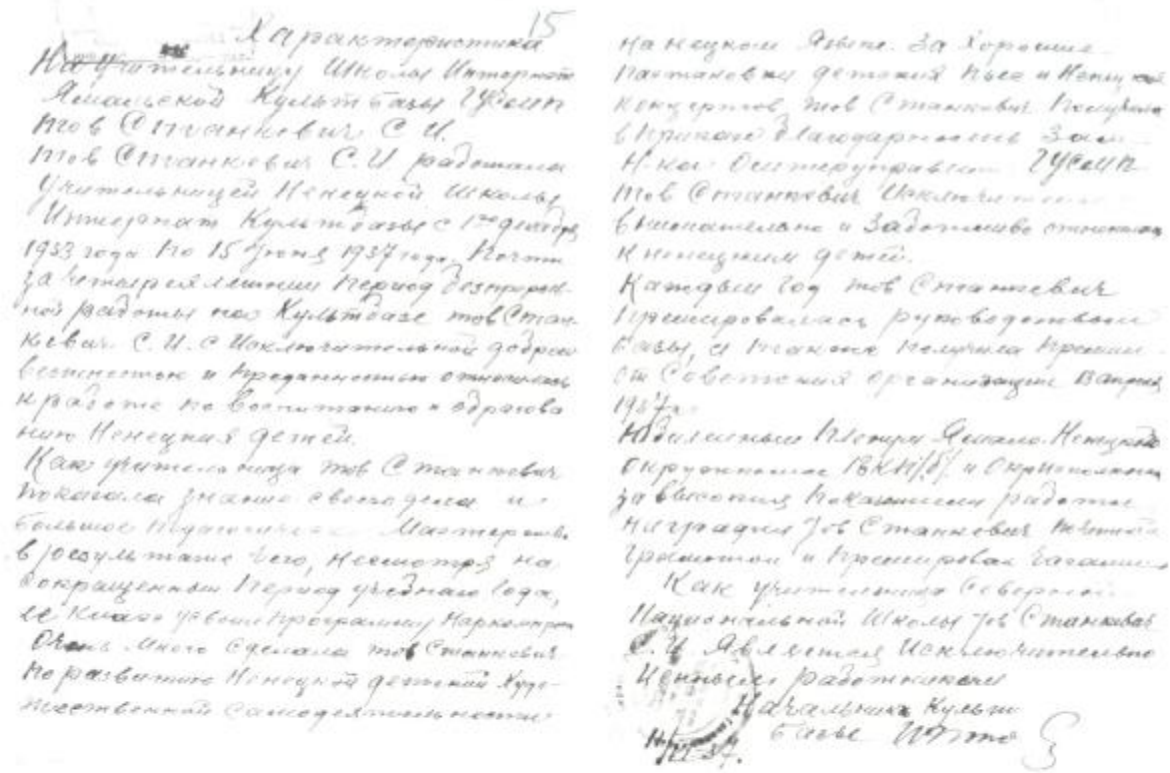
с русского Станиславой Ивановной. А небольшую пьесу «Батрачонок» о жестокости ненецкого богатея написала она сама. Ненцы с удивлением и восхищением смотрели детские спектакли на родном языке с участием их детей.

Станислава была прямым и резким человеком. В лицо говорила, что думала, не глядя на статус человека. В Березовском аэропорту ждали погоду. С нами летел первый секретарь обкома партии Чубаров. Он захмелел, пришел в общий зал, где танцевала молодежь, и попытался найти партнершу для танцев. Она его отозвала в коридор и сказала: «Как Вам не стыдно, напились — Вас к девушкам тянет, лучше не показывайтесь. Вы же секретарь обкома, мне, беспартийной, стыдно за Вас». На второй день Чубаров сказал мне: «Молодец у тебя жена, большое спасибо ей, выпивши, я способен на глупости, она меня правильно отчитала».

Она не маскировала своего отрицательного отношения к людям, которых не уважала. Вообще, к людям, особенно простым, относилась хорошо и часто, с явным ущербом себе, помогала им. Дружбу с людьми сохраняла на всю жизнь. К праздникам писала 60—70 открыток своим друзьям, а нуждающимся переводила деньги.

На собраниях, заседаниях совета культбазы критиковала и меня, но обычно справедливо. В поселке большинство к ней относилось хорошо, а некоторые, в том числе и моя бывшая жена Татьяна, не любили — считали грубиянкой.

На культбазе было много одиноких — питались по-холостяцки. Решили организовать коллективное питание. Я согласился отдать одну комнату под столовую. Станиславу выбрали старостой. Она должна была «командовать поварихой, руководить ею и с нас собирать деньги». Справлялась она с этим делом



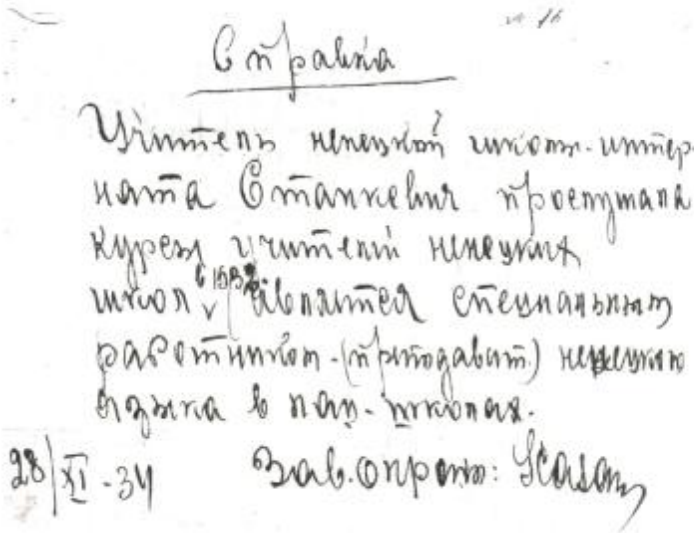
Характеристика на учительницу С.И. Станкевич, пос. Яр-Сале, 1937 г.

хорошо. До этого она сама жила «на хлебах», поэтому я думал, что кухонные дела были для нее незнакомым и нелюбимым делом. Я глубоко ошибался. В столовой она сама готовила прекрасные блюда, особенно «колдуны», если заболевала наша повариха.

7 ноября 1936 года после заседания в столовой был подготовлен хороший ужин. Народ разошелся. Станислава зашла ко мне: «Вы что не в духе? Осталось вино, принесу бутылочку». Принесла «Токай». Разговорились о скучной одинокой жизни. У меня к тому времени уже были нелады в семье. Она рассказала, что почти до тридцати лет жила одна, учительствовала по деревням, у всех на виду, приходилось быть к себе строгой, а семьи хотелось. И вот дура — В тридцать лет решила обзавестись семьей. Нарвалась на негодяя, уехала от него беременная. Родился сын. Думала ему посвятить жизнь, а он в прошлом году умер. «Роды были ненормальными — и теперь я стерильна, мне уже не испытать счастья материнства. А так хочется». Долгие разговоры о жизни кончились тем, что провели ночь мы вместе.

Утром, не раскаиваясь в произошедшем, попытались определить линию дальнейшего поведения. Решили так: прекратить связь не сможем, поселок маленький — Не скроешь. Станислава предупредила, что если я захочу вернуться к семье, она мешать не будет. Жили на разных квартирах, встречались «набегами», но все свободное время проводили вместе. Весной 1937 года меня назначили начальником отделения ГСМП в Салехарде. Решили съездить в отпуск, а вернувшись в Салехард, зажить вместе в одной квартире, по-семейному. Не удалось.

Станислава поехала в Кисловодск, а я должен был проводить Татьяну Тимофеевну и детей в ссылку. Приехал в Салехард один и очень жалел,



Справка

Учитель немецкой школ-интерната Станкевич прослушала курсы учителей немецких школ и является специальным работником (преподавателем) немецкого языка в пед-училищах.

28/XI-34 Зав.облоно: [illegible]

Р.С.Ф.С.Р.
Исполнительный
[illegible]
Ярмарка
5 июня 1936 г. № 1

С П Р А В К А

Дана настоящая гр-ке СТАНКЕВИЧ Станиславе Ивановне в том что она работает в Дальсовхозе рабочая Дальсовхоза в качестве подсобного с августа м-ца 1932 года по 1936 год.
Характеризуется
Обложением в индивидуальном порядке на подъездах на вашем надогам, кроме культ сбора и подоходного налога наравне с рабочими и служащими

Пред-ка [illegible] /Шапиро/
Секрет. Совета [illegible] /Тихонов/

Документы, выданные С.И. Станкевич в период работы в немецкой школе Ср-Сале.

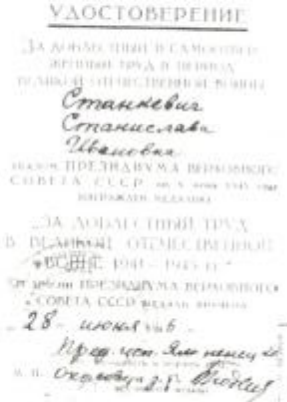
что нет Станиславы, чувствовал, что и надо мной собираются тучи. Нам дали квартиру, но у меня не было времени даже разложить вещи, да, оказывается, этого и не нужно было — вскоре меня арестовали. А Станиславу выселили из квартиры без предупреждения. Пришел завхоз и сказал, что ему приказано ее выселить. Собрала вещи, он помог ей вынести их на улицу и спросил, куда она пойдет. Она не знала. Он посоветовал попроситься в соседний дом к Марии — кассирше магазина. Та с сыном жила в небольшой комнате, но Станиславу приютила. В этом доме жило несколько семей, и они хорошо отнеслись к ней, особенно Иван Васильевич Карнаухов и его жена Глафира Федоровна. Люди познаются в беде, и соседи хорошо помогли Стасе пережить тяжелое время. С ними она сохранила дружбу на всю жизнь.

Много тяжелого пережила Стася, но не согласилась на требование отказаться от меня, как делали многие жены, прожившие с мужьями не один год — А ведь мы жили набегами.

Правда, перед арестом я оформил развод с Татьяной, с целью доказать, что с прежней семьей все кончено. Это дало Стасе возможность ходатайствовать за меня, ходить к прокурорам, писать в разные инстанции. Это вызывало только гнев начальства, ее сняли с учительской работы и арестовали. Все требовали отказаться от меня, а она твердила, что я не виноват.

После освобождения она хотела, чтобы мы жили скромно, и расплакалась, когда меня назначили заведующим окроно. «Работая учителем, ты отвечаешь только за себя, а в окроно тебе пришьют такое, что и не отскребешь». — «Пуганая ворона куста боится», — посмеялся я, но сам принял окроно неохотно. С работой у меня ладилось. Меня выдвинули на руководящую рабо-

И № 0190983


УДОСТОВЕРЕНИЕ

Станкевич
Станиславе
Ивановне

28 июня 46 г.

Удостоверение к медали «За доблестный труд в Великой отечественной войне 1941-1945 гг.» Бродневой С.И.

СВЕДЕНИЯ О ПООЩРЕНИЯХ И НАГРАЖДЕНИЯХ

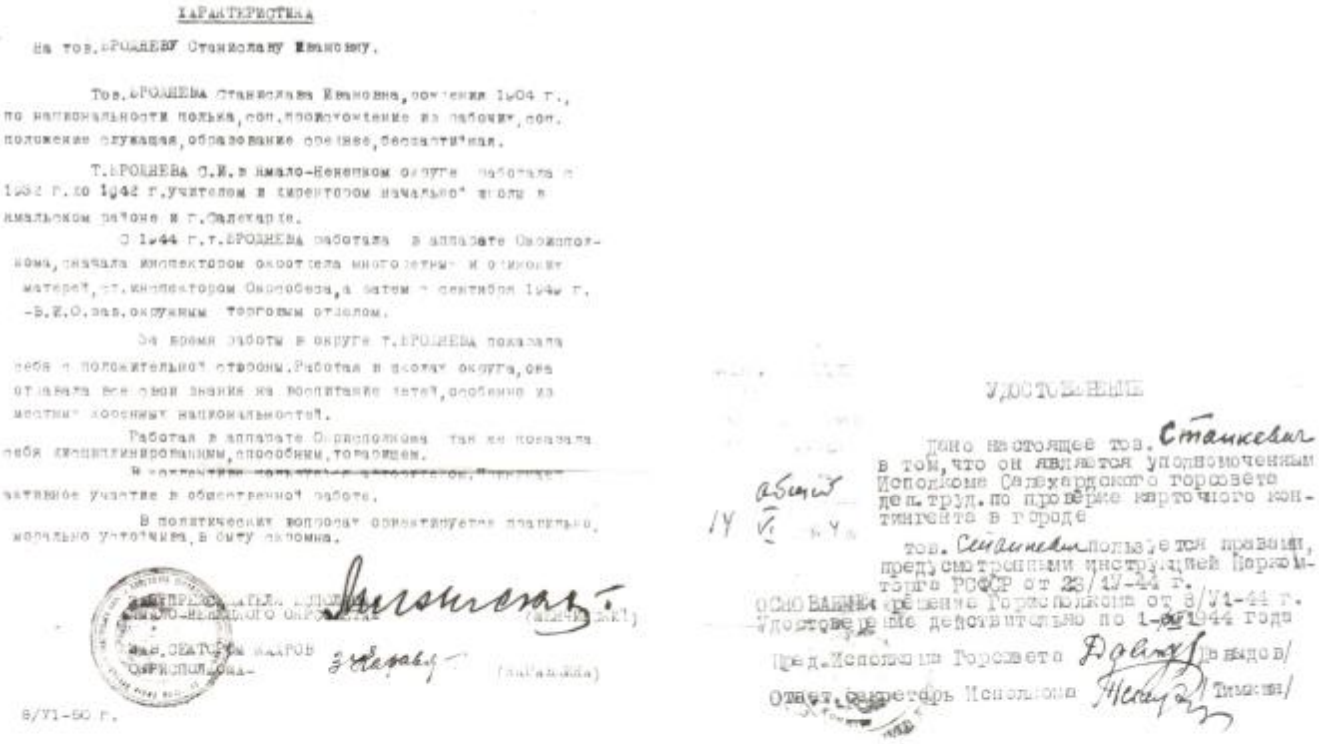
Страница из трудовой книжки Бродневой С.И.

ту в окрисполком. Со Стасей мы зажили замечательно, и салехардский тяжелый период вспоминали редко.

Высокие человеческие качества Станиславы проявились в отношениях к моим детям и родственникам. К нам переехали Таня и Миша. Станислава заняла относительно их правильную линию, была внимательна и разумно требовательна. С взрослой Таней у нее сложились теплые отношения, и Станислава относилась к ней и внукам так, как не все матери относятся к собственным детям и внукам. Таня была уже шестнадцатилетней девушкой, а Станислава требовала, чтобы она говорила, когда вернется. По истечении этого времени шла на поиски. Тане тогда это не нравилось, а теперь, имея свою дочь Иру, — поняла.

Внимательно относилась и к моим родственникам. Старикам всегда в срок переводила деньги, посылала посылки. Мать, получив платок и платье, наказала, чтобы ее в этих Стасиных подарках и похоронили. Через некоторое время опять получила платье и долго решала, которое оставить для наряда на тот свет, а которое носить при жизни.

Тепло вспоминает Стасю и жена брата Ивана, Клавдия. Иван был замечательным человеком. В 1939 году мы с ним разговорились о сложном времени и как-то неожиданно для себя условились помогать друг другу или нашим семьям, если с нами что-либо произойдет. И, к сожалению, такая необходимость возникла. Иван погиб на фронте. Клавдия с ребятами в эвакуации голодала в Екатеринбурге. Мы ее вызвали к себе. Приехала в одном платье, ребята раздетые, истощенные. Станислава справедливо разделила свою одежду между ними, обеспечила их всем необходимым, сделала равными членами нашей семьи. Немногие женщины



ХАРАКТЕРИСТИКА

На тов. БРОДНЕВУ Станиславу Ивановну.

Тов. БРОДНЕВА Станислава Ивановна, рождения 1904 г., по национальности полька, соц. происхождение из рабочих, соц. положение служащая, образование среднее, беспартийная.

Т. БРОДНЕВА С.И. в Ямало-Ненецком округе работала с 1932 г. по 1942 г. учителем и директором начальной школы в Ямальском районе и г. Салехарде.

С 1944 г. т. БРОДНЕВА работала в аппарате Окрисполкома, сначала инспектором окроотдела многодетных и одиноких матерей, ст. инспектором Окрсобеса, а затем с сентября 1949 г. - В.И.О. зав. окружным торговым отделом.

За время работы в округе т. БРОДНЕВА показала себя с положительной стороны. Работая в школах округа, она отдавала все свои знания на воспитание детей, особенно из местных коренных национальностей.

Работая в аппарате Окрисполкома так же показала себя дисциплинированным, способным, товарищем.

В коллективе пользуется авторитетом. Принимает активное участие в общественной работе.

В политических вопросах ориентируется правильно, морально устойчива, в быту скромна.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ИСПОЛКОМА ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО ОКРСОВЕТА (ЖЕНЧИНСКИЙ)

ЗАВ. СЕКТОРОМ КАДРОВ ОКРИСПОЛКОМА (ЗАРАЗОВА)

8/VI-50 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Дано настоящее тов. Станкевич в том, что он является уполномоченным Исполкома Салехардского горсовета деп. труд. по проверке карточного контингента в городе

тов. Станкевич пользуется правами, предусмотренными инструкцией Наркомторга РСФСР от 23/IV-44 г.

ОСНОВАНИЕ: решение Горисполкома от 8/VI-44 г.

Удостоверение действительно по 1-ое 1944 года

Пред. Исполкома Горсовета (Давыдов)

Ответ. секретарь Исполкома (Тимкин)

способны на это. Или такой пример: во время войны мы снабжались по высоким нормам, многие жены меняли продукты на дорогие вещи, благо им, что в Салехарде было много ссыльных, готовых за продукты отдавать золотые и другие ценные вещи. Стася ничего не меняла, но некоторым ссыльным бесплатно давала продукты. Разумно жалостливой она была.

У Станиславы не было пристрастия к вещам. В ее туалете не было «крика моды», но одевалась она всегда со вкусом. Это, конечно, с моей точки зрения. В Салехарде многие жены начальников, узнав, что привезли хорошие вещи, устраивали себе их незаконное получение. Станислава никогда этим не пользовалась. Как-то облисполком за перевыполнение округом плана по добыче пушнины премировал меня черно-бурой лисой. Привез я эту шкуру домой. Станислава долго решала — удобно ли ей носить эту лису. Убедил. Позднее она несколько раз переделывала этот воротник, и после ее смерти пальто с этим воротником я отправил жене моего брата Максима.

Не было у нее стремления и к накоплению денег. Получали мы всегда много, но она высылала их моим родителям, гнала посылки Тане, помогала Варваре — своей подруге молодости. И уже перед пенсией договорились, что надо все-таки иметь накопления, так что из Салехарда мы выехали с пятью тысячами рублей. Это позволило обустроиться в Тюмени и жить на старости лет по потребностям. Вдвоем мы получали пенсию — двести рублей в месяц. И полностью их проживали. В нашем доме было много приезжих и гостей. Рассчитывать деньги она не умела. И если выезжала в отпуск одна, я обычно получал телеграмму: «вышли на дорогу». Отсутствие скопидомства и ее равнодушие к деньгам мне нравилось.

Станкевич Станислава Ивановна

Сын Броднева М.М. Миша, 1944 г.

Я сам такой. С детства скопидомство отца оставило непримиримость к этому стремлению — копить.

Глупая ревность была чужда Станиславе. Но, заподозрив неладное, действовала решительно. Вот такие характерные случаи.

Во время войны в Салехард эвакуировали драматический театр с Украины. Хороший театр, постановки шли с полным залом. Это както помогало салехардцам коротать тяжелые дни войны. Одна артистка зачастила ко мне в окрисполком по делам театра, хотя не имела отношения к его администрации. Останавливала меня на улице, и приходилось выдумывать повод, чтобы уйти от нее. Рассказал об этом Станиславе. Она спросила: «Ведь она хорошенькая, наверное, тебе нравится?» — «На лицо хорошая, нравится, а как о человеке — Не сложилось впечатления», — так я ей ответил. На мой день рождения собрались товарищи. Неожиданно для меня приходит и эта артистка. Вечером спрашиваю Станиславу, как оказалась у нас эта женщина. Оказывается, ее пригласила Станислава — «узнай ее лучше, приглядись». Артистка много говорила, рассказывала о театре довоенного времени, отмечая свои успехи. Не понравилось ее самовосхваление, и я сказал, что она мне не понравилась, особенно за нелестные отзывы о некоторых своих коллегах-артистах. На этих именинах вниманием артистки овладел Кузнецов, и больше она ко мне на работу не ходила и на улице не задерживала. Неумная оказалась женщина. Этим приглашением Станислава выбивала у досужих кумушек всякие толки, показывая, что эта артистка — наша общая знакомая, как бы семейная.

Другой случай был сложнее. В командировке я встретился с женщиной, занимавшей высокую должность. Приезжая в ее город, заходил к ней, и мы подружились. Станисла-

Брат Иван с женой Клавдией и сыном Жоней

ва тоже с ней познакомилась и сдружилась. Частые встречи привели к тому, что рамки обычной, человеческой дружбы показались нам недостаточными. Станислава была иногда крута на выражения, но всегда справедлива. Как-то она резко вспылила. Обычно я знал, что эти вспышки кратковременны, и относился к ним спокойно. А мое спокойствие вскоре гасило вспышку. На этот раз хладнокровие мне изменило, я раскипятился и вгорячах сказал, что могу уйти от нее к этой женщине, что она меня примет. Станислава насторожилась, но поступила мудро — поехала к этой женщине. «Давайте найдем правильное решение. Будем исходить из интересов Михаила. Вы немного моложе меня, красивее, выдержаннее, тактичнее. Плюс один в вашу пользу. Но у вас четверо детей, а как они отнесутся к Вашему поступку и к Михаилу? Сомневаюсь, что в Вашей семье будет мир. Я сама выросла с отчимом и знаю, как дети относятся к слабостям родителей. Михаил скоро почувствует себя лишним в Вашей семье и уйдет, а надо ли нам с Вами лишней нервотрепки?» Долго и мирно обсуждали эти умные женщины сложившуюся ситуацию, в конце концов, договорились — пусть решает он. И я решил остаться со Станиславой. Этот святой человек в последующие годы даже не напомнил мне ни разу о произошедшем инциденте.

Между прочим, странные это существа — женщины. В молодости я страдал из-за их невнимания к моей персоне. А когда мне подходило к сорока, приходилось «отбиваться от женщин». При моем высоком начальственном положении мне надо было быть настороже. Иногда хорошие отношения с женщиной по работе истолковывались кумушками по-своему, и досужие люди неправильно информировали Станиславу. Она всегда умно подходила к выяснению сплетен и обычно обращалась с во-

С.И. Броднева в школе пос. Дымок, Якутия. 1955 г.

просом ко мне, а моим разъяснениям верила и сплетниц жестоко упрекала, а иногда так отчитывала, что у тех пропадала охота к пересудам. Редкой, умной женщиной была Стася.

Старческие годы мы провели в Тюмени. Стася болела, у нее было неладно с сердцем и печенью. Но на болезни не обращала внимания, старалась все делать сама. Последние годы ей было трудно лежать и она, наклонившись, многие часы проводила за столом, а утром обязательно подавала мне в постель кофе. Я знал, что это ей трудно, протестовал, но разве ее остановишь. Иногда она по неделе и больше не вставала с постели. Я, как мог, готовил еду. Она обычно нахваливала, а что там хвалить, но это же Стася. Ежегодно к нам приезжала Клавдия и по месяцу по два вела наше хозяйство. Стася любила зрелища. В молодости сама выступала в спектаклях и концертах, у нее был хороший голос. И уже болея, вытаскивала Клавдию в филармонию, в цирк. Жизнерадостный человек.

К врачам относилась уважительно, советы их выполняла, но время их оберегала. Много раз было так: вижу, что ей плохо, говорю, вызову врача — «Нет, подожди, пройдет». А бывало так, что приезжал врач и один не мог ей помочь, вызывал на помощь бригаду, выезжающую на сложные случаи. И врачи мне делали замечания, почему поздно вызвали, еще бы на час задержались — и кончилось бы все плохо. Между прочим, в Тюмени очень хорошо организована скорая помощь, и я очень благодарен ее внимательным врачам.

В начале августа 1970 года Стасе стало плохо. Ее увезли в больницу. Оправилась, была веселая. Приехала Клавдия, посетили ее, а на другой день она нам звонит: «Не приезжайте, выписываюсь». Я поехал за ней. Подошел к окну ее палаты и сказал, что жду в машине. Она рассказывала женщинам что-то смешное, и они

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ РАБОТНИКОВ НАЧАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ РСФСР

ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ 1198606

Фамилия Станкевич
Имя, отчество Станислава
Год рождения Ивановна
Профессия 1904 г. Учитель
Производственный стаж с 1922 г.
Год вступления в союз 1920 г.
Год вступления в данный союз
Подпись члена союза
Наименование профорганизации Окр. союз
Дата
Подпись

1	9	3	8
ЯНВАРЬ	ФЕВРАЛЬ	МАРТ	АПРЕЛЬ
Уплочено			
МАЙ	ИЮНЬ	ИЮЛЬ	АВГУСТ
по старому			
СЕНТЯБРЬ	ОКТЯБРЬ	НОЯБРЬ	ДЕКАБРЬ
билету		3 руб. 4 р 50 к	4 р 20 к 2 р 70 к

При неуплате членских взносов в течение 3 месяцев членский билет недействителен

Членский билет № 11.

Пред'явитель сего тов. Станкевич Станислава Ивановна избран членом Куларовского сельского совета Тобольского района Тобольского округа Уральской области.

«13» января 1928 г., что и удостоверяется.

Все советские учреждения, организации и должностные лица обязаны оказывать тов. Станкевич всякое содействие при выполнении им своих депутатских обязанностей.

Председатель совета
Секретарь
«15» января 1928 г.

Билет Куларовского сельского Совета Тобольского района, выданный, Станкевич С.И. в 1928 г.

попросили меня немного обождать, дать дослушать ее рассказ. Домой приехала оживленная. На другой день пришли друзья сыграть в преферанс. В эту игру она умела и любила играть, но часто допускала такую странность — если ей долго не шла карта, заявляла: больше играть не будет. В большинстве случаев уговаривали, но бывало — ни в какую. Наша компания играла без денежного интереса, но она не терпела невезения. И наоборот, была веселой, когда ей хорошо шла карта.

Через несколько дней Стася слегла, да так, что в карету скорой помощи ее пришлось выносить на носилках, а оказывается, типовые дома построены так глупо, что на лестничной клетке нельзя с ними развернуться. Пришлось звать соседей и на повороте высоко поднимать носилки. Умерших тоже приходилось обряжать в гробу у входа.

Мы с Клавдией каждый день ездили к ней в больницу, чувствовала она себя плохо, жила на кислороде. 16 августа почувствовала себя лучше и сказала: «Не ездите каждый день. Видимо я поправляюсь». И мы решили 17 не ехать, но тут подвернулась машина, и я поехал к ней. Зашел, сказал медсестре, что иду к Бродневой. Раньше пускали в любое время, а тут медсестра сказала: «Посидите здесь, я доложу врачу». Я встревожился и спросил, что случилось. «Я только что пришла, ничего не знаю, а без врача не пропущу». Ждал порядочно, вышла врач — пожилая женщина, села напротив меня, смотрит мне в глаза и молчит. «Что молчите, умерла?» Она кивнула головой и сказала, что у нас морга нет, увезли в третью больницу. Вышел сам не свой. Ведь вчера сказала, что ей лучше, я от радости даже поцеловал ее, чего мы никогда не делали при людях.

Хорошо, что Клавдия была в Тюмени и взяла на себя все неприятные похоронные дела, а это, оказывает-

Карточка члена профсоюза С.И. Станкевич

ВЦСПС
194 г.

Учетная карточка члена профсоюза

Ж / М

1. Фамилия Станкевич
имя Станислава отчество Ивановна
2. Цех раб. №
Занимаемая должность или выполняемая работа
Инженер Окрсо
3. Год рождения 1904 г.
4. Национальность Русская
5. Партийность б/п 6. Год вступл. в союз 1926
7. Основная профессия Учительница
8. Стаж работы по найму
9. Домашний адрес Республика
Дата заполнения 2 февраля 1948 г.
Подпись члена союза

Отметка ФЗМК о взятии и снятии с учета

Наименование предприятия	Название союза	№ членск. билета	Месяц и число взятия на учет	Взят на учет (подпись и печать ФЗМК)	Месяц и число снятия с учета	Снят с учета (подпись и печать ФЗМК)
Тюменский ин-Окрсовет	С.Р.З.	1978606	[illegible]			

ся, не простое дело. Поразила безобразная организация дела в похоронном бюро. Гроб взялись сделать, а машины для его перевозки в морге нет — доставляйте как угодно. Досок для настила в могиле нет. Значит надо сыпать землю на гроб. Спасибо за помощь товарищам из облисполкома. Они дали машину для перевозки гроба, нашли досок для настила, сделали оградку, привезли мне сто рублей денег, из своего буфета взяли хорошее вино на поминки. Около меня все время находились мои друзья — Межецкие и Кислицины. Алексей и Константин ездили выбирать место для могилы. Их кто-то предупредил, что надо взять с собой бутылку водки. Надо было получить место близко к входу, чтобы мне недалеко было ходить. Узнав о бутылке, могильщик указал на место недалеко от ворот, но оговорил, что в день похорон ему должны дать еще бутылку водки и закуску.

Думал, что на похороны придет человек двадцать, а только на поминки пришло более шестидесяти человек. В Тюмени много салехардцев, а они уважали Станиславу Ивановну. Благодаря помощи облисполкома и друзей похороны прошли хорошо, и жаль, что об этом не знает Станислава. Она часто говорила, хочу умереть вперед тебя, чтобы ты похоронил меня. К сожалению, сбылось ее желание.

Тяжелое дело хоронить близких и любимых. Где-то в подсознании билась мысль: вот откроется дверь и войдет Стася. Вспоминаю ее часто и хорошо. Мой племянник Миша не многих людей считает человечными, а о тете Стасе говорит: «Это человек!»

Страшное время

Прежде чем перейти к воспоминаниям М.М. Броднева, приведем статью «Списки смерти», написанную Николаем Сидоровым специально для газеты «Совершенно секретно» (2007 г., №9. С. 20–21):

Исполнилось 70 лет со дня подписания так называемой директивы 863/ш, в которой Сталин дал команду начать репрессии против своего народа, не ограниченные ни поименными списками, ни даже количественными «нормами». Благодаря этому и нескольким другим аналогичным документам, 1937 год и вошел в историю как кульминация Большого Террора. «Совершенно секретно» впервые публикует фотокопии ранее засекреченных документов — «переписку» палачей из Кремля и их подручных на местах.

Второго июля 1937 года Сталин продиктовал, а Каганович записал «директиву об антисоветских элементах» за номером 863/ш, которая легла в основу одноименного постановления Политбюро ЦК ВКП(б):

«Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом, по истечению срока высылки, вернувшихся в свои области, являются главнейшими зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности. ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям област-

ных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД. ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих высылке. Секретарь ЦК И. Сталин».

На следующий день директива была доведена до местных властей. Следом за ней по линии НКВД с аналогичными указаниями пошла шифрограмма под номером 266:

«Всем начальникам управления НКВД. С получением сего возьмите на учет всех осевших в Вашей области кулаков и уголовников, ...подразделите на две категории: первая — ...подлежащие аресту и расстрелу, ...вторая... — высылке в районы по указанию НКВД. К 8 июля м.г. телеграфом донесите мне количество лиц первой и второй категории. О времени начала операции и порядке ее проведения указания дам дополнительно. Ежов».

Лицензия на отстрел

В первой половине 1937 года в Кремле уже практиковалась ускоренная форма внесудебной расправы — так называемые «расстрельные списки», когда из регионов присылали на утверждение поименные списки, перечни жертв. Однако при помощи такого примитивного сценария, за весь период его применения, сталинской верхушке удалось уничтожить «всего» 44,5 тысячи человек. Новаторство директив №863 и №266 состояло в том, что это были не поименные списки, а лицензии на отстрел, в которых, впрочем, в отличие от охотничьих лицензий, не было даже количественных «ограничений». Наоборот — чем больше, тем лучше.

Первые отклики партсекретарей и начальников местных управлений НКВД начали поступать точно в указанный срок. Работники IV–го шифровального отдела Особого сектора ЦК ВКП(б) вплоть до минуты фиксировали момент поступления телеграфных сигналов с мест. Практически все криптограммы адресовались в «ЦК ВКП(б), тов. Сталину», однако работники сектора, располагавшегося в Кремле рядом с кабинетом вождя, хорошо знали, кто был ответственным экзекутором, и в графу бланка телеграммы «кому послана» почти всегда вписывали — «Ежову». С очередным экземпляром мандата на убийство «железный» нарком являлся в апартаменты Хозяина, где совершался конспиративный обряд «голосования». Члены Политбюро разноцветными карандашами накладывали согласительные резолюции. Сталин

всегда писал первым: «Утвердить», «За утверждение» или просто — «За. И. Ст.». Только после него старательно рисовали свои фамилии остальные. Лазарь Каганович, Вячеслав Молотов, Анастас Микоян, Климент Ворошилов, Андрей Андреев, Влас Чубарь, Михаил Калинин, Николай Ежов. С отсутствовавшими членами Политбюро дежурный секретарь связывался по «вертушке», зачитывая им тексты и выслушивая в ответ неизменное «за», которое аккуратно фиксировалось фиолетовыми чернилами внизу прямоугольника бумаги, становившегося с этой секунды приложением к неумолимому постановлению Политбюро.

Спецдирективы очень быстро охватили всю Россию. Это только в первых речь шла о вернувшихся или бежавших из ссылки и спецпоселений бывших кулаках и уголовниках. Дальше круг стремительно расширялся: бывшие белогвардейцы, сектанты, церковники, мусульманское духовенство, бывшие участники антисоветских вооруженных выступлений, белые каратели, бандпособники, активные басмачи, бывшие кадры политических партий (эсеры, меньшевики, мусаватисты, дашнаки, иттихадисты), скотокрады, рецидивисты, грабители, жандармы, чиновники, репатрианты, контрабандисты-профессионалы, аферисты, проводники, переправщики, реэмигранты... но в жернова тотального обмолота смерти попадали не только все «учтенные по окраскам» в регистратурах НКВД — В них мог угодить любой, на кого сексот стукнет в местный ЧК.

Приказ №00447

Кто думает, что у Сталина и его команды всегда и во всем имелись четкий план действий и налаженный механизм их реализации, — тот ошибается. Чаще всего были лишь не просчитанные по последствиям экспромты и упорство маньяков при их осуществлении. Первая шифровка, в ответ на директиву 863/ш поступившая из Казани, гласила:

«Тройку создаем в составе Лепа, Мухаметзянов (второй секретарь), Ельшин — зам. НКВД (до отверждения Наркома Внутренних Дел). Проверили — учета сколько-нибудь удовлетворительного указанных категорий кулаков и уголовников НКВД не имеет. Поэтому прошу изменить решение той части, в которой говорится — В пятидневный срок сообщить количество подлежащих расстрелу, а также высылке, дав срок месячный. Секретарь Татарского обкома ВКП Лепа».

Слова «дав срок месячный» Сталин жирно подчеркнул синим карандашом и, вопреки своей же грозной директиве, утвердил! Задание «в пятидневный срок представить в ЦК» цифры репрессируемых оказалось невыполнимым и для многих других местных партийных и чекистских руководителей. Для ускорения реализации своего замысла Сталин сурово наказал некоторых особо нерасторопных чекистов. 10 июля начальники 13 местных органов НКВД были сняты со своих постов. В свою очередь, Ежов созвал 16 июля спецсовещание для обсуждения материалов антисоветского элемента, планов и техники проведения операции.

На собрании нарком дал руководителям местных органов НКВД еще одну устную директиву: «Определенное количество невиновных людей будет также уничтожено» — Не страшно, если во время операции «лишняя тысяча будет расстреляна». Из его уст прозвучали прямые угрозы в адрес колеблющихся чекистов, осмелившихся засомневаться в наличии вокруг тысяч врагов. На вопрос, как быть с арестованными стариками, Ежов отвечал: «Если держатся на ногах — стреляй». В завершение оратор пообещал, что к указанным категориям кулаков и уголовников будут добавлены новые, подлежащие зачисткам: «поляки, немцы, члены кулацко-белогвардейских группировок в ВКП(б) и советском аппарате». Чуть позже лубянская фантазия добавила к ним «латышей, эстонцев, финнов, греков, румын, македонцев, болгар, китайцев, иранцев, как иностранных подданных, так и советских граждан». Но это были мелкие приказики, а после июльского совещания в НКВД был отдан главный — «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», которому был присвоен номер высшей степени секретности 00447. 31 июля его утвердили все те же согласные члены Политбюро. Внезапные аресты, ликвидацию и высылку сотен тысяч людей было намечено начать «с 5 августа во всех республиках, краях, в Узбекской, Туркменской, Таджикской и Киргизской ССР — с 10 августа, а в Дальневосточном и Красноярском краях и Восточной Сибири — с 15 августа» и провести за четыре месяца.

Ни в одном из 64-х административно-территориальных образований СССР «тройки» не уложились ни в установленные сроки, ни в первоначально согласованные с Политбюро цифры. Количество врагов стремительно умножалось, планы по их отлову и отстрелу выполнялись и тут же начинали перевыполняться. Шифровки с просьбами утвердить все новые мартирологи «молниями» улетали в Москву.

«Тройкам» и безудержному террору был дан отбой лишь постановлением от 17 ноября 1938 года. Согласно современным экспертным оценкам, с октября 1936-го по ноябрь 1938 года были арестованы и осуждены около 1,5 миллиона человек, из них расстреляны 725 тысяч, около полумиллиона из которых казнены по секретному приказу №00447. Каждый день, в течение двух лет, прощались с жизнью тысяча человек. Причем по инструкции, изобретенной в НКВД, казнимым даже не объявляли приговор.

Спрятано от народа

И сегодня доступны далеко не все документы бывших архивов КГБ. Если вы придете в Российский государственный архив социально-политической истории, расположенный в километре от Красной площади, и на законных основаниях потребуете показать всю хранящуюся там документацию сталинского конвейера смерти, от вас потребуют допуск к совершенно секретным сведениям по форме №1. В лучшем случае по форме №2, но не ниже. Для особо бдительных граждан уточняем, что публикуемые нами сведения теперь рассекречены. Однако взглянуть на все свидетельства этих черных дел обычному гражданину суверенно-демократической России по-прежнему нельзя.

Приведем два документа, из тех, что были напечатаны в газете «Совершенно секретно»:

СТРОГО СЕКРЕТНО ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС.
Снятие копий воспрещается.
(Пост. ПБ от 5 мая 27. пр. № 100, п. 6)

Кому послана т. Ежову

ШИФРОВКА
Из Иркутска отправлена 15-54 26.IV 1938 г. Поступила в ЦК ВКП на расшифрование26.IV 1938 г. 19 м. —
Вх. № 472/III

Москва ЦК ВКП(б)тов. СТАЛИНУ
НКВД тов. Ежову

Ввиду значительной асоренности области право-троцкистскими, пан-монгольскими и кулацко-белогвардейскими элементами, подпадающими под первую категорию, просим ЦК ВКП(б) разрешить дополнительный лимит по первой категории для Иркутской области 4 тысячи.

И.О. СЕКРЕТАРЯ ИРКУТСКОГО ОБКОМА ВКП(б) ФИЛИППОВ

НАЧАЛЬНИК НКВД ПО ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ МАЛЫШЕВ

Расшифрована 26.IV 1938 г. в ч. 19 м. 20. Напечатано 4 экз.
Паршин.

СТРОГО СЕКРЕТНО
ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ В 48 ЧАС.
Снятие копий воспрещается. (Пост. ПБ от 5 мая 27. пр. № 100, п.6)

Кому послана: т. Ежову

ШИФРОВКА
Из Новосибирска отправлена 11–56 8/VII 1937 г. Поступила в ЦК ВКП на расшифрование 8/VII г.
1937 г. ч. 14 м. 45
Вх. № 1157/III

МОСКВА ЦК ВКП(б) тов. СТАЛИНУ

На № 863/III, В условиях Западной Сибири предложение ЦК об очистке колхозов, совхозов и предприятий от беглых кулаков и уголовников является исключительно важным и правильным. По ориентировочным данным, поступившим от 110 районов, беглых кулаков и уголовников числится 25 тысяч человек, из них наиболее враждебными и активными являются 6 800 улаков и 4 200 уголовников, которых нужно расстрелять.

Тройку прошу утвердить в следующем составе: начальник Управления НКВД Миронов (председатель), секретарь крайкома Эйхе, краевой прокурор Барков.
СЕКРЕТАРЬ КРАЙКОМА ЭЙХЕ

Расшифрована 8.VII. 1937 г.
в ч. 16 м. — Напечатано 4 экз.
Паршин

По всей вероятности, и Михаил Митрофанович Броднев попал под этот молох. Подтверждением служит следующий документ:

УТВЕРЖДАЮ:

РИД НАЧ XI ОТДЕЛА УГБ УНКВД ОМ. ОБЛ.
ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ — (КРЫЛОВ)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
(о предъявлении обвинения)

г. Омск, 1937 г. Октября — 8 дня. Я, опер. Уполномоченный I от-ния XI Отдела УНКВД Омской области — сержант Госбезопасности ЗАМЯТИН, рассмотрев следственный материал по делу №

Н А Ш Е Л:

БРОДНЕВ Михаил Митрофанович, 1904 г. Рождения, уроженец Красноярского края, Пировского р-на, д. Кузнецовой, состоял в ВКПб с 1925 г., два раза исключался за связь с врагами народа и как сын кулака. В 1937 г. 27/X исключен за связь с политссыльным и быв. женой Бродневой-троцкистской. Грамотный, гр-н СССР, русский.
Перед арестом нач. пушной конторы Омского Теруправления ГУСМП в Салехарде.

Достаточно изобличается в том, что в апреле мес. 1937 года был завербован в антисоветскую, правотроцкистскую организацию, действующую в Омтеруправлении системы Главсевморпути одним из ее активных участников ТРОЦКИМ.
Являясь участников названной рганизации, работая нач. ушной конторы в Салехарде, по заданию Троцкого, в своей практической работе проводил: засорение чуждоклассовым элементом аппарата Ямальской культбазы ГУСМП, вредительскую деятельность в алехардской пушконторе, в колхозе «ХАРП» и Ямальской культбазе ГУСМП.

ПОСТАНОВИЛ

БРОДНЕВА Михаила Митрофановича привлечь в качестве обвиняемого по ст. 58 п. 7 УК РСФСР, меру пресечения, избранную ранее — содержание под стражей, оставить в силе.
Оп. уполн. XI Отд. УГБ УНКВД Ом. Обл. (подпись) (ЗАМЯТИН)

СОГЛАСЕН:
Нач. I от-ния XI Отд. УГБ УНКВД Ом. Обл.
мл. лейтенант госбезопасности
(подпись) (БОБЫЛЕВ)
Настоящее постановление мне объявлено (подпись)

Собственные воспоминания М.М. Броднева

В апреле 1936 года проходила Ямальская районная партийная конференция. Выборы райкома впервые проходили тайным голосованием. Списка членов райкома никто не предлагал, а каждый называл кого хотел. Список получился большой. Обсуждение кандидатур шло целый день, инструкция о неограничении выступлений по кандидатурам выполнялась полностью. За и против каждой кандидатуры выступало до десяти человек. Каждого разобрали, как говорится, по косточкам. Эта была первая и, к сожалению, последняя конференция, на которой так тщательно обсуждали кандидатуру в состав партийного органа. Потом тайные выборы бюрократизировали. Список кандидатов, подготовленный аппаратом избираемого партийного комитета, обычно для проформы обсуждается на совете старейшин, одобряется, причем количество кандидатур точно соответствует количеству, подлежащему для выборов. И поскольку делегат может только вычеркнуть нежелательного товарища, а не выбрать из списка кандидатур, то выборы обычно носят формальный характер. Правда инструкция не предусматривает ограничения списков кандидатов для голосования, но на практике это право выборов не применяется. А одна лишняя кандидатура иногда круто меняет дело.

Вспоминается такой случай. На Салехардской городской партийной конференции предложили включить в список Кадцина. Поддержали. А кого исключить? «Никого, решит голосование», — закричали с мест. Бюллетени для голосования раздали с одним лишним. Этим лишним в результате голосования оказался первый секретарь горкома Божко и правильно — это был человек невысокой партийности и не очень умный, но окружком его поддерживал.

Вернемся к Ямальской конференции, действительно демократической. Секретарь райкома Стеберклис был ограниченным человеком и его как отрицательного типа показал Большаков в книге «В чаду костров». Правда, писатель дал портрет Стеберклиса под другой фамилией, но, прожив год в Яр-Сале, он хорошо узнал секретаря и удачно обрисовал с него персонаж.

В списке кандидатур, выдвинутых для обсуждения, Стеберклиса не оказалось. Первый Секретарь Окружкома партии Н.Г. Лобанов выступил и сказал, что окружком рекомендует оставить секретарем Стеберклиса и избрать его в состав райкома. Поднялся шум, во многих возгласах давалась краткая, но нелестная характеристика Стеберклиса. Лобанов выступал несколько раз и доказывал, что Стеберклис учтет критику и изменится, но коммунисты с ним не согласились, и горе-секретарь даже не попал в список для голосования. Состав райкома был избран по желанию коммунистов.

На пленуме райкома нужно было избрать секретаря. Выступил Лобанов — начальник районного отделения НКВД — и сказал примерно следующее: «Фактически в районе две власти: райком и культбаза. Фактической властью является куль-

тбаза. В ней работники лучше, чем в районных организациях, она руководит не только культурным, но и хозяйственным строительством, поэтому советую ликвидировать двоевластие и избрать секретарем райкома Броднева». Я дал самоотвод. Основной упор сделал на то, что по партийной карточке я значусь сыном кулака и что хотя это и не так, но я не проявил достаточной энергии, чтобы эта ошибочная запись исчезла. Окружком должен помочь исправить запись, сказали многие, и мой самоотвод не приняли во внимание. Секретарем райкома избрали единогласно.

Секретарь окружкома Лобанов сказал мне, что в отношении меня у него иные соображения — назначить меня председателем окрисполкома. Через несколько месяцев получил телеграмму от Лобанова, что я назначаюсь начальником окружной конторы ГУСМП, а в перспективе председателем окрисполкома. Ранней весной 1937 года я сдал дела райкома Василевскому, между прочим, никем не избранному. Через несколько дней Василевский собрал бюро и поставил вопрос о Бродневе — сыне кулака. Он произнес обвинительную речь в адрес коммунистов, избравших меня секретарем, обвиняя их в притуплении бдительности, в поблажке классовому врагу и прочее. Никто из членов бюро, в хорошем отношении которых ко мне я не сомневался, не выступил ни за, ни против меня. Но за исключение из партии проголосовали единогласно. Только Журавлева, помощник секретаря райкома, заплакала и прокусила до крови губу. Я по рации передал апелляцию в окружком и через несколько дней получил ответ: «В партии восстановлены». Между прочим, в коллективе культбазы нашлись некоторые работники, пытавшиеся делать все по-своему и не выполняющие моих распоряжений. Их было двое — Вакуева и Тимофеев, но я считал себя ответственным за дела культбазы, и за невыполнение моих распоряжений объявил выговор и пригрозил увольнением. Узнав о восстановлении меня в партии, они почувствовали себя неважно, думали — я им буду мстить.

В июне 1937 года я выехал в Салехард и принял дела конторы ГУСМП. В ее подчинение входил весь водный транспорт, заготовка пушнины, торговля.

В июле 1937-го я выехал в отпуск в Москву. Здесь меня ждала большая неприятность. Мою бывшую жену с детьми высылали из Москвы как троцкистку. Она окончила Ленинградский коммунистический университет, а этот университет был имени Зиновьева, и во время партийной дискуссии поголовно проголосовал за платформу Зиновьева. Наличие в партийной карточке записи об окончании зиновьевского университета явилось достаточным основанием для исключения из партии. Она написала заявление в ЦК, что во фракционной борьбе не участвовала, проголосовала по принципу стадности со всеми и просила восстановить в партии. Через несколько дней ее вызвали в НКВД, допросили и предложили выехать в ссылку в село Пески Шадринского района. Проводил их до Свердловска. Скучное было расставание с детьми. Они-то не понимали положения матери и при

прощании беспрерывно повторяли: «Привези нам с Севера собачек, Мишку и Ямала». Поезд тронулся, а они кричали в окно... «привези Мишку, Ямала».

Станислава поехала на курорт, и в Салехарде я оказался один. А обстановка была тревожной, начались массовые аресты. У меня было неспокойно на душе. Я не думал, что это может коснуться и меня, но предчувствовал — произойдет что-то плохое. И предчувствие не обмануло.

В начале сентября 1937 года состоялся Пленум окружкома партии, я был членом окружкома и кандидатом в члены бюро, но извещения о пленуме не получил. Непонятно. Подумал, что меня вывели решением бюро или обкома. Идти без приглашения не решился. Да и беда, как говорят, не приходит одна, перед этим я потерял удостоверение члена окружкома, а иногда их проверяли на входе.

На пленуме меня не было. Встречаю Минкова, моего заместителя по политчасти на культбазе. Он мне сказал, что меня и Лобанова вывели из состава окружкома, а Лобанова сняли с работы.

В это время в Салехарде была Цылия Борисовна Брук. Она часто заходила ко мне на квартиру, всегда находились неотложные дела, она ведала торговлей и снабжением ГУСМП, приехала из Москвы проверять нашу работу. Я ей рассказал о решении пленума. «Плохо», — сказала она, и больше не заходила.

27 сентября 1937 мне сказали, что будет партийное собрание. Обычно оно проходило в моем кабинете. На собрание пришли заместитель начальника НКВД Шаповалов и сотрудник НКВД Огнев. Объявили повестку дня, состоящую из одного вопроса: «О члене партии Бродневе». Секретарь доложил, что Броднев — сын кулака, связан с троцкистами, его жену выслали из Москвы. Я объяснил, что отца раскулачили ошибочно, что райисполком не утвердил раскулачивание, а жена не участвовала в оппозиционной борьбе, точнее, ее участие выразилось только в голосовании, но я с ней развелся не по этим, а по личным причинам, и теперь у меня другая жена.

Воцарилось молчание. И как ни призывал председатель собрания, никто не выступил. За исключение из партии проголосовали все. По предложению секретаря я вынул и отдал ему партбилет.

Шаповалов подошел ко мне и объявил: «Вы арестованы». Начался обыск в кабинете. Просмотрели бумаги. Говорят: «Теперь пойдемте». Повели на мою квартиру, Стася только позавчера приехала. Стучу. Предупреждаю: «Я не один». Увидев работников НКВД, она вопрошающе посмотрела на меня и все поняла, но выдержка ей не изменила. Начался обыск. Между прочим, никого не пригласили и начали копаться в вещах, а мы только недавно въехали в квартиру, вещи были в беспорядке и в чемоданах и узлах. Копались несколько часов. Жена сказала: «Он давно не ел, я его должна покормить». Разрешили. Стася подала мне еду и кружку. Я отпил и понял — портвейн. Она решила, что это меня успокоит. Я выпил кружку и попросил еще «чая». Налила вторую кружку.

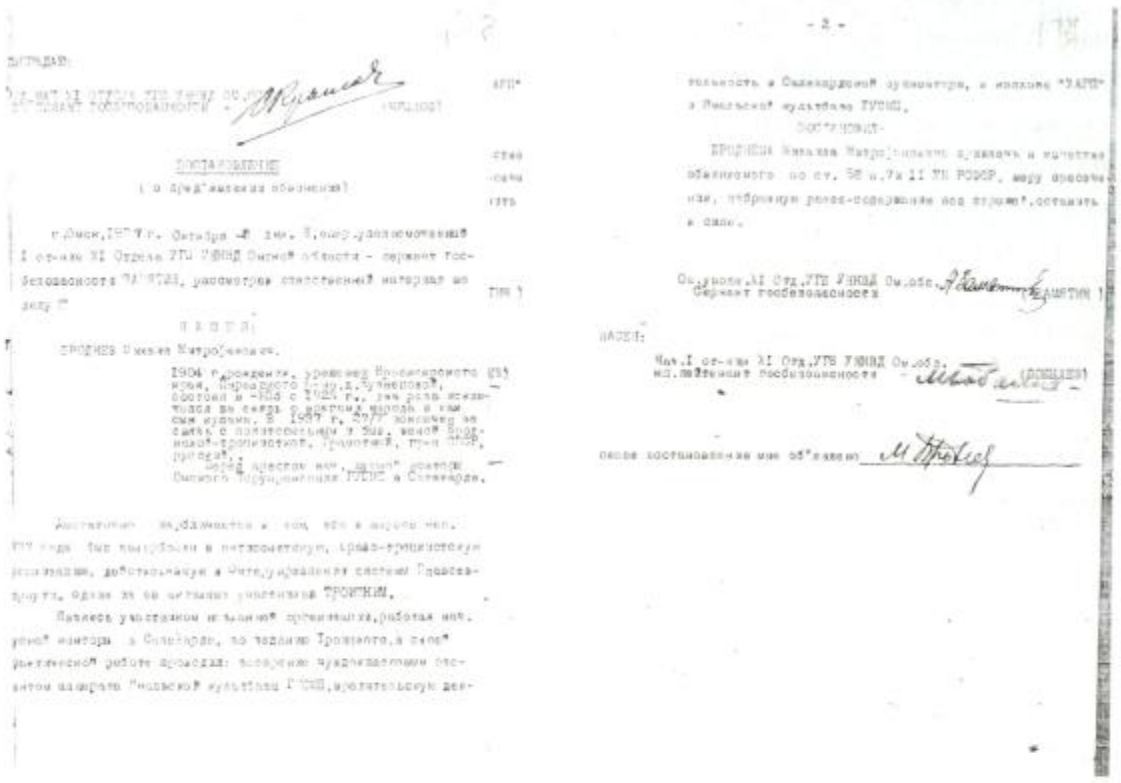
Раньше с такой дозы я хмелел. Теперь не подействовало.

Шаповалов рылся в книгах и бумагах, а их было много. Подбегает ко мне с пачкой бумаг и орет — что это? в руках он держал пачку бумаг на иностранных языках. Ответил, что это мои статьи, написанные и переведенные для заграничной печати, коммунистической. Пробурчал «проверим» и вернулся к своему занятию. Через несколько минут опять подбежал ко мне. «А это что за список?» Объясняю, что это списки ненецких супружеских пар. «Зачем?» Терпеливо объясняю, что мы хотели проверить, нарушают ли ненцы экзогамию. «А что это за хреновина?» Рассказываю о запрещении у всех первобытных народов брать жену в своем и родственном родах. У ненцев этот порядок сохранился. Разговор получился долгий, но, наконец, он спохватился и, выругавшись, сказал: «Умеешь заговорить человека». Больше я своих статей и списка ненцев не видел, как и других записей о ненцах, которые я вел для своей книги. Полкуля этих «улик» они забрали и позднее выбросили за ненадобностью. А для меня это была большая потеря.

Пересмотрели все. Шаповалов ехидно спрашивает: «А где песцы?». Я не понял. Он повторил вопрос. Я ответил — на пушной базе. «А разве себе не взял?» Я ответил как-то резко в том смысле, что у него нет оснований оскорблять меня своими подозрениями, что «по закону обыск должен проходить при свидетелях, а то можете и подсунуть песца». Жена постаралась меня успокоить.

У меня нервное состояние вызывает потребность к частому мочеиспусканию, и через каждые 15—20 минут меня водили на двор и ворчали.

Перед уходом грустные глаза Станиславы, видимо, пробудили че-



Постановление о предъявлении обвинения М.М. Бродневу

ловеческие чувства у Шаповалова. Он стал успокаивать ее и заверил, что они быстро разберутся, скоро освободят, что завтра она сможет принести мне обед.

Этот обед я получил, но, уже освободившись, узнал, какие переживания он вызвал у Стаси. Она принесла обед и попросила дежурного передать его мне. «Ишь чего захотела», — он скверно выругался. Она настояла, чтобы он позвонил Шаповалову. Тот вышел в дежурку и сказал: «По глупости обещал. Передадим в первый и последний раз. А Вам, гражданочка, советую отказаться от врага народа и дел с ним не иметь». Станислава, как и я, верила, что в НКВД работают исключительно добросовестные люди. Что если и случаются ошибки, то их быстро исправляют. Поэтому была убеждена, что через несколько дней я буду дома. Но такой тон Шаповалова вызвал у нее первое сомнение в справедливости в этом учреждении.

По дороге в НКВД мы мирно разговаривали с Шаповаловым на отвлеченные темы. Он обещал мне, что посадят меня в более свободную камеру, что мое дело разберут быстро. Передал меня милиционеру и сказал: «В крайнюю». Меня ввели в тюрьму, открыли дверь — темнота, и сразу наткнулся на лежащего на полу человека. Тот покрыл меня матом. Зажег спичку. Камера полна народу, многие спят, прислонившись к стене — ни нар, ни вообще каких-либо предметов мебели в камере нет.

Оказалось — эта была тюремная баня. Оставалось единственное свободное место на параше. Я сел на нее, но было шесть утра и многим потребовалось мое сиденье. Приходилось часто вставать. «Вот тебе и более свободная камера, — подумалось мне. — А может быть, в других еще теснее».

Утром меня и еще несколько человек перевели в другие камеры. Я попал в шестую. Она была около трех метров в длину и четырех — В ширину. В ней оказалось восемнадцать человек. Спали только на боку — на спине уже не вмещались. Обычно в тюрьме соблюдается строгая очередь, новичку достается самое плохое место, и мне указали место для сна на полу. Нары — для старожилов. Но знакомый молодой парень, посмотрев, что у меня нет вещей и одет я легко, предложил мне свое место на нарах. «Мне передали полушубок, я на полу не замерзну», — сказал он.

Помня обещание Шаповалова, я ждал, что скоро избавлюсь от этого «приятного» места. Другие тоже верили, что они не виноваты и с ними скоро разберутся. В общем, настроение было уверенное и спокойное. Рассказывали интересные события из жизни, анекдоты, негромко пели песни. А один старик пересказывал несколько вечеров содержание книги «Тарзан».

Время проходило нудно. Шаповалов о своем обещании забыл. Прошел месяц, идет второй, наконец — третий. Станислава передала мне махорки и пачечку курительной бумаги. Нашелся карандаш. Я на этих папиросных листочках написал заявление Верховному прокурору. В камеру вошел начальник НКВД Божданкевич и окружной прокурор Кун. Я передал ему заявление и попросил разобраться

самому, а если не может, то переслать в Москву. Он дрожащей рукой взял мое заявление и тут же передал Божанкевичу. Я удивился, потому что еще не знал тогда, что многих прокуроров пересадили, а Кун за себя боялся.

Написал вторую жалобу. И она тоже не дошла по назначению. А случилось это так.

К нам в камеру втолкнули молодого парня, с ним был матрас, набитый соломой. Кто-то решил с парнем послать записку домой, и я тоже решил отправить свою жалобу. Парень заверил, что запечатает и пошлет. Скоро я убедился, что парень был специально подсажен к нам.

Но все-таки одна жалоба ушла в ЦК партии. На двадцати страничках курительной бумаги я написал о себе и о том, что здесь творят. Эта жалоба была отправлена так: в спешном порядке возводили пристрой к тюрьме. Из нашей камеры работали несколько человек. Если их охранял хороший милиционер, то к ним подходили ребята или жены. Через такую «оказию» удалось передать заявление в ЦК Станиславе. Я тогда еще верил, что массовые аресты, избиение арестованных — явление местное, узнав об этом, ЦК проверит и накажет виновных, а мы пойдем по домам. Уже освободившись, я узнал, что Станислава получила ответ на мое заявление из Верховной прокуратуры, где сообщалось, что заявление на имя ЦК передано прокуратуре и будет проверено. Конечно, никакой проверки не было, а видимо заявление переслали местному НКВД.

Как-то меня привели к начальнику окротдела Божанкевичу. Мы с ним раньше часто встречались на заседании бюро Окружкома партии. Принял он меня вначале вежливо. По его распоряжению принесли мне чаю и булочку. Сначала беседа проходила мирно. Я даже сказал

Анкета арестованного

Анкета арестованного М.М. Броднева, 1937 г.

ему, что то, что делается в окротделе, не соответствует политике партии и для работников кончится плохо, а для Вас особенно. Он развил мне Сталинские положения о классовой борьбе, напомнил статью Горького «Если враг не сдается, его уничтожают» и посоветовал признать свою враждебную деятельность. «Пожалей ребра — все равно подпишешь». Я ему сказал, что-то вроде того, что при тех диких искажениях, которые он допускает, дело для него кончится плохо, и вероятно, скоро мы поменяемся местами. Он вскочил, стукнул кулаком по столу и заорал: «Встать, сволочь. Мы вооруженный отряд партии, и вас всех — врагов народа — уничтожим». Приказал увести меня.

А мои предсказания, касающиеся лично судьбы Божданкевича, подтвердились. Его расстреляли за произвол и убийство на допросе. (*Далее в рукописи Броднева неразборчиво написана фамилия, предположительно, Гоникберг. — Прим. авт.-сост.*).

Через несколько дней меня повели в отдел, поставили в ряд с другими арестованными. Я оказался рядом с Вануйто Николаем Ивановичем, которого хорошо знал. Тихонько спрашиваю: «Что здесь происходит?» Отвечает: «Жуть — увидишь».

Вошли милиционер Шишкин и начальник тюрьмы Зотов. Вызвали троих и скомандовали: «Гусиным шагом арш!» Арестованные на согнутых коленях пошли по комнате. Шишкин установил дистанцию и стал наносить им удары ногой в пах, стараясь попасть по яйцам, и когда это ему удавалось, жертва издавала дикий крик и, скорчившись, падала. Шишкин свирепел, и его сапог без разбору пинал упавшего по ребрам, по лицу. Первым потерял сознание поляк (фамилию не помню), его оттащили в угол. «Отойдет, хлипкая сволочь».

Но не все отходили. Гоникберг Иосиф Ильич, старик 65 лет, мужественно переносил пытки и кричал: «Палачи, негодяи!». Это еще больше раззадоривало мучителей. С остервенением Зотов и Шишкин пинали старика. Он затих. Оттащили в угол. Прошло много времени, а Гоникберг не подавал признаков жизни. Зотов дотронулся до него и отскочил, понял — мертвый.

А ведь Гоникберг сидел в тюрьме до революции, был в ссылке в Обдорске. И жизнь старого революционера так дико оборвалась.

Палачи свирепели, а в тюрьме началась паника, полоса самоубийств. Я до тюрьмы читал о садистах, но считал, что это исключительно редкая болезнь. В Обдорской и в Омской тюрьмах, к сожалению, убедился, что многие наслаждаются страданиями других. Шишкин и Зотов — ярко выраженные садисты. Шишкин с наслаждением занимался своими ужасными делами многие часы, а после садился и с удовольствием и жадностью ел. Они разнообразили пытки. Их фантазия была неистощимой и дикой. Одну пожилую женщину завернули в ковер и методично, со смехом, выщипывали ей волосы на половом органе, при этом дико смеялись. Ад. Но даже черти вряд ли способны на такое.

Большинство не выдерживало пыток и подписывало все, что пред-

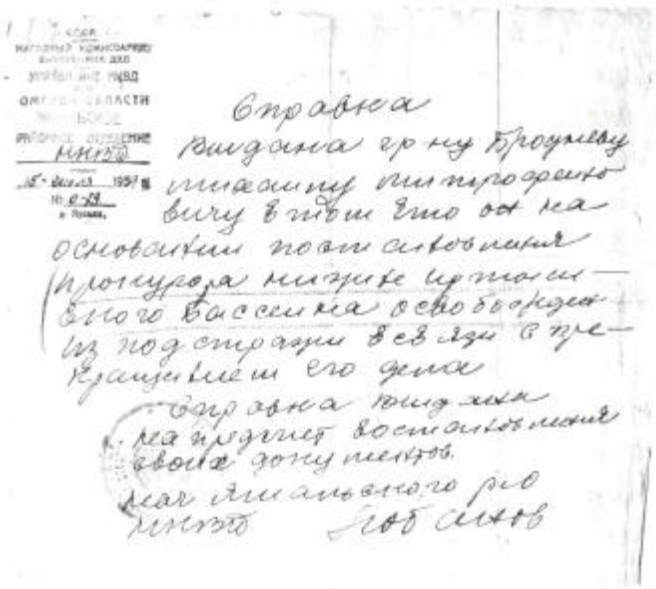
лагали следователи. Была надежда, что суд или тройка разберется, и дикость обвинений будет снята. Но эта иллюзия рассеялась.

Арестованных стали выводить рыть подвал под зданием клуба. Зачем? Дальновидные правильно определили: «Здесь будут убивать». И через несколько дней это подтвердилось. Зотов начал вызывать и уводить по три человека. Вывел человек пятьдесят, большинство из них были пожилыми спецпереселенцами. Мы решили, что их освобождают. Некоторые, и я тоже, спросили: «А нас скоро?». «Успеете», — ответил он. Через короткое время узнаем — всех их расстреляли в подвале. Это происходило днем в центре города. Стреляли из малопульки, и не всегда убивали. Недобитых начальник милиции Седычев добивал колуном (топором).

В тюрьме много говорили об этом, передавали страшные детали убийства, якобы подслушанные от дежуривших милиционеров, а больше, вероятно, сочиненных. Паника росла. Один арестованный повесился на шнурках от ботинок, другой перерезал себе вены. От одного спецпереселенца требовали подписать, что его сын — руководитель организации подготовляющей восстание спецпереселенцев. Он не подписал, его без сознания бросили в камеру, а ночью он отрезал себе язык.

Нас с Борисом Розенбергом оставили в коридоре вдвоем. Решили, что надо панику прекратить. Договорились, что вернемся в камеры и скажем, что слышали о приезде комиссии для проверки отдела, и что теперь произвол прекратится. И несколько дней из тюрьмы никого не вызывали. Видимо, после массового расстрела палачи отдыхали. Тюрьма успокоилась, самоубийства прекратились.

Я потерял хорошего соседа. Рядом со мной спал старик Иоыч, по фамилии его не называли, и я



Справка об освобождении из-под стражи

ШИФРОВКА

Информация о реабилитации М.М. Броднева в газете «Нарьян Нгэрм»

Тов. М. М. Броднев реабилитирован

В октябре-декабре 1937 года в ряде опубликованных в газете „Нярьяна Нгэрм" статей указывалось, что М. М. Броднев является врагом народа. При расследовании этого дела выдвинутые против тов. Броднева обвинения не подтвердились. Следственными органами дело по обвинению тов. Броднева полностью прекращено и он реабилитирован.

ее не знаю, точнее — забыл. Он был выслан как кулак, но, по его рассказам, он содержал сироту, лет с четырнадцати, она выросла и жила у них как дочь. Признали, что это скрытая батрачка и раскулачили. Он считал, что в ссылке ему живется лучше, зарабатывает хорошо, построил дом, имеет корову, свинью. Это был добрый человек, устроившись в Салехарде, он перевел денег своей «батрачке» и она приехала к нему. По натуре — тихий, скромный человек. Его вызвали. «Пойду к старухе, встречу твою, расскажу, как мы тут отдыхали. Оставляю тебе котелок». Особенно диким показался мне расстрел этого человека.

В ту же партию попал заведующий окркомхозом Мельбарт. Это был латыш богатырского сложения, добрейший по характеру. Его обвинили в шпионаже и долго истязали. Его супруга первой из наших жен опубликовала в газете отказ от него, как от врага народа. Переживал он это тяжело и как-то сказал: «Видно, весь мир с ума сошел». Глядя на него, я понял, что значит в беде верная жена.

В «пыточной комнате» я пробыл неделю. Садиться не позволяли, а для меня длительное стояние было пыткой. В первые же сутки отекли руки и ноги, пальцы стали толстыми, было больно ноге, затянутой в протез, а на второй день на больной ноге лопнула кожа. Я пожаловался, что стоять не могу. «Стой, сволочь, скорее подпишешь». Через неделю втолкнули в камеру и наказали — «думай».

И я думал: пыток никто не выдерживает и человек подписывает все, что требуется. Из сотен заключенных, которых я знал, был только единственный человек, жестоко истязаемый и все-таки не подписавший требуемого. Это коммунист Шунько, заведующий окрсельхозотделом. Он сидел в одной камере со мной. С допросов его приносили избитого, без сознания. Как только он приходил в себя, вызывали и вновь истязали. Снова он оказывался в камере без сознания. Так повторялось много раз. Ничего не добившись, его освободили, восстановили в партии. Но видимо мозги у него оказались нарушенными. Произошел такой случай.

Он сидит в зале, где собирается партактив. Заходят двое работников НКВД, видимо истязавших его. Он вскочил и заорал: «Зачем этих палачей пустили?» и рассказал, что с ним проделывали в НКВД. Через несколько дней его вновь арестовали и больше я о нем ничего слышал.

Я решил, что надо наврать на себя с некоторой пользой. Пре-

Заключение по материалам уголовного дела М.М. Броднева

УТВЕРЖДАЮ
Заместитель прокурора Тюменской
старший советник юстиции
"20" апреля 1956 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
По материалам уголовного дела арх.№ 1956

Фамилия, имя, отчество Броднев Моисей Моисеевич
Год и место рождения 1904 г. д. Кузнецова Кировского района Красноярского края
Место жительства до ареста г. Салехард, Ямало-Ненецкий национальный округ, Тюменской области
Место работы и должность до ареста работал начальником сектора Окрсельхозуправления Зам. председателя Окрисполкома
Данные о родственниках жена Броднева Ольга Ивановна
Дата ареста, представлявшееся обвинение, когда и каким органом осужден (приговор), за что и по каким статьям УК, мера наказания, последующие решения по делу
арестован Броднев 28 сентября 1938 г.
обвинялся по ст. ст. 58-7-11 УК РСФСР
участие в троцкистской террористической организации
Тюменским областным судом 1939 г.
На Броднева дело прекращено
распространяется действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1954 г. "Об амнистии"
Старший помощник прокурора Тюменской области
"20" апреля 1956 г.

жде всего, наговорить надо так, чтобы меня вывезли из Салехарда. Я знал, что арестованы мои начальники по ГУСМП. Я был в приятельских отношениях с начальником политотдела Михайловым и показал, что мы с ним разговаривали о неправильной политике партии, осуждали ее и думали какие меры надо принять, но конкретно ни до чего не договорились. Ход оказался удачным. Меня «подключили» к группе Омского отделения ГУСМП и вывезли в Омск, как и остальных работников ГУСМП: Вануйто — директора совхоза, Кирша — моего заместителя по Салехардскому отделению ГУСМП — и других. Я не допускал мысли, что в Омске творится беззаконие, и ехал с надеждой. Везли нас в каюте, из столовой носили еду. У конвоиров было моих денег порядочно, и я сказал, что если у кого нет денег, пусть платят буфету из моих. Ехали дней десять, и после тюрьмы это был хороший отдых.

Сопровождали нас милиционеры и дружинники. Один из них был музыкант Дома ненцев, Борис Мани, он был мне хорошим знакомым — я несколько лет заведовал окроно и мне подчинялся Дом ненца. Он и другие конвоиры обычно сидели у наших дверей с винтовками, крепко выпивши. Привезли нас в Омск. Обычно на деньги давали квитанцию. Проходит месяц, второй, третий — квитанции на мои деньги не несут. Я об этом рассказал посетившему нас прокурору. Через полгода я получил квитанцию. Значит, дорогой они пропили мои деньги и под нажимом были вынуждены вернуть их. Между прочим, Станислава хорошо придумала использовать деньги для выяснения — В Омске я или меня увезли куда-то. Она ежемесячно посылала мне деньги в тюрьму с извещением о вручении. Ей сообщали — деньги вручены. Значит, я в Омской тюрьме.

В Омске меня втолкнули в камеру, кажется, под номером 40. Она, по царским нормам, была рассчитана на семь человек — В ней было семь прикрепленных к стене кроватей, а теперь находилось сорок человек. В порядке очереди мне досталось место впритирку с парашей. По месту спанья можно было точно определить, кто тут «старожил»: они спали на кроватях, а остальные — на полу. Новички начинали движение от параши, а продвигались медленно. За год я не продвинулся и на половину пола камеры. У большинства вещей не было, я тоже имел только китель, и он служил мне подстилкой и одеждой. Правда, к зиме мне повезло. Я получил посылку — Станислава послала полушубок. Между прочим, меня сильно знобило, поднялась температура, а заявить об этом — значит попасть в больницу, а из больницы почти никто не возвращался. Ежедневно уходил из тюрьмы фургон с трупами, на нем было написано: «Хлеб».

И вот во время болезни меня вызвали в коридор и вручили мне вспоротую посылку — полушубок. Впервые за много месяцев почевал на мягком и в тепле. Проснулся бодрым, температуры не чувствовал и подумал: «Много ли человеку надо?». Большинство товарищей проводило зиму только в рубахах или пиджаках, мерзли ночами, даже омичам связь с родственниками была

запрещена. Станислава рассказывала мне потом, что полушубок она послала «на авось», и он дошел.

Между прочим, это не первый счастливый случай, когда меня спасала забота Станиславы. Без нее я бы погиб. Например, в Салехардской тюрьме мы были лишены передач, получали 400 грамм черного хлеба и больше ничего. У меня началась цинга. Станислава подкупила надзирателя, и он передавал мне продукты, даже где-то доставала лимоны.

В камере Омской тюрьмы встретил бурята, с которым учился в 1922 году в Иркутской совпартшколе, — Баранникова, а также инспектора Ямало-Ненецкого окроно Мурачковского. От них я быстро узнал, что произвол НКВД в Омске был более диким, по сравнению с салехардским. Баранников мне рассказал об особом кабинете, где пытали электричеством, о работнике НКВД Саенко, который ходил по кабинетам и на спор выбивал зубы у допрашиваемых. Наслушался и о московских порядках в этом учреждении и понял, что это сумасшествие распространилось на всю страну. Часто обсуждали, а знает ли об этом ЦК и Сталин. Было много наивных, убежденных в том, что Сталин не знает, а стоит ему узнать — мы все выйдем на свободу. Я в этом сомневался и думал, что процессы над Рыковым, Бухариным и другими прошли не без участия Сталина, что показания на них вырваны из жертв в результате истязаний и написаны по плану НКВД. Был уверен, что при моей жизни правда не восторжествует и народ не узнает о произволе. Даже думал, что, освободившись, уже стариком, опишу увиденный произвол, а писанину закопаю в землю — пусть хоть потомки узнают о прошлом. Доклад Хрущева на 20-м съезде партии избавил меня от необходимости писать для потомков. Я убежден, что Сталин был сумасшедшим, находился во власти мании преследования, и, если это так, не понимаю, почему об этом не сказать народу. Конечно, эпоха сталинизма дискредитировала всю нашу систему, и Хрущев — смелый человек — обнародовал преступления Сталина.

Пока прекращаю это описание, получил отзыв на рукопись книги и надо заниматься более серьезной работой. Далее события, кратко, развертывались так:

В Омской тюрьме я провел год.

Этапом отправили в Салехард, а оттуда — В Яр-Сале, пытаясь найти повод к сдаче под суд за какое-либо гражданское преступление и этим оправдать арест. Повода не оказалось.

В июле 1939 года освободили.

Восстановили в партии.

От заключения до власти

Свобода

В маленькой Ярсалинской каталажке я провел три недели вместе с Иваном Монаховым — директором Пуйковского рыбозавода. Сидели мы под замком, но охраны около каталажки не было. Дуся Воробьева и другие мои сослуживцы по культбазе передавали нам в окно еду, бумагу, книги и даже брагу. Жизнь, по сравнению с тюрьмой, была замечательная. Я даже сумел отправить Станиславе первое за все время заключения письмо. Начальником районного отдела был Лобанов, который предложил избрать меня секретарем райкома. Спрашиваю его: «Долго ли будете держать здесь? Видимо, надо кончать с нами, раз нас сюда привезли, значит, видимо, Вам поручили найти на нас обвинение». Он сказал, что не знает, почему мы здесь оказались, и запросил, что с нами делать.

Через несколько дней милиционер открыл каталажку, вызвал меня и сказал: «Погуляйте», — А сам ушел. Впервые почти за два года я один расхаживал вокруг каталажки и думал, что это значит. Через некоторое время из Райотдела вышел Лобанов и крикнул: «Идите сюда». Подошел. «Вы свободны, зайдите за документом». Вручая документ об освобождении, спросил: «Есть ли деньги на выезд?». Я сказал, что здесь много ранее работавших со мной и денег найду. Вышел из НКВД и пошел по поселку, а по старой привычке — руки назад. Встретила Дуся Воробьева — приятельница Станиславы, зазвала к себе, накормила, угостила водкой, дала денег.

В это же день из Яр-Сале в Пуйко уходил маленький катер с большой лодкой-крылаткой. Я сел в лодку, здесь же оказался секретарь окружкома Ширяев. На меня напала разговорчивость, я его много расспрашивал об округе, он охотно поддерживал разговор. Приехали в Пуйко. Туда же на этом катере привезли Монахова и посадили в каталажку. Я пришел в столовую. Туда же заводят Ивана и садят за мой стол. «Ты покарауль его, а я должен сходить по неотложным делам», — обращаясь ко мне, сказал милиционер. Оказавшись «конвоиром», я заказал выпить, и мы с Монаховым захмелели. Пошли в каталажку, и я там уснул. Милиционер разбудил и выгнал меня. Сел на крыльцо сельсовета. Знакомый рабочий позвал к себе и сказал, что утром будет катер в Салехард. На катер меня не пустили, но я, воспользовавшись тем, что старшина ушел, проник туда тайно. В пути меня обнаружили, но ничего не сказали, даже накормили ухой.

Вот и Салехард. Я знал, где живет Станислава, и направился туда, с нетерпением ожидая встречи. Неожиданно на меня бросилась собака и лизнула в губы. Я испугался — бешеная, но она бегает вокруг и доброжелательно скулит. «Так это же Ямал, ярсалинская собака дочки Тани!» Вот память — ведь прошло два года, а он узнал, хотя я был в полушубке с тюремным запахом. Значит, он запомнил запах тела. Всю дорогу Ямал ласково скулил, прыгал

на меня, катался по земле и всячески выражал свой восторг. Позднее Станислава рассказывала, что Ямал жил в Яр-Сале, видимо, с новым хозяином прибежал в город и, встретив ее, уже не отходил ни на шаг. «Пришел Ямал, значит, придет Михаил», — говорила она знакомым.

Пришли на квартиру. Станислава и хозяйка квартиры выехали в Омск. Станислава там ходила в прокуратуру, и ее обнадежили, что меня освободят. На квартиру знакомых дал в Омск телеграмму: «освобожден тчк справедливость восторжествовала зпт жду тебя». Станислава выехала с первым же пароходом. Я рано пошел на пристань и, увидев дым парохода, идущего еще по Оби, стал ждать. Долгим мне показалось время, но Станислава увидела меня с парохода, закричала и впереди всех выскочила на пристань. Встретились радостные и счастливые.

Встала проблема, что делать дальше. Станислава говорила, что надо остаться в Салехарде, здесь «замарали», тут должны и очистить. Решили, что работать я пойду в артель инвалидов, буду учиться чинить обувь. Первой задачей, стоящей перед мной, мы считали восстановление в партии. Надо было за этим ехать в Омск, а денег нет, продать нечего. В период вынужденной безработицы Станислава что-то проела, да и хоть немного, но посылала денег моим детям. Перед моим освобождением она работала и купила мне украинскую рубаху, пиджака не было, но и без него я остался доволен. У меня отобрали дорогое ружье. Я пошел в НКВД и попросил вернуть. Сказали, что отослали в область. Я отправил телеграмму в Омск. Через несколько дней мне принесли ружье, запущенное, грязное, без чехла — А взяли с чехлом из подошвенной кожи. Ко мне пришел Лущик — он работал со мной охотоведом — и попросил продать ружье. За ружье он мне выложил денег больше, чем оно стоило. Я запротестовал, а он сказал, что ружья этой марки повышены в цене. Позднее я спросил, почему переплатил, — ответил, что он этой покупкой хотел мне помочь. С этими деньгами я выехал в Омск.

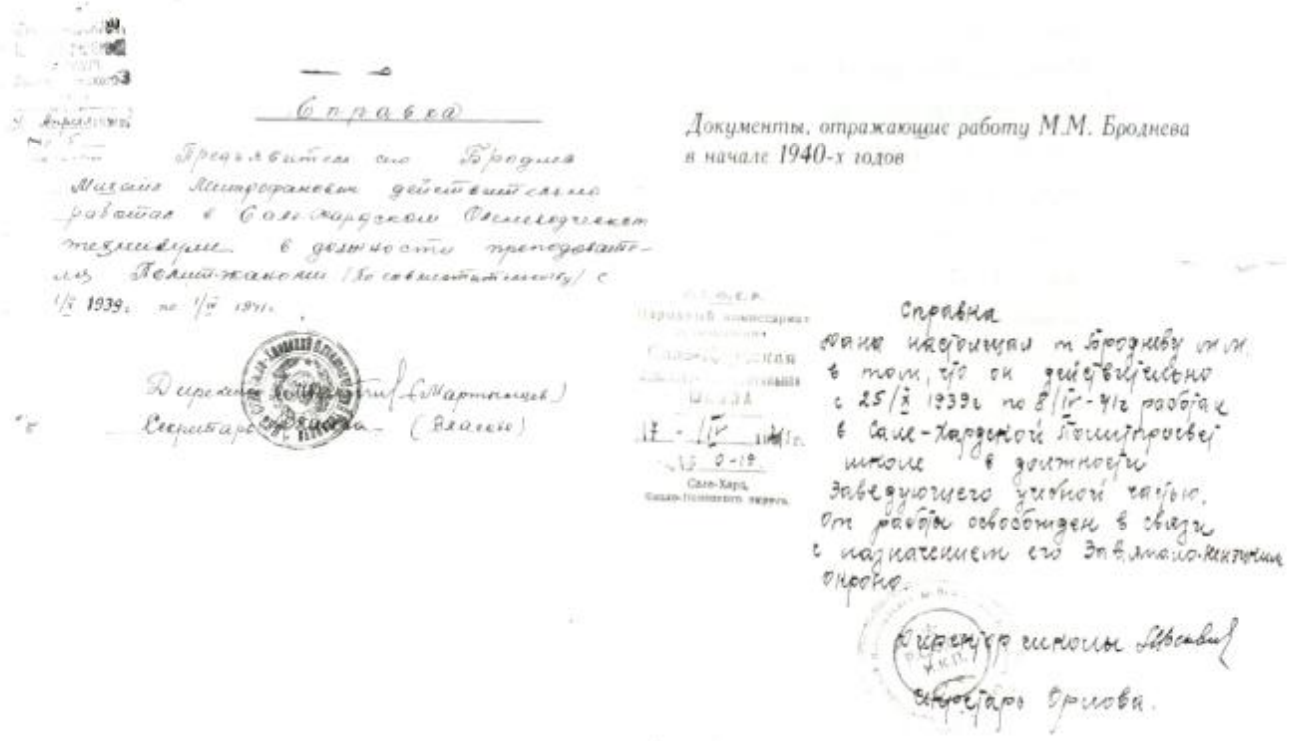
В обкоме партии мое заявление принял инструктор и сказал, что бюро будет недели через две. Остановился я у Поповых, Иван не работал — жили они плохо. Я всячески уклонялся от еды у них. Два раза в день на базаре покупал бутылку молока и булочку — деньги надо было растянуть на обратную дорогу. Пришел день заседания бюро, в большом коридоре скопилось не менее сотни людей, встретил знакомых, в частности, Горштейна — бывшего председателя окрыболовпотребсоюза. Его судили открытым судом и приговорили к расстрелу, он провел в смертной камере около года. А садисты тюремщики ночью возились с замком его камеры, чтобы он думал, что его собрались вести на расстрел.

Стали вызывать на бюро по одному. Возвращались быстро и сообщали — восстановлен. Дошла очередь до меня. Инструктор, который раньше беседовал со мной, доложил, что я просидел около двух лет, обвинение не подтвердилось, реабилитирован, освобожден. Есть предложение восстановить. Возражений не было. А секретарь обкома спросил, что намерен делать. Отве-

тил, что остаюсь в округе, где опозорили, там пусть и реабилитируют в глазах людей. Он сказал — правильно. Объявили перерыв. Я вышел вместе с заседавшими. Оказавшийся рядом со мной заместитель редакции газеты «Омская Правда», Недланов, спросил, определился ли на работу. Ответил, что собираюсь пойти учеником сапожника. Он рассмеялся и сказал: «Нам нужен спецкорреспондент в Ямало-Ненецком округе, вы же у нас печатались, заходите — оформим». На второй день я получил удостоверение спецкорреспондента и подъемные, пригласил Мамеева — бывшего секретаря окружкома ВЛКСМ, восстановленного в партии одновременно со мной, в ресторан и мы отметили окончание наших мытарств. Удачно попал на самолет и быстро оказался дома.

Станислава нашла квартиру — маленькую, сырую комнату в зырянском доме. Были довольны. Да и денежные дела поправились. За время отсидки мне выдали двухмесячный оклад прежней зарплаты. Оделись, послали денег детям и зажили со Стасей в довольстве, а главное — дружно.

Работа корреспондента оказалась хорошей: я обязан был дать две корреспонденции в месяц, но надо было много ходить, и проработав три месяца, я отказался. Стал работать в Олентехникуме преподавателем политэкономии. Учащиеся, в основном дети высланных кулаков, тщательно готовились, и у них была высокая успеваемость. Меня заподозрили, что я даю скидку детям кулаков и завышаю оценки. Кузьмин — из отдела пропаганды окружкома партии — ходил на мои уроки неделю и дал заключение, что ребята хорошо знают материал и я веду уроки прекрасно. У начальства создалось впечатление, что я хороший учитель, и на мои уроки стали посылать учителей старших классов



Документы, отражающие работу М.М. Броднева в начале 1940-х годов

средней школы перенимать опыт. Я им, конечно, не мог сказать, что дело не во мне, просто дети кулаков боятся, что если они будут плохо изучать политические дисциплины, то их исключат. Да и подобрались ребята способные. Многие из них выросли в больших работников: Замятин — заместитель председателя облисполкома, Козин — директор совхоза, Абраменко — директор опытно-показательного хозяйства, Мысов — директор рыбозавода и так далее.

Слава лучшего учителя привлекла ко мне внимание. В Салехарде была культпросветшкола, где обучались исключительно ненцы и ханты. Меня послали завучем этой школы и избрали секретарем парторганизации. Работалось там хорошо. Нам дали комнату в доме школы — живи и радуйся.

Но радоваться долго не пришлось. Вызвали в Окружком и предложили принять заведование окроно. Я отказался и думал, что меня оставили в покое. Как-то вечером пришел на квартиру работник окрисполкома и сказал, что меня немедленно вызывают на сессию окрсовета. Только я открыл дверь, как председатель окрисполкома сказал: «Есть предложение утвердить заведующим окроно Броднева». Не успел я рта открыть, а он объявил: «Возражений нет, утверждается».

В окроно я сменил Марамыгина, не имеющего даже среднего образования. Я тоже плохо разбирался в тонкостях педагогики. Решил, что надо иметь хороший инспекторский состав, уволил мужа и жену Пономаревых — стариков, которые не могли ездить по районам. Заменил их молодыми учителями, имеющими хорошую педагогическую подготовку, а своей главной задачей поставил изменить отношение к учителю — а оно было неправильным в ряде районов, учителя

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Союз ЮЗНАЯ
Коммунистическая Партия (большевиков)
Ямало-Ненецкий
Окружной Комитет
Омской области
8 апреля 1942 г.
№ 25/78

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Предъявитель тов. БРОДНЕВ Михаил Митрофанович командируется в Ямальскую районную парторганизацию по вопросам партийной работы.

Секретарь Ямало-Ненецкого окружкома ВКП(б) — (ГУЛИЧ).

плохо обеспечивались квартирами, плохо снабжались. За неправильное отношение к учителям добился наложения партийных взысканий на районных начальников, передачу школам лучших зданий, занимаемых колхозами или сельсоветами, обеспечил лучшее снабжение интернатов одеждой и обувью и прочее. Учителя относились ко мне хорошо. За работу в окроно меня наградили Орденом Трудового Красного Знамени.

В 1942 году меня выдвинули первым заместителем председателя окрисполкома, а вскоре — председателем, избрали членом бюро Окружкома, членом обкома. В общем, намерение стать сапожником не осуществилось. В округе создалось тяжелое положение, резко сократилось поголовье оленей, ненцы устроили протест-мандалу, экономика округа была подчинена рыбной промышленности. Дело дошло до ЦК. Я поехал в Москву.

В высших партийных и правительственных сферах

После «мандалы» делами округа заинтересовались в центре. Меня вызвали в Москву. Первый, к кому я пошел, был инспектор ЦК партии Должных, он перед этим приезжал в Салехард. Этот умный человек быстро и правильно определил обстановку. «Рыбная болезнь», — таков был правильный диагноз. Гулин превратил окрисполком в хозяйственную часть Рыбтреста. Должных поехали встречать Гулин и Засыпкин. Меня не пригласили. В день приезда состоялся банкет, кажется, по случаю награждения строителей железной дороги орденами. Для начальства — отдельный стол. Я сел не за него, а в некотором отдалении. Должных спросил Гулина, почему меня нет за «начальственным» столом. Позвали. На Пленуме Окружкома Должных произнес речь, в которой осудил Окружком за то, что тот сделал Рыбтрест главным хозяином округа и принизил значение окружных организаций, особенно окрисполкома. Гулина освободили от работы, а меня вызвали в Москву.

В Москву приехал ночью. Куда устраиваться, где ночевать? Я и трое моих попутчиков поехали в гостиницу «Москва», не зная, что там принимают по команде Совнаркома или ЦК. Сели в вестибюле с намерением провести ночь сидя. Здесь встретили И.А. Попова. Он пошел к администратору, и мне дали номер, забронированный для секретаря обкома Культышева, который должен был выехать одновременно со мной, но ему не достали билета в мягкий

салон, а в жестком он ехать не пожелал. Мои спутники устроились в этом же номере на полу. Утром приехал Культышев, и нам пришлось освободить номер. Я позвонил в Совнарком, и по их звонку мне дали номер: в нем ванна, телефон и хорошая обстановка. Я много ездил по сибирским городам, много видел гостиниц, но в таком номере оказался впервые.

Утром пошли в ЦК к Должных. Здесь определились задачи нашей поездки: добиться в заинтересованных ведомствах решения всех нужд округа, особенно увеличения речного флота. Распределили, кто что делает. Я должен был продвинуть вопросы в Совнаркоме. На второй день Должных позвонил и сообщил, что мы поедем с ним в Совнарком РСФСР. Он заехал за мной. Косыгина, который был тогда председателем Совнаркома, не оказалось, нас принял его заместитель, Пронин. Должных рассказал, что Пронин, будучи председателем Моссовета, не признавал Совнарком РСФСР и все вопросы пытался решать через союзное правительство. Косыгин пожаловался Сталину. Тот приказал назначить Пронина заместителем к Косыгину.

Я рассказал Пронину о положении и нуждах округа. Он позвонил заведующему организационным отделом и поручил заняться нашими делами. С этого момента начались мои мытарства. Решили, что мне следует начать с постановки вопроса перед наркомом Рыбной промышленности СССР о снижении плана рыбодобычи и укреплении технической базы рыбозаводов. Созвонился с помощником наркома Ишкова. Он назначил прием наркомом на 10 часов утра. Пришли с Поповым заранее. Сидим долго — А нарком нас не принимает. Прошел час. Я зашел в кабинет заместителя Сбродова (он был в Салехарде, и я его знал). Сбродова не было, я поднял

ПРОПУСК № 539.

Место для фотографии

Выдан тов. Бродиеву М. М.

на право входа в здание Совнаркома РСФСР

Действителен до 15 декабря 1915 г.

Управляющий Делами Совнаркома РСФСР

24 ноября 1915 г.

трубку кремлевского телефона и соединился с Ишковым, сказал ему, что мы сидим в приемной больше часа, и если так будут принимать, то в Москве придется жить месяцами, а надо побывать у многих наркомов. Он сказал, что занят выполнением срочного задания Микояна и скоро нас примет. Разговаривал я, видимо, не очень спокойным тоном, и Попов напал на меня: «Кто тебе дал право так разговаривать с наркомом?» Я ответил, что «нарком обязан жалеть время других и не держать их часами в приемной».

Ишкову я рассказал, что планы рыбодобычи устанавливаются без учета других отраслей хозяйства, что «рыба съедает оленей», что однобокое развитие экономики округа наносит вред государству. Рассказал ему, что МРС забрали у колхозников лодки, и теперь колхозники лишены возможности привезти дрова. Ишков ответил мне резко, в том смысле, что главная задача округа давать рыбу, что после войны восстановим все основные отрасли хозяйства, а сейчас главное — рыба, и план не будет снижен, а лодки у колхозников изъяты по положению об МТС, утвержденному правительством. Ушли ни с чем. А Попов, виновник «рыбной болезни», остался доволен. В других наркоматах дела тоже решались неважно. Особенно меня беспокоила позиция наркомата судостроения. Нарком сказал, что понимает наше положение, но не имеет железа на строительство барж. А после аварии флота в 1944 году население Северного Ямала и Гыдояма оказалось в безвыходном положении: продуктов завозить было не на чем, в Тамбее уже давно население получало по двести граммов хлеба. Наступала катастрофа. Многие наркоматы, особенно здравоохранения и просвещения, отнеслись к нашим нуждам внимательно и конкретно определили, чем помогут.

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

ТЮМЕНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ

№ 935 18 марта 1946 г.

Командировочное удостоверение

Выдано т. БРОДНЕВУ Михаилу Митрофановичу - Председателю Ямало-Ненецкого окрисполкома.

фамилия, имя и отчество, должность

Тюменский обком ВКП/б/.

наименование органа, выдавшего удостоверение

Командировка гор. Москву - ЦК ВКП/б/.

пункты назначения

Срок командировки „ ” дней по „20” апреля 1946 г.

Основание: указание секретаря обкома ВКП/б/.

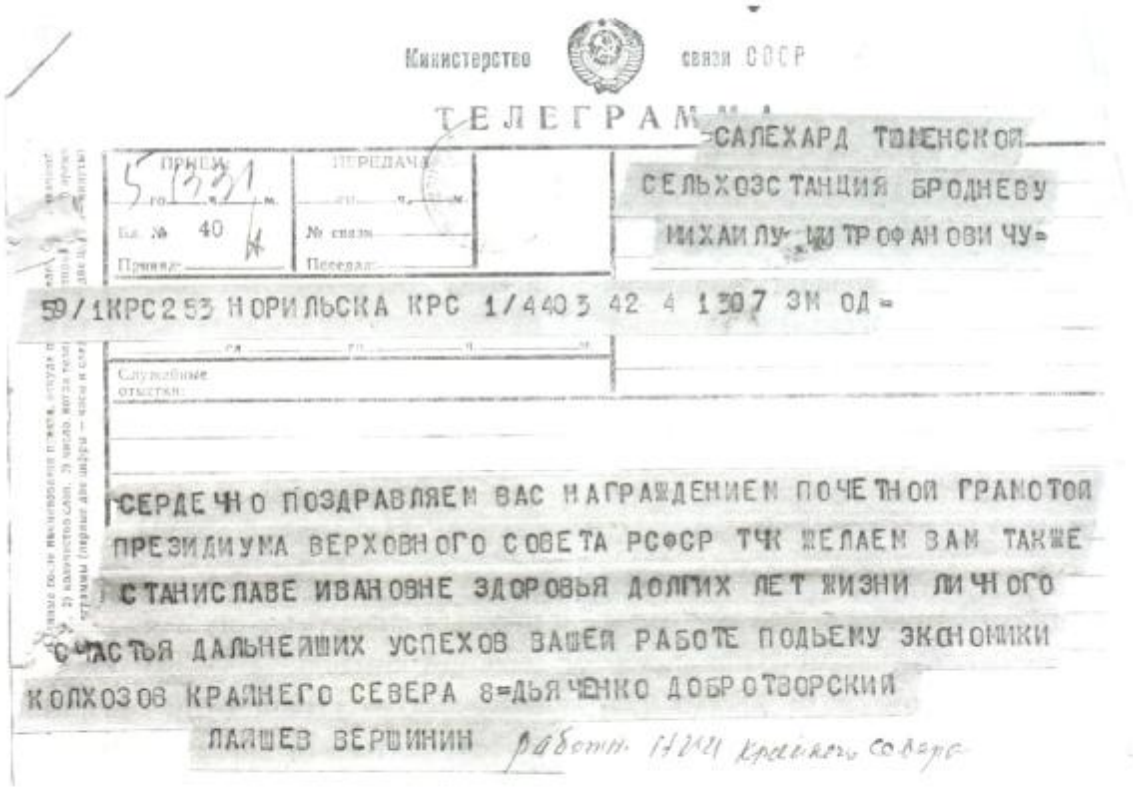
Действительно по пред'явлении паспорта серия ____ № ____

Секретарь Обкома ВКП(б) /ГОРЯЧЕВ/

После месяца хождений по наркоматам и уточнения их позиции, мы с заворготделом подготовили проект постановления Совнаркома РСФСР. Мой доклад на заседании Совнаркома, по оценке моих знакомых, был убедительным, а в постановлении определялась значительная помощь округу, но главные вопросы: о восстановлении комплекса хозяйства, о поднятии оленеводства, о пополнении флота — остались нерешенными. Наркоматы, связанные с этими вопросами, были союзные, и их мог обязать только Совнарком Союза. Видя, что основные вопросы не пробить, Культышев и Попов уехали из Москвы, а мне сказали: «Добивайся!» Я знал, что неудачи они отнесут на мой счет. Этот народ оберегал честь своего мундира. Представителем области оставили в Москве председателя облплана Мурина. Вася был мой приятель, но фантазер и, как тогда говорили, «трепач». Он мне мешал. Я рассказал об этом Должных. Он позвонил в обком, и Мурину предложили выехать из Москвы.

Обошел второй раз союзных наркомов. Безрезультатно. Особенно меня беспокоило положение на Северном Ямале, куда не на чем было везти продовольствие. Рассказал о своих неудачах приятельнице Е.И. Станцо и решил: «Попробую попасть к Сталину». Она настойчиво советовала этого не делать: «Для Сталина это мелкое дело, он занят крупными делами, да и кто знает, как он к тебе отнесется — можешь выйти победителем, а можешь и не понравиться, тогда...»

Решил я, что обязан сделать все возможное. Позвонил помощнику Маленкова и попросил выслушать меня, посоветовать, что делать. «Ждите в гостинице моего звонка, поговорю с кем надо и позвоню». Вечером звонок. «Придите в 12 часов, Вас примет товарищ, имеющий возможность Вам помочь». При-



Министерство связи СССР

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ 5 1331 ПЕРЕДАЧА

Бл. № 40 № связи

Принял: Передал:

САЛЕХАРД ТЮМЕНСКОЙ

СЕЛЬХОЗСТАНЦИЯ БРОДНЕВУ

МИХАИЛУ МИТРОФАНОВИЧУ

59/1КРС253 НОРИЛЬСКА КРС 1/4403 42 4 1307 ЗМ ОД

Служебные отметки:

СЕРДЕЧНО ПОЗДРАВЛЯЕМ ВАС НАГРАЖДЕНИЕМ ПОЧЕТНОЙ ГРАМОТОЙ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР ТЧК ЖЕЛАЕМ ВАМ ТАКЖЕ СТАНИСЛАВЕ ИВАНОВНЕ ЗДОРОВЬЯ ДОЛГИХ ЛЕТ ЖИЗНИ ЛИЧНОГО СЧАСТЬЯ ДАЛЬНЕЙШИХ УСПЕХОВ ВАШЕЙ РАБОТЕ ПОДЬЕМУ ЭКОНОМИКИ КОЛХОЗОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА 8=ДЬЯЧЕНКО ДОБРОТВОРСКИЙ ЛАЙШЕВ ВЕРШИНИН работн. НИИ крайнего севера

хожу к этому помощнику, фамилия его, кажется, Сухонов: «Вас примет Георгий Максимильянович, рассказывайте ему все без стеснений». Этого я не ждал. Меня пропустили в кабинет — обычно обставленную большую комнату. Маленков вышел из-за стола, пожал руку, сел на диван и предложил мне место рядом. Я попытался достать бумаги из папки. «Давайте рассказывайте без бумаг, так лучше». Удивляюсь себе — рассказал все спокойно и об отношении некоторых наркоматов отозвался резко. Слушал внимательно, не перебивал. «Постараемся помочь, пройдите к Шамбергу, он займется вашими делами».

К заведующему организационным отделом ЦК Шамбергу меня пропустили немедленно. Рассказываю ему о своих мытарствах. Он вызвал Должных и поручил ему подготовить решение оргбюро ЦК по нуждам нашего округа. Должных занимался в комнате с другим организатором, того не было. Усадил меня за его стол и сказал: «Пишите проект». Я написал. «Теперь надо получить визы всех наркомов, обязательства которых упоминаются в проекте». Я должен был вновь побывать у наркомов. Я вздохнул, не хотелось опять ждать в приемных и вести нервные разговоры, тем более что некоторые в первое посещение вели разговор неохотно и раздраженно. «Что вздыхаете? не беспокойтесь, теперь они будут внимательны, и ждать Вам в приемных долго не придется. Позвоним им, чтобы принимали без волокиты и сами рассматривали Ваши предложения и визировали проект постановления». Я каждый раз звонил Должных, к кому из наркомов сегодня пойду. И наркомы принимали меня немедленно и внимательно рассматривали мои вопросы. Оказывается, их предупреждали, что вопрос будет обсуждаться на оргбюро ЦК. Принимали меня наркомы быстро, слушали внимательно, но визировали проект с такими оговорками, что фактически нам отказывали в просьбе. Например, министр судостроения прямо сказал: «Обязательство построить вам баржи не реально: нужно три тысячи тонн металла, а его у меня нет».

Примерно 20 марта 1945 года состоялось заседание оргбюро. На заседание вызвали первого секретаря Тюменского обкома Чубарова. До заседания я его ознакомил с тем, о чем буду говорить. Он, свойственным ему барским тоном и жестами, стал давать указания: «Об этом не надо говорить, в частности, не надо ставить вопрос об освобождении ненцев от призыва в армию: идет война, призываем пятидесятилетних, а вы не учитываете обстановку». Возражал и против выдачи колхозникам-пастухам оленей, выращенных сверх плана. Это он оценил как разбазаривание колхозной собственности, из-за чего я буду выглядеть несерьезным работником. Мои доказательства толку не дали — Чубаров был человеком неумным и властным. Станислава его потом называла Громовым (золотопромышленником из «Угрюм реки»). Не переспорив Чубарова, да он с подчиненными и не считал нужным спорить — их дело выполнять его команду, я заявил: «Я докладываю в ЦК и буду говорить, о чем считаю нужным, а Вы вы-

ступайте против моих просьб». Зло посмотрел на меня, и я подумал: это мне не пройдет зря.

Одновременно со мной приехал в Москву председатель Красноярского Крайисполкома Колющинский по вопросам северных округов. В Эвенкийском и Таймырском округах положение было не лучше нашего. Оргбюро началось с доклада Колющинского. Он начал примерно так: народы Крайнего Севера, воодушевленные Ленинско-Сталинской национальной политикой... и в этом духе. Маленков его прервал вопросом: «Сколько населения в каждом национальном округе?» Колющинский стал рыться в бумагах, но не смог быстро найти нужных цифр. Маленков сказал: «Садитесь. Предлагаю послать на Красноярский Север товарищей из ЦК, пусть разберутся на месте».

Суханов предупредил меня, что на оргбюро более 15 минут не докладывают. Я начал доклад с краткой географической справки о территории, национальном составе округа, об источниках жизни населения. Говорил бойко и без прикрас. Слушали внимательно. А.А. Андреев сидел близко к Маленкову. «Товарищ, — сказал он, — я плохо слышу, а вы рассказываете что-то интересное, подойдите, пожалуйста, сюда». Я докладывал почти у самой входной двери. Подошел близко к Андрееву и тут обнаружил, что план-то доклада не взял. Без особых затруднений, без плана, продолжил доклад и чувствую — увлекся, но слушают внимательно. Посмотрел на часы и удивился: я проговорил уже 40 минут. «Извините, я долго говорю». Маленков сказал: «Говорите, далеко ехали, да и нам надо знать, как живет Север». Проговорил еще 15 минут. После заседания пошутил над помощником Маленкова: «Значит, я занял первое место по длительности доклада на оргбюро?» «Да, вам повезло: Вы рассказывали новое, а то все о промышленности, сельском хозяйстве уже известно и хорошо знакомо, о Севере же — впервые, вот и заинтересовались».

Удивился я тому демократизму, с которым проходило заседание: в ходе доклада задавали вопросы, делали замечания, доклад скорее был оживленной беседой. Маленков предложил: «Сейчас решения не принимать, в проекте постановления не получили отражения многие вопросы, выдвинутые в докладе». Создали комиссию в составе наркомов, под председательством Косыгина, и поручили ей подготовить проект, предусматривающий оказание помощи колхозам и населению округа.

Комиссия не сумела за один раз решить все вопросы, наркомы просили время на выяснение тех или иных возможностей. Собиралась комиссия раза четыре, но главный вопрос — о строительстве барж — оставался нерешенным. В проекте комиссии записали: «Обязать Госплан СССР выделить 3000 тонн железа в порядке квартального регулирования». Сидевший рядом со мной нарком речного флота Шашков шепчет: «Это равносильно отказу». Я попросил слова и сказал: «Знающие товарищи говорят, что возможности в порядке квартального регулирования не будет, лучше прямо откажите и окажите

помощь в вывозе населения с Северного Ямала». Косыгин отклонил мое предложение. Когда проект постановления вынесли на оргбюро, я выступил и сказал, что включен нереальный пункт о выделении железа на баржи в порядке квартального регулирования. Маленков спросил Косыгина, в чем дело. Косыгин сказал, что все железо передается военному ведомству и возможности насчет квартального регулирования сомнительны. По предложению Маленкова записали: выделить железо за счет поставок военно-морскому флоту. И баржи были построены.

Об освобождении ненцев от призыва в армию в постановлении не записали, но вечером мне в гостиницу принесли приказ, что ненцы от призыва в армию освобождаются. Я зашел к Чубарову и показал ему этот приказ. «Хорошо, что ты настойчивый человек, но лезть на рожон можно не всегда — когда-нибудь и нарвешься». Надо отдать должное, после игнорирования мною указаний Чубарова о докладе в ЦК у меня с ним установились хорошие отношения.

Главным в решении ЦК от 8 апреля 1945 года «Вопросы Ямало-Ненецкого окружкома» было постановление о комплексном развитии хозяйства, ликвидация «рыбной болезни». В постановлении четко указывалось, что жизненной основой населения округа является оленеводство, что успешное развитие экономики округа возможно только на основе сочетания оленеводства, рыболовства и пушного промысла. Этим постановлением предполагалось разобраться с положением каждого колхоза и определить его уставную форму. В каждый колхоз были посланы работники из округа, и вопрос об уставной форме и перспективах развития каждого хозяйства рассматривался окрисполкомом. Некоторые колхозы были с устава рыбацкой артели переведены на устав сельскохозяйственной. Все это позволило быстро восстановить оленеводство и поднять экономику колхозов.

В Москве первый месяц я тратил много времени и энергии на поездки по наркоматам на трамвае, на хождение пешком. Оказывается, делал я это напрасно. Как-то зашел к заместителю председателя Совнаркома Прокофьеву по вопросам местной промышленности. Он много расспрашивал о Севере, о ненцах, беседа затягивалась, и он видимо понял, что я тороплюсь и хочу ее свернуть. «Куда торопитесь?» — спросил он. Я сказал, что мне надо через час быть у министра речного флота. «Чтобы доехать до наркомата, надо пятнадцать минут». Говорю, что на машине пятнадцать минут, а обычными средствами связи и часа мало. «А разве Вы не пользуетесь машиной из нашей автобазы?» Узнав, что не пользуюсь, позвонил управляющему делами, чтобы меня включили в список лиц, имеющих право вызывать машины. После этого любая поездка не составляла трудностей — машину подавали в любое время дня и ночи.

Сложно было с питанием. В совнаркоме я получал хороший обед, а ужин и завтрак вынужден был брать по высоким ценам в буфете гостиницы. Как-то с Муриным поздно пришли в гостиницу, очень голодные. Решили спуститься в ре-

сторан. Заказали скромный ужин без вина. С нас взяли по сто рублей — многодневный заработок. Как ни старался экономить и ограничиваться бутербродами в буфете, деньги текли быстро, подсчитал, что, кроме суточных, проел зарплату за три месяца. Часто приходилось телеграфировать в окрисполком о денежном подкреплении. Работа комиссии Косыгина затягивалась. Я попросил его ускорить и, шутя, сказал, что моя поездка кончится тем, что попаду под суд, как растратчик. Он спросил, в чем дело? Я рассказал о ценах на бутерброды, которыми я питаюсь, и о том, что, кроме суточных, проел уже три месячных зарплаты. Он сказал, поможем. И на второй день мне выдали две тысячи рублей и талоны на получение сухим пайком двух ужинов ежедневно в столовой Совмина. Этого было более чем достаточно.

Доброго костюма у меня не было, и я ходил в плохоньком. В Салехарде в военные годы считал неудобным обзаводиться костюмом, и одет был плохо, как все. В коридоре меня встретил Муравьев — управляющий делами Совнаркома — и завел в свой кабинет. «Алексей Николаевич сказал, что Вы плохо одеты». Я растолковал ему, что считаю неудобным одеваться лучше, чем другие работники окрисполкома, да и возможности у нас ограничены: даже по-доброму сшить костюм некому. «Вам дадут записку в ателье Совмина, закажите два-три костюма». Я сказал, что считаю неудобным появиться из Москвы в добром костюме и ничего не привезти товарищам по работе — у них не лучше положение. «Зайдите завтра, подумаем, как помочь Вашим работникам». На второй день мне сообщили, чтобы позвонил Воронину — председателю рыболовецкой секции Центросоюза. Тот сказал, что мне выделено материала добротного на тридцать костюмов и восемнадцать кожаных американских пальто. Я решил забрать их с собой, иначе, при отгрузке обычным порядком, многое осядет в Тюмени. Воронин согласился выдать в Москве, а накладную напишут на Окррыболовпотребсоюз. Я поручил Ивану Кривоногову получить материалы с базы и привезти в гостиницу. Это он сделал, но за услуги выторговал одно кожаное пальто. Этот Кривоногов работал в Салехарде председателем рыбкоопа, но, имея хороший тенор, поступил в хор Александрова.

Приближался конец апреля, железной дороги в Салехард не было, а в период распутицы самолеты туда не летали. Создалась опасность, что попаду в Салехард только в июне. Основные вопросы были уже решены, постановление оргбюро ЦК принято, проект постановления Совнаркома Союза «Об оказании помощи колхозам и населению Ямало-Ненецкого национального округа» со всеми согласован. Подписано 30 апреля 1945 года Воскресенским — заместителем председателя Совнаркома Союза.

Зашел к помощнику Косыгина, Карпову, рассказал, что дальше мне оставаться в Москве нельзя, да и незачем, дело осталось только за подписью постановления Совнаркома Союза, просил его получить разрешение Косыгина на мой отъезд. У Косыгина был такой по-

рядок: он приходил утром и полчаса знакомился с газетами, в это время к нему никто не заходил. Первым заходил Карпов, получал задание и всегда знал расписание дня Косыгина. Я ждал. «Зайдите сами к Алексею Николаевичу, он Вас сейчас примет». Захожу. Рассказываю Косыгину, что зимняя авиация прекращается и не смогу скоро попасть домой. Он позвонил Маленкову и передал ему мою просьбу. «Маленков согласен, поезжайте». Я был очень доволен и благодарен Косыгину, что он так внимательно отнесся к делам округа. Обрадовался так, что забыл субординацию и подал ему руку. Он не сразу заметил мою протянутую руку — заметив, подал свою. Сообразив про свою нетактичность, наверное, я покраснел. Косыгин, видимо, понял мое состояние и сказал: «Будут трудности, пишите, приезжайте в Москву, заходите ко мне рассказать о делах округа». Довольным ушел от Алексея Николаевича.

Между прочим, немало было хлопот с этим багажом при посадке в вагон, но Кривоногов сумел уладить дело с проводниками за несколько сотен. В Салехарде я поручил своему заместителю Кузнецову распределить все это между работниками окрисполкома и Окружкома. Мне оставили на два костюма и кожаное пальто. И тут начались неприятности. Ко мне пошли многие обделенные, особенно женщины. Отдал свой материал на костюм, но разговоры по поводу распределения этих материалов долго не утихали. Ругал себя, что связался с этим делом. Окружкомовцы были недовольны тем, что окрисполкомовские работники получили материал и пальто бесплатно, а они — за деньги. А я имел возможность своим выдать бесплатно. Совнаркому РСФСР я рассказал о плохой обеспеченности советских работников, например, многие не могут ехать в отпуск, билет самолетом до Тюмени стоит около двух тысяч рублей. Значит отпускных, например, председателю райисполкома хватает только на дорогу от Салехарда до Тюмени. Пронин предложил выделить в распоряжение окрисполкома пятьдесят тысяч рублей из фонда, называемого «соцбытом». Фадеев, нарком финансов, резко возражал. Пронин сказал ему: «Пошлем Вас председателем окрисполкома и посмотрим, как Вы будете выходить из положения, ведь с кадрами-то там плохо». За счет этих пятидесяти тысяч раздали «подарки» работникам окрисполкома.

В округе партийные и советские работники были довольны результатами моей поездки в Москву, а главное — преодолением всем надоевшей «рыбной болезни». С работниками области же сложились ненормальные отношения. Дело началось с автомашины. Инструкторы Совмина, побывавшие в округе, рассказали о случае, произошедшем в Салехарде. Повез я их на консервный комбинат на окрисполкомовской лошади. Нас трое — кучеру негде сесть, и его обязанности выполнял я. Лошаденка была неказистая. В колхозах брать было запрещено, и мы довольствовались своим старым тощим гнедым. Навстречу нам ехал на машине Барабанов, начальник строительства железной дороги. Он остановил машину, я задержал

лошадь. Разговорились. Барабанов сказал: «Я еду в Окружком, давайте доеду на лошади, а Вы поезжайте на машине». Я отказался: пусть мои товарищи из Совнаркома полностью узнают, как мы живем. Этот случай дошел до Косыгина. Он сказал: «Выделим Вам машину, пусть видят — едет представитель власти». Машину выделили, но облисполком забрал ее в свой гараж. Вскорости я опять выехал в Москву. Косыгин спросил, получили ли мы машину, я ответил, что облисполком взял ее в свой гараж. Он позвонил в Госплан и предложил выделить машину с отгрузкой, минуя Тюмень, прямо в Салехард. Не знаю, где была допущена ошибка, но нам отгрузили два ГАЗИКа, то есть все, назначенное области. Облисполкомовцы были очень недовольны этим. Да и, по правде говоря, машины в южных районах были нужнее. Мы могли ездить только по городу. Особенно ругал меня Щуров, работавший тогда председателем облисполкома: «Это нахально — забрать две машины». «Не хотели дать одну — получил две, хотя и по чьей-то ошибке. Одну машину передал Окружкому — у них не отберете», — ответил я.

Это было началом моих плохих отношений с облисполкомом. Дальше пошло хуже. Совнарком выделил округу лесозавод, вывезенный из Германии. Облисполком решил отдать его южным районам. Пожаловался. Совнарком сделал видимо внушение, и лесозавод отгрузили в Салехард. Кошелев, председатель облисполкома, неоднократно упрекал меня: «Ты не государственный человек, на юге это оборудование завода нужнее, лучше завезем вам готовый пиломатериал». Но лесозавод мы все-таки установили в Салехарде, и он до сих пор работает.

Много было случаев, когда приходилось жаловаться на облисполком, особенно из-за лимита, который во время войны ежемесячно устанавливался на расход хлеба. Для округа он примерно соответствовал установленным нормам, но в южных районах положение было тяжелое, и часто им давали хлеб за счет нашего лимита. К концу 1945 года мы перерасходовали две тысячи пятьсот тонн хлеба против лимитов области, но недорасходовали против лимита Москвы. За перерасход лимита тогда судили, и сурово. Заходит ко мне окружной прокурор и говорит, что получил распоряжение облпрокурора привлечь к ответственности кооператоров за перерасход хлебного лимита. Я сказал: «Кооператоры давали распоряжение не отпускать хлеба сверх лимита, но я их отменял, нельзя же в наших условиях оставить народ без хлеба, тем более что мы уложились в лимит Москвы, а область нашим лимитом покрыла перерасход на юге. Виноват я, и сегодня же позвоню в область о прекращении этого дела или привлечении меня к ответственности». Кооператоры узнали о распоряжении привлечь их к ответственности за перерасход лимита. Ко мне приходит Мустафин: «Вы нас заставляли руководствоваться московскими лимитами, а теперь нам в тюрьму?» Я пошутил: «Суши сухари, а в тюрьме отдохнешь, работа у тебя собачья». Звонок к Кошелеву добавил лишнюю нервотрепку: «Лимиты в области распределяет облисполком, и мы не обязаны счи-

таться с оговорками «для Крайнего Севера». Ясно, что дело может закончиться плохо. Забираю все бумаги по этому вопросу, расчеты и вылетаю в Тюмень. Разговоры в областном торговом отделе и облисполкоме были взаимно резкими и для меня безрезультатными. Зашел я в машинное бюро и продиктовал письмо Косыгину о произволе облисполкома и желании свалить вину на округ. Пришел я к Чубарову и объяснил ему положение вещей, показал составленное письмо Косыгину и сказал, что намерен немедленно выехать в Москву. Он вызвал Кошелева. Кошелев признался, что лимиты установленные Москвой, в округе не перерасходованы, но что у облисполкома не было иной возможности, как отнести перерасход на округа, что распределение лимитов по округам и районам — дело облисполкома и оговорка в московских разнарядках «для округа» не имеет значения. Я знал, что Чубаров грубый человек, но он тут, видимо, превзошел себя: орал на Кошелева, матерился и пригрозил исключить из партии за самовольство. Тут же позвонил прокурору, чтобы не заводили дела на ямальских кооператоров, а своим отделам поручил проверить положение с расходованием хлеба в области. Я мог спокойно вернуться в Салехард. Больше наших лимитов, отпущенных Москвой, не нарушали.

Через некоторое время опять произошел конфликт с облисполкомом по такому поводу. Обком на бюро рассмотрел вопрос об охвате обучением ненецких детей — многие были не охвачены. Обязали увеличить охват, а основная трудность была в недостатке помещений под школы и интернаты. Что делать? Забрали в некоторых колхозах конторские помещения, выселили из помещений сельсоветы, если в них можно было разместить учащихся. Сделали все возможное. Облоно и облфо послали ходатайство на увеличение школьного бюджета на полмиллиона рублей. Все вроде бы хорошо, но когда мы с заведующим окрфо приехали с отчетом по бюджету, обнаружилось, что дополнительных средств нам не отпущено, и мы перерасходовали полмиллиона рублей за счет перевыполнения и доходной части, что объяснялось приездом большого количества людей на строительство железной дороги. В прошлом году председателю облисполкома Совнарком объявил выговор за перерасход трехсот тысяч рублей. А тут полмиллиона! Облофо объяснил, что они, не зная о дополнительных доходах, не имели возможности увеличить бюджет округа. Спрашиваю: «А решение бюро обкома об увеличении количества учеников мы должны были выполнять за счет господа бога?» Обсуждение приняло крайне острый характер, с моими доводами не считались, а Щуров сказал: «Броднев вечно самовольничает, надо его проучить и отдать под суд». Я отреагировал бурно и резко, не сдержал себя и ушел с заседания. Пришел к Чубарову и, будучи «не в себе», резко попросил оградить от произвола облисполкома и освободить от работы. «Не кипятись — разберемся». Пошли в кабинет Кошелева, где проходило заседание облисполкома. Был перерыв, и Чубаров

зашел к Кошелеву. Через несколько минут позвали меня. Чубаров сказал: «Товарищи погорячились, а всыпать тебе следовало, почему не нажимал на Облофо насчет увеличения бюджета? Ну да победителей не судят — решили с Кузьмой Федоровичем не наказывать тебя».

Чубаров меня поддерживал, а облисполкомовское начальство злилось. Но и с Чубаровым у меня вышел конфликт по такому поводу. В Салехардской колонии и тюрьме было много ненцев, в основном, посаженных за расхищение социалистической собственности, тогда проходила такая кампания. Большинство осуждено за колхозных оленей. Едет ненец на факторию на колхозных оленях. Выпил. Показалось мало. Продает колхозного оленя и пьет. Приезжает домой, возмещает пропитого оленя собственным. Руководители колхозов и суды не считались с этим и наполняли ненцами колонию. В тундре ненцы ели парное мясо и сырую рыбу, а оказавшись в колонии, будучи непривычными к овощной и плохой пище, заболевали цингой. Началась смертность, ежедневно умирало два-три человека. Умерло уже человек двадцать. Советуемся с Александром Тихоновичем Зенковым — секретарем окружкома. Решили дать телеграмму Верховному прокурору и Верховному совету, что содержание ненцев в колонии приведет к их массовой гибели. Своего шифра ни в окрисполкоме, ни в окружкоме не было. Начальнику окружного отдела НКВД поручили зашифровать и послать телеграмму через облотдел. На второй день за подписью Чубарова пришла шифровка: «Насадили — сами расхлебывайтесь, телеграмму в Москву не передадим». Шифровку все-таки передали в Москву, воспользовавшись шифром строителей железной дороги. Через несколько дней пришла телеграмма Верховного прокурора: «Всех ненцев из колонии освободить».

Как-то, правда, после очередной порядочной выпивки, Чубаров сказал: «Часто лезешь в Москву, не считаешься с областными организациями — как-нибудь голову сломаешь». Теперь понимаю, что «часто лез» в правительство по мелочам, в ненормальных отношениях с руководством облисполкома виноват и сам — Не проявлял нужной субординации и часто задирал их напрасно. В конце концов, они от меня избавились. Причина моей задиристости была не только в неправильном отношении Кошелева, Шурова и других в ряде вопросов, но и в том, что должность председателя окрисполкома тяготила меня, особенно в годы войны, и я хотел от нее избавиться. «Снимут — ну и хорошо, — думал я, — буду опять спокойно работать преподавателем и изучать материалы по истории Ямала».

«Не дразни гусей»

После поездки в Москву я стал чаще обращаться в Совнарком и министерства по вопросам, которые не решались областью, а иногда жаловался на них по мелочам. Мелочничеством была, например, такая жалоба: округ снабжался рыболовецкой секцией Центросоюза через Тюмень. Снабжался лучше, чем Тюмень и южные районы. Часть выделенных нам товаров реализовывалась в Тюмени, преимущественно начальству и по блату. В Тюмени был ларек областного рыболовецкого потребительского союза, через который и проводилось это самоснабжение. Узнал я, что через этот ларек реализовали добрые костюмы, платья и другие остро дефицитные товары, выделенные округам. Пожаловался в Совнарком. Кошелев страшно рассердился, назвал меня кляузником и мелочником, а ларек все-таки закрыли. Конечно, зря я с такой мелочью лез в правительство, отнимал время у работников Совмина и обострял отношения с областью.

При тяжелом положении в стране с товарными фондами отстаивать их было трудно. Чубаров ежегодно командировал меня в Москву добиваться фондов: «Чего добьешься — то и ваше, работникам области труднее, чем тебе, добивайся сам и не нападай на нас». Мне отрезали путь к нападкам на область за недостатки в снабжении, но противоречия не исчезали.

В 1947 году местное население округа оказалось в тяжелом положении. Это произошло потому, что государственные закупочные цены на пушнину не менялись с 1935 года, а на рыбу — с 1941 года, в то же время цены на продукты и товары за это время изменялись несколько раз. Так, например, сдав одну песцовую шкурку (средняя ее стоимость была 135 рублей), колхозник мог купить в 1940 году: хлеба — 120 кг, или сахара — 27 кг, или масла — 8,7 кг. Соответственно, в 1947 году хлеба — 37,5 кг, сахара — 8,2 кг, масла — 2,1 кг. Для возмещения потерь при повышении цен рабочим и служащим, получающим менее 900 рублей в месяц, была повышена зарплата. Колхозники южных районов компенсировали недостаток высокими ценами на колхозном рынке. Для колхозников округа, особенно не имеющих оленей, создалось тяжелое положение. Стоимость набора основных продовольственных продуктов (по нормам), составляющих прожиточный минимум семьи из четырех человек, в 1940 году была 2 563 рубля, а в 1947 году это же набор стоил 7 286 рублей, при среднем заработке колхозников в четыре тысячи рублей. Большинство ненцев и ханты оказались в тяжелом положении.

Наши ходатайства о повышении заготовительных цен на рыбу и пушнину отклонялись правительством. В 1947 году я подробно рассказал о положении населения А.Н. Косыгину и оставил ему докладную записку с расчетами. Через некоторое время вышло распоряжение за подписью Сталина об отпуске округу пяти миллионов рублей на оказание помощи населению. В 1948 году на эту же цель было отпущено 3,5 миллиона рублей,

в 1949 году — 1,5 миллиона рублей. Областные начальники, особенно Щуров, обвиняли меня в насаждении среди ненцев собесовских тенденций. Население же рассматривало эту помощь, как большую заботу правительства, и эти деньги называли «сталинскими».

Из этого фонда деньгами никому не выдавали, а снабжали продуктами и покупали оленей. Списки нуждающихся представлялись сельсоветами и колхозами, утверждались председателями райисполкомов. Деньги никому не давали: ненцы не умеют регулировать бюджет, и при выдаче деньгами значительная часть их пошла бы на водку. Рыбкоопы по спискам выдавали только продукты.

В 1947 году у меня произошла тяжелая вспышка туберкулеза — температура долго держалась на сорока градусах. Даже лечащий врач Первушина Мария Павловна не верила, что я выкарабкаюсь. Зенков, учившийся в Москве на Ленинских курсах, пошел в санитарное управление Кремля и договорился о помещении меня в кремлевскую больницу. Ефимов, начальник окружного отдела НКВД, ехал в отпуск и взялся сопровождать меня до Москвы.

В туберкулезном отделении кремлевской больницы были идеальные условия. Говорят, что на итание каждому больному отпускалось сто восемнадцать рублей в день. И питание было «по капризу». Моим соседом по столу был академик. Как-то в разговоре я упомянул, что не видел бананов. «Запишите в заявку на завтра», — сказал он. Я считал это неудобным. Он взял мой листок-заказ и дописал: «бананы». На второй день ведающая питанием подошла ко мне и сказала: «Извините, Михаил Митрофанович, бананов сегодня нет, но за ними уже ушел самолет, и завтра их доставят». На следующий день я наслаждался бананами. Продукт стоящий.

В Салехарде под Новый год пришла к наш лечащий врач М.П. Первушина. Станислава спрашивает: «Дадим ему стаканчик красного вина?» Врач не разрешила: «Ему это вредно». Первый и единственный в жизни раз встретил Новый год «на сухую». В кремлевской больнице об аппетите судили по тому, что больной заказал и что съел. Лечащий врач говорит: «У вас плохой аппетит, чем Вы его возбуждали дома?» Говорю: «Водкой». — «Так мы к обеду и ужину будем Вам подавать вино, у нас большой выбор вин, какое Вам лучше?» Говорю: «Коньяк». Прихожу обедать, на столе графинчик коньку. Пишу Стасе: «Вот здесь врачи, так врачи — к еде дают коньяк, не то, что Мария Павловна». Но коньяк давали не всем. За соседним столом сидел Николай Николаевич Асеев — друг Маяковского. В это время он был в опале, и я много раз видел, как он заворачивал в бумагу еду для жены, которая часто к нему приезжала. Не знаю, объяснялось это нуждой или вниманием к жене. Скорее всего, нуждой — он в то время не печатался и переезжал из больницы — В санаторий, из санатория — В больницу. Много рассказывал о Маяковском. Както за несколько минут до обычного обеденного времени зовет меня в столовую, подставляет стакан и говорит: «Налей». Это повторялось ежедневно — коньяк у меня

убывал быстро. Говорю врачу: «На меня много коньяку идет». Он улыбнулся: «Знаем, Вам помогает Николай Николаевич».

Стрептомицина в стране еще не производили. Считалось, что он, бесспорно, излечивает туберкулез. Несколько человек, например, Отто Юльевича Шмидта, Гусева — заместителя министра иностранных дел — лечили стрептомицином. С завистью смотрели на них остальные. Стрептомицин был на вес золота, по очень высокой цене — курс лечения одного больного обходился в более десяти тысяч рублей. Я набрался смелости и позвонил Косыгину: «Здесь некоторых лечат стрептомицином, нельзя ли и на меня выделить этого лекарства. Говорят, оно обязательно излечивает». Алексей Николаевич обещал выяснить, есть ли такая возможность. На третий день пришла сестра и сказала: «Вам назначили стрептомицин, запомните, вы — одиннадцатый в стране, получающий это лекарство». Кололи через пять часов регулярно и даже ночью. Курс — сто двадцать грамм, в день вливали грамм, значит, в течение ста двадцати дней я подставлял по пять раз мягкое место. Такая доза была установлена американцами, а наши медики не имели ни своего стрептомицина, ни опыта.

Отто Юльевич Шмидт рассказывал, что в Москву приезжал и виделся с ним американец, первооткрыватель стрептомицина. Он — почвовед, изучал бактерии почвы. Обнаружил ранее неизвестную бактерию. Проверяя ее свойства, обнаружил, что она уничтожает другие бактерии, и в том числе туберкулезную палочку. Этим заинтересовались некоторые капиталисты, начали производить стрептомицин. Проверили его на лечении шестисот негров и создали рекламу о безусловном излечении туберкулеза. Оказалось, не совсем так. Не всем он помогал, да и большие дозы были установлены с коммерческой целью. Этот американец предложил Советскому Союзу построить завод, а ему за выдачу технологии производства стрептомицина выплачивать двадцать процентов из прибылей предприятия. Наши отказались. Сами нашли способ и стали производить это лекарство, к тому же американские нормы оказались необоснованными и завышенными.

В кремлевском отделении я был три раза: в 1947 году — полгода, а в 1949 и 1950 годах — по три месяца. Вспышки туберкулеза гасили, но палочки оставались. По моему опыту, туберкулезом заболевают только люди, предрасположенные к нему. Моя жена и дети, за которых я боялся, не заболели, хотя жили со мной многие годы.

И еще одно наблюдение. В отделении больные делились на две группы — одни много читали о своей болезни, знали о туберкулезе не меньше врачей, и нередко вступали с ними в споры. Они точно знали и соблюдали все, что положено больному по науке, но странно, большинство мертвецов было именно из этой группы. А другие вели нормальный образ жизни здоровых людей, нередко напивались, ухаживали за женщинами и были оптимистами. Такие вылечивались. Моральный фактор, видимо, является главным.

Как-то я спросил профессора Рабухина, лечившего меня, а есть ли надежда, что я избавлюсь от палочек и совсем выздоровею. Он сказал, что возможно, но с такими оговорками о коварстве этой болезни, что я понял — с туберкулезными палочками мне жить вечно. Работая в Якутске, я посещал тубдиспансер. Палочки находили. Уехал я в геологию, на реку Марху, в лес, много времени проводил на воздухе, десятки километров ездил на своей маленькой калданке, на лошади и через два года пришел в тубдиспансер. Палочек не нашли, и через некоторое время сняли с учета. Как-то приехав в Москву, я встретил профессора Рабухина и рассказал ему, что снят с учета туберкулезных. «Поздравляю, Вам подвезло».

Между прочим, лежал я в кремлевском туберкулезном санатории на станции Кубинка. Было время сталинской бдительности. Санаторий охранялся вооруженной охраной, на ночь спускали стаю овчарок и строго наблюдали за посторонними. Как-то днем ко мне приехали Станислава и Миша. Мы сидели на лавочке около входа. Меня вызвали на процедуру, а они решили погулять по парку. Из-за дерева вышли двое в гражданской одежде и спросили, как они здесь оказались. «Расхаживать нельзя, сидите около санатория». А на Первое мая санаторий был буквально окружен охранниками. Особенно плохо было атомщику Вакслеру. Он занимал крыло здания в шесть комнат, в передней комнате всегда сидело четыре охранника. Выходил один гулять — двое идут сзади. Даже когда приезжала жена, охранники шли за ними по пятам. Вакслер любил играть в преферанс, и мы иногда играли в его апартаментах. Он мастерски рассказывал анекдоты, особенно из жизни академиков. Любил он потягивать старку — польскую водку, угощал нас, но даже заметно выпившим я его не видел. Видимо усиленной охране санатория мы были обязаны ему. Как-то разговорились с ним об охране, он заметил: «Это страшно неприятно, даже с женой не могу поговорить без свидетелей». Видимо в его комнате была аппаратура для подслушивания. Жить все время под контролем тяжело.

Нашей компаньонкой по преферансу была артистка Турчанинова, в прошлом певица. Ей уже было за семьдесят. К ней часто приезжала сестра — знаменитая артистка Турчанинова. Машенька и Дусенька — так они себя звали — очень интересные люди. Хорошо рассказывали о Шаляпине и других артистах, а как-то, по нашей просьбе, она привезла много альбомов с фотографиями. За этими фотографиями и комментариями к ним у Турчаниновой мы провели много времени. Было очень интересно.

Лежал с нами в санатории Отто Юльевич Шмидт. Только мы двое не бросили курить и дымить спускались на улицу. Врач был сам курящий и понимал наши неудобства. Распорядился поставить на лестничной клетке скамеечку и пепельницу. На этой скамеечке мы часто курили вместе и, конечно, разговаривали. Меня поражал кругозор этого человека. Он — математик, но прекрасно разбирался в этнографии, истории, внимательно расспрашивал о ненцах, жизни на Ямале,

рассказывал о выдвинутой им новой теории происхождения земли, давал почитать свои статьи по этому вопросу. Это человек высокой, внутренней культуры и исключительно простой, общительный. Характерна такая деталь: киносеансы проходили в столовой. Там стульев — сколько больных, а смотреть кино приходили и медработники. Стульев обычно не хватало. Заходит Шмидт, все места заняты, многие, особенно из медперсонала, встают и предлагают ему свое место. Отто Юльевич всегда отказывался, выходил на лестничную клетку и заносил диванчик, на котором мы курили. И после сеанса обязательно сам ставил его на место. Этот мелкий факт характерен для Отто Юльевича.

Память у него, видимо, была феноменальная. До знакомства в санатории я у него, тогда начальника ГУСМП, был на приеме всего один раз, по такому поводу: принимая контору ГУСМП в Салехарде от Архиповского, я не оговорил в акте перерасход нескольких тонн дроби. Дробь была на строгом учете и выдавалась только сдатчикам пушнины по строгим нормам за каждую шкурку. А большинство северян — охотники, «пукалы». Заведующие факториями выдавали дробь служащим, начальству, да и в Салехарде было немало охотников среди начальства и приятелей людей, регулирующих отпуск дроби. Сравнение заготовленной пушнины с расходом дроби было в несколько тонн. Это дело подсудное, и я, обнаружив это у Архиповского — своего предшественника, пожалел его и не отметил это в акте. Сам тоже часто нарушал запрет и давал дробь «пукалам», особенно начальствующим. При ревизии выяснилось значительное «разбазаривание» дроби. Встал вопрос о привлечении виновных к ответственности. Прокуратура завела дело. Меня вызвали в Москву. Разговор с работником ГУСМП о перерасходе дроби закончился тем, что он посоветовал мне поговорить об этом со Шмидтом. Отто Юльевич выслушал меня и сказал: «С дробью в стране тяжело, делаем чугунную, но она не годится, нужно строго экономить. Понимаю, что многие на Север поехали из-за охоты, и понимаю Ваше положение, но, кажется, есть возможность Вам помочь». Вызвал человека, ведающего распределением дроби, и спросил его о возможности выручить меня из беды. Такую возможность нашли. И я уехал из Москвы с бумагой, разрешающей мне израсходовать несколько тонн дроби на любителей, без отоваривания пушниной. На бюро окружкома партии прокурор Сахно доложил о «разбазаривании» дроби и просил дать санкцию на привлечение меня к уголовной ответственности. Многие резко выступили против меня. Я сидел, слушал и, видимо, улыбался. А потом достал бумагу Шмидта и подал прокурору. Тот озлобленно крикнул: «А какого черта молчал?» Шмидт, оказывается, помнил мою историю с перерасходом дроби и спросил, чем она закончилась.

К 1950 году обстановка в области изменилась, сняли с работы Чубарова и Кошелева. Чубаров, уезжая из Тюмени, забрал из квартиры все ценные вещи, принадлежащие обкому: мебель, фарфор и прочее, всего на тридцать тысяч рублей.

Кошелев был нескромный человек, занял большую квартиру, выселив из этого дома детсад. Перетащил к себе много своих родственников, имел семью около двадцати человек, и его нескромная жена, Матильда, широко пользовалась положением мужа. Узнав, что Чубаров забрал обкомовские вещи, Кошелев предложил вещи, находящиеся в его квартире, списать как пришедшие в негодность. Вновь приехавший секретарь обкома в квартире Чубарова не обнаружил вещей. Всплыло и присвоение имущества Кошелевым. Дело дошло до ЦК. Чубарова послали в ВШПД, а Кошелева сняли с работы. Выяснилось, что за квартиру они тоже не платили. Я приехал в Тюмень. Ко мне в гостиницу зашел Кошелев: «Ты, конечно, слышал мою историю. Все устроила Матильда с секретарем облисполкома, я даже не знал. У меня не хватает денег возместить насчитанные на меня более тридцати тысяч. Одолжи мне десять тысяч». Я дал телеграмму Стасе, и она перевела Кошелеву просимую сумму. Тогда, помимо зарплаты, переводили мне ежемесячно еще две зарплаты из соцбыта, получал я много, деньги у нас были, и я выручил своего «недруга».

С падением Чубарова пошатнулось и мое положение. Нового секретаря, Афонова, мои недруги настроили против меня и, конечно, в невыгодных для меня аспектах, проинформировали его о моем самоуправстве и игнорировании областных организаций. Представили меня как часто выпивающего. В округе меня не считали пьющим. Во время командировок я у ни кого не останавливался на квартире — просил устроить в теплой комнате райкома или райисполкома. Приезжая в Тюмень, я останавливался в одноместном номере гостиницы, и ко мне валом шли знакомые. Видимо, от матери ко мне перешло желание каждого угостить, и в условиях гостиницы угощение состояло, в основном, из водки. Собутыльники говорили своим родным и близким: «Ну, и хватанули вчера у Броднева», — и в этом духе. Правда, редко, но и сам перехватывал с гостями. Но у меня была счастливая особенность — если выпил, все люди мне казались хорошими, и поэтому вел с ними хвалебные пьяные разговоры. И за всю жизнь не было случая, чтобы, выпивши, сказал кому-либо грубое слово, а если выпил плотно — обязательно засыпал. Дома случалось, что гости сидят, а я — хозяин — уже уснул. Попойки в Тюмени дали повод толковать обо мне, как о солидном выпивохе, особенно моим недругам.

В 1950 году — опять вспышка туберкулеза. Лежу с высокой температурой. Звонит Малиновский: «Звонили из Тюмени, настаивают на твоем приезде на пленум обкома». Говорю: «Ты же был вчера у меня и знаешь, что у меня высокая температура и кровохаркание, мне надо завтра выезжать в Москву». Он стал в резких тонах доказывать необходимость выезда в Тюмень и бросил обвинение в неуважительном, наплевательском отношении к требованиям обкома. Разговор принял нервный характер и кончился тем, что я ему сказал: «Вы часто кичитесь своей культурой, а вся Ваша культура только

в шляпе и галстуке». У меня сидел Борисов (*Василий Александрович Борисов — руководитель авиаотряда при 501-й стройке, Герой Советского Союза, впоследствии стал директором Шереметьевского аэропорта и главным начальником вертолетной авиации СССР. — Прим. авт.-сост.*) и слышал этот разговор. Он пожал мне руку и сказал: «Успокойся, правильно ты его разделал, действительно, вся его культура в шляпе».

Приходится удивляться, как люди такого типа попадали на руководящую работу. Как-то он допустил несправедливый выпад против секретаря Шурышкарского райкома Мальщукова на бюро окружкома. Грубо, нетактично. Я ему говорю, что напрасно он так необдуманно нападает на работников, что скоро окружная конференция — могут вспомнить и прокатить. Он раздраженно сказал: «А что мне конференция, мне на конференции нужен один голос — голос обкома». И этого одного голоса он добивался низкопоклонством и раболепством даже перед мелкими работниками обкома. Человек этот был не честен перед партией и семьей, использовал каждую возможность в своих целях — личных, конечно. Приезжая в Тюмень, добивался ордеров и заказывал себе костюмы, хотя у него и без того их было много. Нам, кроме зарплаты, посылали значительные суммы из соцбыта переводами. Он жене об этих деньгах не говорил, хранил их в сейфе, уезжая, перевязывал сейф шпагатом и опечатывал, чтобы не открыли запасным ключом. Его жена пожаловалась Станиславе, что у нее не хватает денег на приобретение какой-то вещи, а та говорит: «Да что Вы, он же получает ежемесячно много денег, кроме зарплаты. Мы много помогаем родственникам, посылаем Тане, и у нас — неэкономных людей, появились значительные накопления». Жена узнала

РСФСР
ИСПОЛКОМ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО ОКРУЖНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
Тюменской области

17 июня 1960

СПРАВКА

Дана настоящая тов. [illegible] Михаилу Митрофановичу в том, что он работал в Ямало-Ненецком округе с 10/IV-1935 г. по 5/VI-1950 г. на следующих работах:

1. 10/IV-1935 г. по 1/VII-1937 г. — начальником ямальской культбазы Главсевморпути.
2. 1/VII-1937 г. по 1/I-1939 г. — начальником пушно-промысловой конторы Главсевморпути.
3. 1/I-1939 г. по 1/IV-1941 г. — заведующий учебной частью окружной культпросветшколы.
4. 1/IV-1941 г. по 10/IV-1943 г. — заведующий окружным отделом народного образования.
5. 10/IV-1943 г. по 15/IV-1944 г. — Первым заместителем председателя Исполкома Окрсовета д/т.
6. 15/IV-1944 г. по 5/VI-1950 г. — Председателем Исполкома Окрсовета д/т.

Инспектором кадров (Кораблина)

Справка, отражающая деятельность М.М. Броднева в Ямало-Ненецком округе

Профсоюзный билет М.М. Броднева

тайну окружкомовского сейфа. Малиновский высказал Станиславе недовольство: «Кто Вас просит лезть в чужие дела?». Со своей женой он был груб, та в округе была помощником прокурора, а дома — забитой женой. Как-то мы поехали на пароходе в Тюмень. Наши каюты были рядом. Я его пригласил ужинать и налил ему и себе коньяку. Он сказал: «Не пью — берегу сердце». Мы должны были выйти в Тобольске. Я зашел к нему в каюту. Его не было, а уборщица выгружала из-под дивана много пустых бутылок и сказала: «Хороший народ северяне — от их бутылок нам доход». Я сказал, что, наверное, это бутылки не северянина, а еще того, кто ехал в Салехард, и добавил: «Товарищ, кажется, не пьет». Она пошутила: «Наверное, умывается вином, к нему никто не ходил, а немало бутылок я сама покупала ему в буфете, он-то стесняется ходить в буфет».

Нечестным был Малиновский и в мелочах. Окрисполком давал заявку на бензин для легковых машин. С Малиновским я имел прямой телефон, не нужно было звонить на телефонную станцию. Позвонил, что подаем заявку на бензин, надо ли включить машины окружкома. «Обязательно включите». Я подписал заявку на четыре машины, две наши и две окружкомовские. В Тюмени Малиновского спросили: «Сколько машин у Броднева». Он ответил, что две. «Вот рвач, а бензин просит на четыре». Ответил, что не знает, почему ему надо на четыре, «Броднев — человек с загибом». Узнав об этом разговоре, я спросил, зачем же он не сказал, что просил меня в заявке учесть окружкомовские машины. «А я забыл, что обком нам спускает наряды на бензин». Подобных «недоразумений» было много.

В обкоме поняли, что послали на Ямал неподходящего секрета-

Уважаемый товарищ! Броднев М. М.!

В связи с 50-летием газеты "Правда" за активное участие в рабселькоровском движении редакция окружной газеты "Красный Север" премирует Вас подпиской на журнал "Рабоче-Крестьянский корреспондент".

Потребуйте от связистов своевременной доставки Вам журнала.

Редактор /Т.Баженова/.

РСФСР
Исполнительный комитет
Ямальского Национального
(Окружного)
Окружного Совета
депутатов трудящихся
Тюменской области
«19» апреля 1948
№ 49
г. Салехард, Дом Советов

Командировочное удостоверение

Выдано Бродневу Михаилу Мирвольфовичу
председателю окрплановой комиссии
Ямало-Ненецкого окружного совета з.п.

Командированному по Остяцкому № 501 окр. обкома
Срок командировки 3 дней по 22 апреля 1948 г.

Основание: Распоряжение президиума окрсовета от 19 апреля 1948 г. № 19

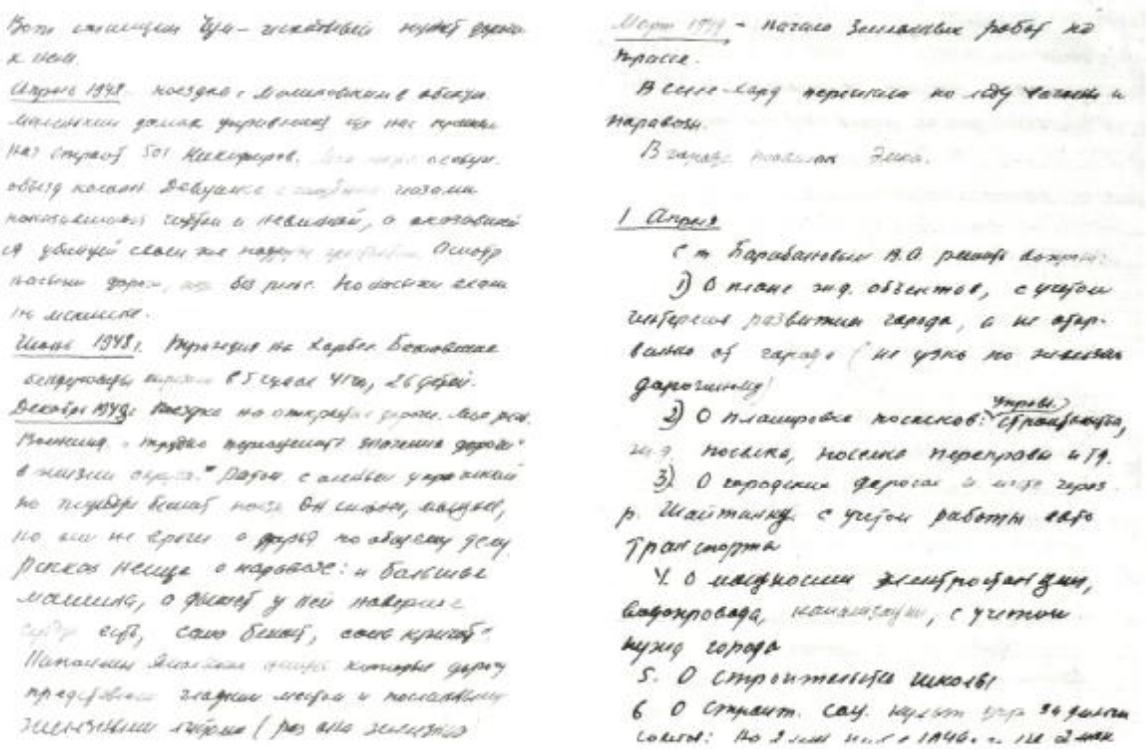
Действительно по предъявлении паспорта серии — № —

Председатель Исполкома Окрсовета

ря и послали его в ВПШ. Между прочим, я знаю много случаев, когда надо было избавиться от плохих работников — их посылали учиться. Так произошло с Соловьевым, Ивановым, Тарасовым. Конечно, туда посылали и хороших товарищей, но от которых хотели избавиться, потому что они не нравились начальству. Знаю случай, когда обком хотел послать толкового председателя райисполкома, но, не желая терять хорошего работника, райком ответил, что расследуется заявление о непартийном поступке этого товарища.

А Малиновский кончил плохо. В ВПШ северянам, которые имели семьи на Севере, платили более высокую стипендию. У Малиновского семья жила в Тюмени, но он представил подложную справку, что она живет в Салехарде, и получал повышенную стипендию. Соловьев подал заявление об этом в партком. Малиновскому объявили выговор, он зашел в уборную и застрелился. Немногие жалели его, да и земля стала чище, а партия избавилась от вредного балласта.

До Малиновского секретарем окружкома был Зенков Александр Тихонович, в прошлом электромонтер. В Салехарде начал свою работу председателем горсовета, потом стал первым секретарем горкома, после Гулина — секретарем окружкома. Душевный, простой, прекрасный человек. Работали с ним хорошо и дружно. У него было четыре класса образования, но он много читал, в политике разбирался хорошо, к людям относился чутко и в роли секретаря окружкома был на своем месте. После окончания годичных Ленинских курсов ему предложили работать секретарем обкома по кадрам. Я его убеждал не соглашаться: «Формально, грамоты мало, а партийности и честности много, не уживешься ты, съедят тебя чиновники и карьеристы». Так и вышло: сняли его и послали на работу заведую-



Из записной книжки М.М. Броднева

щим кадрами МГБ. Присвоили ему звание майора, избрали секретарем парткома. Обстановка в облотделе КГБ была для него сложная — приходилось встречаться с фактами карьеризма, подсиживания и прочее. Он реагировал на все это прямолинейно — по-партийному. На очередных выборах в партком его провалили. Каялся, что дал согласие переехать из Салехарда. Работал честно, много, да и самообразованием приходилось заниматься, а главное, не мирился с непартийностью, нечестностью, все принимал близко к сердцу, а сердце-то и подвело. В июле 1955 года я встретился с ним в последний раз в областной больнице. Где-то он услышал, что есть искусственные сердца, работающие нормально и люди с ними живут, но он не может добиться, чтобы ему дали такое сердце. Я ему сказал, что напишем заявление в ЦК и попросим помочь в получении искусственного сердца. Мой приятель К.А. Кислицин заведовал больницей и сказал: «Я сам наблюдал за ним, больше двух недель не протянет, а, к сожалению, искусственное сердце пока заменяет настоящее только на короткое время при операции». Но все-таки заявление об искусственном сердце я написал, чтоб дать какую-то надежду Саше. Мингалеву попросил телеграфировать мне в случае тяжелого исхода. Вскоре пришла телеграмма. Пришлось писать для местной газеты некролог, а в Тюмени и некролога не дали этому честному коммунисту.

После освобождения Чубарова и появления в округе Малиновского, мне стало ясно, что моя песенка, как говорят, спета. И вскоре из Тюмени мне послали замену — Ершова. Мне предложили работать в Тюмени заведующим облфо. Я понимал, что при сложившихся взаимоотношениях и при том, что мои «недруги», в виде Шурова, пошли на повы-

Из дневников М.М. Броднева

13 Марта 1944

Поездка по тундре. На полде прекрасная дорога, разъезжающая 2 грузовых машины. За несколько дней до ухода автомобильного пути Полуи ремонт был закончен, но не успевший. Сейчас 220 автомобилей работают на трассе. Мы катим не так, как по доброму шоссе.

Заворот на команду в 8 км от Сол-Кэрдэ. Большая поселок: 2 барака для арестованных, помещение для охраны, пекарня, помещение и домик для администрации. В домике начальника уже стоит блюдечко. Спрашиваю сколько дней прожили сидр? 8 дней назад и столько ушел! Ушел работать на 127 Недалеко место, где идет в поселок, где еще арестанты лесят.

Любопытная у нас оригинал — говорит Зам. нач. политотдела Ф. Франкин. Это про вас говорит.

В половине февраля приезжал Чубарова — Зам. наркома и тогда говорили о нас,

Членские билеты М.М. Броднева

шение, я не буду иметь возможности нормально работать. Попросил разрешить мне выехать из области. Охотно разрешили. А в Москве мне предложили работать в министерстве сельского хозяйства начальником управления районов Крайнего Севера. Забрал семью и поехал в Москву с намерением работать в министерстве, как договорились с министром.

И вдруг... заместитель министра Назаров показывает мне полученную бумагу из Тюменского обкома, возражающую против моего назначения в управление районов Крайнего Севера. На том основании, что я много пью. Назаров советовал ехать в Тюмень и добиться изменения этой характеристики, тем более что он много раз встречался со мной и не заметил моих склонностей к выпивке. Я предвидел, что добиться от обкома заднего хода будет не так-то легко. Встретил Третьякова, начальника Главрыбпрома, и рассказал ему о злом ходе тюменцев. Он меня давно знал, я с ним много ездил по рыбозаводам и знал, какой я «пьяница». Предложил поехать мне в Якутию управляющим рыбным трестом. Я попросил сообщить обкому об этом его намерении и попросить их высказать свое мнение о возможности такого назначения. Обком прислал хвалебную характеристику. Характеристику в министерство подписал второй секретарь Горячев, в Главрыбромом первый — Афонов. У меня были возможности пойти в ЦК и добиться изъятия плохой характеристики, но от двухмесячной жизни в Москве я устал, деньги подходили к концу, в Москву приехала Таня рожать Сережу, приехал Женя — племянник, поступать в институт, приближалась осень, и неустроенность меня тяготила. Да Москва не устраивала меня и тем, что зарплата — только тысяча восемьсот рублей, и значит, надо «срезать» переводы Тане (ей ежемесячно переводили шестьсот рублей), жилье давали в Удельной — надо было каждый день ездить на электричке. От станции ходить далеко, да и само управление министерства было в загоне, помещалось в одной комнате. Я сам, работая в округе, не считался с этим управлением — оно было неавторитетным и бесправным. Дал согласие на Якутск.

В министерстве сидел представитель ЦК партии, он проверял кадры. Знакомился со мной часа два, проверял политическую грамотность, но не спросил, как я подготовлен для работы управляющим рыбтрестом. Проверку прошел. Пошел оформляться в управление кадров, и новая тревога... Нужна медицинская справка, а я был свидетелем, когда инженеру, больному туберкулезом, отказали в работе. Значит и меня ждет то же, да и какой смысл тратить деньги на завоз больных, которые заболеют и выедут в любое время. Значит, надо обойтись без медицинской справки. И первый раз в жизни решил использовать людскую слабость в личных целях. Работника из отдела кадров, оформлявшего мое назначение, пригласил в ресторан, выпил с ним и сказал ему, что надо еще много сделать личных дел до отъезда и не хотелось бы терять время на медицинские похождения. Он согласился оформить без медицинской справки. И я получил приказ министра

о назначении меня управляющим Якутским рыбным трестом. Вдвоем с Мишей выехали в Новосибирск, где был главк, а оттуда — самолетом в Якутск. Станислава осталась в Москве, у Тани приближались роды. Между прочим, перед выездом в Якутию я встретил Малиновского и спросил, чем объясняется противоположность характеристик, данных обкомом министерству сельского хозяйства и Главрыбпрому. «Вот чудак, — сказал он. — Работая в министерстве, ты бы мог сводить счеты с нами, планировать нам такие показатели, чтобы мы всегда были в отстающих, а из Якутии ты нам ничего плохого не сделаешь». Я только зло заметил: «Это называется партийной честностью и принципиальностью?»

Якутия

По карте я знал, что Якутия — большой край. Во много раз ее территория превосходит Ямал, она имеет площадь 3062 тысячи квадратных километров. Поражает необжитость края: в низовьях Лены плывешь на катере сотню километров и не встречаешь ни одного селения. Северная часть Якутии обжита меньше, чем Ямал.

Из Новосибирска мы с Мишей на самолете долетели до Иркутска, а оттуда — маршрутом Иркутск — Якутск. В Якутск прилетели днем, из треста за нами прислали легковую машину, но в нее все наши вещи не вошли. Поэтому я уехал, а Миша остался с вещами в аэропорту. За ним послали грузовую машину. Поселились мы в гостинице. Я решил затянуть прием треста, чтобы лучше ознакомиться с обстановкой, с положением треста, и неделю провел, беседуя с каждым работником.

Почувствовал какое-то недомогание, но в трест ходил. Встретил Станиславу. Я поехал ее встречать, а Миша остался готовить еду. В магазине и в буфете закупил, что получше, и Станислава была очень довольна встречей и приготовлениям Миши. В номере было жарко, и я снял рубаху. «Что это у тебя за прыщики?» — спросила Станислава. И дотронувшись до меня, удивилась, что я очень горячий. Смерили температуру — 39 градусов. Вызвали врача и меня сразу же забрали в больницу. Со Станиславой я провел только два часа, и они остались одни в чужом городе, не устроенными. В больнице меня положили в палату для тяжелобольных, и на вторые сутки я был

уже без сознания. Но мысль о Станиславе и Мише, видимо, беспокоила меня. Станислава рассказывала, что, придя ко мне в палату, она услышала мое бормотание: «Я насушил сухарей, ты унеси их домой, умру — вам хоть будет что поесть». Я лежал около голландки, и Станислава увидела в пространстве между стеной и печкой куски хлеба. Значит, я действительно копил им хлеб.

Станислава поняла, что меня, тифозного, поместили с людьми болеющими другими болезнями. Пошла к секретарю обкома Лямову и попросила поручить проверить, почему я помещен, как она сказала, «в палату для умирающих». В результате проверки меня перевели в одноместную палату в другом здании. При этом произошел такой случай.

Меня вывели на улицу в одном халате и посадили в машину скорой помощи. Было уже холодно. Сижу десять, пятнадцать минут, а ни сестры, ни шофера. Подошла Станислава, увидела меня в таком положении и подняла шум.

Как я потом услышал на городской партийной конференции, порядки в больнице были безобразными. Будучи уже в отдельной палате, я поймал на себе двух вшей. Сказал об этом врачу. «У нас плохо со стиркой белья, вот и у вас давно не меняли». «Да ведь я тифозный. Мои вши опасны». В ответ она только пожала плечами. Белье мне сменили, но не за один прием — принесли простыни, а на второй день — наволочки. Со Стасей и Мишей я разговаривал через окно, зайти ко мне они имели возможность, но я запретил им и рассказал о ползающих вшах.

Когда я выписался из больницы и пошел в спецполиклинику закрывать бюллетень, главврач — пожилой якут — рассказал, что по поручению Лямова он навещал меня, но я был в бессознательном состоянии. Он тогда подумал, не выкараб-

ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

МАНДАТ № 105

Тов. Броднев М.М.

является делегатом XVII Якутской Областной конференции ВКП(б) с правом решающего голоса от Якутской городской

парторганизации.

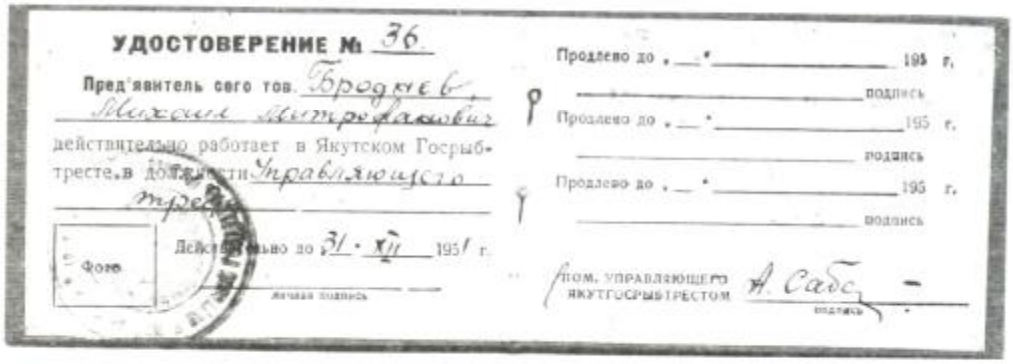
Председатель Мандатной комиссии

Январь 1951 г.

Действителен при предъявлении партбилета

Повестка дня:

1. Отчет Якутского Обкома ВКП(б)
2. Отчет Ревизионной комиссии Якутского Обкома ВКП(б)
3. Выборы: а) Якутского Обкома ВКП(б), б) Ревизионной комиссии Якутского Обкома ВКП(б)


УДОСТОВЕРЕНИЕ № 36

Пред'явитель сего тов. Броднев Михаил Митрофанович действительно работает в Якутском Госрыбтресте, в должности Управляющего трестом

Фото

Действительно до 31 · XII 1951 г.

личная подпись

Продлено до „__" _____ 195 г.

подпись

Продлено до „__" _____ 195 г.

подпись

Продлено до „__" _____ 195 г.

подпись

ПОМ. УПРАВЛЯЮЩЕГО ЯКУТГОСРЫБТРЕСТОМ А. Сабс

подпись

каюсь: «Силен у вас организм — одолел болезнь».

Товарищи в тресте хорошо отнеслись к Станиславе и Мише, дали квартиру, выдали мои подъемные, спрашивали обо мне и сами приходили в больницу. Когда стало ясно, что мои дела пошли на поправку, Миша спросил: «Можно мне купить патефон?» Я разрешил. Приехав из больницы, только открыл дверь, как меня встретила любимая песня «Мой любимый старый дед...».

Миша был застенчивый мальчик, знакомых ребят у него первое время не было. Коротал время дома, и как-то попросил научить его играть в преферанс. Научили. Понравилось. Играл с увлечением и переживал, когда не везло. Если он уходил в уборную, ему подбирали хорошие карты и, сыграв семерную или восьмерную игру, был очень доволен и не подозревал подтасовки.

К осени 1952 год Миша обжился в Якутске, у него появились приятели, и завязалась дружба с девушкой, дружба хорошая, скромная. Девушка жила с бабушкой в доме напротив нашего. Миша ходил за водой на колонку, и иногда долго — значит, встретился с девушкой у колонки.

В конце ноября он сказал, что его пригласили на именины к товарищу, жившему близко от нас. Семья товарища была хорошая, мы их знали и были уверены, что там ребятам не позволят напиться, да и Миша к водке относился отрицательно — у него не было желания выпивать. В два часа я проснулся, Миши нет. Разбудил Станиславу. «Видимо, решили там заночевать». Утром позвонил родителям именинника. «Миша ушел в 12 часов». Попросил расспросить ребят, куда они пошли от них. Ребята рассказали, что они всей компанией пошли провожать девушек, живущих в конце города, а дорогой Миша отстал, и его больше не видели. Мороз был 50 граду-

ЕДИНАЯ
ПЕНСИОННАЯ КНИЖКА

Фамилия Броднев
Имя Михаил
Отчество Митрофанович
Год рождения 1904
Адрес Якутск, г. Якутск
ул. Сайсарская-Цед
ремо, д. № 1.

МРП СССР Главсибрыбпром. Якутский Госрыбтрест РАДИОГРАММА

ПРИНЯТА
Служебные отметки
Из НОВОСИБИРСКА 154 53 5/9 2300 м
Адрес ЯКУТСК РТ СУХАНОВУ КОПИЯ
БРОДНЕВУ

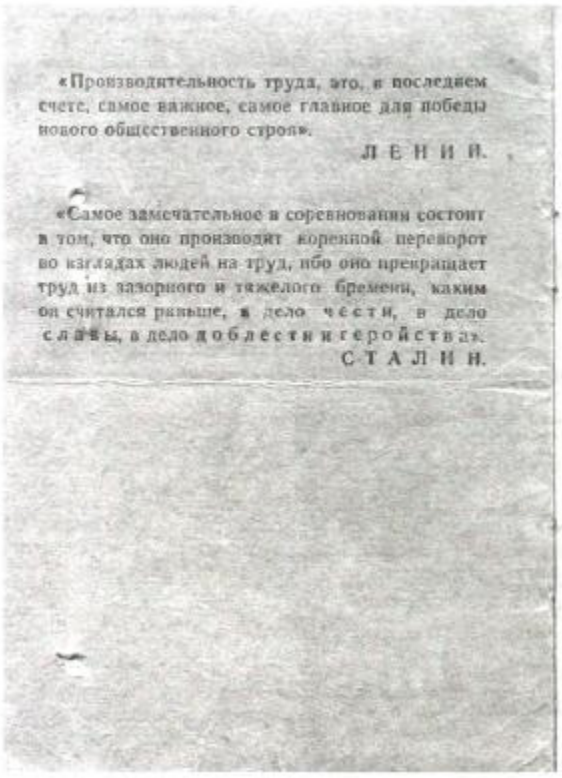
ПРИКАЗОМ МИНИСТРА НР 499 ДРОБЬ Д 26 АВГУСТА БРОДНЕВ УТВЕРЖДЕН УПРАВЛЯЮЩИМ ЯКУТСКИМ ГОСРЫБТРЕСТОМ ТЧК БРОДНЕВ ДНЯМИ ВЫЕЗЖАЕТ ЯКУТСК ОРГАНИЗУЙТЕ ПЕРЕДАЧУ ДЕЛ СООТВЕТСТВИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК СССР 2 МАРТА 1936 ГОДА ПРЕДСТАВИТЕЛЕМ ГЛАВКА ДЛЯ УЧАСТИЯ ПРИЕМЕ СДАЧЕ ДНЯМИ ВЫЕЗЖАЕТ ЧЕРНЫШЕВ ТЧК СУХАНОВ НАЗНАЧЕН ЗАМЕСТИТЕЛЕМ УПРАВЛЯЮЩЕГО ПРИКАЗ ПОЧТОЙ ТРЕТЬЯКОВ 1107011

Типография СЯРПа. Заказ № 537—150000

сов, и, как обычно, сильный туман — за несколько шагов ничего не видно. Вероятно, Мишу прижало оправиться, он отстал от ребят и потерял направление. Снег мелкий, и сбиться с дороги не трудно.

Вызвал машину, со Станиславой и моим заместителем Хабидуллиным объехали предполагаемый маршрут ребят и девушек. Прилегающие улицы и переулки, осмотрели под всеми мостиками — безрезультатно. Заявили в милицию. На второй день я взял самолет и облетел несколько раз окрестности города. Вновь безрезультатно. Конная милиция тоже прочесала окрестности города. Проходят сутки, вторые, а данных никаких. В Якутске убийства были часты, много лагерников, беглых. Первой версией было убийство Миши бежавшими арестованными. Обследовали и милиция, и мы — самостоятельно, все места, где могли спрятать труп. Недалеко от нас был штабель леса, услышали мы, что на бревнах осталась кровь. Поехали туда. Милиция в лаборатории проверила кровь, оказалась не человеческой. Возникла другая версия: шпионы увезли в Америку.

Следователь милиции, узнав, что Станислава не родная мать Миши, заподозрил самоубийство или убийство мачехой. Тщательно обследовали чердак нашего дома, дровяник, вызывали в милицию соседей, живших со мной в одной квартире, и расспрашивали об обстановке в нашей семье. Они сказали, что Станислава относилась к Мише так, как не относятся многие родные матери к своим детям, и они узнали, что он не родной только потому, что он ее называл тетя Стася. Я попросил соседей не говорить Стасе об их беседе в милиции. Эти дикие подозрения ухудшили бы и без того тяжелое состояние Станиславы. Милиция тоже была права, проверяя и этот вариант. Ведь слово «мачеха» в русском языке нарицательное.



«Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя».

ЛЕНИН.

«Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из позорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства».

СТАЛИН.

УТВЕРЖДЕНО
Советом Министров Союза ССР
17 июня 1947 г.
№ 2127

Расчетная книжка № 82

Фамилия Броднев
Имя, отчество Михаил Митрофанов
Наименование предприятия Джанкинская экспедиция 42 партия
Адрес предприятия Ул. „Озерная"
Дата поступления
Цех, отдел
Должность Зам. начальника
Специальность

Я с детства боялся покойников, а тут меня часто вызывали в морг для осмотра трупов неизвестных молодых людей. Что мы пережили! Почти две недели не спали. Но была слабая надежда, что он мог выехать — его девушка уехала из Якутска. А может, захотел побывать у матери. Здравый смысл говорил, что этого не может быть: у него нет повода к такому поступку, парень он благоразумный. Да и где он возьмет столько денег. Но всякое бывает... Вдруг?.. Это была хоть и слабая, но надежда.

Были самые дикие предположения досужих людей — связался с бандитами и уехал с их бандой, или — с женщиной, и она его прячет, и прочее, и прочее. Пять месяцев неизвестности. Всесоюзный розыск тоже не дал результатов. Сколько было пережито! Я работал, но, кажется, не было момента, чтобы не думал о Мише. Мозг постоянно сверлила мысль: «Миша, родной, где ты, что с тобой?!

27 апреля 1952 года часов в 11 вечера мне позвонили из милиции и попросили зайти. Пошел, хотя и было далеко, а шоферов в гараже не было. Меня направили к начальнику милиции. Подошел к его столу, на нем лежало толстое дело, и я успел прочитать на обложке фамилию. Спрашиваю: «Живой?» — «Нет, нашли труп недалеко от аэропорта, на дороге не было снега, а человек ехал на санях вблизи от дороги и обнаружил труп, сообщил нам. В кармане нашли комсомольский билет на имя Михаила Броднева — значит, он. Но Вы посмотрите сами. Завтра установят врачи точно причину смерти, но, вероятно, замерз. Замерзающим кажется, что им жарко. Нашли его в расстегнутом пальто, и шапка лежала рядом». Вид, наверное, у меня был неважный. Он вызвал милиционера и предложил ему на машине довезти меня домой. Станиславе решил сразу не говорить, сказал, что нашли труп, по приметам похожий на Мишу, что завтра утром поеду в морг.

Утром поехал в морг. Среди трупов сразу увидел Мишу. Он лежал на топчане, ноги согнуты, голова закинута назад. Заехал в трест сказать, что сегодня на работу не выйду. Станислава по моему виду все поняла, расплакалась. Из морга позвонили, что валенки снять не могут и попросили разрешения разрезать их. Какой разговор — режьте.

Через некоторое время вновь поехал в морг. Вскрытие еще не закончили. Подождал. Вскрыт живот и грудная клетка, в голове вырублен четырехугольник. Работница морга согласилась привести труп в порядок, обмыть, одеть. У Миши не было костюма — ходил в школьной форме. Станислава настояла добыть новый костюм. Позвонил министру торговли, тот сказал, чтобы послал человека в магазин. Павел Андреевич — мой старый друг — съездил в магазин и отвез в морг костюм, а также белье и верхнюю рубашку. Начальник техснаба Робинович организовал все с гробом и могилой. Вечером, уже собранного в последний путь, Мишу в гробу привезли домой. Двое с лишним суток мы со Стасей сидели у гроба. Она много плакала. Я был как окаменевший. Заходили наши работники. Пришли ученики десятого класса, в котором учился Миша. Поглядел я на

молчавших ребят и разрыдался. Это у меня, взрослого, был первый случай слез. На вторую ночь я ненадолго уснул, приняв порядочную дозу водки. Станислава совсем не спала.

27 апреля Мишу хоронили. Перед выносом Станислава вцепилась в гроб и закричала: «Не отдам, не отдам!». Ее оттащили мужчины и поставили гроб на грузовую машину. В машине Станислава немного успокоилась, а когда опускали в могилу, с ней опять случилась истерика. Женщины увели ее в машину и отвезли домой.

Женщины — работницы треста и соседки — подготовили поминки. Поминающих собралось больше сотни человек. На такое количество не рассчитывали. Пришлось попросить главбуха съездить в трест, взять денег, купить ящик вина и закуски. Он взял с собой мою соседку, и они привезли все необходимое. За нашим большим столом умещалось человек тридцать. Первые три очереди прошли сравнительно быстро, а четвертая засиделась долго, некоторые много выпили, и один даже запел. Мой заместитель, Иван Хабидуллович, бесцеремонно разогнал захмелевших. Осталось несколько наиболее близких людей. Станислава чувствовала себя плохо, я отвел и уложил ее в постель. Каждый день ездили на кладбище. Шофером мой легковой машины работал Поликарп — замечательный человек. В воскресенье он подъехал ко мне: «Давайте свожу на кладбище», — я ему посоветовал отдыхать, сказал, что съездим на автобусе. Но он настоял, и в последующие воскресенья подгонял машину.

А со Станиславой началось неладное. Я приехал обедать. Она говорит: «Приходил Миша и залез под диван, я отодвинула диван, а его там нет». Вечером сказала еще несколько несуразностей. В тот день я пошел в спецполиклинику и рассказал врачу, пожилому якуту, о ненормальностях Станиславы. Он сказал: «Конечно, не ладно с мозгами, но я не советую обращаться к психиатру: упрячут в дом умалишенных, а там болезнь может обостриться, она еще не совсем рехнулась, а там... Попробуйте отвлекать ее от тяжелых мыслей. Не оставляйте одну, я Вам оформлю бюллетень».

Дома я старался разговоры о Мише переводить на другую тему, занимал ее всякими рассказами из своей молодости, из жизни наших знакомых. Мало помогало. У одного моего знакомого ощенилась герляндская овчарка, и я принес домой занятного щенка, туловищем — обычная овчарка, а ноги очень короткие. В нашем доме всегда жили собаки, иногда по нескольку штук,

РСФСР

ӨЛҮҮ ТУҺУНАН СИБИДИЭТЭЛИСТИБЭ
СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

КД № 032648

Броднев
Михаил Михайлович
двадцать пятого ноября тысяча девятьсот пятьдесят первого 25/XI-1951 г.
общее охлаждение организма
1952 апреля 26
261 261
г. Якутск
ЯАССР
гор. ЗАГС
г. Якутск
26 апреля 1952
г. Якутска

и Станислава очень любила животных. Щенок ей понравился, назвала она его по-ненецки — Пуро, то есть Серый. Уход за щенком отвлекал ее, но неладное еще проскальзывало в разговорах. Например, говорит: «А может быть, в виде Пуро к нам пришел Миша». Принял меры к тому, чтобы дома не оставалась одна. У нас была большая трехкомнатная квартира, а у моего приятеля, Павла Андроновича, — холодная комната. Предложил ему переехать в одну из наших комнат. Он охотно согласился. Его часто навещала внучка лет восьми. Станислава охотно проводила время в ее компании. Постепенно мозги вошли в норму, несуразностей она больше не говорила.

Пуро и Наташа отвлекли Станиславу, зато сам я опечалил ее — туберкулез обострился, и меня положили в туберкулезный санаторий, расположенный за городом. Раньше у меня были подобные вспышки туберкулеза, но Станислава верила, что все закончится благополучно. На этот же раз стала придерживаться пословицы: «Беда не приходит одна». Она часто приезжала в санаторий, и я старался быть при ней бодрым. Попросил врача сказать ей, что вспышка чепуховая и скоро пройдет. Это ее несколько успокоило. А когда у меня снизилась температура, я собрался в субботу вечером, на воскресенье, уезжать домой. Между прочим, в том году было много грибов в лесу около санатория. Выской температуры у меня уже не было, и мы собирали грибы. Станислава, довольная, уезжала из санатория с корзиной грибов. Есть грибы Стася не очень любила, но собирала с большим удовольствием. Еще в Салехарде в один очень грибной год набрала столько, что нести не могла. Носила по очереди — корзину оставит, а наполненный мешок отнесет, через сто—триста метров оставит мешок и возвращается за корзиной. Я ее упрекал за такую жадность, но она говорила: «Они хорошие, бросать жалко». Так по очереди и перетаскивала грибы на расстояние семи—восьми километров. Была очень довольна, когда я с ней ходил, но за грибами чаще ездили на лодке.

Работа в тресте была тяжелой. План обычно не выполнялся, убытки были огромные. Между прочим, когда я принял трест, убытки за прошедший год, по данным бухгалтерии, составляли семнадцать миллионов рублей, но баланс оказался нечестно составленным. По данным бухгалтерии, на Янском рыбозаводе клепки было на три года производства бочек. Получаю телеграмму, что из-за недостатка тары вынуждены прекратить лов рыбы. Вызываю по рации (она размещалась в помещении треста) директора завода и допрашиваю, в чем дело. Он сообщает, что клепка была сложена на берегу, а в прошлом году берег подмыло и клепку унесло. Списать ее с баланса не разрешил трест. На других заводах числилась несуществующая соль, горючее и так далее. Мой предшественник, боясь ответственности за огромные убытки, пошел на авантюру. Я приказал провести инвентаризацию материальных ценностей и послал на заводы работников треста для проверки, предупредив их об ответственности за реальность инвентаризацион-

ных данных. В результате выявилось отсутствующих ценностей на десять миллионов рублей. Сообщил об этом главку и обкому. Мой предшественник заявил, что я провел инвентаризацию так, чтобы создать благополучие для себя. Главк послал комиссию. Она подтвердила правильность моих данных, и Суханова в обкоме наказали.

В окрисполкоме на Ямале работа была тяжелой, в Якутии же она показалась благодатью. Заводы разбросаны на тысячи километров, связь — только один раз в год, на заводах работали спецпереселенцы, преимущественно финны. Людей не хватало, транспорта было явно недостаточно, с директорами и специалистами было плохо, держали людей непригодных. Выйдя из больницы, я понял, что с моим здоровьем не справиться с делами и пошел к секретарю обкома Лямову. Попросил освободить от работы в тресте и послать в район заведующим сберкассой, директором банка или что-нибудь в этом роде. Он мне предложил должность заместителя Госплана республики. Отказался: обстановка в Госплане была нездоровая, и я не хотел попадать в кляузные условия. Лямов обещал подумать. Через несколько дней вызвал меня и сказал: «По вашему здоровью нашли работу, Вам надо быть больше на воздухе, в лесу. Назначим Вас замполитом в одну из геологических организаций на реку Марху». — «Но ведь там надо много ходить — это не для меня». Он посмеялся и сказал, что у меня отсталые представления, что буду ездить на машине, а где она не пройдет, пересяду на лошадь, да и все работы ведутся в русле реки. «С передвижением трудностей у Вас не будет». Я согласился. Утвердили на бюро обкома.

42-я партия, куда я был назначен замполитом, работала на реке Мархе. Это очень красивая река с крутыми берегами. Для того чтобы на лошадях подняться на берег, приходилось выкапывать въезды. Маленький самолет «П-2» доставил меня в поселок Озерный на базу партии. Я знал, что в партии работает двести человек, но, поднявшись на гору, увидел всего несколько домишек. Где же тут размещаются люди? и оказалось сложной проблемой, куда меня поселить. В домиках двухъярусные нары, некоторые вынуждены спать на полу. На радиостанцию запрещалось поселять посторонних, но моя должность позволила нарушить этот запрет. Домик рации был 5х5 метров, в нем помещалась радиоаппаратура и жил радист с женой и маленьким ребенком. Мне принесли раскладушку. Я лег на нее и провалился до самого пола, брезент оказался гнилым и лопнул. У радиста Ивана Ивановича нашлась веревка, и мы из нее сделали что-то вроде сетки. Неудобно, но что поделаешь. Два месяца я спал на этой постели. А когда построили помещение конторы, я поселился в домике вместе с другими работниками. Здесь уже не было сплошных нар, и у меня была отгороженная досками комнатка двух метров длины и полутора — ширины. И этому многие завидовали — замполит имеет отдельную комнату. Хотя отдельной ее можно было назвать лишь условно: стенки из плах не доходили до потолка, образуя пространство для прохождения теплого воздуха.

Начальником партии был молодой парень, Виктор Ефимович Пастухов. Меня предупредил замполит экспедиции, что его надо убирать. Хотя парень он был хороший, но его жену увезли в Германию, где она находилась всю войну — А работа партии засекречена — и доверять ей нельзя. Она работала здесь же, геологом. На второй день мы с Пастуховым поехали осматривать «хозяйство» и он познакомил меня с задачами партии и обстановкой. В обкоме об экспедиции мне только сказали, что работа засекречена, а чем она занимается, я узнал, лишь приехав на место.

Виктор Ефимович рассказал: в стране добывается незначительное количество алмазов на Урале, а потребность в них большая, особенно для промышленности. Например, алмазные сверла дают огромный эффект. На вероятность наличия алмазов в Сибири указывал еще Ломоносов. Вначале искали на Енисее, а теперь ищем на Лене и по ее притокам. Три года назад мне пришлось с тремя товарищами провести поиски на Мархе. Лотками промывали в разных местах породу, и вон на том мыске нашли один алмаз. На радостях выпили, алмаз переходил из рук в руки, пока один из товарищей не уронил его на землю. На этом месте был песок и мелкая галька. Разыскивая алмаз, затоптали место. Неужели такая случайность — и мы не сможем доказать наше открытие? Площадь предполагаемого падения алмаза расчертили на квадраты и стали перебирать каждую песчинку. Нашли. А вот теперь создана большая партия для выяснения запасов. Семь граммов алмазов на кубометр породы считается имеющим промышленное значение и будет разрабатываться. Наши предварительные результаты близки к этому. Когда замерзает река, мы промораживаем лед до грунта канавами, извлекаем всю породу до глины и обогащаем. Сейчас роем канавы через каждые пятьсот метров, а где толстый слой наносной породы по берегам — ведем работу шурфами.

Трудности у нас огромные. Вот сейчас из продуктов имеем муку и сахар. Муки мало, а надо дотянуть до весны, поэтому хлеб нормируем. А самое тяжелое — это люди. У нас самая высокая зарплата. Все работающие, помимо основной зарплаты, получают редкоментальные (за поиски редких ископаемых), полевые и другие надбавки. Высокая оплата была введена с целью привлечения лучших людей. Получилось наоборот. В первую очередь нахлынули освободившиеся из лагерей, отбывавшие наказание за крупные преступления. Будучи оторванными от поселков, при отсутствии милиции и каких-либо органов власти, они вели себя нагло. Первого начальника, пытавшегося привести их в норму, убили. «Здесь закон — тайга, прокурор — медведь». Они были хорошо организованы, у них был пахан, который определял, кому какую работу давать, кому больше зарабатывать. Нормировщик был из них же. При вывозке песков расстояния намного завышались. Я с шофером — братом коммуниста завхоза — поехал на линии. По спидометру замечал, что расстояние до канавы семь километров. Просматривая наряды,

обнаружил, что в них до этих выработок проставлено двенадцать километров. С таким приписками шофера «зарабатывали» по двадцать тысяч рублей в месяц. Как-то этот же шофер сидел за рулем сильно пьяный. Я посоветовал начальнику партии отстранить его от работы на машине. «Это можно, — сказал он, — уркачи за него не заступятся, но потребуют назначить своего». — «Давайте не будем считаться с ними, а назначим Юрина — хорошего парня из Горького». «Он знает, что ему будет плохо — Не согласится». Я поговорил с Юриным, парень оказался смелым и не струсил. Уркачи ему угрожали, но он не испугался. Обстановка в поселке была ужасная: ежедневные драки, несколько убийств — и было ясно, что дальше так продолжаться не может. Проводил беседы, разговаривал отдельно с каждым, но часто слышал утверждение «Здесь закон — тайга, прокурор — медведь». Некоторые хорошие люди советовали: «Полегче с ними, Митрофанович, это народ отпетый».

У нас было пять коммунистов и до десятка комсомольцев. Собрались на партийно-комсомольское собрание и обсудили создавшееся положение. Мнение было единое — избавиться от дряни. Но просто уволить опасно: устроят крупные неприятности. Решили сделать так: заранее подготовить им расчет, документы, лошадей и тут же предложить убираться. Один коммунист согласился сопровождать их до Нюрбы. Все подготовили: документы, деньги, у конторы стояли запряженные лошади. Они растерялись, да в конторе присутствовали здоровые парни из коммунистов и комсомольцев. Некоторые выматерились, но все прошло хорошо.

Для меня же это создало неприятности. В экспедиции признали одновременное увольнение двенадцати человек неправильным, тем более при резком недостатке рабочих. Уркачи распустили обо мне всякие небылицы и, приехав в Нюрбу, я встретил недружелюбный прием у начальства. Имел с ним нервные объяснения. «Почему не представили на них обоснованных материалов и мы им должны были дать работу здесь?». Позднее выяснилось, что документированное отношение в прокуратуру о преступлениях некоторых из них они дорогой отобрали у сопровождающего. Одного из их компании, взрывника Федю, оставили, к нему приехала жена с ребенком и решили, что он будет вести себя по-доброму, да и заменить его некем. Федя иногда напивался. Взрывники ошибаются один раз, и держать пьющего на такой работе опасно. Появилась возможность заменить его. Федя решил, что его увольняют. Наложил за пазуху взрывчатки, обмотал себя шнуром и, держа в руках спички, появился в конторе и заявил, что взорвет себя здесь же вместе с нами. Конечно, это был фарс, но черт его знает. Разъясняю ему, что его не увольняют, а переводят на горные работы. Что раз он не может вовремя сдерживаться с выпивкой, то становится опасен для себя самого и окружающих. Работа горняком его устраивала — горняки больше зарабатывали. Ушел довольным. С приездом Станиславы мои отношения с Федей улучшились. Станислава люби-

ла играть с его двухлетним мальчиком, мать часто оставляла его у нас. Стася помогала матери, чем могла, часто делала ребенку подарки. В октябрьские праздники Федя пригласил нас в гости. Пошли. Выпили. И выпивший, правда, в норму, Федя рассказал, что жулики, уезжая из Озерного, поручили ему меня ухлопать. Я подумал, что мне опять попадать в тюрьму не дело, но им не сказал и как бы молчаливо дал согласие.

Встретил я там одного интересного человека. Хотя он был пожилой — все его звали Сашей, он много лет работал в Бодайбо старателем. Зарплату он не получал, брал деньги только на питание, просил его заработок хранить на отпуск. Когда я приезжал к нему на выработки, он интересно рассказывал о старателях, об их разухабистой жизни, и чувствовалось, что он одобрял поведение своих коллег. Пошел он в отпуск, пришел в контору с вещевым мешком и сложил в него восемьдесят пять тысяч рублей. Ехать собрался в Москву к дочери. Я ему говорю: «Зря берешь все деньги, возьми часть, а из Москвы дашь телеграмму, и мы переведем, а то в Иркутске вспомнишь старательское веселье — и прощай поездка в Москву». — «Нет, все будет в порядке, молодой шалил, теперь умнее стал». Через несколько дней получил телеграмму: «Выручай, переведи две тысячи, сел на мель».

Рассказывает, что приехал в Иркутск, зашел пообедать, решил выпить бутылочку красного, а сосед по столику предложил взять еще белого, подсели женщины... и пошло-поехало. Смутно помнит, что набралась большая компания, пили где-то на квартире... куролесили, видимо, будь здоров, а проснулся за городом в канаве и без копейки. Вот, подлец... съездил к дочери... Федя бил себя по голове и приговаривал: «Вот дурная башка!».

Порядка в экспедиции не было. У нас на исходе была мука, и кончились все продукты. С нетерпением ждали первую баржу. Она пришла, привезла скобы и гвозди. По рации подняли тревогу. Через несколько дней получили баржу с продуктами.

Пришлось бороться не только со шпаной, но и с некоторыми «горе-коммунистами». Заведовал хозяйством коммунист Огнев. Он знал, что жена Пастухова была увезена в Германию, и это к месту и не к месту подчеркивал. А главное, распоряжения Пастухова не выполнял, делал все по-своему и, будучи секретарем парторганизации, относился к нему свысока, и разговаривал с ним категорично, грубо. Мои разговоры с ним толку не дали, а при одной резкой беседе он нахамил и мне: «Вы знаете, кого Вы защищаете?» Я собрал партийное собрание и поставил вопрос о его поведении. Он попытался обвинить меня в потере бдительности, но коммунисты понимали обстановку, объявили ему выговор, сняли с секретарей и предложили уволить. На двадцати страницах он написал на меня заявление в ЦК. Райком послал работника для проверки, повторно проверял замполит экспедиции, и ложные обвинения не подтвердились.

Пастухова, хорошего геолога и замечательного человека, убрали, послали молодого парня, начальни-

ка партии — Сильченко. Тот хотел показать свою полную самостоятельность и роль замполита сводил к тому, что я должен проводить беседы и быть только политпросветработником, что в хозяйство и тем более в его распоряжения влезать не должен. А в первые же дни он допустил несправедливость к некоторым хорошим рабочим. Я ознакомил его с положением о замполитах, в нем подчеркивалась ответственность замполита за всю работу и определялись большие права. Он раньше работал коллектором, и геологические вопросы знал не лучше меня. В партию приехал главный инженер Корешков и разобрался в его деятельности. Сильченко убрали. Назначили Трифонова.

Трифонов работал в Москве в РКИ по вопросам геологии, работу знал хорошо, но к людям относился свысока и считал себя во всем правым. У него была жена лет на двадцать моложе его. Назначил ее рядовым бухгалтером. Она вела расчеты с рабочими, и мне часто приходилось проверять ее по жалобам рабочих. Частенько допускала ошибки. А по торжественным дням он любил объявлять благодарности большой группе работников, в том числе — обязательно — Тоне. Например, в приказе к Первому мая благодарность получили сорок человек и, конечно, его жена. Я ему сказал, что он неправильно включил многих работников, что поощрение лучших, наряду со средними работниками, снижает значение подобного рода поощрения. К Октябрьским праздникам он дал опять большой список, и Тоню в их числе. Я возражал против многих. Он настаивал. Поговорили резко, к соглашению не пришли. Я собрал партийное собрание. Коммунисты меня поддержали. Он был вынужден сделать по-нашему.

Главным бухгалтером был Хватов, человек ограниченный, но с большим гонором, рабочих, пришедших к нему в контору за справками, и особенно желающих проверить правильность начисления зарплаты, долго держал в конторе и делал вид, что занят. Протестовал против моего вмешательства в дела бухгалтерии, и как-то при проверке жалобы рабочего на обсчет, бухгалтер расчетной группы заявил: «Главбух запретил мне знакомить Вас с документами». До этого более резко отказали дать документы председателю месткома. Рассказываю об этом Трифонову. «Вы и местком часто отрываете бухгалтерию от работы и своим заступничеством развращаете рабочих». К соглашению не пришли.

А перед этим был такой случай. Двое рабочих пошли в отпуск, но бухгалтерия не давала им расчета: «Некогда — заняты отчетом». Несколько дней рабочие болтались в поселке, жаловались Трифонову, но тот сказал: «Ждите, бухгалтерия занята». Меня в поселке не было. Приехал, говорю Трифонову, что из-за этой дикости бухгалтерии рабочие несколько дней отпуска потеряли. «А они бы могли опоздать с отчетом, и я не мог их отрывать». Толкую ему, что составление расчетов с рабочими — дело нескольких минут и придется ему рабочим оплатить вынужденный прогул, а эту оплату отнести на личный счет бухгалтеров. Он отказался это сде-

лать. Вопрос о неправильном поведении начальника парии поставили на партбюро. Там выяснился еще ряд фактов неправильного отношения Трифонова к людям. Предупредили его серьезно, ребята резко говорили о его неправильном, грубом отношении к людям.

Трифонов поехал в Нюрбу. Получаю оттуда телеграмму: мне предлагают работу в другой партии. Отказываюсь и прошу ознакомиться с протоколом партбюро. Трифонов проинформировал руководство экспедиции и райком партии, что я ему мешаю нормально работать, и просил меня убрать. В партию приехали секретарь райкома и замполит экспедиции разбираться в наших взаимоотношениях. Приехавшие товарищи поговорили с рабочими, побывали на производстве и собрали партийное собрание. Секретарь райкома сказал: «Трифонов в райкоме ставил вопрос о необходимости убрать из партии Броднева, мешающего ему работать. Я прошу товарища Трифонова точно повторить, о чем он мне рассказывал в райкоме». Трифонов говорил о том, что я вмешиваюсь в производственные дела, что подрываю единоначалие, терроризирую работу бухгалтерии, потакаю отсталым настроениям рабочих. Выступали все коммунисты, многие резко, приводили много примеров неправильного поведения Трифонова, и некоторые вносили предложение исключить его из партии. В защиту Трифонова никто не обмолвился ни словом. Записали ему строгий выговор с предупреждением. Он внешне перестроился. Согласовывал со мной даже мелкие вопросы, но ненависть его чувствовалась.

Станислава работала в школе. В ней было всего девять учеников в четырех классах. Заниматься, хотя и с небольшим количеством ребят, по программе четырех классов было тяжело, много времени отнимала подготовка к урокам, изготовление наглядных пособий. Родители были довольны школой. Кроме того, она организовала художественную самодеятельность, ставила спектакли, устраивала концерты. Женщины шли к ней со всякой нуждой и называли ее заместителем замполита.

В партии, и не только в нашей, создались хорошие кадры, окрепли парторганизации, и должность замполитов была упразднена. Мне предложили работать заместителем председателя райисполкома (я был депутатом райсовета и членом райкома), но я решил уехать из Якутии, и мне разрешили.

Тяжелую работу в экспедиции вспоминаю с удовольствием — хороший коллектив рабочих сложился. Была замечательная парторганизация, а с некоторыми коммунистами, по прошествии почти двадцати лет, переписываюсь, и они заезжают ко мне. Особенная дружба установилась с Гоймоном и Дьячковым, а некоторые мои недруги кончили плохо — например, Хватов присвоил казенные деньги.

Енисейск, Салехард, Тюмень

В Якутии, после смерти Миши, у меня осложнилась гипертония и здоровье пошатнулось. Мне назначили персональную пенсию Якутской республики — триста рублей в месяц, по-современному — тридцать рублей. Мы решили переехать в Вильнюс, где Стася уже отделала половину отцовского дома. Проездом из Якутии заехали в Енисейск — навестить родителей. Заболела серьезно мать, и бросить ее мы не могли. Остались в Енисейске. Станислава поехала в Вильнюс и продала нашу квартиру племяннику, он возместил фактические расходы по достройке.

Я жил в Енисейске в начале двадцатых годов, и удивительно: за тридцать лет он не изменился, если не считать нескольких новых улиц, небольших домишек, построенных такими же перебежчиками из деревни, как мой отец. А состав населения обновился, я встретил только одного знакомого старых времен — Степана Накладова. Из его рассказа узнал, что из енисейцев двадцатых годов почти никого не осталось. Не повезло городу, не появилось ни одного значительного предприятия, и люди занимались неизвестно чем, видимо в большинстве были служащими районных организаций.

Жизнь наша в Енисейске была нудная. Летом большую часть времени проводил в палатке, поставленной на сеновале. Много читал. И такая незанятость позволила дважды, с карандашом, прочесть книгу Сергеева «Некапиталистический путь народов Севера» и написать на нее большую рецензию, опубликованную в журнале «Советская этнография».

Пробовал писать и о Ямале, но получилось плохо. Перепечатывая на машинке главу рукописи, Станислава со свойственной ей прямотой сказала, что получилось у меня очень плохо, я забрал писанину и выбросил в печку.

Жили мы со стариками дружно, но из-за разных привычек мешали друг другу. Они рано вставали и, оберегая наш сон, тихо разговаривали, вернее, объяснялись знаками — мать была глухая. Иногда забывали о нас, разговаривали громко и будили, а потом начинали обвинять друг друга, что не дали нам поспать. Надо было думать, как жить отдельно, не стесняя стариков. Мать поправилась, здоровье у них было хорошее, да и деньги, заработанные в геологии, подходили к концу.

Решили ехать в Салехард, к Клавдии, и прощупать возможности поработать. Встретили нас хорошо, даже на пристань подали окружкомовскую машину. Полянская заведовала сельхозотделом окружкома, свела меня с директором сельхозстанции Вершининым, и тот мне предложил поработать младшим научным сотрудником со скорой перспективой стать старшим научным сотрудником — заведующим отделом экономики.

Я, по наивности, считал, что научные работники — способные, хорошо подготовленные люди и что я среди них буду некстати. Быстро убедился, что из тридцати научных работников только трое достойны этого высокого звания, а остальные — сырые, неумные люди, плохо знающие специфику Севера.

Мой начальник — заведующий отделением экономики — оказался стариком, почти не бывавшим в тундре, не знающим производства. Два года он разрабатывал положение «Об оплате труда оленеводов» и его проекты отвергались. Меня подключили к этой работе. Общего языка со стариком не нашел — он переделывал свой проект. Я засел за новый вариант, справился с ним быстро, и его утвердили. Старик поспешил уйти на пенсию. Я стал заведовать отделом.

В то время некоторые южные колхозы перешли на денежную оплату труда, отказались от трудодня. Я предложил применить этот опыт в округе. Заведующий сельхозотделом окружкома партии Межецкий, ставший затем моим лучшим другом, поддержал меня, и у секретаря окружкома Наумова состоялось совещание с моим докладом «О денежной оплате труда в колхозах». Решили проверить эту систему на примере Ярсалинского колхоза имени Ленина. Я со своим помощником, статистиком Демещенко, выехал в колхоз. Проработали там два месяца, пересмотрели нормы выработки, установили расценки в деньгах, общее собрание это утвердило. В других колхозах положительно отнеслись к этой системе. Начали поступать просьбы провести у них такую же работу.

В то время в бюджет станции были включены доходы за оказание помощи колхозам. Отдел экономики получал с колхоза деньги за разработки по переходу на денежную оплату труда. Мы полностью покрывали расходы на содержание отделов. Другие отделы ничего не зарабатывали. Нашим опытом заинтересовались другие северные округа. Мою статью об опыте колхоза имени Ленина перепечатали газеты некоторых национальных округов.

Мою работу, с докладом в НИИ сельского хозяйства Севе-

Министерство Связи СССР

ТЕЛЕГРАММА

ПРИЕМ: 10/8 1956 ПЕРЕ=САЛЕХАРД ТЮМЕНСКОЙ ПЕРМЯКОВА 17 БРОДНЕВУ

Бл. № 87 № связи

Принял: Передал:

ЛЕНИНГРАДА 11/15903 55 10 1708

сл. го ч. м.

Служебн. отметки:

=НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КРАЙНЕГО СЕВЕРА ПОДТВЕРЖДАЕТ ПРИГЛАШЕНИЕ ВАС РАБОТЫ ЗАВЕДУЮЩИМ ОТДЕЛОМ ЭКОНОМИКИ ЯМАЛЬСКОЙ СТАНЦИИ ОПЛАТОЙ ПОДЪЕМНЫХ ПРОЕЗДНЫХ ВАМ СЕМЬЕ ТЧК ДОГОВОРА РАЗРЕШАЮ ЗАКЛЮЧИТЬ ВЕРШИНИНЫМ 550=ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ДЬЯЧЕНКО

гор. Кунгур, типография Молотовского Облполиграфиздата, заказ № 1158—57 г.

*) Цифры, указанные после наименования пункта, куда послана телеграмма, означают: 1) № телеграммы, 2) количество слов, 3) число, когда телеграмма отправлена, и 4) время отправления телеграммы (первые две цифры — часы и следующие две цифры — минуты).

ра, высоко оценили и выдали две тысячи рублей премиальных. Хотя в докладе и сказал, что такую работу может выполнить хороший колхозный счетовод, и вряд ли ее можно считать научной. Со мной не согласились.

Я раньше считал, что научный работник обязательно человек умный, хороший специалист, преданный своему делу, должность научного сотрудника ценил высоко.

На станции и в институте Крайнего Севера в числе научных сотрудников я встречал неумных людей, плохих специалистов, многие ученые звания были получены нечестными путями. Например, работавшая после Вершинина директором Полянская не знала иностранного языка, а он входит в минимум. Поехала в Москву и сговорилась с преподавателем за значительную сумму принять немецкий язык. Он дал ей небольшую статью и ее перевод на русский язык. Она должна была этот текст выучить. На экзамене он дал ей эту статью перевести. Она хорошо это сделала. Говорит, напугалась — ассистент предлагал дать перевод из какой-то другой книги. Абрамчик, пожилой человек, несколько раз не мог ответить на вопросы по диалектическому материализму. Упорно ловил преподавателя и просил переэкзаменовать. Тому, видимо, надоело, и он, ничего не спрашивая у Абрамчика, поставил ему зачет. Востряков — человек умный и добросовестный — написал диссертацию «Упряжь оленей», но ничего нового не предложил и защитил диссертацию по зоотехнии (*так в тексте. — Прим. авт.-сост.*). Бывало и смешнее. Дьяченко, директор института, «изобрел» чум новой конструкции и получил Сталинскую премию, а этот чум оказался громоздким, требовал нескольких часов на сборку, и при испытании пастухи от него отказались.

В общем, я иначе представлял себе научную работу и удивился, сколько там бездельников. Правда и зарплата у не имеющих степени была низкая: младший научный сотрудник получал 80-100 рублей, старший — 100-120 рублей, то есть значительно ниже работающих в совхозах. Хорошие работники-практики не шли в науку, на производстве они получали значительно больше, да и работа была интереснее. Может быть, это исключение, но мне кажется, что научных работников у нас слишком много, а заинтересованность их в серьезных научных открытиях недостаточна. За последние годы правильно, но медленно проводится объединение научных учреждений с производством. На сельхозстанции я работал много и работой был доволен, но не считаю, что занимался наукой: мою работу на станции должны были бы выполнять сельхозотдельские работники.

На сельхозстанции я опубликовал много статей, совместно с Востряковым написал книгу «Оленеводство Ямала». Написал, точнее, закончил книгу о Ямале. Состоялось собрание обкома, на котором решили издать ее к пятидесятилетию Октября, но оно совпало с сорокалетием округа, и ямальцы потребовали издать их сборник. Издавать две книги на одну тему издательство не могло. Мою рукопись вернули. Я ничего не предпринимал и решил, что она, в лучшем случае, будет достоянием музея.

В Тюмень ко мне зашел московский журналист Владимир Станцо. Почитал мою рукопись и увез в Москву — там передал ее издательству «Наука». Издательство включило ее в план, но в меньшем объеме, из двадцати печатных листов мне пришлось сделать вначале двенадцать, а потом — восемь печатных листов. Вероятно, книга выйдет.

Решил старость в Салехарде не проводить: трудно стало колоть

РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ „КРАСНЫЙ СЕВЕР"

Орган Ямало-Ненецкого окружного и городского комитетов КПСС, окружного и городского Советов депутатов трудящихся

Адрес редакции: г. Салехард, ул. Горького д. № 26. Телефон отдела писем 2-19

№ 25 ноября 1970 г.

Здравствуйте, Михаил Митрофанович!

От имени северян шлем Вам горячие поздравления по случаю 40-летия Ямало-Ненецкого нац. округа. Обращаемся с просьбой: ответить на вопросы анкеты „Мы и Ямал"

1. Ваше самое дорогое воспоминание, связанное с Севером?
2. Что бы вы пожелали молодому поколению северян?

Просим, по возможности, скорее.

Зам. редактора Ю. Петрачук.

дрова, обеспечивать себя водой. Решил выехать в Москву или Тюмень. Моссовет отказал в жилплощади, Тюменский горсовет обещал жилье, но три года переносил сроки. Поехал в Тюмень, нашел заделье и попал к первому секретарю обкома Щербине. Рассказал ему о мытарстве с квартирой. К нему зашел Михайлов — председатель облисполкома. Он меня давно знал. Щербина говорит: «Надо Броднева обеспечить квартирой в достраивающемся доме напротив гостиницы», — и записал меня в список. Я считал дело решенным — ведь обещал первый. Устроился в доме отдыха и стал дожидаться окончания строительства дома. Встретил заведующего административным отделом облисполкома, он сказал, что список жильцов этого дома составлен, а меня в нем нет. «Кому же верить, ведь Вы со Щербиной твердо обещали!?» Он объяснил, что приехали профессора, их надо устраивать, и вынуждены были меня исключить. Обещал подумать и сказал, чтобы я пришел завтра. В новый дом переезжал его помощник, и мне предложили его квартиру по улице Горького. Я ее занял, но в ней жила еще одна семья. Михайлов обещал мне через два месяца квартиру по Республике в доме Хлебопродукта. И сдержал слово. Старость провожу в отдельной двухкомнатной квартире, и ею доволен.

Воспоминания современников о М.М. Бродневе

В книге **Георгия Васильевича Метельского** «Лебеди летят на север» (М.: «Мысль». 1964 г. — С. 259) есть такие строки: «Михаил Митрофанович болел, и мы сидели в его маленькой тесной комнате. Последнее время мне часто приходилось бывать здесь, и каждый раз я, покидая эту скромную обитель, уносил в блокноте множество интереснейших сведений, Михаил Митрофанович раздавал их с удивительной щедростью богатого и доброго человека. Так было и на этот раз».

Валентина Александровна Вахнина — известный на Ямале человек, Почетный гражданин округа. Сразу после окончания Салехардского зооветтехникума 44 года работала в Ямальском районе, возглавляла совхоз «Россия». **Валентина Александровна Вахнина:** «Я Михаила Митрофановича случайно, два или три раза, видела. Это был высокий, такой костлявый старик. В то время он мне казался старик, мне-то тогда двадцать лет было. У него были как-то покалечены ноги. Он очень трудно ходил. Вот такое впечатление осталось. Мы, конечно, не общались, я тогда была соплюшка, а он — заслуженный человек. В основном-то я его знаю по отзывам ненецкого населения. Поскольку я, как приехала в 53-м году и почти двадцать лет каслала с оленеводами, знаю их обычаи.

В совершенстве знаю ненецкую разговорную речь. Пыталась тогда что-то узнать новое. Хотя мне очень с неохотой рассказывали про мандалу, они очень неохотно про это рассказывают. Но потом, когда они ко мне прониклись уважением, они вообще уважают, когда их язык знаешь хорошо, поэтому они мне много рассказывали. Я старалась узнать обычаи, как раньше жили, куда каслали, как коллективизация проходила. Тоже много там было дров наломано и много судеб было перемолото. Но вот что надо отметить, что ненцы всегда отмечали доброту Броднева.

Дело-то в том, что он занимался Ямальской культбазой. Он же был организатором. Он очень тесно общался с ненецким населением. И старики его помнят. Тоже тогда дров было наломано, часто бездумно делалось. Когда начали оленей объединять, забирать всех, он очень к этому осторожно относился. И они поняли, что он не все одобрял. Говорил, что в тундре ненец без оленей это не ненец, что и дети должны приучаться. Потом он очень осторожно относился, когда было массовое переселение, что всех надо в поселки. Я не знаю четко, но мне кажется, он из-за этого-то и пострадал.

Ну, ненцы есть ненцы. Там поехал в поселок... такие случаи были, что с упряжки оленей забил, пропил и приехал. Тоже всякие люди есть. Кто-то там сказал, кто-то донес. Их брали. Ненцы тоже были на 501-й стройке. Он добился тогда через Косыгина, я уж не знаю каким образом. Это, конечно, не ненцы рассказывали, что добился-то он, что их сразу всех отпустили. Была оттуда телеграмма, из Москвы, видимо, и все возвратились. Больше таких дел не заводили. Вот я когда работала, даже никогда таких случаев не было. Пропьет ненец на фактории совхозного быка, с него высчитают 46 рублей, столько стоил тогда олень. И все дела. Это корни той работы, которую начал проводить Броднев. Видимо, он был в этом отношении человечный. Он понимал, что людей из первобытного строя перетащили в социализм сразу. Они много не понимали, но он их понимал, видимо, от и до. Поэтому вот так к ним относился — милостиво что ли, прощал им. Вот про эту человечность ненцы много рассказывали. Я по этим рассказам и сужу.

Он знал их обычаи и традиции, а главное, — понимал. Потом они отзываются тепло, что он никогда не лез в многоженство. Я, прожив столько лет, тоже понимаю, что там иначе нельзя. Они бы не выжили, потому что это суровые условия. Если жена старая или больная, много детей, каслать, семью обшивать, чум собирать, эти дрова зимой копать из-под снега, эти прутики. Волей-неволей, чтобы семью сохранить, надо брать вторую жену. И эти обычаи нам кажутся несуразными, а они продиктованы жизнью. Иначе бы они не выжили, потому что такие обычаи. И в этом двоеженстве ничего страшного нет. Это все направлено на сохранение семьи. Это можно понять. Это не какая-то там прихоть. Взять тех же оленей. Женщина останется в тундре без мужчи-

ны — на оленей сразу же найдутся хозяева. Поэтому младший брат брал и женился на жене умершего старшего брата, хотя мог оказаться лет на двадцать моложе, а жена уже в возрасте, все равно он был обязан жениться на ней, чтобы сохранить семью, оленей. А потом она даже сама подыскивала ему невесту. В других народностях этого нет. А это жизнь заставила их так делать.

Он к этому относился с пониманием. Тогда этого никто не понимал. Вот тундровики за эти вот вещи его добром вспоминали. Такими человечными качествами, видимо, и отличался Броднев. Я говорю, что видела его раза два-три мельком где-то в кабинетах, но много про него знаю из рассказов тундровых ненцев, стариков. У него была кличка «сава луца» — «хороший русский». Вот дали же они ему такое прозвище. Видимо, это был очень мудрый от природы человек».

В книге **«Край земли, устремленный в будущее»,** посвященной 75-летию Ямальского района (Яр-Сале; СПб., 2005 г. — С. 78), написано про М.М. Броднева: «Это был самоотверженный, отдававший все свои знания, силы, организаторские способности делу процветания нашего округа человек. Именно после знаменитой «мандалы» 1944 года (*выступления кочевников-оленеводов против политики советской власти в тундре. — Прим. авт.-сост.*), выступая на пленуме Омского обкома ВКП(б), сказал, что были перегибы в тундре и необходимо часть оленьего общественного поголовья раздать ненецким беднякам, чтобы они не умерли с голоду». (*В то время округ входил в состав Омской области. — Прим. авт.-сост.*). Для выступления такого рода, да еще на пленуме обкома партии, требовалось большое мужество, тем более ему — хотя и реабилитированному, но «врагу народа». Но он слишком хорошо знал жизнь тундрового народа, чтобы промолчать и не высказать своего мнения.

Юрий Георгиевич Кеерт, приехал в Яр-Сале после окончания Ленинградского ветеринарного института в 1956 году и с тех пор живет на севере. Был главным ветврачом Ямальского района, много кочевал с оленеводами по тундре, так что хорошо знает их традиции и обычаи. Имеет звание — «Заслуженный ветеринарный врач РФ». Юрию Георгиевичу приходилось встречаться по работе с Михаилом Митрофановичем, когда тот работал сотрудником Ямальской сельскохозопытной станции. Юрий Георгиевич Кеерт: «Тогда я работал в совхозе «Ярсалинский» ветврачом. Михаил Митрофанович приезжал к нам в Яр-Сале вместе с Романом Сафралеевым, который работал в Тобольском зверосовхозе. Они приезжали для передачи опыта работы Тобольского зверосовхоза. Это был где-то 67-й, потому что в 68-м году я перешел на работу в ветеринарную станцию. У нас был звероолененводческий совхоз. У нас поначалу были лисы. С ними было очень трудно работать. Я помню первые методы,

когда мы утепляли домики. Специальные были подогревы. Приплод был очень низкий, самое большее — три, три с половиной. Четыре — это был потолок. Это было при колхозе и при начале совхоза. И потом, как только организовался совхоз, все лисы были забиты, и мы перешли на песца. Причем, на кольского песца, который более устойчивый, неприхотливый, мало болеет, хорошо питается, ест все подряд, что у нас есть. Лисы все-таки были немножко привилегированными, им нужно было разные крупы закупать и прочее там.

Но все равно было много вопросов, и они нам очень помогли. Сразу было видно, что Михаил Митрофанович человек уже испытанный и жизнью, и севером, очень понимающий обстановку. И с ним было просто говорить. Он сразу понимал суть вопроса, и очень конкретно, жизненно, практично давал советы, как нужно сделать то-то и то-то. Причем, чувствовалось — за ним стоит большой опыт руководящего работника, который своими руками многое сделал.

Правда, я тогда не знал еще, сколько у него чего написано. Собственно, и сейчас-то не очень найдешь это. Только публикации в журналах салехардских. В «Красном Севере» я о нем читал всегда. Кстати, его статьи лежат у меня в архивах. Он по оленеводству очень интересно писал. Конкретно. Причем неоднократно предупреждал о содержании оленей и количестве оленей по пастбищам, чтобы не было перевыпаса. Он говорил всегда, что угрожаемый участок — это район Тамбейской и Сеяхинской тундры, где олени пропадали из-за того, что гололед и бескормица.

Я знал, что в свое время Михаил Митрофанович руководил Ямальской культбазой. Я интересуюсь историей района, и мне было очень любопытно поговорить с ним. Михаил Митрофанович был уже в возрасте. С ним так интересно было беседовать. Единственное — опять как всегда, тогда не хватало времени. Только размахнулся на большие разговоры, а тут пришлось ехать на кораль в тундру. А так мы периодически просто встречались.

Когда встал вопрос о том, что издается книга по ветеринарии округа, я как раз об этом и писал — история Яр-Сале и ветеринарной службы Ямальского района — и о нем как раз упоминал, что он здесь строил культбазу и что эта культбаза дала району.

Я был хорошо знаком с его дочерью, Татьяной Михайловной, и ее мужем — Валентином Матвеевичем Алехановым. Она тогда была директором школы, а он — директором совхоза «Россия». Когда работал главным врачом района, постоянно бывал в Панаевске. Звероферма, вопросы оленеводства. Причем я тридцать лет был депутатом районного Совета. Был председателем постоянной комиссии сначала по транспорту, связи, промышленности, потом — по сельскому хозяйству. Вот эти вопросы все приходилось приводить в жизнь и решать на местах непосредственно. Поэтому с Алехановым у нас была буквально такая сцепка крепкая. Когда он приез-

жал в Яр-Сале, всегда отдыхал в нашем доме, а мы, соответственно, — у них в Панаевске. Они были очень гостеприимны».

Ольга Ивановна Неелова — старожил города Салехарда, училась вместе с сыном М.М. Броднева: «Я училась с его сыном, Михаилом, в пятом-шестом классах. Такой хороший был парень, скромный. И всегда мы вечерами после уроков собирались, читали книгу «Повесть о настоящем человеке». Потом над книгой-то работали. Так здорово было. В школе останемся в первой, технички гоняют нас. Ну а мы: «Мы вот сейчас уйдем, уйдем». Так охота было узнать продолжение повести, а дальше как будет с Мересьевым. Когда собирались, все мы пели «Снова замерло все до рассвета». И Миша был вместе с нами. А Валентин Алеханов и Таня Броднева были такой красивой парой. Все ими любовались. Вообще тогда в первой школе и самодеятельность, и духовой, и все-все было. Как сейчас помню, в пьесе они играли — она называлась «Старые друзья». Мы-то малыши считались, нас не пускали, так мы, крадучись, залезли куда-то и смотрели.

Хочу еще о Станиславе Ивановне сказать — жене Броднева. Моя бабушка, Девятникова Степанида Ивановна, прожила 82 года. Она такая активная была, в лавочной комиссии, везде-везде участвовала. Бабушка растила двоих внуков. И она все время посылала этих девчонок, напишет записку: «Сходите к Станиславе Бродневой. Она что-нибудь даст». Война что ли была, по-моему, да все равно — трудное время-то было. Я говорю: «Бабушка, почему ты всегда к ней посылаешь. Нехорошо, наверно, она же такой начальник». Она отвечает: «Станислава очень хороший, отзывчивый человек. Она много горя видела, она всегда поможет». Что уж она там давала, я не видела. Видать, продукты или что-то. И как чуть маленько — «Надо вот к Станиславе Бродневой — она поможет». Еще Клавдия была — жена брата Броднева. Она была очень хороший врач-гинеколог. Это она уговорила меня сохранить сына, а у меня тогда старшему Юре было четыре года, и дочке год с небольшим. Я собралась что-нибудь сделать. Она говорит: «Сейчас такое время — посадят. Все — на учет ставлю. Ты всю жизнь будешь ему благодарна — у тебя сын родится». И правда, прямо вот как в сказке. Ему сейчас уже 50 лет. Для матери — все маленький. Очень я ей благодарна».

Екатерина Светозаровна Абычева родилась в 1920 году, вся ее трудовая биография связана с нашим округом: «Много сказать-то о Михаиле Митрофановиче не могу, потому что я еще только-только начинала работать в судебных органах с 42-го года. В 45-м году меня назначили судьей в Ныду, там работала три года. Потом — девять лет в Яр-Сале. Часто приходилось приезжать в Салехард на совещания, на конференции, там-то я видела Михаила Митрофановича. Но каких-то контактов у нас не было. Все вопросы с окриспол-

комом решал председатель окружного суда.

Это был высокий, симпатичный человек, прихрамывал на одну ногу. Жил он, где стоял старый Госбанк, улица Республики, а напротив был дом малютки. Там стоял обыкновенный деревянный домик, две комнатки небольшие, кухонька, прихожая. Тут и жил наш председатель окрисполкома, Броднев Михаил Митрофанович. Все говорили: «Домик Броднева». Жил в таких условиях, как и все: вода в бочках, дрова и все как обычно. Очень хороший человек, душевный, старательный. Старался все для округа делать. Когда я приехала в Яр-Сале, несколько раз слышала от работников райисполкома, как Броднев определял место будущего строительства для административного здания. А поселок Яр-Сале стоит на мысочке. Рассказывали, как приехали летом на катере, пошли осматривать места. Броднев обошел это сухой мысочек, снял шапку, бросил под ноги и говорит: «Вот здесь стройте административный центр». Вот это я много раз слышала от работников райисполкома. И тут, на этом месте, построили административное здание, двухэтажное, деревянное, а рядышком — здание для жилья. Вот такие дела. Слышала о нем только хорошие отзывы: прекрасный, душевный, порядочный человек».

Маргарита Ефимовна Ермакова, родилась в Обдорске, недавно отметила 80-летний юбилей, Почетный гражданин города Салехарда: «Знаете, время было военное, суровое: после семи классов многие пошли работать, в том числе и я. Меня пригласила заведующая общим отделом окрисполкома Августа Самуиловна Протопопова — известная фамилия здесь. Родители наши рядом жили. Она говорит: «Ты хорошо бегаешь, давай иди тогда работать, разноси бумажки». Машин же не было, все пешком. Правда, была кошевка, запряженная лошадью, но это был личный транспорт Броднева. В то время было очень много тревожных телеграмм из районных поселков. Это было осенью 1943 года. Шел завоз товаров в северные районы округа. Грузы приходили в Салехард, потом их перегружали в лихтера. Все трудоспособное население и мы — подростки — участвовали в загрузке лихтеров. Потом их отправляли на Север. И порой эти товары не доходили до поселков. Тогда почему-то много штормов было. Все разбивалось, тонули люди, тонули стройматериалы, тонуло все. Днями и ночами Михаил Митрофанович не уходил с работы, да и заместители тоже — Кузнецов, Щепкин. Тогда аппарат-то небольшой был, не так уж много людей. Примерно человек 15 работали всего. И на радиостанцию рыбозавода часто приходили тревожные телеграммы за телеграммами, раза два-три в день мне приходилось бегать туда-сюда. Мне выдали кирзовые сапоги — грязно же, асфальта и в помине не было. Моста через Шайтанку тогда не было, просто постелены досочки через няшу — по этим досочкам, где ползком, где как. Тогда уже перед снегом дело было, вообще скользко.

Михаилу Митрофановичу досталось это тяжкое время. Не было топлива в городе, вообще, положение было ужасное. Возвращались уже некоторые фронтовики раненые, с возмущением — семья голодная, холодная. Все претензии к председателю. Вы знаете, он по характеру был человек такой спокойный, но в то же время требовательный. Потом меня перевели в секретари. Три года я работала у него секретарем. Он очень хорошо владел ненецким языком. Спокойно, свободно разговаривал. И было такое положение в аппарате, что все работники, кто ездит в командировки, должны знать ненецкий язык. Он чень уважал ненцев. Заметно было. Вот придет ненец какой-нибудь. Говорят, приехали из района. Он: «Давай, давай, давай». И сам уже идет навстречу и разговаривает по-ненецки. Простые оленеводы, охотники, рыбаки. Никакой не было записи. Заходили и все. Это общение с людьми. Народ-то его за это и любил, особенно коренные жители. Все шли: ханты, ненцы, зыряне — все к нему шли. Все с просьбами — кто откуда, с поселков.

В городе его все уважали. Как человека, я его вспоминаю с большой благодарностью. Нормальный, спокойный, вежливый, знающий, очень умный человек».

Новомир Борисович Патрикеев, автор нескольких книг по истории нашего округа. Именем его отца, Бориса Кирилловича Патрикеева, и деда, Кузьмы Кирилловича Пермякова, названы улицы в Салехарде. Новомир Борисович Патрикеев: «Первая картинка, связанная с ним, была такая трагическая, драматическая. В принципе, я его не знал тогда, поскольку он жил в Яр-Сале. Разговоры у нас в семье о нем не велись еще в то время. Мы с ребятишками играли около городского сада в Салехарде. Вдруг, смотрим, процессия идет. Впереди милиционер с винтовкой, с боков двое милиционеров с винтовками. В общем, конвоировали человека пять человек. И среди них хромой человек, который припадал на одну ногу. И его провели на пристань под такой усиленной охраной одного. Это был Михаил Митрофанович Броднев.

Если говорить еще о событиях, связанных с его репрессированием, то в начале 60-х годов мне пришлось работать в Тарко-Сале директором совхоза, а по соседству, в Самбурге, директором совхоза был Николай Иванович Вануйто. Я писал о нем, как о первом комсомольце. И он как-то мне рассказал, когда я спрашивал его о репрессиях, тогда еще писать нельзя было об этом, как, что, почему. «Меня спас Броднев. Мы сидели вместе в Омске». Где-то они были на пересылке. Он выбросил какую-то записку через забор. Видимо, у него где-то в Москве, где он раньше работал, были связи. В общем, их вместе с Вануйто выпустили — реабилитировали.

А познакомился я с ним так. Где-то в начале войны эвакуировали сюда его родственников. Это жена брата — Клавдия Ивановна Броднева знаменитый гинеколог, заслуженный врач. Сын ее — Женька, племянник Михаила Митрофанови-

ча, учился с нами в одном классе. Мишка — второй ее сын был еще маленький. Таня — дочь, была старше нас. Мы стали общаться, дружить, ходить друг к другу, играть вместе и прочее. Я уже его стал знать ближе.

И еще одна картинка, непосредственно связанная с ним. 31-го января 1943 года я никогда не забуду. Был слет отличников города, школьников. Я учился в четвертом классе в 43-м году. Слет этот был в педучилище, напротив первой школы в каком-то большом зале (*сейчас этого здания нет. — Прим. авт.-сост.*). Были поставлены стаканы чая, такого жиденького. У каждого на блюдечке лежала булочка и ватрушка с брусникой. И эта булочка была нам самым лучшим подарком. Я помню, булочку я слопал сам, а ватрушку брату Вове принес домой. И вот там нас поздравляли. Михаил Митрофанович вел этот слет. Мы были младшеклассниками, пацанва, но тоже старались что-то делать. Мы доложили о своих делах. Например, летом дергали гвозди из заборов — В то время это был острый дефицит. Надо было их выпрямлять. Потом паклю какую-то собирали, всякие кули рогожные, и из них вили веревку. Рассказывали ему, что ловили ершей. Был кружок юного рыбака при Доме пионеров. У нас там были отдельные асы, которые по 450 ершей за ночь ловили на Полуе, тут же их сдавали в рыбоприемный пункт. Я сейчас вспоминаю, что у нас был какой-то старик — руководитель кружка. Он учил нас делать крючки из гвоздей. Расплющивали у тонкого гвоздя острие, затачивали крючочек — это жало, а там же гвоздик можно было обмотать, привязать за шляпку. И еще делали крючки из иголок. Мы их нагревали, чтобы они были мягкими и гнулись. Леска продевалась в ушко. На поля оптыной станции ходили, пололи грядки, с капусты снимали гусениц, капустных мух.

Он поблагодарил нас теплыми словами. Говорил, чтобы мы учились хорошо, помогали взрослым, вносили свой вклад в победу над врагом. И вручил нам книги. Мне досталась книга «Железный поток» Серафимовича с надписью — такому-то. Книга для моего возраста серьезная, но я с удовольствием ее прочитал. И долго она у меня хранилась.

Потом он стал председателем окрисполкома. Когда отец приехал в 45-м году с фронта, он работал под началом Михаила Митрофановича. Он был сначала начальником сельхозуправления, потом стал завсельхозотдела окружкома партии.

А в 50-м году — я как раз уехал учиться в академию — отец приехал в Москву с Орденом Трудового Красного Знамени. Это вручили им награды к юбилею округа. Рассказал, что первому секретарю окружкома партии Малиновскому дали Орден Ленина. Он лет пять тоже проработал после войны. Это был мужественный человек, офицер, майор, жесткий очень. После ухода Броднева приехал Ершов, стал председателем окрисполкома. Ему тоже вручили Орден Ленина. А Бродневу дали всего лишь Знак Почета. Женька Броднев потом рассказывал, что Михаил Митро-

фанович интересную телеграмму прислал — «благодарю за награду, сообщите, за что наградили». Несправедливо, конечно, с ним обошлись.

А с Женькой Бродневым тоже вышла история. Он единственный из нашего выпуска получил серебряную медаль. Потом была такая бюрократия, что он не мог получить медаль и аттестат — тогда документы в Тюмень отправляли. И первый год не учился. Он приехал только в 51-м году поступать. И мы там вместе дружили. Он окончил Баумановский институт.

Когда я вернулся в округ после учебы, Броднев уже работал на сельхозопытной станции. Мы работали в одном коллективе, были в одной парторганизации несколько лет. И он все это время занимался книгой «Оленеводство Ямала». Там фамилия, конечно, Вострякова подписана — директора станции, кандидата наук. Но все экономические подсчеты, выкладки, предложения — это, в общем-то, все Броднева.

Михаил Митрофанович очень много заботился об аборигенах. Взять хотя бы такой пример. До 50-го года ненцы рыбачили в кисах и каких-то кожаных броднях. А вот он и депутат Верховного Совета Вэлла добились, что в 50-м году стали впервые сюда поступать длинные резиновые сапоги.

Еще такой штрих. В каком году — я не помню, в Тамбее был мор оленей, и ненцы не могли кочевать. Когда это случилось, он поехал в Москву просить помощь. Тогда же стояли батарейные приемники «Родина» в кабинетах у начальства, и очень многие, в том числе мой отец, слышали, как «Голос Америки» передавал, что вчера губернатор провинции «Ямал», господин Броднев, срочно вылетел в Москву для решения вопросов, связанных с ненцами. Он с Косыгиным был в деловых отношениях и через него решал многие вопросы.

Много хорошего он сделал для округа.

О его жене Станиславе Ивановне Бродневой я писал в книге «Пламя погасших костров» (*Тюмень: ВекторБук, 1998. С. 56—57. — Прим. авт.-сост.*). Это об истории детского движения на Севере. Приведу отрывок из книги: «Ямальская культбаза строилась с августа 1932 года по 1 января 1934 года, но 1932—1933 учебный год, хотя и с большим опозданием, был начат. Училось всего шесть ненецких мальчиков. Чтобы привлечь в интернат больше детей кочевников, 23 января 1933 года культбазовская газета «Красная тундра» напечатала письмо воспитанников школы: «Мы, ребята туземной тундры, шлем вам привет. Мы уже три месяца учимся в школе. Мы научились писать буквы, писать цифры, прибавлять и отнимать. Мы каждый день моем руки и лицо с мылом. Мы уже получили новые рубашки, штаны, пиджаки, шапки. У нас есть мясо, рыба, булки. Крендели, масло, идите к нам учиться, здесь хорошо. Мы вас ждем».

Все это было, как была и мастерская для трудового обучения

столярному делу, шитью. Дети учились играть в шахматы, шашки, биллиард, занимались в струнном оркестре. Под руководством воспитателя Станиславы Ивановны Станкевич играли в пьесах на ненецком языке.

В следующем учебном году в школе было 52 ученика. 10 октября 1933 года появился первый пионерский отряд. Организовала его пионерский работник культбазы Евдокия Георгиевна Воробьева. В ноябре 1934 года в отряде уже 14 пионеров.

Здесь не старались изолировать учащихся от родителей, от тундры, от традиционных занятий. Дети учились плести рыболовные сети, выходили на охоту — ставили петли на куропаток, капканы на песцов. И этим предвосхитили на многие годы понимание того, что воспитывать и обучать детей тайги и тундры необходимо в гармонии с духом и жизнью своего народа, без отрыва от вековых верований и занятий, языка, культуры.

В начале 1935 года на культбазе был произведен уникальный учебно-воспитательный эксперимент, к сожалению, не нашедший не только продолжения, но даже простого повторения в будущем. С 22 января по 20 февраля восемь учеников вместе с учительницей С. И. Станкевич проходили практику на стойбище бригад простейших производственных объединений «Харп» (Северное сияние) и «Пятилетка».

Дети с удовольствием выходили с пастухами на охрану стада, ловили и запрягали оленей, ездили на них в тундру ловить песцов. Занимались и общественной работой: распространили на 70 рублей облигаций государственного займа, выпустили стенгазету, рассказали о лучших оленеводах, рыбаках и охотниках района, провели десять занятий по ликвидации неграмотности и два собрания женщин. Вечерами из чума в чум переносили привезенные с собой патефон и балалайку, развлекая тундровиков музыкой.

Большое место занимала пропаганда здорового быта. Прошел конкурс на лучший по чистоте чум. Вася Тадибе выкупал в подшефном чуме ребенка и научил этой процедуре мать малыша. Сеня Серасхов показал подшефной женщине, как правильно мыть посуду и стирать белье.

Прощальным вечером у большого пионерского костра состоялось общее собрание жителей стойбища. Юные ленинцы рассказали о своих отрядных делах, символике и атрибутике. Тундровики поблагодарили детей и пригласили приезжать чаще.

На следующих год число воспитанников интерната увеличилось. В школе было 29 пионеров, 11 октябрят и три комсомольца. Летом 1936 года при культбазе организовали пионерский лагерь, где отдыхало 40 детей, в том числе 23 из коренных национальностей.

Работа культбазы среди детей тундровиков получила высокую оценку. По постановлению объединенного юбилейного пленума Ямало-Ненецкого окружкома партии и окрисполкома, посвященного пятилетию округа (тогда отчет вели с 1931 года — времени на-

чала работы оргбюро), в числе активных участников и энтузиастов социалистической реконструкции Севера Почетной грамотой и именными часами была награждена преподаватель Ярсалинской школы-интерната С. И. Станкевич — «за исключительное внимание и любовь к делу образования и воспитания детей коренного населения, за образцовые показатели воспитательной работы в интернате».

Дочь и внучка

Мне кажется, что книга будет неполной, если не рассказать о встрече с дочерью М.М. Броднева, Т.М. Бродневой, и внучкой — Ириной Валентиновной. Татьяна Михайловна вместе с мужем Валентином Матвеевичем Алехановым тоже оставили добрую память о своем пребывании на Ямале. С Т.М. Бродневой меня познакомила Валентина Александровна Вахнина, которая знает про всех бывших ямальцев, живущих сейчас в Тюмени. Там существуют даже свои землячества. Одно из них — «Ямал» — объединяет переселившихся на юг из Ямальского, Шурышкарского и Приуральского районов. Вся трудовая биография В.А. Вахниной связана с полуостровом Ямал, на пенсию она уходила с поста директора совхоза «Россия». А первым его директором был В.М. Алеханов. Впрочем, все по порядку.

Итак, декабрь 2005-й года, Тюмень. Мы сидим с Татьяной Михайловной в небольшой двухкомнатной квартире, где она живет вместе с сыном Сергеем. Он — врач-терапевт, работает в седьмой поликлинике. Мы перебираем документы, рассматриваем старые фотографии и ведем неторопливую беседу. Чуть позднее к нам присоединилась ее дочь — Ирина Валентиновна. Кстати, она моя коллега — трудится в Тюменском областном краеведческом музее.

Прошу рассказать Татьяну Михайловну о себе и о родителях.

— Что я могу сказать. Оказывается, это не так просто... Пожалуй, начну с самого раннего детства, с того момента, как начала себя помнить и воспринимать окружающее.

Мои родители: Бродневы Михаил Митрофанович и Татьяна Тимофеевна. Их дороги пересеклись в Новосибирске. В 1930 году у них родилась девочка, и в честь жены папа назвал ее Татьяной. А спустя четыре года, когда они уже жили в Москве, родился мальчик, мама дала ему имя Михаил. Так в нашей семье оказалось на четверых два имени Татьяна и Михаил.

Сведения о служебных перемещениях папы вы можете найти в его воспоминаниях. Насчет мамы хочу сказать, что она была по-настоящему высокообразованным, интеллигентным человеком, прекрасно знала литературу, историю, знала и любила театр. Трудно представить, что девочка из рабочей семьи, из города Сергача Горьковской области, с девяти лет работавшая на черной работе в швейной мастерской, без школьной подготовки сумела преодолеть элементарную грамоту и пройти общеобразовательный курс до аспирантуры. Она с 17-ти лет была членом ВКП(б).

Выписка из трудовой книжки Т.Т. Бродневой:

1.V.1924 — Учеба в Ленинградском Коммунистическом университете.

15.XI.1927 — Зав. краевыми батрацкими курсами.

1.IX.1928 — Работала преподавателем обществоведения в школе № 3 им. Октября.

5.I.1929 — Работала преподавателем 8-9 классов по обществоведению Советской школы им. Луначарского.

15.II.1931 — Зав. курсами по подготовке в Вузы и в Тузы Новосибирского комбината рабочего образования.

1.IX.1931 — Обучалась в Московской аспирантуре, отделение истории.
1.II.1933 — Работала преподавателем истории в Московском кожтехникуме.

Как видно из трудовой книжки, в 1931 году супруги Бродневы уже живут и работают в Москве.

— В Москве наша жизнь была, по-моему, спокойной. Родители находили время заниматься нами. Мама ночами шила нарядные платьица (днем не было времени), я им всегда радовалась, хотя чаще всего они перешивались или из папиной рубашки, или из какой-то ее одежды. Особенно нравилось то, что было переделано из папиных вещей. Я как-то прониклась причастностью к его «важным делам». А что дела у папы важные, мне почему-то было известно.

И вот мы куда-то стали собираться, складывать вещи. Мама отложила то, что было необходимо обязательно забрать с собой, но среди них не было старых, милых сердцу ребенка, игрушек. Я помню, как мы с папой потихоньку от мамы засовывали в тюки и ящики наши игрушки.

Шел 1935-й год, мне было пять лет, Мишеньке — годик. Мы приехали в совершенно непохожее, непривычное мне место. Огромное впечатление произвело на меня наличие собак. Их было очень много, странно много. Ребенка, прожившего свою коротенькую жизнь в крупном городе, это буквально потрясло. Оказалось, что собачки, в основном, незлые. А когда у нас появились большая мохнатая собака по кличке Мишка и ненецкая собака Ямал, я была в восторге. И вот тут я немножко забегу вперед. Когда папа вернулся через два года из Омской тюрьмы в Салехард, то прямо ему на плечи бросилась собака. Это оказался Ямал. Он за кем-то пришел из Яр-Сале в Салехард и нашел тетю Стасю (папа тогда уже жил

Справка об отмене постановления по административной ссылке Т.Т. Бродневой

СССР

Управление Комитета государственной безопасности при Совете Министров Союза ССР по городу МОСКВЕ

15. Февраля 1961 г.
№ 6/1412
г. Москва

СПРАВКА

Выдана в том, что Постановление Управления НКВД по Московской области от 9-го августа 1937 года, по которому была административно выслана из города Москвы гр-ка БРОДНЕВА Татьяна Тимофеевна, 1900 года рождения, отменено 4 февраля 1961 года Постановлением Управления КГБ при СМ СССР по городу Москве.

На день административной высылки БРОДНЕВА Т.Т. проживала в городе Москве, Краснопрудная улица, дом № 8, кв.23.

Совместно с ней по указанному адресу проживали дети: дочь - БРОДНЕВА Татьяна Михайловна, 7 лет; сын - БРОДНЕВ Михаил Михайлович, 3-х лет.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА УПРАВЛЕНИЯ КГБ при СМ СССР по городу МОСКВЕ - ФАДЕЕВ

с ней). Папу в 1937 году, незадолго до ареста, перевели на работу в Салехард. Когда папа приехал, Ямал его сразу же узнал. Вот какая у меня была собака! Поэтому у меня к собакам всегда хорошие чувства.

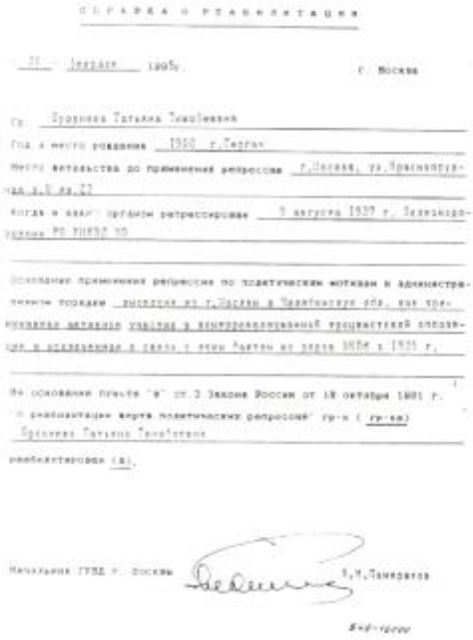
Это был поселок Яр-Сале, куда папу направили заведующим культбазой, а маму назначили заведующей школой (*из трудовой книжки: 1.IX.1934г. — работала Зав. ненецкой школой пос. Яр-Сале Салехардского округа. — Прим. авт.-сост.*). Мне было нетрудно привыкнуть к новому месту. Люди там были какие-то другие. Меня брали в соседние дома, я могла сама куда-то пойти. Часто угощали. Особенно мне нравилась морошка.

А потом началось что-то странное, мне совершенно непонятное. Мама и папа стали какими-то другими, в основном, молчали. Мама перестала петь. Она всегда напевала, выполняя домашнюю работу.

Хорошо, что на культбазу папа пригласил мужа моей тети, маминой сестры — Агриппины Тимофеевны. Иван Николаевич Попов, прирожденный хозяйственник (какую должность он занимал, я не знаю), приехал с женой и младшей дочкой Наташей — моей ровесницей. Мы с ней были очень дружны. До сих пор эти отношения сохранились. У нее я не чувствовала перемен в нашей семье.

В 1937 году мама со мной и братом поехала в Москву в отпуск. Там у родителей оставалась забронированная квартира. Но, вместо отдыха в приличных условиях, нам пришлось ехать на Южный Урал, в Челябинскую область. Маму, как троцкистску, выслали на три года, которые растянулись до 1955-го.

В справке о реабилитации, выданной 20 февраля 1995 года начальником ГУВД г. Москвы В.И. Панкратовым, говорится, что Броднева Татьяна Тимофеевна ре-



СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ

20 февраля 1995г. г. Москва

Гр. Броднева Татьяна Тимофеевна

Год и место рождения 1900 г. Тюрган

Место жительства до применения репрессии г. Москва, ул. Краснопрудная д.8 кв.23

Когда и каким органом репрессирован 9 августа 1937 г. Железнодорожным РО УНКВД МО

Основание применения репрессии по политическим мотивам в административном порядке выселена из г. Москвы в Челябинскую обл., как принимавшая активное участие в контрреволюционной троцкистской оппозиции и осужденная в связи с этим Фактом из рядов ВКПМ в 1935 г.

На основании пункта "в" ст.3 Закона России от 18 октября 1991 г. "О реабилитации жертв политических репрессий" гр-н (гр-ка) Броднева Татьяна Тимофеевна реабилитирован (а).

Начальник ГУВД г. Москвы В.И.Панкратов

СПРАВКА О РЕАБИЛИТАЦИИ № 85/8-5/96

15 марта 1996г. г. Москва

Гр. Броднева Татьяна Михайловна

Год и место рождения 1930 г. Новосибирск

Место жительства до применения репрессии г. Москва ул. Краснопрудная д.8 кв.23

Когда и каким органом репрессирован 9 августа 1937 г. Железнодорожным РО УНКВД МО

Основание применения репрессии по политическим мотивам в административном порядке выселена из г. Москвы в Челябинскую обл., в связи с тем, что не мать - Броднева Т.Т. принимала активное участие в контрреволюционной троцкистской оппозиции.

На основании пункта "в" ст.3 Закона России от 18 октября 1991 г. "О реабилитации жертв политических репрессий" (гр-на) Броднева Татьяна Михайловна реабилитирован (а).

Начальник ГУВД г. Москвы В.И.Кудинов

Справки о реабилитации Т.Т. Бродневой и Т.М. Бродневой

прессирована 9 августа 1937 года Железнодорожным РО УНКВД МО по политическим мотивам, в административном порядке выселена из Москвы в Челябинскую область, как принимавшая активное участие в контрреволюционной троцкистской оппозиции и исключенная в связи с этим фактом из рядов ВКП(б) в 1935 году. Видимо в связи с предъявленным обвинением в Личном листке по учету кадров, заполненном Татьяной Тимофеевной 26 августа 1948 году, в графе 14, в которой нужно было ответить на вопрос «Были ли колебания в проведении линии партии и участвовали ли в оппозициях (каких и когда)», написано: «Участвовала в оппозиции во время дискуссии, в 1925 г. В Ленинграде».

В личном архиве Татьяны Михайловны Бродневой хранится справка о реабилитации, в которой сказано, что она «выселена из Москвы в Челябинскую область в связи с тем, что ее мать, Броднева Т.Т., принимала активное участие в контрреволюционной троцкистской оппозиции». Мне пришлось уже прочитать не один такой документ и всегда вызывало удивление — причем тут дети. Так и в этом случае. Маленькой Тане семь лет, Мише три года, а они уже репрессированы! Понимаю, что родители не бросят своих детей и возьмут с собой, но почему малыши-то должны считаться «врагами народа»? Этого я не могу понять. Но такие были времена, и не дай Бог, чтобы они повторились.

— Папа приехал в Москву, проводил нас. Я помню, как мы ехали на поезде. Мама взяла с собой швейную машинку, еще какие-то тяжелые вещи. Она все время плакала. Папа проводил нас, кажется, до Челябинска. Когда поезд тронулся, мы закричали в окно: «Привези нам Мишку и Ямала! Собак привези!» Миша пла-

Урок ботаники в 5 классе. Учитель Т.М. Броднева

кал: папа случайно захватил испанку. Тогда почти все мальчишки носили шапочки типа пилотки — испанками назывались. В то время в Испании шла война. И они были очень популярными, эти шапочки.

Жизни в деревне мы с Мишей были рады: свобода, бегай, где хочешь, лес рядом. Красота!

Мама год работала в колхозе, а потом взяли ее в восьмилетнюю школу преподавать русский язык и литературу. Ее специальность история, но, видимо, ссыльной не доверили. Когда началась война, директор средней школы в райцентре Батурин ушел на фронт, ее назначили директором, она там работала до конца войны.

Страшнее всего для мамы были ночи: она не ложилась часов до четырех, все боялась, что ее могут забрать ночью, а мы останемся одни. О том, что папа в тюрьме, она нам не говорила. Для меня и для Миши это было бы ударом: тюрьма — это ведь только для преступников. А папа? Мама нам много читала, подбирала авторов. Мы знали Тургенева, Гоголя, Чехова. Знали Пушкина и Лермонтова.

Потом мы узнали, что у нас есть тетя Стася. «Это жена папы. Она ему нужна, так как мы к нему поехать не можем, а ему одному трудно». Мы недоумевали и часто обсуждали друг с другом: «Почему бы папе не приехать к нам? Здесь так хорошо, не то, что в Яр-Сале». К чести мамы хочу сказать, что она нам всегда внушала: «У вас очень хороший отец». Ну, а тете Стасе доставалось, но это — когда я стала взрослой. Пока же были детьми, ни одного неуважительного слова она о ней не сказала.

А когда я училась в шестом классе, Миша — во втором, мама отправила нас к папе в Салехард. Это был 1943—1944 учебный год. Тогда в доме папы жили жена погибшего на фронте его младшего

Пос. Панаевск. 60-е годы

брата, Ивана, с матерью и двумя мальчиками — Женей и Мишей. Они были младше меня. Папа забрал их из Оренбурга. Тетя Клава, Клавдия Ивановна Броднева, была врачом-гинекологом. Врачом хорошим. Ей присвоили звание Заслуженного врача. Жили дружно, особенно мы, дети. Я была у братьев непререкаемым авторитетом. С тетей Стасей отношения были хорошие внешне, но тепла не было. Я ночами часто плакала, и когда летом поехали в отпуск, я отказалась возвращаться в Салехард. Осталась у маминой сестры в Омске. Начала в Омской школе учебный год, примерно в октябре за мной приехала мама — ей непросто было получить документ на право проезда.

Когда я должна была пойти в девятый класс, мама прямо сказала: «Надо ехать к отцу. Во-первых, потому что, оставшись здесь, ты будешь, как и я, ссыльная, когда получишь паспорт, должна будешь ходить отмечаться. Ты не сможешь поехать учиться в институт. А во-вторых, в школе не преподается химия и физика. Уже год ты не изучаешь эти предметы, догонять и сейчас будет нелегко». Я согласилась. Спасибо маме, что она настояла. Она думала о нашем будущем. Она очень переживала о Мише. Хотя папа пишет, что Миша был мальчик здоровый. Да, может быть, когда родился, он был здоровым. Но во время войны он очень часто болел. У него что-то серьезное было с кишечником. И мама о нем очень беспокоилась. А тут еще приходилось отправлять и меня. Она оставалась одна. Но мы ей часто писали. Мы старались ее поддержать. Я-то уже понимала, что ей очень и очень трудно. При других обстоятельствах, она бы никогда не позволила, чтобы меня воспитывала тетя Стася. Какой бы она ни была прекрасной, доброй, золотой, красивой и умной. Но она мать,

Панаевская начальная школа

и она бы меня никогда не отправила. Ну, вот так получилось. Конечно, спасибо тете Стасе, что она меня приняла.

В Салехарде началась новая полоса. Я стала постарше, как-то лучше и быстрее прижилась, тем более что класс у нас был хороший, дружный. Первую среднюю школу вспоминаю с большим теплом. У нас в десятом классе было всего 13 человек: четыре девочки и девять мальчишек. Сегодня, наверно, это может вызвать недоверие: в городе всего 13 десятиклассников, но так было. Послевоенные старшеклассники стремились к получению профессии и шли в Оленьтехникум, в культпросветучилище, педучилище, медучилище. Средних учебных заведений для маленького города было достаточно. А кто-то шел просто на работу. Автобусов не было. Ученики из комбината и с нефтебазы бегали пешком. Мальчишки с комбината часто приходили на лыжах.

Учили нас настоящие педагоги. Требования были очень высокие. Учителей всех помню. Я назову только нескольких. Классным руководителем была Мария Николаевна Куимова: строгая, несколько педантичная, но мы ее очень любили. Видимо, за ее справедливость, корректность по отношению к нам. Когда учился в этой же школе мой сын Сережа, она была директором школы.

Мария Николаевна дружила с «русачкой» Ниной Ивановной Скосыревой — человеком добрым, веселым, очень общительным. Мы все время под ее руководством были заняты подготовкой литературных вечеров. Ни один из классиков не остался забытым. Некрасова изучаем — «Русские женщины» на сцене, Гоголя — «Ревизор» смотрите. Читали много стихов и прозы.

У меня очень хорошие воспоминания сохранились о Якове Андреевиче Реймере. Он в совершенстве вла-

Слева внучка М.М. Броднева Ирина и дочь Татьяна. 1970 г.

дел немецким и вел у нас этот язык. Старался нас учить так, чтобы словарный запас был достаточным для обиходного общения. Математику вела Васильева Зинаида Васильевна. С нашими парнями ей было нелегко. Она была очень мягким человеком. Невысокая, очень приятная внешне, но совершенно неспособная прикрикнуть на них, а иногда это надо было делать. Математика — это мое «узкое» место, и часто на контрольной она подойдет и указкой отметит ошибку. Зато на рядовых уроках поблажек не было.

Наши учителя (те, кого я назвала) были молодыми, недавно после института. О школе остались у меня самые теплые воспоминания. Но я, кажется, отвлеклась.

Отношения в семье сложились спокойные. О нас с Мишей заботились, мы были одеты и сыты. А что такое жить и постоянно хотеть есть, я знала. Все заботы обо мне взяла на себя тетя Стася. Я старалась уступать, но часто, не возражая, делала так, как считала нужным. Не всегда надо было вырываться из-под контроля, но что было, то было. И я часто делала заметку в памяти: когда я буду самостоятельной, со своими детьми никогда так поступать не буду. Не зря дочь говорит, что мама мне всегда все разрешала. Ну, допустим, далеко не все, но я умела запретить так, чтобы она поняла. Но тетя Стася часто делала это не очень тактично.

В 48-м году после окончания школы шесть человек поехали в Омск поступать в институты. И только один из нас, Володя Кадцин, поступил туда, куда хотел — В автодорожный, а остальные — В сельхозинститут. Раньше он назывался СИБАКА. Я, например, хотела учиться в пединституте. Сельхозинститут располагался за городом, там такая красота. Поехали, столько зелени, общежитие, пожалуйста, свободно, сейчас предоставят, а в институте не было. И мы все

Демонстрация 7 ноября. пос. Панаевск

там остались, в том числе, и мой будущий муж — Валентин Матвеевич Алеханов. Мы поступили с ним на один факультет.

В институте был очень сильный преподавательский состав. Профессор Кизюрин работал там, читал лекции, вел «Плодоводство», у него были заложены очень серьезные опыты, он выводил сибирские сорта. До сих пор продают вишню Кизюрина. Он уже распространился в нашей зоне довольно широко. У него был очень хороший плодопитомник, большие площади, назывался сад Кизюрина. СИБАКА за городом был, трамвайчик шел к нам, остановка так и объявлялась — «Сад Кизюрина».

СИБАКА — неофициальное название. До какого-то момента он назывался Сибирской Академией. Потом там, как нам объяснили, не стало академиков, достаточного количества профессорско-преподавательского состава не было, и он просто стал сельхозинститутом. Но мы его называли всегда СИБАКА.

В общем, интересно все было.

С Валентином мы поженились в институте, и по распределению вместе с маленьким сыном поехали в Красноярский край. Получили направление в Дзержинский район. Мужа назначили главным агрономом района, а меня — агрономом по сельхозпропаганде. Но тут опять очень быстро прошла какая-то реорганизация. Его направили главным агрономом МТС, а я стала агрономом колхоза. Это было тоже очень хорошее время. Мне очень нравилось работать. Только вот Никита Сергеевич Хрущев заставил кукурузу в Сибири сеять, что было очень трудно. И когда я ее посеяла по всем правилам, она выросла в две руки толщиной. Мы ведь ее не на зерно растили — на силос. А она вымахала такой, что ее никакой косилкой не возьмешь. Очень хорошая выросла кукуруза. Председатель колхоза бегал и кричал: «Вот тебя с твоим мужиком и надо послать эту кукурузу рубить!» Я уж потихоньку пыталась оправдаться: «Мы ни при чем, мы все делали по правилам». Вместо того, чтобы награду получить, я чуть выговор не заработала.

Потом опять случилась какая-то реорганизация — создали сельхозинспекции. Мужа направили в райцентр начальником райсельхозинспекции по сельскому хозяйству. Пообещали, что жене найдут работу — В школу возьмут. Приехали мы, обо мне никто не позаботился. Сижу дома. А в районной газете трудился наш знакомый, бывший секретарь райкома партии по зоне МТС. Он меня пригласил на работу. Я как-то немножко с опаской пошла. И там проработала шесть лет. Командировки меня не пугали, потому что с нами жила мама. Работа была очень интересная. По моему характеру все было.

Но Север мы не забывали. Это было наше. И постоянно поддерживали связь с папой. Он уже к тому времени вернулся из Якутии в Салехард, работал на сельхозстанции, заведовал отделом экономики. Мы каждый год ездили к нему в отпуск. Куда люди едут в отпуск? в основном, стараются поюжнее, а мы — В Салехард. Над нами все время смеялись. В конце концов, где-то в 1961 году переехали в Са-

лехард совсем. Муж немножко поработал на сельхозстанции, а я вела дисциплины в зооветтехникуме: кормопроизводство и статистику. Это продолжалось, наверное, год. А потом колхозы стали переводить на положение совхозов. И мужа назначили первым директором совхоза в поселке Панаевске Ямальского района. Совхоз сразу назвали «Россия». В должности директора он был где-то до 1980 года. Конечно, ему приходилось трудно, но у него были великолепные организаторские способности. Он знал свое дело, был очень настойчивым, упрямым. Как и всякое дело, все было не просто. Но, во всяком случае, он мог и он делал. Примечателен такой факт, что на Дне оленевода он, наравне с другими оленеводами, принимал участие в соревнованиях, особенно хорошо у него получались прыжки через нарты. Совхоз ведь долгое время ходил в передовых хозяйствах. За высокие показатели Знамя переходящее получал несколько раз. У мужа есть правительственные награды.

Можно еще добавить к сказанному Татьяной Михайловной о муже слова Валентины Александровны Вахниной, которой довелось работать под началом Валентина Матвеевича Алеханова в качестве заведующей зверофермой: «Он очень хороший организатор. Я у него многому научилась. Он умел зажигать. Он приходил на забойку оленей, сам мог туши таскать, сам мог оленя за рога поймать. Люди за ним шли. Для него было важно, чтобы человек знал дело — тогда все у него получится, все будет прекрасно».

Татьяна Михайловна продолжает свой рассказ:

— Поскольку я работала в зооветтехникуме, все решили, что я учитель. В Панаевске тогда была только начальная школа, и я стала работать воспитателем. Когда она стала восьмилетней, меня назначили директором, а потом школа получила статус десятилетки. Но я не скажу, что это просто было — все равно приходилось много читать, много учиться. Валентин Иванович Костецкий, заведующий окроно, старался восполнить мои пробелы в педагогике. Он посылал меня на курсы, на совещания разные. В общем, я думаю, что я справлялась, потому что нашу школу он выбрал в качестве опорно-показательной. В течение нескольких лет, до его гибели, у нас там эта работа проводилась. Приезжали на совещания воспитатели, потому что основной темой этих совещаний была воспитательная работа в интернате. Видимо, у нас было чему поучиться.

Ребятишек привозили в интернат в нулевой класс совсем маленькими, а к первому классу они все хорошо владели русским языком. И вообще, я должна сказать, что ребятишки были очень способные, их надо только умело направлять. Многие из них хорошо рисовали. Девочки такие узоры красивые делали. Только вот условия для жизни были не очень хорошие: интернат тесный, спали по двое, кроватями было забито буквально все помещение. А если бы создали более подходящие условия, развитие ребятишек могло быть лучше. На что мы детей нацеливали? и я, и все учителя хотели, чтобы дети окончили школу, чтобы они получи-

ли профессии, чтобы округ приобрел свои национальные кадры. Мне кажется, что у нас результат получился. Я вот недавно смотрела передачу по телевизору, показывали Салехард, появилась на экране врач-педиатр Вера Ларовна Хоротэтто. Это наша Вера Хороля. Я очень порадовалась. И надо сказать, что из наших выпусков многие шли в медицинский институт. В сельскохозяйственный мальчики шли. Дмитрий Хороля — тоже наш выпускник. Сэротэтто Леонид Саттакович в администрации Надыма работает. Как-то приехала к нам Тамара Николаевна Салиндер (Власенко) и удивилась, что из нашего глухого поселка так много ребят в институты поступает: «А мы думали, что у Яптунай самый высокий процент поступления ребят в институт».

Мне нравились праздники в школе. Готовили разные мероприятия: «Конкурс песни и строя», тематические вечера по литературе, математике, биологии. Особенно нравились ребятишкам музыкальные вечера. Учителя знакомили учеников и с работами художников. Единственный недостаток в то время — отсутствие хотя бы какого-нибудь свободного помещения. Все праздники, все сборы проходили в коридоре.

Здание школы было маленьким. Там же, в коридоре, проводили и уроки физкультуры, можно сказать, что они шепотом проходили: «Только тихо, тихо, чтобы не мешать никому». Ведь это коридор, по обе стороны — классы, там шли уроки. И прыгать громко нельзя, и кричать громко нельзя. Там и вечера все проводили. Вот даже сейчас Галина Яковлевна Лукьянова, учительница математики, говорит: «Я всегда удивлялась, что на деревянном полу мы все за зиму протирали свои туфли». Вот сколько танцевали.

В школе был очень хороший дружный коллектив, замечательные учителя. Много было теплоты и за-

В.М. Алеханов, директор совхоза «Россия», зять М.М. Броднева

боты друг о друге. Вот это главное. Может быть, они, как педагоги не все были такими хорошо подготовленными, но вот добрые и заботливые — это да. И с детьми работали много.

Недавно мне позвонила Нина Десятова (Морозова), из Салемала, — она воспитателем работала — и сказала, что умерла наша ученица Лида Кирипова (Хороля). Первой учительницей у нее была Ольга Федоровна Болотникова. Об Ольге Федоровне можно сказать как-то отдельно. У нее своих детей не было. Но как она переживала за свой класс, как она их отстаивала. Стоит только куда-то не взять, не включить, не поручить им что-то очень важное — она сразу приходила сразу, начинала выяснять. У нас ежегодно дети ездили в Краснодон. Совхоз выделял деньги. Дружина наша носила имя Ульяны Громовой. И ребята вместе с пионервожатой ездили на место, где подпольной комсомольской организацией «Молодая гвардия» совершались героические подвиги во время Великой Отечественной войны.

Один раз, как раз Лиду Хороля не включили в число тех, кто должен был ехать, Ольга Федоровна пришла со слезами. Пришлось просить лишние деньги в совхозе, чтобы отправить еще одну девочку.

Она была худенькой, маленькой, ростом немножко повыше «нулевичков», с которыми она начала работать. И вот прибежали ко мне ребятишки: «Татьяна Михайловна, а Егор Лаптандер новую учительницу боксом». (Смеется). Он думал, что это ученица. Надо сказать, что класс завороженно следил за ее уроками. Вот какой был у нее талант. Я помню первый выпуск ее начального класса: Лида Хороля, Валя Окотэтто, Таня Окотэтто. Они сразу поступили учиться в институт. Лида Хороля окончила, по-моему, иняз, а Таня Окотэтто стала врачом. Она буквально на днях мне позвонила.

Алеханов Валентин Матвеевич с дочерью Ириной

Я так удивилась. Она в Самбурге работает и педиатром, и участковым терапевтом. Я прямо до слез растрогалась. Когда она ездила в отпуск, специально заехала в Лабытнанги повидаться с Ольгой Федоровной. Вспоминала она ее очень тепло. Сохранилось хорошее чувство.

Анисья Андреевна Паршукова тоже много возилась с ребятишками. Родители ей очень доверяли. Приедут и говорят: «Татьяна, а ты моего-то к Анисье посади. Пуче Паршуко посади». — «Как я твоего посажу, его в нулевой надо, а у нее — третий. Я не могу». — «Другой-то учитель я не хочу». Они знали Петра Васильевича Паршукова, знали Анисью Андреевну, хотели, чтобы дети учились у нее. Она уж никого никогда не обидит — тоже ведь характеризует человека. Это очень хороший учитель, если даже родители так стремятся определить своих детей именно к ней.

В 1979 году у меня заболела мама, и я была вынуждена уехать в Тюмень. Дочь Ирина в это время училась в институте, а за мамой нужен был постоянный уход. Кстати, нас с мамой реабилитировали и восстановили в правах. Ее-то восстановили в правах, я же не была их лишена, потому что паспорт я получала у отца. Муж еще два года работал в Ныде без меня. А когда маму похоронили, я приехала в Ныду, но я там не работала. А потом мы уже окончательно переехали в Тюмень. В 1991 году мужа не стало.

Вы знаете, для меня Север — Родина. Хотя родилась в Новосибирске, но, можно сказать, его ни разу не видела, никакой привязанности у меня к тем местам нет. А родной край? Ямал! Хороший, плохой, холодный такой, но вот — Ямал.

Пришла дочка Татьяна Михайловны — Ирина Валентиновна, и подключилась к нашему разговору. Я попросила ее рассказать о себе.

— Родилась я Красноярском крае, а в первый класс пошла в Салехарде. Наверно, это редко бывает в начальных классах, но первым учителем у меня был мужчина. Причем он был уже в таком солидном возрасте. Пантелеймон Иванович Сметанин. Хорошо его помню. А потом, я еще не окончила первый класс, мы переехали в Панаевск, и там до десятого класса и доучилась. Хочу сказать, что Панаевск для меня — это все. На свете нет лучше места, чем Панаевск. Несмотря на то, что мне не удалось по ряду обстоятельств вернуться на Север, но если бы такая возможность была, я бы, наверное, и сейчас туда уехала. Очень скучаю, всегда помню. Самые дорогие воспоминания связаны у меня с Севером, с Панаевском.

Пока я училась в институте, я каждые каникулы ездила туда. Зимой, в самые лютые морозы, меня ничто не могло удержать. Тогда еще была пограничная зона. Приходилось оформлять какое-то разрешение, чтобы уехать туда на каникулы. Мне заранее вызов присылали, я оформляла здесь разрешение. Добиралась до Салехарда-то нормальным образом, а из Салехарда до Панаевска, конечно, было очень сложно, потому что рейсовых самолетов было мало, да и погода часто нелетная. Там уже помогали знакомые. Чаще всего я летала грузовыми самолета-

ми «Ан-2». Обратно, как правило, с тушами мяса замороженными — я такая же замороженная выходила из самолета (*смеется*).

Это было для меня долгожданное время — каникулы, чтобы поехать туда, несмотря ни на что, ни на какие трудности и холода.

Мы еще поговорили о том далеком времени, вспоминали, каким был Панаевск той поры. Рассматривали старые фотографии. Ирина Валентиновна стала рассказывать о деде:

— Я его очень любила. Он был всегда такой добродушный, доброжелательный. Я помню, что почему-то любила подходить к нему сзади и гладить по голове. Помню, подарила ведерко жестяное, детское. Мне оно очень нравилось, но я ему подарила в качестве пепельницы, потому что он курил очень много. Оно у него стояло всегда, и мне было очень приятно, что он пользуется моим подарком (смеется). Он в 1971 году умер, а я в это время поступила в институт. Вот, кстати, он тогда звонил своей знакомой, чтобы она меня приняла, помогла на первых порах просто освоиться в незнакомом городе. Ведь мне, как девочке из далекого северного поселка, было трудно сразу перейти в другой — городской мир. Тюмень как-то ближе, а Свердловск был для меня вообще каким-то пугающим городом, мне так хотелось назад! Как раз получилось так, что в ноябре дедушка умер, пришла телеграмма — я приехала на похороны в Тюмень. Тут мама и все родственники собрались. Я сказала: «Мама, можно, я не поеду туда, поступлю на будущий год в Тюмени?» Мама всегда мне все разрешала. Она говорит: «Можно». Я осталась. На следующий год поступила в Тюмени в университет. С тех пор здесь и живу, хотя все время рвалась на Север.

Дед написал книгу «Оленеводство Ямала». Он подписал мне так: «В надежде, что ты напишешь лучшую книгу о Ямале». Потому что я хотела в журналистику пойти, вот он и надеялся. Но не оправдались надежды.

Я спросила у Татьяны Михайловны, кем был для нее отец.

— Отец был для меня главным человеком. Это был непререкаемый авторитет. Все, что он мне советовал, все, что рекомендовал, — это я всегда с детства понимала, принимала и воспринимала, хотя я с ним немного жила. Я даже в детстве ему соврать никогда не могла. Меня Станислава Ивановна очень строго держала и на танцы на комбинат не отпускала в десятом классе. Девочки у нас были — двойняшки Рословы, идут на танцы и меня зовут: «Танька, ну пойдем после танцев к нам ночевать. Скажем, что родители за сеном уехали». Пришли к нам домой. «Михаил Митрофанович, Станислава Ивановна, можно, Таня у нас переночует? У нас родители уехали и не приехали». — «Конечно, конечно». Мы вышли, прошли немного, а я не могу, вернулась. Папа спрашивает: «Ты почему вернулась?» Я говорю: «Да их родители приехали». Папу обмануть я не могла.

Такое отношение к папе у меня было всегда. Я чувствовала, что он тоже очень любил детей — Мишу и меня. Когда Миша погиб, ему очень было тяжело. И папа очень любил своих внуков. И Ира с Сережей его очень любили. Отношения с папой у меня были очень хорошими. У нас ни

разу, сколько мы в контакте были, никогда с ним не было никаких конфликтов. А мой сын Сергей с пятого по восьмой класс жил у деда. В Панаевске тогда была только начальная школа, и поэтому он остался с папой в Салехарде.

Еще я вспоминаю, как я приехала в Салехард после восьмого класса. Мне поставили в комнате топчан, а на топчан положили матрас из сена. К папе приходили люди и говорили: «Вы что, не можете в больнице кровать взять для дочери?» Купить кровать тогда, наверно, в Салехарде было нельзя. Нет, это было не в его правилах — пользоваться служебным положением: «Это очень полезно — спать на твердом», — говорил он. Действительно, наверно, полезно.

Папа был очень человеколюбивым. Может быть, от него кому-то по службе и попадало — требовательность должна иметь место, но вот когда он видел, что людям надо помочь, он не останавливался ни перед чем. В войну из Ленинграда высылали интеллигенцию, немцев, евреев. Он ехал как-то раз из Омска на пароходе, услышал музыку из салона: кто-то на рояле играл очень хорошо. Он поговорил с этим мужчиной. Оказывается, это был пианист Герман Вениаминович Гауфлер. Его везли в Новопортовский рыбозавод на рыбалку, на разделку рыбы. Папа спросил: «А как же ваши руки?» Гауфлер обреченно ответил: «Ну что же, с музыкой придется попрощаться». А папа ведь добился того, чтобы Гауфлера оставили в Салехарде. Он работал в Доме пенца, в общем, музыкой занимался. Во Дворце пионеров вел кружок. Он даже пытался, видимо, в благодарность папе, и меня музыке обучить. Но поскольку у меня музыкальных способностей не оказалось: ни слуха, ни чувства ритма, ему все-таки пришлось со мной распрощаться (*смеется*).

Моя подруга потом оказалась его родственницей — Герман Вениаминович женился на ее сестре. Когда Гауфлер вернулся в Ленинград после войны, Клара ездила туда и он все время передавал благодарности и поклон Михаилу Митрофановичу.

Со мной учились еврей и немец — мальчишки, которых с родителями выслали. Леню Трабера — из Ленинграда, а Герша Шварцмана — откуда-то с Украины. Выезд из Салехарда им был запрещен. Папа добился, и они поехали учиться. Трабер Ленька в Тюмени окончил пединститут, а Шварцман, по-моему, в Омске окончил медицинский. Понимаете, отец видел и понимал, что это все несправедливо. Тем более что самому пришлось пройти через подобное. Может быть, он думал: останься я с мамой — постигла бы меня такая же участь.

Папа очень много работал. Он хотел, чтобы я пошла в науку. Из меня толку никакого не вышло. Он хотел, чтобы внучка занялась наукой. Мы не оправдали его надежд — ни я, ни моя дочь.

Что ж, в науку никто не пошел — ни дочь, ни внуки. А связи с Ямалом все-таки не порываются. В 2006 году сына Ирины Валентиновны — Андрея Аркадьевича Солодкина — пригласили работать в Надым. Он офицер милиции. У него есть дочь Вика. Это уже праправнучка Михаила Митрофановича Броднева, так что жизнь продолжается.

23 ноября 2007 года

Письма

М.М. Броднев:
В мыслях и сердцем с тобой

Люди живут, и рядом с ними — письма. Потом люди уходят, а письма остаются. Люди умерли, но они жили и живут, ибо живут их письма. Их можно читать, учиться на примерах. Каждая строчка их «оплачена золотым запасом человеческой любви и страдания», передает голоса тех, кто любил, и тех, кого любили.

«В созвездии ярких имен, озаряющих прошлое Ямала, звезда первой величины — Михаил Митрофанович Броднев», — так оценил доктор исторических наук Ю. Прибыльский значение М. Броднева в истории округа.

Каким же он был этот великий человек Ямала, который жил среди земляков, знакомых, друзей, родных? Какие дела, мысли, интересы владели им? Что радовало, заботило, печалило, огорчало? В чем черпал силы и вдохновение?

Ответить на вопросы помогут личные письма к дорогому и любимому человеку — жене Станиславе Ивановне Станкевич, перед которой он был весь как на ладони, не утаивая ни одну деталь своего бытия, раскрываясь искренне, без утайки, не скрывая нежности и любви.

Его письма к жене — дневник любви, заботливой и преданной, заполнившей всю его жизнь. Дневник, который он вел в течение почти тридцати лет.

Поражаюсь редкой гармонии, единству судеб и взглядов, верности и доверию, заботе и вниманию, по-юношески молодой, свежей и чистой любви двух немолодых людей (им было за тридцать, когда они встретились).

Жизнь проверялась разлуками: частыми и долгими командировками мужа, регулярным лечением в санаториях (особенно в последнее время — они оба тяжело болели). Единственным средством, объединяющим любимых, были звонки, посылки, телеграммы, письма. В течение почти тридцати лет.

Письма...Они разные — в них работа и дом, личное и общественное, высокий гражданский долг и трепетная любовь... Деловые и лирические, навеянные красотой природы, целительным воздухом, ароматами юга, передающие гамму чувств. Шутливые, ироничные, веселые, с юмором. И всегда откровенные, доверительные, по-юношески восторженные, проникнутые заботой и легкой печалью.

Удивляюсь, как, до предела занятый работой, научными исследованиями, журналистикой, Броднев находил время почти каждый день писать жене письма?

Из писем же узнала, что писал он всюду: на катере, в саду на скамейке, во время дежурства, иногда даже в постели (когда во время сильных морозов страшно было вставать). Буквально на ходу, и часто — ночами.

Карандашом и чернилами на листах ученических тетрадей, дневника, книг, на бланках телеграмм, на обрывках, что под руку попадали, из разных точек России: Омска, Тобольска, Тюмени, Березова, Москвы, Подмосковья, Ярославля, Рязани, Туапсе, Енисейска, Но-

рильска, Якутска, Сочи, Аксарки, Товопогола, Щучьего, Катравожей, Мужей, Шурышкар, Горок, Яр-Сале, Тамбея...

Несколько писем Броднева к Станиславе Ивановне без указания года.

Из санатория «Лесной», где лечился, 16 мая он писал:

«...Природа замечательная: лес, река Ока, шестьдесят пять километров от Рязани, двенадцать километров — от железной дороги.

Купил себе пижаму, тапочки, сделали мне фасонистые желтые ботинки. В общем, «как денди лондонский одет». Большой привет Ивану Николаевичу и пани Регине, хорошо бы опять побыть в этой патриархальной спокойной обстановке.

Пиши мне чаще, ведь я теперь не кочевник.

Воскресенье... Бродни не скользят, в них ходить так же легко, как и в валенках. Секрет в том, что они сделаны из какой-то шершавой кожи. А ведь их мне купила жена, как ее опять не похвалишь!

Посмотрел на твою починку... сделано, как настоящим сапожником. Подивился и опять похвалил свою Стасю.

...что-то ко сну клонит: вьюга усыпляет. Спи и ты, моя хорошая, спи больше, крепче и поправляйся, чтобы быть полной и здоровой.

Не загружай себя хозяйственными делами».

14 октября *(из командировки по пути в Горки. — Н.Н.)*

«...Ты не бойся за меня, я вернусь, как огурчик, жив и здоров.

Видишь, письма выходят многоэтажные, а так как я пишу их ежедневно, то ты сразу много получишь. Читай и знай, что мои мысли, сердце и весь я с тобой. Михаил».

23 марта *(перед выездом в Дровяной, что в 180 километрах от Тамбея. — Н.Н.)*

«С А.Ф. Филипповым отправляю посылку, два ненецких ножа: Мише (*сыну. — Н.Н.*) и Жене *(племяннику. — Н.Н.*). По опыту знаю, что тебе не дорог мой подарок — дорога моя любовь. С Гулиным послал письмо».

26 августа (письмо из Омска, предположительно в конце 30-х годов — Н.Н.).

«...скоро кончится дело о полной реабилитации. Ой, Стасенька, как я хочу к тебе, моя любимая, моя радость. И давай уж попытаемся в будущем ездить вместе.

Целую крепко-крепко. Твой Мишка.

Мне, Стасенька, очень хочется к тебе, моя родная, очень, и больше без тебя никуда не поеду. Не скучай, Стасенька, скоро буду у тебя».

20 августа (из Тюмени на пути в Омск — Н.Н.).

«Станиславушка, моя прекраснейшая женушка!

Я совсем оглох. В голове шумит адски, как будто черти мельницу поставили. Ты не думай, что твой старик будет совсем глухой. Хватит того, что седой, маленько слепой. А глухим-то быть худо, будут ругать и не услышишь, а ты будешь ворчать — и тоже не услышу. (Пошутил, Стася, ты у меня не ворчунья, а когда по делу ворчишь, мне нравится. Ворчишь — значит своим считаешь.) В голову-то ничего не лезет, кроме дум о тебе».

Из Березово.

«Сегодня утром ходил в лес. Вот это лес, Стасенька! Уж очень жаль, что тебя не было. Вот бы погуляли мы в таком лесу. Грибов много, и тут я только пожалел, что тебя нет. Попадались кедры. Пошел за шишками, но как их достать? Залезть побоялся. Ты меня остановила, потому что вспомнил: Стасенька бы мне не позволила. Значит, не лазай, Миша. И ходил я около кедра, как лисица около винограда. Попался маленький кедрик, и я без труда сорвал с него десять маленьких шишек с орехами».

10 октября Тюмень.

«Пишу, как говорят, на ходу. Я уже устал, не от работы, а от тоски по дому, и хочу выбраться домой, хотя там ждет тяжелый и нервный труд. Скоро приеду, моя хорошая, и наговоримся мы с тобой до упаду.

...Еду в Омск посмотреть и поговорить, чтобы учились и окончили институт. (Речь идет о дочери Тане и ее муже Алиханове, которые жили в Омске. — Н.Н.). Целую тебя крепко-крепко, так крепко, что голова кружится и сердце останавливается... Твой Михаил».

Февраль. Москва.

«Встреча будет хорошая и интересная, потому что ты ждешь меня с тревогой. Брось тревогу, я вернусь, как поется у Есенина, «такой же нежный...»

Апрель 1937 г. *(из командировки в Яр-Сале. — Н.Н.)*

«Стасенок моя дорогая! Доехали хорошо. Очень я сожалел, что ты не едешь со мной. Дорога, видимо, была бы раза в два короче.

Конференция открылась двадцать второго и раньше двадцать восьмого не закончится. Значит, я смогу приехать только первого мая. Досадно, но что поделаешь, куда пойдешь, кому скажешь?

Погода пока стоит хорошая, ясная. Весной будем вместе.

Крепко целую тебя, моя милая».

25 апреля 1937 г.

«Стасенок моя милая!

Вновь скучаю по тебе и по-прежнему с большой силой. Делаю все, что можно, для скорейшего выезда из Салехарда.

Стасенок, резины, духов тебе купил. Пудры тоже.

Стасеночек, милая, хорошая моя. Очень скучаю и хочу к тебе.

Твой Михаил».

5 апреля 1939 г.

«Стасенька моя дорогая!

Как я рад твоему большому письму. Как хорошо и тепло ты его написала, моя прелесть, моя замечательная женушка. Ты, родная моя, лучше выразила мои мысли, так я переживаю то же, что и ты, а сказать тебе так не сумел. Лебеденочек ты мой, конечно, мы хорошо можем себя чувствовать только вместе. И знаешь, Стасенька, я просто страдаю от тоски по тебе. Все время думаю, что сейчас делает Стася, как она себя чувствует. Мена беспокоят заботы, которые у тебя остались.

Я знаю, что тебе приятно заботиться обо мне, знаю, что это потребность жизни, но ведь не могу же я забыть, что сейчас начало учебного года, и у тебя хлопот полон рот, да плюс к тому устройство квартиры. Ты с ней, Станиславушка, не возись очень-то. Я приеду, на пару все обделаем скорее и лучше. Ведь ты же сама говоришь, что я стал хозяй-

ственным. Уж такой хозяйственный стал, что даже вчера молоток купил.

Стасенька, моя радость, как мне хочется к тебе! Прямо сил нет.

Да еще это бестолковое безделье. Уж так нудно, так нудно! Никуда теперь без тебя не поеду. Я в молодости знал одного инструктора кооперации. Он во все командировки ездил с женой. Смеялись над ним все, и я, конечно, не менее других. Но сейчас я не стал бы над ним смеяться, а отнесся бы к нему с уважением, так как теперь я понял его.

Я, конечно, не собираюсь тебя таскать с собой по командировкам, но уж постараюсь устроиться так, чтобы самому не ездить и с тобой не расставаться больше».

25 августа 1939 г.

«Стасенька, моя милая, хорошая!

Мотаюсь я в этом Омске, уж не от скуки ли по тебе вчера у меня поднялась температура до 39,3 градусов? А сегодня утром все стало хорошо, и объясняю тем, что получил от тебя телеграмму. Шесть дней я от тебя ничего не имел и сегодня хотел вести розыски. Думал, заболела. Ты хоть разок в 65 дней мне телеграфируй, а то знаешь, как-то грустно.

Хотел писать много, но стало холодно — пишу в саду облисполкома. Смоюсь, Стасенька, в тепло, а то опять затемпературит. Вчера был у твоей приятельницы. Принимали хорошо, а на тебя она в обиде — не пишешь. Целую тебя крепко и много, моя любимая женушка. Твой Мишка».

15 января 1942г.

«Дорогая Стася!

...Питайся лучше. Я в эту поездку буду очень скромно жить. Написал письма ребятам. Целую тебя. Жму лапу Ямалу (*кличка собаки. — Н.Н.*). Твой Михаил».

14 января 1942 г.

«...О тебе скучаю. Жил два дня на одних ершах, и, несмотря на любовь к ним, они мне надоели. Жму лапу Ямалу, а тебя крепко целую. Михаил».

24 июня 1942 г.

«Моя дорогая Стасенька!

Мы так с тобой срослись, что представляем как бы единый организм, и даже временное отделение частей этого организма вызывает болезненное состояние духа — тоску, скуку. Как растение к солнцу, тянет меня к тебе. Скучаю и жду — Не дождусь, когда я буду около тебя. Уже забылось, что там работа тяжелая, не прельщает и то, что здесь спокойнее, теплее, и нервы отдыхают. Отдыхать могу только около тебя.

Вчера был в театре, смотрел «Маскарад». Вахтанговцы играют изумительно. Я сидел, и мысли все к тебе: «Вот бы Стася посмотрела. Что-то она сейчас делает?»

Даже о Ямалке скучаю. Ему привезу подарков: два замечательных намордника, самых модных — корзинкой, в котором он укусить никого не сможет. Да еще поводок, тоже настоящий.

Тебе, кроме своих ласк, ничего не привезу. В магазинах, кроме модных шляп, нет ничего, а шляпы такие, что вряд ли тебе будут по душе. Ты расходуй на еду всю мою зарплату и питайся лучше. Меня берет тревога: отпуск твой подходит к концу, а ты совсем не поправилась. Поправляйся — денег не жалей. Жизнь Омска иная, чем у нас.

Люди чувствуют войну и переносят ее трудности. Очень хочу скорее к моей Стасеньке... Целую и обнимаю тебя, моя дорогая, крепко-крепко. Твой Михаил».

28 августа 1942 г.

«Милая Стася!

С твоим отъездом жизнь в доме не изменилась, но мне кажется, что все не так и не хватает самого главного. Даже дом кажется неуютным, хотя все стоит так же, как при тебе. Нет в доме главного — тебя. Возвращайся скорее, и все пойдет нормально.

У меня все так же, не лучше и не хуже, работаю теми же темпами. Свободные вечера использую на строительство дома Ямалке (*собаке. — Н.Н.*). Уже сколотили все, осталось покрыть. Дом ему понравился. Вчера залез в него и лег, хотя дом до конца не сделан. Появился у нас и поросенок, здоровенный, двадцать три килограмма, умный. Первый день жил в огороде. К вечеру еще не был устроен, так давай рвать траву и делать себе гнездо. Устроил ему временное жилище под окном. Ямал его не любит и так рвется к нему, что мы стали опасаться за жизнь поросенка.

Числа второго-третьего выеду в командировку. Жду от тебя сообщений. Крепко целую. Михаил. Пиши и чаще телеграфируй».

4 сентября 1942 г. Салехард.

«Дорогая Стася!

Девять дней не было от тебя вестей, и вот сегодня письмо и телеграмма. Очень рад, что ты у меня жива, здорова и ешь хорошо. Живем мы как будто так же, но твое отсутствие для меня очень чувствительно. Мне и в доме кажется неуютно, и все не то.

Ем я хорошо, и аппетит добрый, но по тебе скучаю очень. В субботу уехал с Петром Павловичем на охоту, пробыл до вечера воскресенья. Погода была хорошая, теплая. Домой привез 5 уток и 3 рыбины. Обратно ехали в ветерок, и маленько прихватило дождиком. ...Хозяйство наше пополнилось. Купили поросенка, точнее, подростка свинью. Только ленивая, пастись не хочет, а жрет здорово. Это хорошо, так как будет расти. Но с кормом затруднения, которые как-нибудь преодолеем. Сейчас живет на травке и отбросах, а начнется уборка овощей на зональной — будем возить ботву.

Огород нас выручает крепко. Супы хорошие выходят, картошку поджариваем. Докопали начатую при тебе грядку.

Очень жалко, что ты взяла мало картошки, и тебе ее до Омска, видимо, не хватило. Жду тебя. Крепко целую. Михаил».

6 октября 1942 г. На дежурстве в окружкоме.

«Моя хорошая и милая Стася!

...Я тебе телеграфирую почти ежедневно, за шесть дней послал пять телеграмм и столько же писем. Как видишь, я не только не забыл сообщать о себе, но делаю как можно чаще, зная, что мои письма доставят тебе удовольствие. Я их пишу, как будто говорю с тобой.

Восемнадцатого я выезжаю в Горки. Рации там нет, и, возможно, смогу давать о себе знать только какими-либо сложными путями. За это время жил нормально. С питанием терпимо. Два дня не работа-

ла столовая: брал консервы, мне их разогревали, и я был сыт.

Утром пил чай с сыром и печеньем. Как видишь, нашел выход сам, наверное, не стал бы возиться, но знаю, что Стаса была бы недовольна, я ей подчиняюсь даже тогда, когда ее нет около меня. Так что считай, что ты меня кормила, и сыт я благодаря твоим заботам. Погода здесь теплая, хотя снег лежит, но река не замерзает и, видимо, замерзнет еще не скоро... Большой привет всей семье. Крепко целую тебя. Михаил твой».

8 октября 1942 г.

«Мое счастье, моя радость, моя жизнь, моя милейшая Стася!

Пришел в каюту — и немедленно за карандаш. Осталась маленькая, черненькая, но самая родная, самая дорогая, и близкая — моя Стася. Как она хороша и прекрасна. Я самый счастливый человек — Стася любит меня.

Спасибо, милая, за проводы. Они были столь теплые и хорошие, так может провожать только любящая, родная.

...Пишу тебе под свежими впечатлениями. Пусть Стася знает, что Мишка не спит, а разговаривает с ней. Ведь и тебе хотелось бы побывать со мной, да обстоятельства подлые помешали. Набирай больше сил — они пригодятся. Поехала бы ты, было бы совсем замечательно. Привет всей нашей семье. Крепко целую. Твой Михаил».

10 июня 1943 г.

«Прозаическое, читается в первую очередь.

Стасенька!

У А.П. Романова я тебе оставил булку белого хлеба и договорился, чтобы приготовили тебе пива или купили (это могут сделать быстро: магазин рядом). Ты им принеси 1–2 стакана манной крупы, а то ребенка кормят суррогатом. Для пива возьми чайник, посуды у них нет. Беги, решай все дела, а потом придешь и прочитаешь письмо лирическое. Михаил.

№2 — письмо лирическое. Читай после того, как все дела в Тобольске завершишь.

Стасенька моя хорошая!

Проводил я тебя несколько поспешно и ушел, не дождавшись ухода парохода. Вечером, когда он отошел от комбината, мы с Петром Павловичем сидели, и я провожал пароход. А он шел быстро и увозил тебя, мою хорошую.

...В два часа ночи лег спать, но уснуть до шести утра не мог. Как-то необычно дома — и один без тебя. Все мысли были о тебе и о том, какая ты у меня большая и хорошая.

В девять утра прилетели в Тобольск. Очень скучаю и хочу скорее, скорее тебя видеть. Я доволен тем, что у меня есть ты, такая хорошая и любимая, и что ты главная в моей жизни. Много хотел написать о чувствах и настроении (поэтому и назвал письмо лирическим), но много ушло на написание того, что и как было без тебя, то есть на отчет перед тобой, мой начальник.

...Крепко целую тебя и жду с нетерпением в Омске. Твой Михаил».

(В конце письма чертеж, по которому можно найти в Тюмени Романовых. – Н.Н.).

5 января 1944 г. *(В Тамбее пришлось встречать Новый год. — Н.Н.)*

«Дорогая Стася!

Новый год встретили скромно. Я сидел, а мысли были с вами, с то-

бой, моя хорошая Стася. Мысленно пытался представить, где ты и что делаешь. Решил, что встречаешь новый год у кого-либо из друзей, всего скорее у О.А. А первого представил, как у ребят проходит елка. Скучно без тебя, без ребят. А годто, Стасенька, уже сорок четвертый.

...Пишу второпях, так как узнал о выезде человека в Салехард перед тем, как ему сесть на нарту. Ты не горюй, не печалься, обо мне не беспокойся. Все идет хорошо, и хоть не скоро, но домой вернусь здоровым и бодрым. Поцелуй ребят.

Очень перегружена ежедневными переговорами с Салехардом рация, которую я использую, прося позвонить и сообщить тебе, что я жив и здоров. Твой Мишка».

19 января 1944 г.

«Моя дорогая Стасенька!

О доме вспоминаю часто. Доволен письмами ребят, хорошие они. Ты правильно учишь писать. Это приучает к самостоятельному выражению мыслей и приближает ребят к тому, кому они пишут. Домой, конечно, очень хочется. Соскучился я и о тебе, моя хорошая, и о ребятах, и обо всей домашней обстановке. Все легли спать, а я решил урвать время у сна и потолковать с тобой, моя хорошая. Но скоро появлюсь, как обычно, мы с тобой наговоримся вдоволь. Хочется скорее тех наших домашних, всегда хороших вечеров. Уж очень ты у меня хорошая, моя дорогая. Обо мне не беспокойся. Тревожные мысли из головы выбрось. Все хорошо, и я явлюсь перед тобой, как добрый молодец в народных сказках».

16 июля 1944 г. (*Станислава Ивановна уехала к матери в Вильнюс. — Н.Н.*).

«Хоть дома бываю мало и ни одного свободного вечера нет, но жить мне без вас плохо, как будто дом не дом. Видимо, старею и одиночества просто боюсь. Буду очень рад, когда вернется моя Стася и в доме будет все по-старому. (*Далее о домашних хозяйственных делах — Н.Н.*). ...Долго волновали меня сообщения о боях в Вильно. Может, сумеешь найти мать? Приглашай ее сюда, пусть отдохнет у нас. Сейчас оттуда выехать легче, чем туда.

Питаюсь я хорошо, за мой желудок не беспокойся, вливаю в него и желудочный сок. Очень жду от тебя письма. Скучаю серьезно и как прежде. Главное, Стасенька, делай все для здоровья. Чем ты здоровее, тем я спокойнее. С Прибыльским послал тебе маленькую посылку. Тебе хоть маленькая, но поддержка».

Письма из Москвы, куда М. Броднев приехал на лечение:

9 февраля 1945 г.

«Хорошо, что устроился удобно, имею теплый номер в гостинице «Москва» на восьмом этаже. Главное удобство в том, что в номере уборная, ванна, телефон, к семи часам подают терпимый завтрак. Даже чай могу заказать по телефону. Обслуживание поставлено идеально, номера обставлены роскошно, сравнительно, дешево (за номер плачу 35 рублей в день).

Со мной жил Кириллов, спал на двух составленных креслах. Если разрешат, возьму Пескова к себе. Он мерзнет. Многие гостиницы не отапливаются, в нашей — тепло.

В столовой Совнаркома дали талоны на ужин и завтрак. По талонам дают продуктами, чтобы меньше ходить. Я взял колбасы, паюсной икры и яиц; значит, имею хороший завтрак и ужин. Все это подробно сообщаю, чтобы ты не беспокоилась и знала, что я сыт. ...Соблазнов в Москве много. В коммерческих магазинах есть абсолютно все, и даже, пожалуй, лучше, чем до войны, но цены дикие.

Когда закончу общественные дела, займусь личными. Скучаю в Москве — по тебе, по дому, и хочется скорее в Салехард.

Хотелось бы попасть домой к твоим именинам, но не знаю, как сумею. Не от меня это зависит, моя хорошая. Не скучай, моя Стасенька. Приеду — и опять нам вместе будет хорошо. Крепко тебя целую. Твой Мишка».

20 февраля 1945 г.

«...Цены здесь дикие. Посылаю лимонов, яблок, камней для зажигалки и якоря на матроски Мишкам. Пусть у них будут настоящие якоря. У тебя скоро день рождения. В этот день попей чай с лимоном и вспомни своего Мишку. Материал тебе на рубашку, он тонкий, хороший, и пусть это тоже будет подарком. Наделай побольше дырочек фасонистых — и будет ладно.

Соскучился я по тебе, по Мишухе, по дому. Хочется к вам, и я не представляю, как можно на года расставаться. Обо мне не беспокойся — стараюсь жить так, чтобы отдохнуть и денег много не израсходовать. Крепко целую и обнимаю тебя, моя любимая. Почему это нельзя сделать сейчас по-настоящему? Яркое, уже весеннее солнце освещает мою комнату, и для полноты жизни мне сейчас не хватает тебя, моя Стасенька. Еще раз целую. Твой Михаил».

9 марта 1945 г.

«Моя милая, родная и дорогая Стасенька!

...Хочу домой. Мне кажется, что дома лучше. Так же, как тебе завидно, что я в Москве, так же и мне завидно, что ты дома. Терпеть будем, моя хорошая, скоро свидимся. Получил твое письмо, посланное с Устьянцевым. Спасибо, что ты заботишься обо мне. Пишу тебе с каждой оказией, и ты на меня зря обижена. Времени в Москве — два ночи. В Салехарде уже пять утра. Ты крепко спишь, а я с тобой беседую. Спи спокойно, моя хорошая».

18 октября 1945 г. Туапсе Краснодарского края, Архипо-Осиповка, санаторий Совнаркома (*Н.Н.*).

«Вчера приехал в Туапсе, красивый город-сад, но все лучшие здания разрушены. Залез на высокий холм, сел, курю на развалинах и думаю, что неплохо бы сходить в музей. Подходит мальчишка, я спрашиваю: «Где тут музей?» Он отвечает: «Да вот тут, вы сидите на развалинах музея».

В санаторий ехал по изумительно красивой горной дороге. Не знаю, есть ли что-либо живописнее. Возникла мысль: запретить людям ездить по такой дороге, пусть пешком ходят и любуются этой необычайной красотой. Санаторий расположен тоже на красивом месте. С трех сторон горы, с четвертой — море. Чтобы пройти к морю, надо перейти речку, по берегам которой много камыша. Подвесной мост сделан так, что создается впечатление, будто он в воздухе висит.

Днем печет. Когда смотришь на яркое солнце и ощущаешь благоухание зелени, не верится, что где-то есть зима. А ведь в нашем Салехарде зима, уже бывают морозы. ...Многие здесь живут с женами, как-нибудь мы с тобой приедем».

30 октября 1945 г. Санаторий Осиповка, — в Вильнюс (для Станиславы Станкевич).

«Очень хочу получить твое письмо и узнать подробности твоей встречи с матерью. Ты запиши встречу, думаю, под старость будем писать рассказы, и тема встречи с матерью после двадцати трех лет разлуки хороша.

...Конец октября, а жарко. Невольно сравниваю с Салехардом, где уже настоящая зима.

Стасенька, милая, как здесь ни хорошо, а хочу домой к тебе. Выеду в Москву шестнадцатого. К этому времени пошли мне письмо (главпочтамт, до востребования). В Москве буду девятнадцатого».

14 ноября 1945 г.

«...О моем здоровье не беспокойтесь, профессора я просил позвонить тебе, и засвидетельствовать, что я действительно здоров. ...Очень скучаю о тебе и ребятах. Крепко целую тебя, Таню и Мишу. Твой Михаил».

22 марта 1946 г.

«Приехали в Москву. Все еще нахожусь под впечатлением последних часов в доме и много думаю о тебе и очень-очень хочу скорее к тебе, моя любимая Стасюха.

Буду делать все, чтобы выбраться еще зимним путем. Не горюй, моя радость, мысленно я с тобой, моей Стасей. Питайся лучше, ходи в кино и не напускай на себя худых дум. Твой Мишка.

Хотелось бы еще поговорить с тобой, но надо подготовить бумаги для разговоров в Совете Министров».

4 апреля 1945 г.

«...Мне очень хочется к тебе, но обстоятельства сильнее моих желаний. И я должен подчиниться команде остаться в Москве, заниматься делами.

Какой этот последний год оказался плохим. Много времени мы порознь с тобой, и, видимо, это создает у тебя законное недовольство мной и обстоятельствами. Потерпи, моя хорошая Стася, кончится все это, и мы заживем неразлучно, тихо и спокойно. Очень этого хочу, родная, и жду этой хорошей, безразлучной жизни. Береги себя, Стасенька, моя родная, знай, что ты мне очень и очень нужна, моя радость, моя жизнь. Крепко и много целую тебя, Твой Мишка».

Через три пересадки — Кожва, Котлас, Вологда — на пятые сутки Михаил Митрофанович Броднев прибыл в Подмосковье, оттуда эти интересные письма пришли в Салехард:

22 июня 1947 г.

«...Поездка интересна с точки зрения — от тундры до Москвы. Выехал в институт, который находится под Москвой, на электричке десять минут езды. Место хорошее, кругом лес, можно поваляться на травке, побродить по лесу.

Кремлевское отделение занимает третий этаж и изолировано от института. В отделении двадцать пять человек, палаты хорошо обставлены и уют-

ные. Есть радиоприемник. Питание хорошее и разнообразное.

Завтрак — балык нельмовый, ветчина, два яйца, манная каша, масло, кофе. Лечат профессора.

Кузнецова просил посылать мне окружную газету, чтобы знать салехардские новости.

В Ярославле Тане (*дочери. — Н.Н.*) купил туфли с рук, а тебе купят здесь более фасонистые, и с первым попутчиком вышлю».

27 июня 1947 г.

«...Применяют здесь новое американское средство — стрептомицин, который убивает палочки, и люди, обреченные на смерть, поправляются. Средство дорогое — 100 рублей за грамм золота. На курс лечения надо 100 граммов, то есть 10 000 рублей золотом.

...Народ здесь лечится очень большой. И мне просто повезло, так как секретари обкомов ждут очереди по году, чтобы попасть сюда.

Режим строгий, порядок образцовый, но скучно и хочется домой.

Как ни хорошо, но дома лучше.

Институт в дачном поселке. Реденький небольшой сосновый лес, кругом дачи. Воздух хороший, пыли нет. Питание прекрасное, аппетит у меня волчий. Я, кажется, уже вошел в роль больного и приобрел склонность говорить о болезни долго. Настроение спокойное, много читаю. Я на всем казенном. Даже брюки и пиджак отобрали, как у блудливого монаха, а в полосатой пижаме в Москву не поедешь. Здесь, шутя, говорят, что такие же пижамы у сумасшедших. И беглец может попасть в сумасшедший дом, а пока разберутся, сойдет с ума».

6 июля.

«...Прибываю в весе. За неделю — 1 кг 600г. И если так пойдет, растолстею, как дядя Сарай. Некоторые прибывают до 25 кг, столько мне не нужно. Много читаю. От теплых и заботливых писем хорошо. Жизнь однообразная, каждый день похож на предыдущий, и только мелкие события несколько разнообразят жизнь. Это выезд кого-либо из больных, приезд нового, шалость кого-либо скучающего. Приезжают и уезжают редко. За месяц моего пребывания я провожал трех человек. Проводы проходят почти торжественно.. Уезжающий одевается в свою одежду и уже этим отличается от всех. Потом он обходит все палаты и прощается с лежачими, а ходячие провожают обычно до машины и машут вслед руками.

А вот одна из шалостей: два солидных человека наловили огромных черных жуков, запечатали их в конверты и послали в женскую палату.

Женщины любопытные: вскрыли конверты, и на них поползли огромные жуки. Визг, шум, а разговоров дня на два.

Среди больных есть интересные люди. Много занимательного рассказывает профессор Лавровский.

Он много бывал за границей, хорошо знает ученый мир и охотно рассказывает. На прогулках выступает вожаком и обычно говорит: «Ну, я надзиратель за вами, чахоточными арестантами». Халаты в нашем отделении такие, как у арестованных Америки. Вот так: незатейливо, почти по-тюремному, и проходит жизнь. Мне она надоела. Завтра у меня юбилей — сотый укол стрептомицина. Читаю много, особенно заграничной мемуарной литературы о войне, про-

читал книгу Рузвельта об отце. Очень скучаю о тебе, доме, ребятах. Как бы хотелось посидеть на нашем крылечке или в садике».

27 июля 1947 г.

«...Здесь особенно у низшего и среднего персонала «чаевые» в моде. Если угодил сестре, тебя будут колоть более тонкой иголкой, не угодил — самой толстой. Иголок тонких на всех не хватает, а толстая идет тому, «кто не сумел задобрить...»

26 сентября 1949 г.

«...После вашего отъезда стало еще скучнее. Несколько дней смотрел на привезенные тобой цветы и тепло вспоминал Тебя. Цветы завяли, но с ними не завяли воспоминания о тебе, моя хорошая. Много размышляю о перспективах нашей жизни и думаю, что надо этот год прожить поскромнее и думать об оседлости. Старость уже начинает наседать, и силы скоро нам изменят.

...Осень, утрами очень холодно. Если бы не уколы, сбежал бы отсюда».

30 сентября 1949 г.

«Стасивка моя!

Смотрел картину, она многим не понравилась. Но там девушка, похожая на тебя внешне, с таким же преданным характером. Я смотрел и хорошо, тепло думал о тебе».

29 апреля 1950 г.

«...Перечитал уже вагон книг и как-то понимаю скуку китайца. У нас здесь есть китайский генерал. Языка русского не знает, китайских книг у него нет, знакомых тоже. И он, бедняга, целыми днями бродит, как манекен. Единственное развлечение — иногда играет в домино».

8 мая 1950 г.

«...Все время стоит прекрасная теплая погода. Деревья распустились, все благоухает. И когда вспоминаю, что у нас еще холодно, жалко становится вас. Обидно, что нельзя доброй погоды привезти в чемодане в подарок.

...Устал я от всех дум, прожитой и вариантов дальнейшей жизни...»

15 ноября 1951 г.

«Дорогая Стася! Я жив и здоров. ... Как ты живешь, моя родная? Скучаю о тебе. Вот устал, а поболтать с тобой хочется. Питайся лучше и по возможности больше спи. Раньше 25 не выеду, можешь написать мне на район.

Целую крепко. Михаил».

27 мая 1955 г.

«...Пиши, как твои прорабские дела, приеду — буду принимать работу придирчиво, а хорошо справишься — молодец. Устала ты, наверное, бедная, думаю, что и тебе организуем отдых».

1955 г. Письма через день жене.
13 июня.

«...доволен, что твои прорабские дела подходят к концу... Некоторый запас жирка — Не лишний, приступлю к работе — сойдет. Хочется в Озерный — погода плохая, сегодня опять так холодно, что не хочется вставать, пишу в постели, поэтому и каракули получаются».

13 сентября 1956 г.

«...Ты 9-го приехала в Вильнюс. У нас все по-прежнему, если не считать такие события: окотилась кошка, Фикус распустил новый листок, очень быстро растет, поливаю его через день.

Получил выписанную книгу. Она не помешает моей работе, но в ней много такого, что расходится с моими представлениями о Севере».

23 сентября 1956 г.

«...Когда слушал твой слабый-слабый голос по телефону, хотелось погладить тебя, приласкать и сказать: «Не горюй!»

С домом поступай, как решишь сама. Я одобряю все, что ты делаешь. Работаю с настроением, часто — ночи напролет».

4 ноября 1956 г.

«...Получил письмо из Красноярска. Очень скучно без тебя. Живу, как Робинзон на острове. Работается легко, сплю хорошо, вероятно потому, что за вечер устаю, ведь два часа уходит на топку печи и другие хозяйственные дела. Обо мне не беспокойся. Чувствую себя хорошо, тормоза работают исправно, глупостей не совершаю и много думаю о тебе. Целую крепко. Твой Михаил».

29 апреля 1959 г.

«...Принесли твою телеграмму из Сочи. Надоело мыть посуду, стараюсь меньше пачкать. Суп разогреваю в маленькой алюминиевой кастрюле. Прямо из нее ем.

...Обо мне не беспокойся, я не сижу голодом, не мерзну, не зарос грязью. Печку топлю каждый день, в баню хожу, белье меняю, даже постельное. Живу по-человечески.

Скучно, и вечера длинные, но сглаживает занятие хозяйственными делами. Два-три часа уходит на топку печи и приготовление пищи. Даже постель убираю ежедневно. Вот какой хозяйственный!»

6 мая 1959 г.

«...Сейчас пообедал такой едой, которую даже ты мне не готовила. Купил свинину, сало обрезал и посолил, а мясо варил. Сало получилось жесткое и не жуется. Я его поджарил на сковороде, отварил рис и еще раз прокипятил. Терпимо. Что надоело, то это — мыть посуду».

Из писем Станиславы Ивановны в Государственном архиве ЯНАО хранятся только три:

11 декабря 1943 г.

«Мой милый и хороший Мишенька!

Как только ты уехал, я потеряла свое «Я» и живу мыслью о тебе. Я просто понять не могу, что такое случилось: меня берет дрожь при мысли, что ты там, в командировке, пробудешь. Ругаю себя, что не настояла, чтобы ты остался дома или в командировку куда-нибудь поближе.

Хозяйство идет по-прежнему, но нет в нем самого главного — тебя. Когда ты дома, все идет обычным порядком, и, кажется, все легко и просто. Но как только нет тебя, я ничего не хочу делать и ничем не занимаюсь, а только думаю о тебе и вздыхаю. Что это? Любовь, привычка, страх за будущее или просто результат прежней долгой разлуки?

Помню когда-то ты мне писал: «Никогда не будем расставаться, давай так договоримся». Но наш договор много раз нарушался, а теперь я эту разлуку переживаю больнее и чувствительней, чем раньше.

Мишенька, прошу тебя, береги себя для меня; я тебе говорила, как мне нужна твоя жизнь и твое здоровье. При первой возможности при-

езжай домой, не оставайся там надолго.

...Пиши, мой хороший, больше и чаще. Целую тебя крепко.

Станислава».

15 июня 1959 г.

«Привет тебе, мой дорогой и любимый Мишенька!

...Любимый мой и хороший, береги себя, не перегружай свой мозг и не напрягай лишних сил на всякие статьи и доклады.

Ты мне очень дорог, я всегда думаю и беспокоюсь о тебе. Когда ты здоров и весел, мне тоже хорошо.

Пиши чаще, это для меня лучшее лекарство.

Твоя всегда Станислава».

Личная переписка... Она не рассчитана на широкую огласку, она только для двоих. Но в переписке Броднева личное настолько переплетается с общественным, информация носит столь познавательный характер, что приобретает общественный характер. Да и настолько ярко проявляется личность, что мне показалось, что об этом должны знать все земляки. Она поучительна, особенно для молодежи, и может помочь молодым в жизни.

Поэтому посчитала необходимым опубликовать отрывки из писем.

Получив любезное согласие дочери Броднева, Татьяны Михайловны, на право опубликовать личные письма отца, я предлагаю читателям отрывки из писем великого человека Ямала, помогающие глубже понять личность крупного ямальского государственного и общественного деятеля 30-60-х годов прошлого столетия.

Наталья НОГО

(Ямальский меридиан. — 2006. — №4. — С. 25-28; № 5. — С. 46-48).

Михаил Броднев:

Что сделать, чтобы привлечь к Северу внимание?

«Многоуважаемый Михаил Митрофанович!» — так начинаются многие письма, адресованные М.М. Бродневу. Я с интересом читаю их, листая страницы прошлого родного края, а главное — открываю их автора, во многом мне неизвестного. Они дополняют существующие публикации и воспоминания о М.М. Бродневе, помогают лучше понять роль этой личности в истории округа. И видится мне человек-труженик, с государственным мышлением, с твердым бескомпромиссным характером, с его ошибками и радостями. Я не просто читаю — изучаю каждый факт, каждое слово. При этом поражаюсь, задавая себе два вопроса: как сохранилась столь богатая переписка (в окружном архиве лишь небольшая часть ее)? И как успевал человек высокого государственного ранга, решая масштабные задачи, находящийся в бесконечных, порой, длительных командировках, занимаясь научно-исследовательской работой, журналистикой, сочетать все это с обширной перепиской? Михаил Митрофанович был очень добрым, заботливым и милосердным к людям, дорожил ими и их письмами. Это отношение он передал и дочери. Поэтому в том, что после смерти Михаила Митрофановича письма трепетно хранились, заслуга его дочери Татьяны.

Из писем 40–70-летней давности выбраны наиболее яркие и не требующие особых комментариев.

В первые годы войны Броднев работал заведующим окружным отделом народного образования. Письма из разных точек округа, где заведующий был в командировках, частых и длительных, адресованы жене, Станиславе Ивановне Станкевич.

15 ноября 1941 г.

«...Завтра еду в Товопогол, потом вернусь в Аксарку и выеду в Щучье. Отдыху нет. Вчера посетил девять уроков и четыре часа беседовал с учителями. Сегодня тоже.

...Время двенадцатый час ночи, а я только что закончил работу. Еще раз убеждаюсь, что в школах надо бывать больше, и от этого школы будут работать лучше. Вчера сидел на восьми уроках. Дела в школах не очень важные. Плохо работают».

12 января 1942 г.

«...В Катравожах мыла не было и нет. Вообще в районе с товарами плохо. Боюсь, что проезжу более десяти дней, так как есть крайняя необходимость побывать в нескольких школах...»

12 октября (около 1942 г.)

« ...Ночью приехал в Мужи. В Азово катер будет через два-три дня. На улице пурга завывает, да так жалобно, что невольно нагоняет скуку, и я вспоминаю, что сегодня суббота, дома тепло, уютно и главное — ты там. Как выразить свою скуку?

Буран бушует, и если так будет долго, то катер может не прийти, и я застряну в Мужах.

...Еду уже трое суток. Ночью стоим, днем идем километра по три. В Шурышкарах пересел на катер, который должен пойти в Горки...»

15 января 1942 г.

«...До Мужей доехал без осложнений. В эту поездку устал меньше и осуществил свои первоначальные намерения, но программу пришлось расширить, и домой очень скоро не попаду. В школах есть ряд вопросов, которые надо решать самому и на месте. В Шурышкарах пришлось выгнать и отдать под суд директора. Деньги интерната пропивал, а ребят держал на одном хлебе. И половина разбежалась».

17 октября 1942 г.

«...Выехать из Горок можно будет 10-12 ноября. Это значит, что домой приеду 15-16 ноября. Значит, праздник вместе быть не придется, о чем очень жал ею...»

19 января 1944 г.

«...До сих пор безвыездно живу в Тамбее. Работы здесь хватает. В поселке плохо с топливом. Приходилось мерзнуть немного. Плохо с баней, но выручает хозяйка. Она натапливает комнату, греет воду, и мы моемся. Недели на полторы выеду в тундру, а после этого начну подаваться к дому. Если выйдет самолетом — значит быстро, если на оленях — долго и сложно. Ты эти места знаешь и представляешь, как это бывает».

6 сентября 1948 г.

«...Пишу на катере... Вот уже неделя, как я плаваю. Много песков объехал, много людей повидал и главное — много нервов и крови испортил. Уж очень много безобразий у нас.

Часто останавливаемся на песках и в колхозах и выходим, ко всему приходится брать пассажиров. Надо быть хамом, чтобы народ не брать. Каково мне, когда у меня печка и тепло, а на палубе лежат люди и коченеют?.. Приходится приглашать греться».

23 июля (б.г.)

«...Неделя, как путешествую, пока кручусь вокруг Пуйко. Видимо, сегодня выедем в Новый Порт. Поездка для меня полезна и хороша тем, что вопросы разрешаются сразу на месте, так как вся власть налицо. День и ночь перепутались. Погода стоит теплая и тихая. Достается от комаров, но уж это такое зло, с которым ничего не поделаешь».

27 июня 1951 г.

«...Как говорят, беда не ходит одна. Катер, на котором я ехал, сломался, прислали второй. Но и с ним не повезло — попали в шторм, много пережил за рыбу и баржонку, которую вели с собой, — думал, зальет. Пять дней бесконечных тревог и волнений. Проклятая наша промышленность, все-то ей мешает: и природа, и техника».

13 сентября 1956 г.

«...Получил книгу, которую выписал (г. Метельский. Ямал — край земли). Она не помешает в работе, но в ней много такого, что расходится с моим представлением о Севере, а в чем он прав или не прав, еще не разобрался. Прочитал все пятьсот страниц, сейчас перечитываю внимательно. Во мно-

гих местах автор ссылается на мои работы, а в списке использованных литературных источников приводит пять моих работ. Наверное, напишу рецензию на эту книгу, все равно ее надо внимательно изучать».

23 сентября 1956 г.

«...Работаю с настроением и часто ночами напролет. Уральский филиал АН заказал статью о состоянии оленеводства».

16 октября 1959 г.

«...Сегодня суббота. Работаю над книгой Метельского. Между прочим, он хорошо написал, как ты с учеником ездила в тундру, а меня просто захвалил во многих местах. Напишу, чтобы кое-что выбросил».

26 июня 1959 г.

«...Мой доклад на экономической конференции в Норильске прошел замечательно. Решили опубликовать в трудах института (НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера). Статьи из нашей газеты («Красный Север») перепечатаны в здешней газете. Наши разработки по оплате труда в оленеводстве принимают во всех округах Севера. На ученом Совете говорили, что отдел экономики Ямальской станции (его возглавлял Броднев) — единственное «светлое пятно» из всех отделов экономики».

А 30 июня М.М. Броднев сообщает жене:

«Мои некоторые статьи по оплате труда в оленеводстве перепечатаны в газетах других северных округов».

Михаил Митрофанович успешно сотрудничал с окружной газетой «Красный Север», о чем свидетельствуют письма к нему из редакции.

«Благодарим за материал — ответы на вопросы юбилейной анкеты. Материал большой, исторический, представляющий, несомненно, немалую ценность, он с интересом встречен читателями.

...Ответы, особенно на вопрос «Ваши пожелания в юбилейном году?», мы постараемся опубликовать в номере за седьмого ноября. Читателям газеты «Красный Север», наверное, будет приятно получить пожелания от человека, тридцать лучших лет отдавшего Ямалу, освоению Севера. Редакция премировала Вас годовой подпиской на журнал «Рабоче-крестьянский корреспондент», который Вы будете получать с 1964 года. Нет сомнения, что журнал окажет Вам большую помощь в выборе тем, в написании материалов для нашей газеты. Ждем от Вас писем. С приветом редактор Любовь Баженова».

В период 1957–1965 гг. прошлого столетия М.М. Броднев — научный сотрудник Ямальской сельхозопытной станции. Бурная переписка с учеными, издательствами, редакциями газет и журналов, дискуссии и полемические споры открыли в Бродневе талант ученого-исследователя, трезвого аналитика, неутомимого, независимого и заинтересованного собеседника, умного и доброго помощника.

Его публикации в журналах «Советская этнография», «Советская Арктика», «Омская область», в Средне-Уральском издательстве «Наука», в Тюменском книжном издательстве, газетные статьи привлекли внимание многих ученых глубиной авторских наблюдений, суждений, выводов, достоверностью

фактов. Все они бережно хранятся в окружном архиве и доступны пытливым исследователям.

26 октября 1959 г.

«...Получено от Вас сообщение, что я должен читать лекции в Ленинграде по организации и экономике оленеводства и оплате труда. У меня подготовлено две лекции по себестоимости оленеводческой продукции. С практическими занятиями это займет десять-двенадцать часов...»

26 октября 1959 г.

«...Делал доклад на заседании комиссии по проблемам Севера и ученого Совета института этнографии. Следовало бы дополнить констатацию указанием на неразумное, хищническое отношение к природным богатствам. В Ямало-Ненецком округе в погоне за количественными показателями выполнения планов уничтожили осетра, сильно подорвали запас сиговых рыб, добыча их сократилась. На огромных территориях уничтожен ягель, и некоторых районах допущена массовая гибель оленей от бескормицы. На близлежащих угодьях уничтожается все живое.

Руководство области и округа считает, что поднять экономику округа и изменить быт населения можно только на основе рыбной промышленности. Принято решение все колхозы сделать рыболовецкими, то есть превратить их в придаток рыбной промышленности, ряд колхозов передать рыбозаводам. Нарушение комплекса хозяйства уже вызвало сокращение доходов колхозов, уменьшение заработков колхозников. «Рыбная болезнь» зашла глубоко, некоторые руководящие товарищи договариваются до идеи о целесообразности ликвидации оленеводства. За упадок оленеводства не наказывают, а у руководства не местные люди, а временщики: «нам бы выполнить план, а после нас хоть потоп».

Что можно сделать? Может, выступить в печати? Написать письмо в ЦК или Правительство? Почему бы комиссии по проблемам Севера не обсудить положение в отдельных округах?

Посоветуйте, что сделать, чтобы привлечь к Северу внимание и добиться устранения явно ошибочного направления в развитии хозяйства и культуры народностей Севера?»

2 февраля 1960 г.

«...Высылаю рукопись «Ямало-Ненецкий национальный округ в период развернутого строительства социализма» (первая редакция). Работаю над большой монографией об опыте социалистического строительства на Ямале.

Я говорил с профессором Окладниковым, и он сказал, что такая монография представляет интерес, тем более что автор много времени проработал на Севере. Поскольку профессор Окладников интересовался моими данными, кратко сообщаю: член КПСС с 1925 года, экономист. В округе работаю около тридцати лет: заведующим окружным отделом народного образования, председателем окрисполкома. Последние семь лет на научной работе (зав. отделом экономики сельхозстанции). За развитие хозяйства и культуры округа награжден двумя орденами, двумя медалями и грамотой Верховного Совета РСФСР. Имею мыслишку написать о Мангазее.

...Доволен, что моя работа передана на рецензирование Ю.Б. Симченко. Я с ним встречался, и он произвел хорошее впечатление».

8 октября 1957 г. Заместитель отдела пропаганды редакции газеты «Советская Россия» Б. Переберин — М. Бродневу:

«Край, возрожденный Октябрьской революцией» редакция газеты «Советская Россия» получила. Статья интересна, насыщена большим количеством фактического материала. Это хорошо, и в этом ее достоинство... Посмотрите, что можно сделать, внесите дополнения и вышлите обратно».

26 января 1959 г.

«...Научный отчет вашего отдела за 1958 год получен. Работа проделана большая и результативная. Три достижения экономистов станции включены в число предложений для широкой проверки внедрения в колхозное производство, которые посылаются институтом в Министерство сельского хозяйства РСФСР:

а) оплата труда в колхозном оленеводстве в зависимости от количества и качества мяса и шкурной продукции;

б) рекомендации по улучшению организации охотпромысла и упорядочению оплаты труда охотников;

в) оплата труда административно-управленческого персонала колхозов в зависимости от выхода валовой продукции.

Руководство института решило в этом году созвать в конце марта узкое научно-методическое совещание директоров опытных станций и некоторых научных сотрудников. Рассчитывайте выехать в Норильск в начале марта с расчетом участвовать в этом совещании».

22 августа 1964 г.

«...Ваши работы по Северу мне хорошо известны, тем приятнее будет Ваше участие в коллективном труде «История Сибири» (V том). Мы весьма заинтересованы в том, чтобы получить материалы по Ямало-Ненецкому округу как можно скорее».

...Нам нужны цифры и факты (в том числе сведения о людях); если же Вы можете сопроводить их выводами по соответствующим разделам своей монографии, это будет также представлять интерес».

10 февраля 1965 г.

«...Удалось ли Вам отразить фундаментальные материалы Ямальской экспедиции В.П. Евладова? Их анализ послужил бы хорошей основой работы. Советую установить контакт с редакцией «Сибирский огней».

Благодарю за интересные работы и посылаю оттиск статьи по близким для Вас проблемам.

Ю.Б. Строкам (кандидат исторических наук, ответственный за разделы по национальному строительству «Истории Сибири»)».

17 июля 1966 г.

«...Хотелось бы от Вас, как редкого в научной среде старожила всевозможных процессов на Тобольском Севере, получить сведения об участии северных народностей в Великой Отечественной войне — конкретно о лицах, их судьбах, количестве...

Должен Вас уведомить: Ваша работа по округу передана на отзыв Ю.Б. Симченко, одному из солидных исследователей северных проблем.

От души желаю Вам здоровья и дальнейшего продолжения исследовательских работ по проблемам северных народов.

Т.Е. Терлецкий, доктор исторических наук, член Ученого Совета института этнографии

...С Новым 1970 годом!

Хорошо знаю Вашу практическую и научную деятельность, которая, безусловно, является крупным вкладом в дело национального возрождения народностей Обского Севера.

Примите в знак признательности мою монографию, и, если это не трудно для Вас, напишите о своих замечаниях. Я с удовольствием учту Ваши советы.

...не уверен в правильности объяснения терминов, которые использовались в Обдорске до революции и, вероятно, после нее. Все эти термины встречаются в документах Обдорской инородческой управы».

24 марта 1970 г.

«Большое спасибо за дружеское содействие в расшифровке некоторых терминов. Для меня это очень важно и очень кстати — книга находится в наборе, и я успею еще внести необходимые исправления. Юрий Пантелеевич Прибыльский говорил мне о Вашем желании написать рецензию на мою монографию. Я буду рад, если она появится на свет божий. Кому, как не Вам, и активному участнику социалистического строительства на Севере, и ученому-североведу судить о ней».

1 декабря 1970 г.

«Кафедра истории КПСС готовит к печати труд по истории малых народностей Севера. В приложении к нему будут указаны работы советских ученых по данной теме. Просим Вас, одного из исследователей, работающих в указанной области, прислать список всех своих работ, включая тезисы докладов и авторефератов диссертации.

Просьба объясняется желанием предоставить в распоряжение исследователей возможно более полный перечень имеющихся публикаций.

В. Зибарев, зав. кафедрой, доцент Томского инженерно-строительного института».

Наталья НОГО

От редакции:

В следующем номере журнала — наш рассказ в письмах о встречах и общении М.М. Броднева с именитыми ямальцами-писателями, общественными деятелями и его роли в их судьбе. Так что продолжение следует.

(Северяне. — 2005. — №3. — С. 7-10. — К 75-летию Ямало-Ненецкого автономного округа. К 410-й годовщине Салехарда).

Михаил Броднев:
«В интересное время мы живем...»

Как было обещано, продолжаем публикацию писем к видному ямальскому государственному и общественному деятелю 40–60-х годов прошлого столетия М.М. Бродневу. Они хранятся в государственном архиве ЯНАО. Надеемся найти внимательного, заинтересованного читателя, который в них представит то время и его современников. Председатель Ямало-Ненецкого окрисполкома после нескольких лет работы в Якутске возвратился в Салехард. В 1956–1967 годах он работал заведующим отделом экономики, старшим научным сотрудником Ямальской сельскохозяйственной опытной станции, в 1969 году — вышел на пенсию и уехал в Тюмень, но связей с Ямалом не прерывал.

«Вы сто раз правы, литература наша о Севере еще однобока и слащава».

И.Г. Истомин — выпускник Салехардского педучилища, член Союза советских писателей, поэт, художник, певец Ямала.

28 сентября 1956 г.

«...Чрезвычайно рад Вашему письму. Знаете, я частенько вспоминаю Вас и думаю, не оставил ли Михаил Митрофанович мысль написать книгу о ненцах? Я помню, как Вы работали над архивными материалами. Оказывается, планы свои Вы осуществляете. Очень похвально.

А я после выезда Вашего из округа выпустил две книги: одна на ненецком языке, сборник стихов «Маня Нгэрмва» («Наш Север» — издан в Ленинграде в 1953 году), вторую — сборник прозы на русском языке «Утро Ямала». Он издан в прошлом году Тюменским книжным издательством. На этот сборник появилось в печати несколько отзывов, в том числе — в «Литературной газете» и в «Сибирских огнях»... В результате в прошлом году я принят в члены Союза советских писателей, с чем и можете поздравить меня.

...За эти годы опубликовано несколько стихов в центральной печати — в альманахе «Дружба народов», в журнале «Нева», а также — в «Сибирских огнях» и в «Омском альманахе». Недавно получил письмо из редакции «Знамени» с просьбой прислать новые рассказы. Помаленьку начинаю выходить «в люди». Сейчас Тюменское книжное издательство готовит к печати сборник стихов на русском языке.

Вы сто раз правы, литература наша о Севере еще однобока и слащава. И очень обидно и стыдно, что и повесть моя «Последняя кочевка» страдает этим же. Но тему перехода на оседлость я намериваюсь затронуть по-настоящему — ведь эти мероприятия не менее легки, чем, скажем, коллективизация, полны противоречий и драматизма. Тут тоже ломаются вековые устои. Кстати, в настоящее время в округе вопросы оседлости отодвинуты куда-то на самый задний план, а сделано очень мало. Верно ли это?

Вы сообщаете, что по просьбе Института этнографии напишете статью с разбором допущенных ошибок в хозяйственном и культурном строительстве на Крайнем Севере. Как хотелось бы мне скорее прочитать

ее! Вы много сил и времени отдали делу освоения и преобразования Обского Заполярья и лучше, чем кто-либо, знаете и трудности в этом деле, и ошибки. Поэтому Ваши высказывания будут очень ценными, полезными и в моей творческой работе. Осмелюсь просить: если можно, пришлите мне экземплярчик этой статьи, как только напишете... Просто на правах рукописи для практического пользования в литературном творчестве, как дельный совет старшего и знающего товарища. Пойдет? а то когда еще смогу увидеть в печати эту статью.

Творческих планов у меня много. Неплохой и немалый материал в моем распоряжении об установлении Советской власти в Обдорском крае и о подавлении бандитизма. Давно мечтаю взяться за автобиографические рассказы для детей.

...Ваш совет познакомиться с якутской литературой принимаю с удовольствием.

...Книгу М.А. Сергеева «Некапиталистический путь развития...» я имею с дарственной надписью автора. Переписываюсь давно, он давал рекомендацию для принятия в Союз писателей. Вторую — дал украинский писатель Н.М. Строковский, проведший месяц в Салехарде, третью — ОК КПСС. Согласен, что в капитальном труде Сергеева много неточного и ошибочного о ненцах, а фактического материала, верно, много.

Приезжайте, рады видеть Вас. Большой привет Станиславе Ивановне. Будет времечко — пишите. Буду рад. Крепко жму Вашу руку и желаю хорошо отдохнуть, набраться свежих сил и успешно осуществить литературные планы».

11 января 1957 г.

«...Очень извиняюсь, что задержал ответ... Текучка газетная заела. В последнее время много времени отняли конференции, пленумы и сессии.

О названиях ненецких родов (фамилий):

1. Слово «Нгадер» имеет правильное написание, но это написание ненецкое, так как в русском произношении начальные буквы НГ, обозначающие один звук (заднеязычный Н), присущий только ненецкому языку, обычно опускаются. Поэтому фамилия (род пуровских ненцев) и в документах, и в печати пишется Адер. Так же, как «Нгани торова», — обыкновенно говорим и пишем «Ани торово»... (И так 78 названий!)

Если нужны названия каждого рода в переводе на русский язык, напишите. Вышлю перевод.

...Высылаю свою книжонку и прошу по-товарищески, принципиально критикуя, сообщить свое мнение».

В конце 1959 года Истомин переезжает в Тюмень. Между редактором тюменского книжного издательства Истоминым и старшим научным сотрудником Ямальской сельскохозяйственной станции Бродневым продолжается деловая переписка:

12 октября 1959 г.

«...Большое спасибо Вам за письмо. Рад был узнать кое-какие новости о делах в родном крае, особенно о книге Метельского. Сообщаю, что брошюра Вострякова и Галикбарова о лучших оленеводах колхоза имени Ленина будет издана Тюменским книжным издательством. С рукописью я ознакомился. Брошюру будем

издавать и на ненецком языке. Вероятно, в начале 1960 года, так как потребуется время для перевода.

Живу я на новом месте как будто неплохо. Квартиру получил, правда, она для моей семьи немного маловата и — на третьем этаже, но надеюсь в будущем получить более подходящую. Семья здорова. Чувствуем себя на новом месте нормально. Недомоганий у меня стало меньше.

На днях вышла книжка «Дети тундры», скоро ее переведут на ненецкий язык. Тогда вышлю Вам по экземплярчику».

Почтовая карточка (без даты):

«Приветствую дорогого Михаила Митрофановича!

Поздравляю Вас с выходом в свет Вашей умной и ценной работы «Из истории земельных и имущественных отношений у ямальских ненцев» и от души благодарю за присланный экземпляр этого труда.

Надеюсь, она поможет мне в предстоящей работе над задуманным романом «Обдория», материал для которого я собираю уже давно, о судьбах нескольких поколений ненцев, хантов, коми и русских, начиная с переселения ижемцев в Обдорию и до наших дней. Не посоветуете ли мне, где и какой я смог бы найти материал для этой вещи — у меня недостаточно материала о деятельности крупных рыбопромышленников.

Очень рад, что выйдет ваш труд о Ямале».

В.И. Ядне — советский и партийный работник. В 1951–1958 годах — второй секретарь Ямальского райкома партии, заведующий отделом культуры Надымского райисполкома.

21 апреля 1957 г.

«...Привет вам из Ныды, мы прибыли благополучно, но пока с квартирой не устроились — поместились в кабинете.

22 апреля намечается пленум райкома партии о состоянии политико-массовой работы в районе (это касается прямой моей работы — культуры). Двадцать третьего — сессия райсовета с вопросом «Об исполнении бюджета за 1956 и утверждение его на 1957 год». Двадцать четвертого — председатель райисполкома вылетает в Салехард на исполком окрсовета по вопросу обеспечения орудиями лова колхозов Надымского района.

...Я назначен заместителем председателя районной комиссии по подготовке и проведению сорокалетия Великой Октябрьской революции. Поручено разработать лекцию на тему «Установление Советской власти на Обском Севере». Придется использовать материал из жизни и участии старожилов в период организации первых кочевых Советов, раскулачивания богатых оленеводов, учесть особенности борьбы за организацию колхозов.

Вас прошу дать совет, какие моменты, какие вопросы можно осветить».

В конце письма Владимир Иванович просит дать, рекомендации, проконсультировать, выслать материал для предстоящей лекции. Выражает надежду на постоянную переписку: «всегда, где бы мы ни находились».

В 1966 году В.И. Ядне работал заместителем редактора газеты «Красный Север» (на ненецком языке) и инструктором ОК КПСС.

По содержанию следующего письма можно предположить, что оно яв-

ляется ответом адресату на вопрос «Жили ли на Ямале до ненцев люди? Кто они и какие?»

30 ноября 1966 г.

«...Охотно отвечу на вопросы, поставленные Вами. О существовании народа, жившего на Ямале до ненцев, сами они не знают. Сведения есть только в литературе. Но ненецкий народ слагал легенды о сихиртя, которые живут под землей, выходят только ночью, чтобы не попадаться на глаза людям.

В конце 65 — начале 66 года для сбора ненецкого фольклора окружным Домом народного творчества в Тазовский район была командирована группа работников. В ее составе ездил учитель — ненец Г.А. Пуйко из Ярсалинской школы. Он рассказывал, что, будучи в Тибей-Сале (от Тазовска в девяноста километрах по реке), встретился с Салиндером, стариком лет под девяносто (имя не помню). Тот поведал: когда был мальчиком лет десяти-двенадцати, к ним из Таза или Мангазеи пришли русские.

Узнав, что на одном из крутых берегов обнаружены следы человека, несколько ненцев, в том числе и мальчик Салиндер, организовали поимку человека. В результате долгой, тщательной слежки убедились, что человек ночью выходит, спускается с крутого обрыва. Добраться туда люди никак не могли, так как обрыв был очень скользим. Но каким-то чудом удалось попасть... С помощью пешни начали ломать вход в жилье. Попытались войти, но вход оказался настолько узким, с поворотами, что люди никак не могли зайти. В конце концов, при свете лучинок вырыли вход. Когда вошли в жилье, увидели двух обитателей подземелья. Одного из них связали веревками. Пока возились с ним, второй убежал. Когда везли связанного сихиртя, тот, который был на свободе, убежал в лес, издавал душераздирающие звуки.

Приехав в селение, связанного сихиртя закрыли в деревянную избу. Назавтра пришли — в избе его не оказалось. Под избой обнаружили выкопанную снаружи дыру. Сделали вывод, что пойманного сихиртя освободил тот, который находился на воле.

Больше подобного явления на Обском Севере не встречалось.

...Только что вернулся из длительной командировки к оленеводам Ямальского района. В тундре был Октябрьский праздник.

Очень рад, что выйдет Ваш труд о Ямале. Он будет справочником в практической работе среди народа».

Как никогда нужны ваши добрые советы и помощь

С Анной Михайловной Пушниковой, директором окружного краеведческого музея, хранительницей ямальской истории, у М.М. Броднева были теплые, доверительные отношения. Познакомились они, когда Аня была подростком. Носила Бродневым молоко, училась вместе с дочерью Татьяной. Для Анны Михайловны Броднев был добрым другом, защитником, наставником и советником.

В окружном архиве находится несколько писем Анны Михайловны, только что приступившей к работе директора окружного краеведческого музея:

24 мая 1969 г.

«...Здравствуйте, Михаил Митрофанович, Станислава Ивановна. С приветом к Вам, с пожеланием самого наилучшего в Вашей жизни Аня Пушникова. Давно есть желание написать письмо.

С первого марта работаю директором музея. В музее полный беспорядок, библиотека в ужасном состоянии. Заказала шкафы. Харлампов, (директор горпромкомбината) пошел навстречу, но стоят они дорого. Помогли составить смету по капитальному ремонту. Свет включать нельзя — нужно менять всю проводку. Предлагают сделать водяное отопление: в музее очень холодно, надо загонять тепло.

Мне не приходилось заниматься такими делами. Не нравятся стенды, а как надо — сама не знаю. Прочитала массу литературы, но еще не представляю. Следует съездить в хорошие музеи, а нет сейчас времени: июнь, июль — ремонт.

...Хочу в отпуск, три года не выезжала, и детей надо вывезти... Одно дело хотеть, но если не утеплю здание, зимой замерзать будем.

Проделала небольшую работу: провела день открытых дверей для заведующих клубами округов. Провела вечер жителей улицы И.Ф. Ного. И есть планы провести подобные вечера жителей улиц Ламбиных, Канева, Гаврюшина... Идет подготовка к предстоящему юбилею округа, основанию музея и его библиотеки... В музее очень тесно, невозможно все показать.

Вчера просматривала все личные дела. Немного есть о Станиславе Ивановне, но почти ничего о Вас, Михаил Митрофанович... Я бы хотела больше материала иметь о Вас... Если есть возможность и располагаете какими-либо ценными документами, воспоминаниями, фотографиями (о себе и нашем крае), пожалуйста, вышлите. Можете и в газету «Красный Север».

...У меня установлена переписка с дочерью Чубынина. Вы не знаете Ревнивых? Он многое сделал для восстановления музея — мне писала Чубынина.

Вот такие мои дела. Пусть трудно, но приложу все силы, чтобы было неплохо. Ханты-Мансийский музей вызывает на соревнование.

Жду от Вас ответа. Желаю хорошего здоровья. Спешу на работу».

15 октября 1969 г.

«...Многое изменилось. Уже сейчас есть небольшой опыт работы. Ремонт понемногу делаю, но нет рабочей силы: все стали грамотными, некому работать. Одни две недели работали, показалось мало за работу восемьсот рублей — отказа-

лись. Осталось побелить и покрасить в двух залах. Самое главное — перебрали полы. Остальное, что не доделают, своими силами выполним.

Сейчас готовим вечер-портрет, посвященный старейшему коммунисту города Анне Яковлевне Давыдовой. Исполняется пятьдесят лет, как она в партии. Хотелось бы получить Ваше поздравление, прочитаем на вечере. Поздравление высылайте на музей на имя А.Я. Давыдовой. Она уже очень старенькая стала. Много никуда не ходит. Очень волновалась. Узнав, что хотим отметить ее юбилейную дату».

16 декабря 1969 г.

«...С чувством глубокого уважения к Вам Аня (как вы меня помните). В моей памяти Вы остались как самые хорошие друзья. А сейчас, когда я работаю в музее, как никогда нужны Ваши добрые советы и помощь.

На новом месте десять месяцев, но позади уже много проделанной работы, а впереди еще больше.

В интересное время мы живем, хочется как можно больше сил вкладывать в работу. Такой творческий подъем в связи с юбилейными датами. Составила смету на капитальный ремонт (для меня это было ново).

Провели ремонт, утеплили пол, привели в порядок библиотеку. За счет освободившегося места оборудовали небольшой читальный зал. Пополняется фонд литературы о крае.

С марта провели девять массовых мероприятий: устных журналов, дней ветеранов, вечеров-портретов, день открытых дверей музея, сбор «наш край по заветам Ленина». Это новинка в работе музея.

...Дело идет неплохо. Но беспокоит сохранность фондов, так как нет хорошего хранилища. А строить, думаю, дело будущего.

Обижена на окрсовет: совершенно никаких документов не дают в музей, на сессии не приглашают, забывают. А мне надо посещать собрания, заседания, изучать жизнь, край. Думаю на днях побывать у Юматова, председателя окрсовета, поговорю с ним, чтобы повернулись лицом к музею, единственному месту, в котором собирается ценный материал.

Жители любят музей, в выходные дни бывает по триста человек. Мне не стыдно идти к начальству, у меня уже есть небольшой опыт работы. На вечер, посвященный пятидесятилетию партийного стажа А.Я. Давыдовой, пришла вся партийная организация. Всем понравилось. Это был вечер типа «огонька» за чашкой чая. А ведь когда готовила вечер, сколько было препятствий! Я никого не слушала, шла напролом. Мне не верили, в том числе работники горкома партии. Но вечер показал, что надо продолжать эту работу. Получили поздравления от Вас, Тани, из Нижнего Тагила. Деньги были собраны от многих организаций, в которых работала Анна Яковлевна. Она призналась, что никогда не ощущала такого внимания и уважения. Сейчас у нас хорошие отношения. Она мне очень помогает.

На днях около городского сада будет открыт памятник Сенькину. Он ветеранов Севера готовим венок из красивых гвоздик.

Посылаю фото с вечера (*дается подробный комментарий к фотографиям. После долгих рассказов о людях — снова о проблемах. — Прим. Н.И. Ного*).

Сейчас надо найти оргстекло. Плохо, что нет уборщицы, сторожа. Надо добиваться. Дойду до Максимова *(секретарь окружкома партии. — Прим. Н.И. Ного)*, но своего добьюсь. Дел впереди очень много.

Михаил Митрофанович, хочу написать письмо Бударину, автору книги о Севере. Вы не знаете его адреса? в декабре хочу побывать в Панаевске. Проведу в клубе для жителей вечер. Побываю у Тани *(дочь Броднева. — Прим. Н.И. Ного)*.

Пишите, очень жду ответа. Больше пишите о себе.

С уважением Аня».

На первое письмо Михаил Митрофанович ответил с опозданием:

«Дорогая Аня. Простите, не знаю Вашего отчества. В моем представлении Вы все еще молодая девушка, подруга моей дочери, Аня.

Спасибо Вам за большое письмо. Дела музея меня всегда интересовали. Понимаю Ваши трудности, преодолевайте их. Боюсь, что нефть и газ вытеснят из музея все о местном населении. Не допускайте этого. Пусть нефтяники, газовики, да и все геологи достроят к этому зданию большое помещение для геологического отдела. А такой отдел должен быть в музее. Поговорите с Прохоренко (ОК КПСС), Вас должны в этом поддержать. А для геологов такая достройка не обуза.

Очень одобряю Ваше намерение отметить пятидесятилетний юбилей партийности Анны Яковлевны. Посылаю поздравления от нас. Со временем Таня передаст Вам и обо мне материалы. Их будет достаточно. Сейчас послать Вам документы не могу — еще могут понадобиться.

У Вас в музее есть рукопись моей книги. Некоторые товарищи поступают с ней нечестно. Как-то в «Красном Севере» была статья окрвоенкома. Сергей прочитал и говорит: «Из твоей рукописи, дед». Сверили... дословно.

Как-то по радио передавали статью одного работника управления сельского хозяйства. Сверил. Дословно из рукописи. Встречаю его, говорю: «Это называется литературным воровством». А он: «Мне было некогда, а я обязан был дать текст. Я и сдул у тебя».

Ну, да Вы ни причем. Не давайте рукопись уносить из музея.

Живем по-пенсионному. Давно не писал даже статей, но собираюсь для «Красного Севера» написать такую — «Забота В.И. Ленина о народностях Севера».

Посылаю поздравление Анне Яковлевне».

А это небольшое письмо от 30 августа 1970 г. — ответ на телеграмму Анны Михайловны. В ней она выражала соболезнование в связи со смертью жены М.М. Броднева, Станиславы Ивановны:

«Дорогая Анна Михайловна! Телеграмму от Вас получил. Значит, о моем горе знаете. Ушел из жизни замечательный человек. Умирала мучительно. Опухли легкие, не воспринимали воздуха, и она медленно задыхалась.

В музее Вы, вероятно, собираете материалы о старых северянах. Направляю Вам документы Станиславы Ивановны. Они в какой-то мере иллюстрируют и историю округа. Например, в них видно, что в 1932 году в Новом Порту была школа, а в 1933 году начал работать Ярсалинский интер-

нат. Положите их в ее дело. Написал биографическую справку, прилагаю фотографии. Оставьте, что считаете нужным, в музее.

Передайте мой привет Вашей матушке. Станислава любила ее и считала хорошим человеком, труженицей».

Письма... Не часто бывает, чтобы они соединяли большого государственного руководителя с земляками на долгие годы. Да так, чтобы можно было запросто рассказать ему о своих бедах, попросить взаймы деньги и помощи.

Надо, наверное, быть очень уважаемым, понимающим, авторитетным, любящим людей и сочувствующим им человеком. Таким и был Михаил Митрофанович Броднев, письма к которому сегодня опубликованы.

Он был надежным, обязательным, глубоко порядочным. Ни одна просьба не оставалась у него без внимания. А если им дано обещание помочь, выслать, сделать, то оно непременно выполнялось. Помощь была бескорыстной, носила практический характер. Его слово было правдивым и твердым, и советы — незатейливыми, деликатными, лаконичными, они вели людей по жизни.

Характер общения был уважительным, доверительным и очень открытым. Авторы писем Бродневу во многом его единомышленники. Их объединяли общие дела на благо Ямала, одна любовь к одному краю, истории народов Ямала, во имя которой они жили и трудились.

С И.И. Истоминым Михаил Митрофанович обсуждал проблемы округа, обменивался литературой и мнениями не только о литературе — о самых разных явлениях жизни.

Имея большой опыт государственного руководителя, он оказывал большую практическую помощь молодому советскому работнику Владимиру Ядне — через советы, рекомендации, консультации.

Юной Анне Пушниковой помог устроиться на работу, когда в семье Ани возникли трудности. А впоследствии определил дальнейшую судьбу, предсказав путь краеведа, по которому она с радостью и любовью прошла до последнего часа.

Занимая высокие посты, Михаил Митрофанович оставался простым, сердечным человеком, добрым, внимательным, отзывчивым товарищем.

Наталья НОГО

(Северяне. — 2005. — № 4. — К 75-летию Ямало-Ненецкого автономного округа. К 410-й годовщине Салехарда).

Неизданное

7 июля 1944 г.

«Моя дорогая Стасенька!

Пользуясь поездкой Прибыльского, пишу тебе. Меня уже берет тревога, не привык я долго не знать, где ты и как твои дела. Ждал телеграмму из Тобольска, но ее не оказалось, хотя говорят, что пароход уже прошел Тобольск. Тебя я не обвиняю, ты, может, и дала телеграмму, но ее нет. Непривычно для меня, что тебя нет дома и дом мне кажется как будто не наш. Правда дома я бываю мало, сейчас много возни с транспортом, а еще добавилась борьба с тифом. Завезли нам этой пакости порядочно, а я возглавляю чрезвычайную комиссии по борьбе с эпидемией. В городе случаев мало, а в районах изрядно. Применяю решительные и чрезвычайные меры, а это отнимает много времени и нервной энергии.

Хватит о делах. Как все вы мои родные доехали, и как ты моя хорошая себя чувствуешь? Дорога, наверное, тебе тоже досталась. Борьба за место на плите, расчет продуктов, желание лучше накормить ребят и сознание, что путь еще далек. Все это, конечно, трудно и не дает отдыха, который ты могла бы иметь одна. Я хотел послать подкрепление, но пароход вряд ли будет быстро в Омске, я пошлю, а вы уедете. Мог бы послать рыбы или консервов, но пройдет 10-12 дней, а вряд ли вы столько времени пробудете в Омске. Ты же «рассеянная, бассейная» не оставила мне тобольского адреса и фамилии твоей приятельницы, которая на пристани. Послать в Тобольск «на деревню дедушке» я не решаюсь. И память у меня к несчастью с дыркой и ее фамилии я не помню.

Стасенька! Делай все, чтобы отдыхать и поправиться. Если надо, а это полезно, если у тебя хорошее спокойное настроение, то заезжай в Тобольскую деревню и отдыхай. Плохое настроение — приезжай сюда. Вещи не жалей, если проешь, наживем, не наживем скоро, живали и без них. Знаю, что ты на этот раз поступишь благоразумно и подумаешь о своем здоровье. Телеграммой сообщи мне твои желания.

Обо мне не беспокойся. Я сыт. В исполкоме по прежнему кормят, по моей карточке (столовской) Емельяновна получила продукты, в том числе 5 кг муки, хлеба нам хватает, суп она варит исправно, а завтра обещает накормить пельменями — получила свежее мясо. От командировок меня пока избавляют, и мне хочется дожить до первого, чтобы если нужно, я смог послать тебе продуктов. Адреса и фамилии тобольские ты мне сообщи. Получу кое-какую помощь на лечение и расплачусь с частью долгов. Так что и денежная сторона у нас немного облегчится...

Стасенька моя милая, хорошая, скучаю ведь я по тебе, прирос я к тебе душой и вот, когда тебя нет в доме, это чувствую с какой-то большой силой.

Жду, моя родная, от тебя хорошего письма и главное жду тебя поправившуюся, отдохнувшую. Ты мне всякая нужна и хороша, но ведь тебе же легче, когда ты лучше будешь себя чувствовать.

Вот уже 3 часа ночи, а не могу бросить письмо, также как иногда мы с тобой не можем закончить

разговор, и конца бы ему не было, если бы человек был лишен потребности спать.

Но я знаю, что ты меня не одобришь, если я не лягу спать и поэтому подчиняюсь, ложусь.

Вот ведь забыл сообщить: Емельяновна помидоры посадила и огурцы тоже. Твой приказ выполнен.

Завтра я иду в баню, так что и санитарная сторона тоже в порядке.

Крепко, крепко и много, много целую тебя моя любимая.

Твой Мишка».

Это письмо Михаил Митрофанович получил от Станиславы Ивановны, когда после освобождения из тюрьмы поехал в Омск восстанавливаться в партии.

31 сентября 1939 г.

«Мишенька, родной мой!

Зачем ты обижаешь меня, говоря, что я тебе мало пишу. Я послала тебе две посылки авиапочтой, одна с бельем, а другая с папиросами и табаком. В этих посылках лежало по письму от меня. Дала 2 телеграммы и вот еще пишу письмо сейчас. Пока был в дороге я не знала куда писать, а сейчас я была 3 дня занята на конференции, а дома писаниной плакатов и подготовкой к учебе, но и то я в это время дала телеграмму. Напрасно, обижаться на меня не надо. Ты сам говоришь, что на меня сердиться нельзя, ну и не сердись. Ведь все равно ты знаешь, что ты для меня — все, что ты самый вкусный и лучший. Сейчас напишу тебе все время, проведенное без тебя. Я тебя правда не видела в Салехарде, и это меня очень огорчило и еще, что без поцелуя улетел, и я осталась без него. Ваню я так и не дождалась, и поплелась до дома одна, без чемодана. Только в S девятого я пришла домой. Шла нарочно тихо, во-первых, нога смозолена, а во-вторых, так тихо и хорошо — хорошо грустилось о тебе.

Я очень думала, иззаботилась о тебе и совсем в себя не смотрела, а тут и о тебе и о себе думала и пришла к выводу, что мне без тебя и тебе без меня не жить, а если и останемся по одному, то все равно не жильцы, а пропащие. Все перебрала в уме, что было и мне очень хорошо с тобой, а тебе, думаю, со мной. Сейчас тебя нет здесь, но я знаю, что ты со мной и мой, а от этого спокойно и торжественно на душе.

На второй день меня забота брала о чемодане и о квартире, походила по Сале-Харду и пошла на аэропорт с Шуркой.

Ваня в стельку пьян и спит, и Нина его отдала чемодан, пояснив случившееся. Ваня ей сказал, что ты летишь 20, и она не торопилась домой вместе с ним, а он был пьян, ей пришлось и чемодан нести, и его вести. В общем, мы с Шуркой вечером принесли чемодан, по дороге грибов набрали. 21 я собрала тебе посылку и Алле, но на почте Аллы посылку забраковали, а твою приняли. Вечером готовила азбуку для занятий, а на следующий день получила твою телеграмму и стала собирать тебе посылку. Да детям собрала посылку. Одеялко байковое у меня Галя выпросила, а мне дала светлого 2 S м. искусственного шелка, я согласилась, т.к. ей надо для грудного ребенка, а этот материал послала Танюшке — к празднику нарядное платье ей

сошьют. Потом будет бумазея, куплю им на штанишки теплого, да сахару с чаем немного... Вечером подбирала учебники и материал для работы. Потом конференция началась. 3 дня с 10 до 8 заняты были, до 8 вечера конференция, а там разработка планов, которые дома строчишь. Вчера (28) сидела в школе работала, а вечером дома. Сегодня 29 утром стирала, гладила, обедала и села за письма. Потом пойду квартиру искать, да не думай, что по городу, нет просто в один дом, мне говорили, есть квартира. Вечером переписывать набело план. Завтра с утра по переписи учеников (по домам ходить S ул. Ленина). Потом составить на неделю рабочий план, вот и бежит время как вьюн, еле поймаешь. Легче и веселее работать было бы, если ты был бы здесь. Очень скучаю без тебя. Ходила 27 в НКВД за ружьем два раза, и мне милиционер сказал, что Желтовский велел передать, что выдаст его только 1 сентября, якобы оно еще не получено, но боюсь, что не в этом дело. Как получу ружье, так тебе сообщу. Лущин его охотно возьмет, если оно не испорчено, он уже у меня спрашивал о нем. В горсовете деньги 144 руб. получила... Видишь, мой хороший, тебе письмо буду писать два дня. Не потому, что лень, а наоборот, хочу больше и много писать, чтобы тебе, как книгу, надолго хватило читать.

Погода у нас такая же дрянная, как и была при тебе. Ходила в лес с Шурой два раза. Принесла ягод и засыпала сахаром 5 литр. на вино к празднику. Купила ягод и варенья наварила до твоего приезда и не трону ни разу. Отдала твой китель на перелицовку и подклад новый, всего станет 100 руб... Как видишь все делаю так, чтобы тебе лучше было и очень хочу видеть тебя скорее.

Ты меня уговариваешь кушать, да я хорошо ем, и за три дня конференции ходила в столовую два раза в день и проела 50 руб. Ну это очень дорого. Но пришлось так есть, потому что дома некогда готовить и сидеть много на конференции голодом трудно. Вот и ела как медведь. Мишенька! Миленький, хороший, ты лучше о себе больше думай и будь внимательней к себе, ты знаешь, что мне это очень приятно. Я, например, очень рада, что ты на дерево не полез, и действительно я бы тебя ни за что не пустила. Ты всегда думай, а нравится ли это Стаське, я так же думаю, когда хочу сделать что-нибудь и не уверена. Обязательно мысленно у тебя разрешения спрашиваю.

Все твои письма и телеграммы получила, но ты мне в них пишешь, что от меня ничего нет. Я очень беспокоюсь о посылках и телеграммах, где просила тебя купить или достать книгу «Педагогика» издание 1939 г. Авторы Гончаров и другой на букву Е, но его я забыла. Если будешь в Москве или Ивану напишешь, то поищи новые методики для начальной школы за 1939 г., и в крайнем случае, за 1938 г. Мне они очень нужны. Без тебя мне удалось выписать Учительскую газету с августа и уже имею все нумера этого месяца.

В общем, на всякие книги и газеты деньги летят у меня, а без них нельзя. Друг ты мой, сейчас получила телеграмму от тебя, что посылки получил, очень рада за тебя, что скоро у тебя дела кончатся. От всей души желаю тебе удачи. Ведь твоя

удача — моя удача. Родной, я сегодня сняла комнатку, частную. С дровами и водой за 100 р. в месяц. Правда, стенка одна заборка но глухая, лучшего пока ничего нет, но я очень рада, что свой уголок, близко ходить в школу и в центре. Ул. Ленина 46. Это как раз против библиотеки или наискосок от почты. Если ты будешь работать в Зооветехникуме то и тебе близко будет. Как только устроюсь, так дам телеграмму и новый адрес, а поэтому адресу и писать будешь.

Вот из-за этой комнаты и письмо затянулось, а то бы я сегодня отправила его 29. IX, а договора у меня не было до вечера, завтра выходной у почты, вот письмо-то пролежит один день напрасно. Я знаю как досадно тебе это, но милый, я хотела тебя порадовать своим ушлом и затянула письмо. Прости родной, но это только для тебя все старалась лучше сделать, правда, комнатка невелика, но в три окна, у зырян. Может, потом лучшее найдем что-нибудь. Вот уже 2 часа ночи, все в доме спят, только я не сплю, сижу за планами и твоим письмом. Все хочется тебе писать и писать о своей любви, но она так велика и сильна, что никак в словах не получается; вот если бы я могла положить в это письмо то, что я чувствую, так, наверное, никакой транспорт в мире не состоянии довезти это письмо, а я ношу в себе это чувство и не знаю утомления и тяжести его, а наоборот, мне легко и весело жить, мне прыгать и петь все время хочется. Вот до чего оно сильно и велико. Да нет и то жжет так выразила. Я так тебя люблю, так люблю, что и сказать не могу. Я всегда тебя крепко целую, а ты это чувствуешь или нет. Когда ты был со мной, так я плохо целовала тебя, а сейчас очень сильно. Только чувствуешь ли ты так же меня рядом с собой как я сейчас тебя? Ой, бумага кончается и я, кажется, все тебе мало сказала. Милый, хороший, лучше всех. Быстрее приезжай. Ведь вместе очень хорошо быть. Правда? Мне, кажется, (когда вместе бываем) что мы давно и много знаем друг друга, а как тебя нет, так я думаю, ой, как мало у Мишеньки спросила. Я хочу, чтобы ты и я были одно целое, как у меня рука и нога. Сами жить без меня не могут, так бы и мы с тобой. Ой, скорее, скорее быть вместе, единственное и самое большое мое желание. Целуй меня и я тебя столько же, мой и я твоя Стаська».

И еще одно письмо, написанное Станиславой Ивановной, по-видимому, уже после войны, когда Михаил Митрофанович был в очередной из многочисленных командировок по округу. Совместных детей у них не было, но его дети от брака с Татьяной Тимофеевной, Миша и Таня, жили тогда с ними».

18 декабря (год не отмечен)

«Дорогой мой Миша!

Только сегодня мы получили от тебя письмо, и это была большая радость для нас, а особенно для меня. Твои письма писаны 20 XII, но все равно они для нас свежи и дороги. Если бы ты видел картину сегодняшнего вечера, ты бы больше умилился и узнал бы, как крепко мы тебя любим... Я сразу прочитала ребятам их письмо, и они очень были рады, решили, что сразу напишут тебе письмо. Теперь сидят и пишут... Электричество не горит (оно часто капризничает). Я всем ребятам дала по конверту и листку бумаги. Горит десяти-линейная

лампа на столе и мы: Миша, Женя, Таня, я и Мишук (*Миша и Таня — дети М.М. Броднева, Женя и Мишук — его племянники. — Прим. авт.-сост.*) сидим за большим столовым столом, а слева шумит самовар, у Миши от напряжения швыркает нос, Мишук усиленно раскрашивает карандашом и только шум стоит от трения карандаша о бумагу. Таня по временам повздыхивает и ругает перо, которое спускает чернила. Бабушка чистит в кухне кастрюли, а Женя мелко и сосредоточенно, молча пишет. Я рада любому случаю, лишь бы только получить от тебя весточку и написать тебе письмо. Ты прав, написать можно много, но самое главное — встреча. Все же не забывай, милый, моих привычек, что я люблю читать и прошлое. На первых порах я предпочту тебя и твои рассказы, а как уйдешь на работу, то с большим удовольствием буду читать твои письма или дневник, который ты напишешь во время твоей командировки. Этот еще раз докажет, что ты меня все время помнил и находил минутки поговорить со мной. Я все переживу, но только боюсь за твое здоровье. Мне кажется, ты не вынесешь такой трудной командировки.

Больше всего боюсь за твою ногу. Она у тебя здесь была как лед, а там в такие морозы, она и совсем коченеет. Я почему-то жду, что тебя привезут или больного, или мертвого. В таком состоянии я нахожусь все время, и это я ничем не могу выжить. Пройдет тогда, когда ты будешь здесь. Дорогой и любимый, все, что можно вновь пережить в отсутствие любимого я вновь переживаю, знаешь, как поет «Князь Игорь». Я же, как жена князя Игоря — Ярославна, плакать готова каждый раз. Все жду и надеюсь в тайнике души на лучшее. Хочется верить и ждать хорошего. Умоляю тебя, береги свое здоровье и себя, если не для меня, то хоть для детей, а из-за них и мне ты достанешься. Вся жизнь и счастье — в тебе. Все для меня хорошо, то, что тебе хорошо. Молодец, что ты обеспечился одеждой теплой, но теперь позаботься о своих ногах и не перегружай сердце.

Мы живем хорошо. Мясо, рыба, хлеб и все у нас есть, а в отношении денег ты не беспокойся. Я уже рассчиталась за квартиру, электричество и за тушу мяса. Теперь осталась должна Дусе 600 руб. Думаю, пока ты ездишь, я все долги сквитаю и, кроме того, куплю кое-каких обнов. Я замещала две недели учительницу и за это время получила 4 кг рыбы, свежей селедки, добавочных талонов на хлеб 6 кг и денег больше двухсот рублей. Вот мой труд внес лепту в домашнее хозяйство.

Последние два дня 17-18 мы не занимались, т.к. морозы больше 40°С и нет занятий. С 20 числа я уже дома. Ругала я тебя за твою плохую заботу о нас. Сколько раз тебе говорила о ремонте дверей, и сейчас, когда неделю стоят большие морозы, то мы буквально замерзаем, даже в нашей спальне было 11°С, а в большой комнате и до 8°С. Ходила к Кузнецову и он дал плотника и после некоторой волокиты, сегодня часть двери и щели в полу забили, а остальное до понедельника. Получилась канитель с водой, но, кажется, она уладилась. Твоих дров пока хватит на этот месяц,

и то если утеплим все, а в противном случае не хватит. Стены в некоторых местах совсем промерзают. Окна еще бумагой проклеила, все делаем, чтобы собрать тепло. Детям думаю устроить елку, но они говорят, что когда приедешь ты, то обязательно сделать вторую, а то отказываются от этой первой и я им пообещала. Если есть там блестящие игрушки или хорошие конфеты, то ты им привези для той елки, которая будет при тебе. Меня все время все спрашивают о тебе и твоем здоровье, а поэтому ты чаще мне сообщай, да только правду.

Мне кажется, что ты уже давно уехал и скоро должен быть дома, а как посчитаю дни, так вижу, что уехал недавно, а ждать очень долго. Господи, хоть бы набраться терпения и дождаться тебя. Постараюсь больше не замечать дни, тогда скорее дождусь. Как ложусь в кровать, так и тебя вспоминаю. Все что было всплывает в памяти как явь...

Целую тебя нежно и крепко.

Твоя Стася».

Пожалуй, стоит привести и еще одно письмо М.М. Броднева. Его освободили по болезни от поста председателя окрисполкома в 1950 году. А в 1947 году началась 501-стройка, так что ему приходилось много заниматься и вопросами начавшегося строительства железной дороги «Чум-Салехард— Игарка». В главе «Из записных книжек Броднева» приводятся выдержки из его дневников. Иногда они написаны чернилами, иногда карандашом, многие просто не удалось разобрать. Но там есть записи, относящиеся к этому периоду. Позднее, когда встал вопрос о ее восстановлении, он писал Петру Константиновичу Татаринцеву, который во время строительства руководил объединенной Северной проектно-изыскательной экспедицией МВД СССР и Главного управления Северного морского пути.

20 ноября 1963 г.

«Многоуважаемый Петр Константинович!

Письмо Ваше получил. Понимаю боль Вашей души за заброшенную дорогу. Грустное впечатление производит она, поросла травой, а в некоторых местах грунт выдуло, шпалы и рельсы на весу. Около первой колонны мое рыбацкое место, и я часто вспоминаю, какой египетский труд вложен в это сооружение. Невольно вспоминается «Железная дорога» Некрасова. Между прочим, слышал, что Барабанов спился. Жаль человека. Большой и слабый человек одновременно.

Отвечаю на Ваши вопросы:

1. Берлина в Салехарде, допустил какую-то денежную комбинацию, и его уволили. Это было года три тому назад. Линейно-технический узел связи существует и это единственная организация, использующая железную дорогу. Дрезины ЛТУ ходят до Надыма. Поэтому Вы можете судить о техническом состоянии дороги. Правда, говорят, что по некоторым участкам ехать на мотодрезине страшновато. Начальником ЛТУ работает Михаил Дмитриевич Скурыхин (он Вас знает, в Ваше время работал зам. нач. окружной конторы связи). Я с ним говорил,

он охотно ответит на Ваш запрос, напишите ему, что Вас интересует. Его адрес: Салехард, Тюменской области, Линейно-технический узел связи (ЛТУ).

2. Мои личные наблюдения ограничиваются 15 км дороги. Помню, что Вас очень беспокоила проблема сохранения насыпи от выветривания. От Салехарда до первой колоны насыпь нарушена только в двух местах, появились проемы и над ними висят по 5-6 шпал. Говорят, что на всем протяжении до Надыма нет таких провалов, чтобы обрушилось целое звено рельс.

3. В районе, интересующем Вас, последние полгода работала большая комплексная геологическая экспедиция. Они Вам могут дать данные о полезных ископаемых территории, тяготеющей к дороге. Обратитесь официально по адресу: Салехард, Тюменской области, Комплексная геофизическая экспедиция. Началь-ник Баленеев Вадим Дмитриевич. Вы знаете, что в Ханты-Мансийском округе открыты большие запасы нефти. Некоторые геологи считают, что это только заливы большого нефтяного массива, основная часть которого находится в Ямало-Ненецком округе. На реке Таз (недалеко от районного центра) открыты огромные запасы газа. Между прочим, экспедиция, которая работала по трассе дороги, часть пути использовала для завоза техники и продуктов. Свяжитесь с ними, т.е. геологами, они будут Вашими сторонниками.

4. Знакомы ли Вы с книгой С.В. Славина «Промышленное и транспортное освоение Севера СССР» (Экономиздат. 1961). Он — автор, работает в СОПСе (Совет по производительным силам Академии Наук, теперь кажется СОПС перешел в Госэкономсовет), является ведущим специалистом по Северу. На стр. 207-210 он поднимает вопрос об этой дороге, но к ее восстановлению относится отрицательно. После выхода книги положение изменилось. Дело в том, что по соседству с Норильском обнаружены огромные запасы руды более богатой той, которую сейчас обогащают норильцы. Предстоит резкое увеличение производства, а следовательно, и грузо-оборота. Норильчане Вас должны поддержать, а это сила.

5. С областными организациями я не имею связи, поэтому не могу Вам посоветовать с кем дела иметь в Тюмени. Позвоните секретарю обкома Протозанову Александру Константиновичу, прощупайте его.

От всей души желаю Вам, Петр Константинович, сдвинуть с мертвой точки дело с дорогой.

Большой привет Вашей семье от меня и Станиславы Ивановны.

Салехард, ул. Ленина, 24. С уважением к Вам М. Броднев (подпись)»

9 июня 1948 (9)
№ 0251

Письмо в институт истории материальной культуры Академии Наук СССР:

«В ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР.

Исполком Ямало-Ненецкого Национального округа просит Академию наук СССР о высылке археологической экспедиции в Ямало-Ненецкий округ, ввиду необходимости исследования

богатых случайных находок на территории округа.

Рабочая сила для черновых работ будет предоставлена местными организациями.

Председатель Исполкома
Окрсовета депутатов трудящихся
Броднев.

Статьи М.М. Броднева

А фронт был рядом

— Многим трудящимся округа знакомо имя Михаила Митрофановича Броднева, одного из ветеранов социалистического строительства на Ямале. Директор Ямальской культбазы в Яр-Сале, заведующий окроно, председатель окрисполкома, он много сделал для развития экономики и культуры нашего края. В последние годы жизни, уже будучи на пенсии, М.М. Броднев работал научным сотрудником Ямальской опытной сельскохозяйственной станции. Здесь, в соавторстве с П.Н. Востряковым, он написал известную книгу «Оленеводство Ямала». Вместе с этим Михаил Митрофанович много работал и продолжает работать над исследованием этнографии и истории социальных отношений народностей Крайнего Севера.

Публикуя сегодня его интересные воспоминания, редакция просит откликнуться всех, кто был свидетелем или участником описываемых событий. Возможно, станут известны новые имена, новые героические события военных лет на Ямале. Мы просим включиться в поиск юных следопытов — пионеров и комсомольцев. Ждем ваших сообщений, товарищи!

Никто не забыт, ничто не забыто

Во время Великой Отечественной войны немецкие подводные лодки проникали в советскую Арктику, обстреливали зимовки, в частности, остров Белый и Диксон, минировали водные пути, нападали на суда, следующие Северным морским путем.

В 1944 году фашистская подводная лодка, обнаруженная радистом Николаем Богатковым за островом Белый, потопила советский пароход «Марина Раскова», на котором находилась большая группа полярников.

Летчик Матвей Ильич Козлов вылетел к месту предполагаемой гибели судна и обнаружил плавающие бревна, доски, масляные пятна, а людей в обозреваемой зоне не нашел, хотя предполагалось, что часть их спаслась на шлюпке и кунгасе.

Поиски людей продолжались три дня. Вначале обнаружили шлюпку, в ней находилось 25 человек. Чтобы взять всех, пришлось с самолета слить три тонны горючего, с трудом взлетел самолет с большой нагрузкой и благополучно доставил пострадавших на материк.

Начались поиски кунгаса. И его обнаружили, но свирепствовал шторм, посадка на воду была невозможна. Сообщили на базу: «Нашли кунгас. Если отойдем, потеряем из виду». С базы приказали: «От кунгаса не отходить, ждать корабль».

Семь часов летал самолет по кругу над кунгасом. Иссякали запасы горючего, на обратный рейс его могло не хватить. Что делать? Улететь

от кунгаса и оставить 38 человек на произвол судьбы или сесть при шторме в десять баллов и рискнуть самолетом и жизнью экипажа.

Экипаж пошел на огромный риск, направив самолет на штормовые трехметровые волны. Смельчаки победили, самолет при посадке не пострадал. Специалисты считают это редкой удачей.

Подойдя к кунгасу, бросили конец, закрепили его, а механик Камирный спустил резиновую лодку, прикрепил ее к веревке, соединившей самолет с кунгасом, и вместе со штурманом Леоновым стал перевозить людей на самолет. Для этого потребовалось сделать восемь рейсов.

Самолет, имея огромную перегрузку, не мог рассчитывать на взлет при таком шторме. До земли 140 километров. Оставался единственный выход — не лететь, а плыть, превратив самолет в глиссер. Моторы быстро перегревались, их выключали и ложились в дрейф. Таким образом, самолет медленно двигался к цели, и через двенадцать часов героические люди вступили на землю своей Родины.

В 1945 году было получено сообщение о том, что немцы заминировали северную часть Обской губы. Плавание судов севернее Се-Яхи было запрещено. На факториях Тамбей и Дровяная был ограниченный запас продовольствия, к весне 1946 года выдачу хлеба сократили до 200 граммов на человека в день, но и по этим нормам муки могло хватить только до осени. На многочисленные просьбы окружных организаций Наркомат речного флота отвечал: «Плавание судов севернее Се-Яхи запрещено». Подходила к концу навигация, а дело с завозом продовольствия в Тамбей и на Дровяную не решалось. С Северного Ямала поступали сообщения о тяжелом положении населения, о том, что колхозники в основном питаются оленьим мясом, а малооленные уже полностью уничтожили свои стада.

Перед руководителями округа стала сложная задача, ведь на Северном Ямале было более 2 000 человек местного населения, да сто семей русских работников ликвидируемого Тамбейского района. Без топлива и продовольствия оставлять народ на погибель было нельзя. Предполагалось вывезти их на оленях. Когда подсчитали, оказалось, что для этого потребуется много тысяч нарт, а такого количества транспорта на Северном Ямале не было, посылка же нарт из южных колхозов заняла бы много времени, да и не было возможности и обеспечить всех меховой одеждой.

В начале сентября у секретаря окружкома партии Александра Тихоновича Зенкова собрались руководящие работники округа. Что делать с доставкой продовольствия в Тамбей? Нельзя ли все-таки послать судно? Военные товарищи сказали, что мины вероятно магнитные, что заминированы только ходовые, указанные в лоции пути, что для деревянного судна эти мины менее опасны, что надо плыть подальше от обычного ходового пути. Решили рискнуть. Но тут возникло новое препятствие, — пристань и рыбтрест, единственные организации, имеющие флот, не могли, не имели права послать суда в запрещенный район.

Обошли это препятствие так: окрисполком арендовал у рыбтреста катер «Эйна», а у пристани баржу «Тара» без указания, как он их будет использовать. Это снимало ответственность владельцев судов за последствия.

Провести операцию поручили мне (я тогда работал председателем окрисполкома). Баржу «Тара» быстро нагрузили и теплоход «Микоян» отбуксировал ее в Новый Порт, где находился катер «Эйна». 14 сентября мы высадились в Новом Порту и совестно с директором рыбозавода Сыченко и механиком Крысовым осмотрели катер «Эйна» и выяснили, что он сможет сделать рейс в Тамбей. Командиром на катере работал Александр Васильевич Олихов.

Спрашиваю его: «Сможем сходить в Тамбей?»

— Сможем, если не будет шторма.

— Идти надо поближе к берегу и дальше от обычного хода.

— Понимаю.

— А знаете почему?

— Догадываюсь, но на фронте больше рискуют.

Два дня потребовалось на подготовку катера к рейсу. 16 сентября мы отчалили от Нового Порта. До Се-Яхи шли на буксире у «Микояна». Вот и запретная зона. Нас тепло провожает команда теплохода, и «Эйна» отправляется в тамбейский рейс самостоятельно.

Штилевая солнечная погода поддерживает бодрое настроение. Вот на горизонте и поселок. Стали на рейде. Подплываем к берегу. Нас встречает все население поселка. Секретарь райкома Георгий Васильевич Сидоров рассказывает, как будет организована выгрузка. Дело тяжелое, — есть только три рыбацких лодки грузоподъемностью полторы-две тонны каждая.

Из ненцев созданы бригады по выгрузке, работали слаженно, напряженно и через три дня груз был на берегу. Петр Алексеевич Шуткин, председатель Ямальского райисполкома, сутками находился на берегу и исключительно организованно провел выгрузку. Хорошо помогли олени, они везли на нартах по мели груз, выгруженный с лодок.

20 сентября «Эйна» вышла из Тамбея. Теперь на буксире был более ответственный груз — около двухсот человек. В мозг вползал проклятый вопрос: а вдруг?

Мы с Олиховым не сходили с капитанского мостика.

Вот и Се-Яха. Рейс завершен удачно. Меня пригласил к себе Васильев, капитан парохода «Нахимов», перегоняемого к нам из США. На столе появилась бутылка спирта и разнообразные консервы с американскими этикетками.

— Отметим ваш удачный рейс. Мы все-таки беспокоились, — сказал капитан.

— Откуда у вас такое разнообразие американских консервов?

— Да ведь капиталисты народ дошлый. Вот пригнали нам этот пароход и начинили его консервами, комплектами посуды на несколько команд, погрузили клозетной бумаги лет на пять. Каждый из них стремится нажиться на войне. Стервятники.

Капитан пошел на вахту, пожелав мне проспать в его каюте до Салехарда. Что я охотно и сделал.

Персональный пенсионер.

г. Тюмень.

Весна

25 мая 1937 года. Яр-Сале. 22—23 были теплые дни. Весна «перла» галопом. На бугре образовались голые «плешины» земли. Утром 23-го термометр на солнце показывал +13. На бугре около нашего дома весело играли ребятишки, собирались взрослые. Я днем показал Станиславе в окно: «Смотри, кочки вскрылись». Низина около речки имела совсем весенний вид. Начали формироваться озера. Народ уже азартно готовился к охоте. Ильин поспорил со Станиславой, что 25 кормит утками. Много разговоров: «Видели гусей, лебединый крик слышали, ненец убил двух гусей, уток уже видели и т.д.»

Вчера вечером, чтобы немного подышать воздухом, свежим воздухом, Станиславе потребовалось малица. А я сегодня дошел до реки в ботинках. Замерзли ноги. Пред уходом мой «контролер» застегнул воротник полушубка на крючок и поднял его, а все-таки продувало. 10 градусов холода при сильном западном ветре. Все проталины вновь занесло снегом, и зима упорно не желала уходить — вновь восстановила свой status-quo.

Мысль идет на юг. В Москве уже жарко. Москвичи в очередь стоят у киосков с квасом и пивом. Мои ребята, наверное, босиком бегают в Сергаче.

Такая смена температур как-то плохо действует на настроение народа. Правда, на нас это не распространяется. У нас своя весна, личная, ручная и не от каких термометров и ветродуев не зависима.

(Красный Север. — 1968. — 22 июня. — С. 3-4. — К 27-й годовщине с начала Великой Отечественной войны)

Включение нижнего приобья в состав русского государства

Несмотря на дальность расстояния и трудности пути, русские много веков назад проникли на Обский север и завязали сношения с местным населением.

В легенде о создании Новгорода говориться, что потомки Словена и Руса владели»... северными странами и по всему морю даже до предел Ледовитого моря... и за высокими горами в стране рекомой Скир (сибирь) и по великой реце Оби до устья Беловодные реки, еяже вода бела яки млеко, там бо звери водятся рекомые соболь».

В сказании «О человецех незнаемых на восточной стране и языцех разных», относящемуся к XV веку говорится: «На восточной стране, за Югорскою землею, над морем, живут люди самоядь... Ядь их мясо оленье, да рыба... Сии же люди невелики возрастом, плосковиды, носы малы, но резвы вельми и стрельцы скоры и горазды». В этом сказании правильно подмечены источники жизни ненцев — оленеводство и рыболовство, а также верно описан внешний вид.

Задолго до присоединения к Русскому государству русские люди вели торговлю с народами Ямальского севера. Сохранились записи об этой «немой» торговле: «Кажут на железо и помовают рукою просяще железо, и аще кто даст им нож ли, ли секиру, они дают скорою (мехами) противу».

В XII веке Югра, в которую входил и Ямальский север, считалась Новгородской волостью. Русский князь Василий Иванович III,

первый внес в свой титул земли Приобья. Он именовался «Князь земли Обдорской, Кондинской и всех Сибирских земель, повелитель северные страны».

Русское государство долгое время ограничивалось эпизодическим получением дани с местного населения, иногда посылало воинские отряды для принуждения к уплате ее, не строя на севере городов и не направляя туда свою администрацию.

В XV веке широко распространилась слава о сказочно богатом пушниной Обском севере. Иностранные государства, проявив большой интерес к этому краю, стали направлять свои экспедиции на Север. В 1550 году два английских судна вышли на разведку морского пути в Азию, но смогли достигнуть только Новой Земли. Также неудачно закончилась голландская экспедиция (1595 г.) и другие экспедиции.

В конце XVI века Московское правительство развернуло энергичную деятельность по присоединению земель Зауралья в состав Русского государства. С поразительной быстротой шло продвижение русских на Восток и Север. В короткий срок по определенному плану были построены городки, крепости, остроги и острожки, которые явились опорными пунктами русской власти и базами дальнейшего продвижения для присоединения новых земель.

Строительство этих опорных пунктов осуществлялось в такой последовательности: 1586 год — Тюмень, 1587 год — Тобольск, 1593 год — Березово, 1594 год — Сургут, 1595 год — Обдорск. Население этих городков состояло из служивых, промышленных и торговых людей. В каждом из них была воинская часть.

Эти первые поселения русских людей являлись не только административными, но и культурными центрами. Они положили начало регулярным торговым связям с местным населением, которые оказали положительное влияние на производственную деятельность и быт местных народностей. Они получали от русских металлические изделия, ткани, сетематериалы, а позднее и огнестрельное оружие. Общение с народом, стоящим на более высокой ступени развития, для ненцев и хантов имело очень большое значение, и с постройкой Березова и Обдорска в их жизни открылся новый этап.

Присоединение к России вывело малые народы Русского государства произошло мирным путем (*Так написано в газете. — Прим. авт.-сост.*) и явилось закономерным развитием древних связей русских с Зауральем, часть общих мероприятий по расширению Московского государства и экономического объединения. «Оно вызвалось, — писал В. И. Ленин, — усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в единый всероссийский рынок». (Соч. Т. 1. Изд. 4. С. 137).

Присоединение к России вывело малые народности Обского Севера из положения вековой изолированности, замкнутости и застоя. Их судьба слилась с судьбой великого русского народа. В дальнейшем развитии России они в лице

рабочего класса получили надежного друга и верного руководителя в борьбе за свое освобождение от нищеты, эксплуатации и национального угнетения.

М. Броднев

(Красный Север. — № 25. — Салехарду 370 лет)

Внедрять прогрессивные формы оплаты труда в оленеводстве

Практика передовых колхозов убедительно показывает, что оплата труда в зависимости от количества и качества продукции повышает стимул материальной заинтересованности оленевода, увеличивает продуктивность и товарность оленеводства.

Колхоз имени XX партсъезда занял первое место в округе по оленеводству, и председатель колхоза Михаил Федорович Кугаевский в отчетном докладе правления отметил, что одним из решающих факторов подъема оленеводства явилась оплата труда за количество и качество продукции. Приводился такой пример. Раньше оленей, выделенных на убой, гнали за 300—400 км. Они во время перегона теряли упитанность. Передовые бригады провели забой на месте, что дало увеличение выхода мяса в среднем по 7 кг на каждого оленя и резко подняло качество продукции.

Исчезал уравниловка в оплате оленеводов. Бригаде стада №10 (бригадир тов. Климов) было начислено 3 303 трудодня, а бригаде стада №5 (бригадир тов. Неркагы) — 2 102 трудодня. Разница в заработке в 6 тысяч рублей выразилась потому, что бригада №10 произвела 160 центнеров мяса, в том числе только 4 центнера тощего, а стада №5 — 142 центнера, в том числе 72 центнера тощего. При оплате с головы выпасаемых оленей та и другая бригады получили почти одинаковую оплату.

В этом колхозе пастушеской бригаде начислялись трудодни за следующие показатели: за центнер мяса в убойном весе жирной упитанности — 15 трудодней, выше средней — 12, средней — 9, ниже средней — 6 трудодней. За шкуру взрослых оленей 1 сорта начислялся один трудодень, второго — 0,75, третьего — 0,5, четвертого — 0,25 трудодня, а за шкуру теленка 1 сорта — 0,75 трудодня, второго — 0,5, третьего — 0,25. Как временная мера была сохранена частичная оплата за выпас в первом и четвертом кварталах по 0,2 за оленя, во втором и третьем — по 0,25 трудодня.

В 1959 году колхоз полностью отказался от выплаты за выпас и установил денежные расценки только за продукцию — за центнер мяса в убойном весе, с учетом качества, за шкуры по сортам, за субпродукты.

Колхоз имени Ленина иначе подошел к решению вопроса. Здесь считают, что конечным результатом работы бригады является прирост стада за счет приплода и перехода оленей из низших в высшие половозрастные группы. Для пастухов не имеет значения, будут ли олени, полученные сверх основного поголовья, забиты, проданы живыми или направлены на увеличение стад. Бригада сдает живых оленей и получает из них оплату.

Определение живого веса оленей представляет известные трудности. Могут быть использованы такие методы: при забое пересчитывают мясо в убойном весе на живой вес, при продаже, передаче в другие стада живой вес и упитанность определяются комиссией или зооветспециалистами, при необходимости проводится выборочное взвешивание. Мы видим, что в колхозах имени Ленина и XX партсъезда оплата труда оленеводов проводится по единому принципу — в прямой зависимости от количества и качества продукции, но практические вопросы решены несколько иначе. Колхоз имени XX партсъезда в основу оплаты положил выход мяса, шкур, субпродуктов, а колхоз имени Ленина — вес живых оленей, выращенных сверх основного (январского) поголовья.

Порядок оплаты труда оленеводов, применяемый в колхозе имени Ленина, проще, его следует рекомендовать тем колхозам, в которых сложилась устойчивая структура и размеры стад.

Оплата по фактическому убойному весу, принятая в колхозе имени XX партсъезда, обеспечивает более точный учет количества и качества продукции, ее следует рекомендовать тем колхозам, которые еще не стабилизировали структуру стада.

Может возникнуть вопрос, а как быть с оплатой за тех оленей, которые изъяты из стада до конца года? В колхозе имени Ленина решили этот вопрос так: при передаче оленей в нагульные стада бригаде начисляется заработок, исходя из установленных расценок пропорционально времени, которое олени находились в стаде.

Окончательное количество и качество продукции и оленеводства, а, следовательно, и заработка пастухов можно определить только в конце года. Поэтому надо установить ежемесячную выплату 60—70 про-

центов планового заработка бригадиру и пастухам. Это явится как бы авансом и в то же время гарантийным минимумом.

Некоторые товарищи считают, что колхозам, имеющим низкие производственные показатели в оленеводстве, не следует переходить на оплату труда в зависимости от количества и качества продукции, так как ущемит интересы пастухов. Практика показала, что это мнение неправильное. Если установлены нормы выхода продукции и расценки с учетом конкретных условий, т.е. достигнутого уровня производства, реальных возможностей бригады — материально пастухи будут поставлены в лучшие условия при оплате за продукцию, чем при оплате с головы выпасаемых оленей.

Декабрьский Пленум ЦК КПСС обратил внимание партийных, советских и сельскохозяйственных органов на необходимость изучения и широкого распространения более прогрессивных форм учета нормирования и оплаты труда. Это полностью относится и к оленеводству. Опыт колхозов, перешедших на оплату оленеводов в зависимости от количества и качества продукции, безусловно, заслуживает изучения и широкого распространения.

М. Броднев, зав. отделом экономики Ямальской сельскохозяйственной опытной станции

(Красный Север. Б.г. — Прим. авт.-сост.)

Кто вернул ненцам солнце

Самодержавие всячески сдерживало развитие производительных сил на Крайнем Севере. Для политики самодержавия характерны следующие факты:

В 1901 году Д. И. Менделеев направил министру финансов Витте записку «Об исследовании Северного полярного океана». Великий ученый писал: «... я получил полное убеждение в возможности решительной победы над полярными льдами при помощи соответствующих для того приспособлений». Товарищ министра финансов Ковалевский сообщил Менделееву, что в высших кругах отнеслись «самым категорическим образом» против его предложений.

Сибирский промышленник М.К. Сидоров неоднократно обращался к царскому правительству с предложением о создании промыслов на севере и изыскании морского пути к устьям Оби и Енисея. «Я, — пишет Сидоров, — не встречал ни в ком сочувствия, на меня смотрели как на фантазера».

Отрицательное отношение к этим предложениям обуславливалось тем, что экономическое развитие Севера и открытие водных путей из Сибири вызвало бы поток на внутренние рынки и за границу дешевого сибирского хлеба, леса, рыбы и т.д., что было не выгодно капиталистам и помещикам центральной России, они боялись конкуренции сибиряков.

Освоение Севера началось в первые же годы после установления Советской власти, по инициативе В.И. Ленина и при его

непосредственном участии. В тяжелейшее для республики время — в 1918 г. — Ленин подписал постановление СНК об ассигновании миллиона рублей на проведение «Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана», в ее распоряжение были выделены 22 судна и ледоколы, снаряжение и продовольствие. Началось изыскание Северного пути и мест строительства портов на Оби и Енисее. Ленин лично руководит организацией Карских экспедиций 1920–1922 гг. Организация этих экспедиций была связана с огромными трудностями. Например, для отправки Карской экспедиции в 1920 г. пришлось 3500 тонн угля поднимать с затопленных в Белом море пароходов. В приказе начальника первой Карской экспедиции М.Н. Николаева указывалось: «Советская власть... щедрой рукой отпускает экспедиции все, что может, из тех скудных запасов, которые имеются у нее в распоряжении, ясно сознавая, что каждый отпущенный экспедиции фунт хлеба, угля, керосина и прочего обездоливает в такой же мере трудящееся население».

Особенно широкие размеры приняли исследования Ледовитого океана в начале двадцатых годов. 10 марта 1921 года В. И. Ленин подписал декрет СНК о создании Плавучего морского института для исследований северных морей, их островов и побережий, а 21 апреля 1921 г. — постановление СТО об организации Ямальской экспедиции с задачами «создания Великого Северного пути из Сибири в Европу и наши северные порты для экспорта леса, хлеба, рыбы, мяса, пушнины, жировых продуктов, богатств недр и поверхности земли».

Можно перечислить много других мероприятий, проведенных по освоению Севера при непосредственном участии Ильича и под его руководством, показывающих, что освоение Северного морского пути, превратившегося в важную транспортную артерию нашей страны, тесно связано с именем Владимира Ильича Ленина.

Забота В.И. Ленина о Крайнем Севере не ограничивалась транспортными проблемами. Он придавал большое значение развитию всех отраслей хозяйства и изменению жизни местных народностей. Это подтверждается, в частности, его указанием о создании в марте 1920 года Северной научно-промысловой экспедиции ВСНХ с задачами изучения рыбных, охотничьих, зверобойных промыслов, оленеводства, а также почвенно-ботанических условий и проведения геологических изысканий на Крайнем Севере.

О значении, которое придавал Владимир Ильич этой экспедиции, можно судить по составу ее ученого совета. В него входили Карпинский, Ферсман, Горький, Шокальский и другие видные ученые. Эта экспедиция провела значительную работу и на территории Ямала.

Великая заслуга В.И. Ленина и в том, что он с предельной четкостью сформулировал пути перехода отсталых народов к социализму, минуя мучительную стадию капиталистического развития. Известно, что буржуазия культивировала теорию о неполноценности отсталых народов и об их исторической обреченности.

Описывая жизнь ямальских ненцев, В. Бартенев («Очерки Обдорского края») писал: «Жизнь кочевников отлилась в известные формы и никакой прогресс тут невозможен... Каждый дикий народ, которому природа ставит пределы развития, неминуемо должен погибать, раз он сталкивается с цивилизацией».

В.И. Ленин в докладе по национальному и колониальному вопросу на втором конгрессе Коминтерна, указал на неправильность утверждений, что капиталистическая стадия развития является неизбежной для отсталых народов и обосновал возможность их некапиталистического развития. «С помощью пролетариата передовых стран, — говорил Ленин, — отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» (Соч. Т. 31. С. 126).

Ленин указывал на необходимость всестороннего учета конкретных особенностей каждой народности, подчеркивая обязательность «относиться с особой осторожностью и особым вниманием к пережиткам национальных чувств». (Соч. Т. 31. С. 128).

На основе ленинских положений X съезд партии (март 1921 г.) определил практические пути подъема экономического состояния и культурного уровня окраин страны. Более детально практические пути некапиталистического развития отсталых народов определены XII съездом коммунистической партии (апрель 1923 г.).

Прежде всего, необходимо было решить вопросы развития государственности в своеобразных национально-бытовых условиях отсталых народов, в частности, у кочевников Крайнего Севера. На Ямале большинство населения (а ненцы почти все) вело кочевой образ жизни, сложившимся низшим объединением являлся род или община, а функции местных органов власти выполняли родовые старшины и старшины группы родов (а они были богачами и использовали власть в целях эксплуатации бедноты). Надо было взамен старшин создать понятные и близкие населению низовые органы власти, которые бы явились формой политической организации трудового населения.

При решении этой задачи партийная организация исходила из следующего указания В.И. Ленина: «... всем трудящимся массам среди наиболее отдаленных народов близка идея Советов... эти организации, Советы, должны быть приспособлены к условиям докапиталистического общественного строя». (Соч. Т. 31. С. 219).

Формой советского строительства на Ямале, как и в других районах Севера, явились родовые и туземные советы. На родовом собрании избирался родовой Совет. Делегаты, избранные населением рода, избирали туземный Совет. Единственное управление старшин заменялось коллективным органом власти, богачи и шаманы в Советы не допускались, они были лишены избирательных прав. Родовые и туземные Советы явились органами народной власти и обеспечивали широкое участие трудового населения в советском строительстве.

Характерно, что родовым Советам законом разрешалось при-

нимать решения в словесной форме и не вести делопроизводства, если в их составе нет грамотных людей. В связи с трудностью сбора всех членов Совета санкционировалось принятие решений не в полном составе и даже одним членом Совета.

На родовые и туземные Советы был возложены судебные функции, они рассматривали уголовные и гражданские дела, причем им разрешалось исходить из местных обычаев и допускать примирение сторон. В таком порядке судопроизводства целесообразно сочетались основные положения советского законодательства с обычаями и веками сложившимися правовыми нормами народности. Мне удалось собрать значительные материалы о практике судопроизводства родовых и туземных Советов, которые подтверждают, что это была целесообразная форма судопроизводства на первых порах советского строительства на Крайнем Севере.

Государственное устройство на Ямале завершилось в 1931 году созданием районных Советов, вместо туземных, кочевых Советов и образованием Ямало-Ненецкого национального округа. Идея создания национальных округов также принадлежит Владимиру Ильичу. Он говорил: «Для устранения всякого национального угнетения крайне важно создать автономные округа, хотя бы небольшой величины с цельным единым национальным составом». (Соч. Т. 20. Стр. 33).

С именем Великого Ленина связаны огромные преобразования Крайнего Севера и, в частности, Ямала, быстрый переход отсталых народностей от патриархальщины к социализму. И не случайно на Ямале, в разных вариантах, широко распространены легенды о Ленине. В одной из легенд рассказывается, что когда-то ненцы были богатым и могущественным народом, им светило солнце. Злой дух опоил ненцев горькой водой и, когда они спали крепким сном, угнал от них солнце.

«И вот у русских бедняков нашелся богатырь. Он рос и копил силы, а когда вырос, стал сильным как сто богатырей. Он пришел к злому духу... взял семиверстный хорей и ударил им злого духа. Тогда умер тот злой дух. С тех пор солнце вновь стало светить над тундрой, ненцы стали богатеть. Богатырь тот в тундру приезжал на множестве оленей посмотреть, наше счастье увидеть.

Кто же тот богатырь? Ленин тот богатырь. Он вернул ненцам солнце». (Красный Север. — 1968. — № 139. — С. 2. — К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина)

Насущный вопрос зажиточности колхозников

Исключительно велико значение оленя для ненца. Олень дает одежду, обувь, жилище, средства передвижения. Рост зажиточной жизни колхозника в значительной части упирается в рост оленьего поголовья как за счет обобществленного, так и за счет стада личного пользования.

Поголовье оленей индивидуального пользования по своим сегодняшним размерам не может удовлетворить и десятой доли личных потребностей колхозников.

В колхозе «Промышленник» (поселок Хэ) из 47 хозяйств оленей в индивидуальном пользовании имеют только 16 колхозников. Значит, две трети хозяйств являются безоленными, причем из 16 хозяйств 8 хозяйств имеют только от 1 до 3-х оленей.

Примерно такая же картина вскрывается при анализе 4 колхозов Ямальского района: «Промышленник» имени Второй пятилетки, имени Сталина и имени Калинина. Из 110 хозяйств, состоящих в этих колхозах, имеют оленей в индивидуальном пользовании 45 хозяйств, и то половина из них только в размерах не больше 30 голов. Самое большое количество оленей в личном пользовании имеют председатель ППТ (простейшее производственное объединение) имени Сталина Алексей Вануйто (133 головы) и член ППТ им. Калинина Лымио Татибо (*так напечатано в газете. — Прим. авт.-сост.*) (126 голов).

Между тем, большие доходы от рыбного промысла, исключительно богатый выход песца, высокие заготовительные цены обеспечили высокий доход колхозникам, позволяющий им за свои собственные средства резко увеличить поголовье оленей.

И надо отметить, что у колхозников большая забота о своих оленях. Случаи забоя оленей очень редки. Изыскиваются все возможности для удовлетворения потребностей в продуктах оленеводства, не допуская забоя оленей из своих маленьких индивидуальных стад.

Это очень положительный факт. Он показывает большую тягу к увеличению поголовья. Исключительно велика тяга к оленю ППТ и артелей Ямальского района еще и потому, что эти колхозы почти исключительно состоят из рыбаков, т.е. пролетаризированного ненецкого населения, которое всей системой капиталистическо-кулацкой эксплуатации в прошлом доведено до безоленности и вынуждено было идти в кабалу к рыбопромышленникам.

Настойчивость, с которой сохраняется и увеличивается стадо индивидуальных оленей, гарантирует воплощение в жизнь постановления обкома и облисполкома, предоставляющего право колхозникам Ямальского округа иметь в индивидуальном пользовании 200 важенок, 50 ездовых быков и неограниченное количество молодняка.

При проработке с ненцами-колхозниками постановления обкома и облисполкома встает основной вопрос — где и как взять оленей.

Проводить ликвидацию безоленности и увеличить индивидуальные стада за счет обобществленных стад ни в коем случае нельзя. Наоборот, надо расширять существующие обобществленные стада.

Основное пополнение индивидуальных стад и ликвидация безоленности должны проходить путем покупки оленей у единоличников.

Интегральная кооперация должна взять на себя посреднические функции: закупить оленей в единоличников и продать их колхозникам.

Ярсалинский Интегралкооператив даже и не думает бороться за это дело, ссылаясь на отсутствие директив, на отсутствие кредитов и т.д., а между тем многие колхозники могут помочь Интегралкооперативу в быстром проведении этой работы. По линии директивных организаций необходимо обязать интегральную кооперацию взяться за это большое политическое дело.

Имеется еще один путь помощи колхозникам в увеличении поголовья оленей: многие организации, или бесцельно владеют оленями, или имеют их излишки. Так, например, Хэнский Интегралкооператив имеет 111 голов оленей, совершенно ему не нужных. Ямальский Интегралкооператив еще в 1933 году купил на 10 000 руб. оленей, и они до сих пор пасутся в кулацких стадах оленеводов Северного Ямала (правление Интегралкооператива даже забыло об этих оленях). Два больших стада Ямальского РИКа имеют чисто транспортное значение, но в их составе имеется около 500 излишних важенок. Можно совершенно безболезненно, за счет ликвидации таких стад, как интегральское, сокращение таких стад, как риковское, значительное количество оленей передать колхозам на укрепление как обобществленных, так и индивидуальных стад. Президиум Ямальского РИКа уже принял решение о передаче излишних оленей колхозникам. Несомненно, что и другие районы имеют ряд возможностей помочь колхозникам в увеличении их оленьего поголовья, надо только действительно по-большевистски за это большое дело.

(Красный Север. — 1936. — 9 января)

Об ошибке редакции и статье тов. Броднева

Та же газета «Красный Север» в одном из следующих номеров поместила следующую публикацию.

В нашей газете за 9 января помещена статья Броднева под заголовком «Насущный вопрос зажиточности колхозников». Статья эта путанная, с массой недоговорок и неточностей, а потому политически вредная. Она не мобилизует, а дезорганизует районные и окружные организации и колхозников в борьбе за организационно-хозяйственное укрепление колхозов. Редакция, поместив эту статью в том виде, как она напечатана, допустила грубейшую политическую ошибку.

Автор статьи, Броднев, пытался осветить важнейший вопрос о путях борьбы за зажиточную жизнь колхозников, но с поставленной задачей не справился. Обошел важнейшие указания ЦК ВКП(б) и товарища Сталина по этому вопросу.

Что является основным для партийных и советских организаций в вопросе колхозного строительства? Это — организационно-хозяйственное укрепление колхозов и на этой основе превращение колхозов в большевистские, а колхозников в зажиточных.

Броднев по-делячески, формально подошел к вопросу ликвидации безоленности и пополнения оленных стад личного пользования колхозников.

«Основное пополнение индивидуальных стад и ликвидация безоленности должна проходить путем покупки оленей у единоличников». Вот основной и единственный выход, который видит автор в деле борьбы за зажиточную жизнь колхозников.

Здесь явная путаница и извращение решений третьего пленума обкома ВКП (б) в части ликвидации бесскотности колхозников. Во-первых, в решении пленума обкома вовсе не говорится о купле-продаже скота. Решение говорит о контрактации. Во-вторых, контрактация скота (в наших условиях оленей) должна производиться не только у единоличников, как предлагает тов. Броднев, а и у единоличников, и у колхозников, и у совхозов. Ориентация на куплю-продажу оленей существенно отличается от контрактации, ибо контрактация связывает в единый комплекс задачи борьбы за животноводство и ликвидацию бесскотности, а продажа не стимулирует сохранение каждого теленка, каждого взрослого оленя.

«Чтобы стать колхозникам зажиточными, для этого требуется теперь одно — работать в колхозе честно, использовать тракторы и машины, правильно использовать рабочий скот, правильно обрабатывать землю, беречь колхозную собственность» (Сталин) (*Выделено в газете редакцией. — Прим. авт.-сост.*).

Прошедшее на днях окружное совещание по колхозному строительству со всей очевидностью показало, что наряду с некоторыми достижениями в наших колхозах плохо еще поставлена дисциплина, отдельные колхозы не борются за сохранение оленного поголовья, есть еще хамское отношение к колхозному добру. По одному колхозу «Харп» потеряно и расхищено 370 оленей. Такому

отношению нужно будет положить конец.

Воспроизводство стада на колхозной основе явится важнейшим условием увеличения колхозных и личного пользования стад оленей у колхозников. Заботой о сохранении каждого теленка должен проникнуться каждый колхозник.

Перед нами стоит задача дальнейшей коллективизации. Зажиточная жизнь колхозников несомненно даст рост коллективизации в нашем округе.

Таковы пути, по которым пойдет дальнейший рост зажиточной, культурной, радостной жизни колхозников.

Не вечно же кочевать!

В опорно-показательном хозяйстве Ямальской сельскохозяйственной опытной станции 30 пастухов кочуют со стадами оленей, и большинство их возит с собой семьи. В среднем на каждого пастуха приходится по три иждивенца, а у Е.И. Артеева, А.И. Терентьева, Ф.И. (*непонятен инициал. — Прим. авт.-сост.*) Попова — по семь иждивенцев. Всего 117 человек постоянно находятся в стадах, среди них много детей и стариков.

Общеизвестно, насколько тяжелы условия жизни кочевников. Не только большие неудобства испытывают сами люди, но и интересы производства требуют изменения веками сложившегося кочевого быта, отрицательно влияющего на продуктивность и рентабельность оленеводства. В самом деле, пастухи, имеющие большие семьи, хуже выпасают оленей, так как места и время стоянки не всегда определяются интересами оленеводства. Случается, что стадо задерживают большее время, чем позволяет наличие кормов, у озер, богатых рыбой и дичью.

В каждом стаде для обеспечения пастухов и их семей возят до пяти тонн продуктов и личных вещей. Это требует большого количества быков, что лимитирует увеличение маточного поголовья. А замена сотни быков на сто важенок увеличивает продуктивность стада и дает дополнительно более 40 центнеров мяса в живом весе. Практика хозяйств, применяющих бесчумный выпас оленей, показывает, что, когда пастухи едут со стадами без сво-

их семей, они выпасают оленей рассредоточеннее, не сгоняют стадо для вылова быков, не задерживаются подолгу на одном месте. Все это обеспечивает лучший нагул оленей.

Следует отметить еще одно отрицательное явление кочевого быта: трудоспособные вторые члены семей (а их в стадах станции 28 человек) не принимают участия в производственной деятельности.

Некоторые товарищи объясняют сохранение кочевого быта особенностями оленеводства. Действительно, олень тем и выгоден, что круглый год находится на подножном корме, что ему не нужны большие пастбищные площади. Однако из этой особенности оленеводства неизбежность кочевого быта не вытекает.

По методу ведения хозяйства оленеводство можно сравнить с отгонным животноводством, развитым в ряде областей нашей страны. Например, отары овец уходят от центральных усадеб колхозов и совхозов за сотни километров, но чабаны не возят с собой семей, они остаются в поселках и занимаются производительным трудом.

Перед руководством станции возник вопрос: как же можно избавиться от необходимости кочевок в оленеводстве? с этой целью нами разработан план перевода кочевников на оседлость.

Прежде всего, решили значительно уменьшить количество кочующего со стадами населения. Начали с укрупнения стад. В том году сократили два стада и десять семей пастухов перевели в оседлые отрасли производства. В 1963 году будет проведено сокращение еще одного стада. Это позволит уменьшить количество кочевников еще на пять семей. Планом предусмотрено также заменить многосемейных пастухов одиночками или малосемейными уже в будущем году. Такие меры, на наш взгляд, обеспечат резкое сокращение количества кочевников.

Ясно, конечно, что малосемейных и пастухов-одиночек нельзя годами держать в тундре. Поэтому мы запланировали в 1963 году начать, а к 1965 году закончить перевод пастухов-оленеводов на сменную работу. На каждое стадо будет организовано по две бригады. Одна из них находится с оленями три месяца или полгода (по желанию самих пастухов), вторая в это время живет с семьями в поселке и работает в оседлых отраслях производства. Через определенное время она сменяет бригаду, находящуюся в стаде.

Конечно, трудности и здесь неизбежны. Поэтому, чтобы накопить опыт и на практике проверить это новое дело, вначале будет переведено на работу сменными бригадами только одно стадо. Затем постепенно остальные.

Для каждой семьи оленеводов запланировано строительство квартиры. Планом предусматривается строительство четырехквартирных домов. Этот тип выбран потому, что в таких домах квадратный метр площади обходится дешевле и квартира теплее, нежели в одноквартирном доме.

Разумеется, и при сменных бригадах пастухи вынуждены проходить со стадами сотни километров, испытывать все неудобства кочевой жизни.

Нельзя ли изменить способ разведения оленей, чтобы избежать больших перегонов стад и их не-

прерывную охрану? Руководство станции решило обследовать отведенные хозяйству пастбищные площади и выявить возможность строительства изгородей, в которых бы олени находились круглый год. С их постройкой отпадает надобность в пастухах. Их заменят надсмотрщики, которые будут постоянно жить в домах и регулярно наблюдать за состоянием изгородей, а при необходимости за оленями. (Красный Север. — 1962. — В порядке обсуждения)

Новь Ямальской тундры

На многие сотни километров распростерлась Ямальская тундра. В наши дни ее можно считать уже обжитой. Здесь много поселков и факторий. Коренное население — ненцы — принимают активное участие в хозяйственной и культурной жизни нашего округа.

Думаю, что нашим читателям небезынтересно будет узнать о том, как в тридцатых годах зарождалось социалистическое строительство на Ямальском полуострове, о большой и интересной работе первой культбазы комитета Севера ВЦИК, которой пришлось мне заведовать.

Культбаза была построена в 1931—1932 годах в южной части полуострова Ямал на протоке Юмбе. Поселок культбазы получил название мыса, на котором его построили — Яр-Сале (Песчаный Мыс). Местонахождение культбазы было выбрано не случайно. Через Яр-Сале проходила основная масса оленеводов, кочующих осенью с севера на юг и весной с юга на север. На Ямале обитало около тысячи семей ненцев, выпасалось до 150 тысяч оленей.

Ямальские ненцы издавна были наиболее изолированной группой кочевников. На полуострове не было ни одного населенного пункта русских или коми. Торговцы и промышленники иногда проникали только в южную часть полуострова. От большеземельских, тазовских и надымских ненцев их отделяли такие водные пространства, как Байдарацкая и Обская губы. Ясно, что географическая изолированность обуславливала более медленное раз-

ложение натурального хозяйства и родового строя у ямальских ненцев. Даже в тридцатых годах они были наиболее отсталыми из коренных жителей Обского Севера.

С учетом особенностей жизни ненцев и была определена задача культбазы. Прежде всего, надо было создать на Ямале школу, больницу, организовать ветеринарное и зоотехническое обслуживание, улучшить охотничий и рыболовный промыслы, подумать о кооперировании и коллективизации населения.

Работа осложнялась тем, что культбазу укомплектовали специалистами, не знающими местных условий, не владеющих ненецким языком. А ведь из ненцев в то время почти никто не разговаривал по-русски. Как и с чего начинать работу, мы не знали.

Сразу завели такой порядок. Каждый специалист выезжает на стойбище, живет там 2—3 недели, знакомится с бытом населения, принимает участие в производственной работе, устанавливает добрые отношения с местным населением. Такое «крещение» прошли все работники культбазы.

Коллектив должен был чутко относиться к сложившимся у ненцев обычаям, помогать перестраивать хозяйство, быт, культуру безболезненно для местного населения, без резких скачков, без перегибов и администрирования.

При первом знакомстве ненцы, как люди, производили на нас очень хорошее впечатление. Бросилась в глаза их работоспособность, выносливость и терпеливость. На вопросы они отвечали неторопливо, обдуманно. Не требовалось много времени, чтобы убедиться в исключительной правдивости и честности населения. Недаром в родовых судах при разборе дел не вызывались свидетели, показания обвинителя и обвиняемого не подвергались сомнению. Нас несколько поразил такой случай: этнограф Каргер, ночуя в чуме, обронил перочинный нож. Каргер отъехал примерно на 100 километров, когда его догнал хозяин чума и вручил забытый нож. Выяснилось, что он специально гнал за этим оленей.

На первых же порах было ясно, что не только мы должны учить ненцев, но и нам надо серьезно учиться у них. Ненцы из поколения в поколение накапливали жизненный опыт в суровых условиях Заполярья, создали своеобразную материальную культуру и способны хорошо разбираться во многих природных явлениях. Поражала их способность ориентироваться в тундре. Ненец уверенно гонит упряжку оленей по бесконечной снежной равнине и через десятки, сотни километров безошибочно достигает намеченного пути.

Как-то мы выехали на двух нартах в «красный» чум. Надо было проехать километров 60, на полпути сильно забуранило. Едва виден силуэт передней упряжки, которой правил старик Лыбане Салиндер. Мой возчик стал кричать ему: «Неладно едешь». Но Лыбане, не обращая внимания, гнал оленей. Нам ничего не оставалось делать, как не отставать от него. Часа через два подъехали к «красному» чуму. Когда зашли в чум, обогрелись, Лыбане сказал моему возчику:

— Если не терпишь (не можешь) правильно ехать, то хоть не ори, не мешай, другим...

В дельте Оби есть так называемые «Нарачинские самы». Это многокилометровая водная площадь, где велся лов муксуна. При выезде рыбаков на лов, башлык (руководитель бригады) обычно не говорит про место лова. Он молча направляет лодку все дальше и дальше от берега. Вокруг необъятная водная ширь, вода темная и, кажется, плывешь по глубине, но в это время раздается команда, и пятовщик смело прыгает в воду, укрепляет кол, к которому прикреплен конец невода.

Начинается замет. На вопрос к башлыку, как он определил, что в этом месте мелко и что здесь следовало бросить невод, он показывает на рябь и цвет воды, на чаек и другие признаки, которые мне ни о чем не говорили.

Полных географических карт Обского Севера не было. На нашей культбазе имелась карта Ямальского полуострова, изъятая из книги Б.М. Житкова «Полуостров Ямал», но она была далеко не совершенная. Ненец, с которым советовались о маршрутах или путях кочевья, рассматривал нашу карту и говорил: «Неверно». Ему давали карандаш, и он сравнительно точно наносил на карту конфигурацию озер, истоки изгибы рек, протоки, стойбища, проходные пути оленеводов. Характерно, что ненцы не только зрительно хорошо знают тундру, но каждая речка, холм, мыс на реке, озере, море имеют у них свои названия. Ими создана довольно полная неписанная география своего края.

У ненцев наиболее развито конкретное мышление, но они не лишены способности к обобщениям, к установлению взаимозависимости явлений. Знают много таких примет, по которым определяют время вскрытия рек, продолжительность начавшейся пурги, какой будет год по выходу песца, задержится он или будет мигрировать и так далее. Ненцы хорошо знают жизнь и повадки зверей, птиц и рыб; они замечательно разбираются в травах, лишайниках, кустарниках, и в их питательных свойствах для оленей.

Чум и бытовой инвентарь производили убогое впечатление. Некоторые специалисты решили ввести новшество. Зоотехник Королев сделал себе кибитку (балок) на нарте, с окнами, топчаном, столиком и, как ему казалось, всеми удобствами. В этом балке он поехал в тундру. Проехал километров 50 и сразу перебрался в чум. Балок оказался тяжелым. В него запрягали шесть оленей. Но не это еще главное. На Ямале местность пересеченная, много оврагов, речек и переправлять через них балок оказалось очень трудно. Когда Королев вернулся из тундры, сразу развел руками: «Нет, братцы, по легкости, прочности и удобству, лучшей нарты не выдумает сам Эдисон».

Отсталость организации хозяйства была очевидна, но на первых порах мы не могли предложить ничего нового. Столкнувшись вплотную с жизнью в чуме, некоторые товарищи стали приспосабливаться к установившемся порядкам, другие, наоборот, сразу начали работу по ликвидации отрицательных явлений быта.

Как-то женщина-врач поехала в стойбище. На остановке для отдыха оленей возчик бросил хорей. Врач перешагнула через хорей. Не-

нец долго ругался, а затем ножом тщательно обстругал то место, которое переступила женщина.

Другой случай. Мне приходилось бывать в чуме Ивана Няруй. Это шестидесятилетний старик, грязный и по сравнению с другими ненцами, неопрятный человек. У него было две жены. В чуме Няруя жил молодой красивый парень, Егор Наричи. Когда я приехал на стойбище, Егор пришел ко мне на катер и спрашивает:

— А красный (советский) закон разрешает воровать чужих баб?

— А ты, наверное, Лиду думаешь украсть?

— А как ты узнал? Верно, Лиду. Она согласна.

— Если согласна, можно.

— А калым с меня Няруй может взыскать? Он много платил за нее. Сам знаешь, у меня оленей нет, я совсем бедный.

— По советским законам калым с тебя не взыщут.

— Вот беда, чума-то у нас нет. Не пустишь ли ты нас на культбазу?

Я, конечно, всей душой сочувствовал этой молодой паре, но знал, что старики-ненцы не одобрят моего участия в воровстве чужих жен. В то время старики имели большое влияние на население. Потому я и ответил молодому ненцу:

— Егор! Взять тебя с Лидой на катер я не могу. Мне нельзя делать так, чтобы старики были мною недовольны. Добирайтесь до кульбазы сами, а там вас в обиду не дадут.

Подумав, Егор согласился. Молодые люди благополучно добрались до культбазы, а часов через шесть, появилась погоня во главе с возмущенным стариком Няруем. Ему разъяснили, что советский закон запрещает многоженство, что он нарушил этот закон и потому взять Лиду обратно и получить возмещение калыма не может. Егор и Лида счастливо зажили в поселке.

Это был хороший пример освобождения женщины от пут родового права, победа человеческого «Я» над дикостью. Важно, что у этой смелой пары нашлись последователи.

Перед нами остро стоял вопрос, как строить отношения с местным населением и бороться с вредными обычаями, как организовать работу. В частности, мы сделали следующее.

У ненцев еще сохранились различные табу — запреты для женщин. Решили вначале преодолеть пережитки половозрастного разделения труда, а тогда табу отпадут сами собой. Договорились также непосредственно не участвовать в воровстве чужих жен, даже у многоженцев, а провести профилактические меры против этого пережитка. С этой целью проводили беседу «Советские законы о браке и семье», «Основные положения советского законодательства».

Нам казалось, что большинство интересующих нас вопросов мы выясним опросным путем, побывав в 30—40 чумах и побеседовав с ненцами по определенной программе. Дело оказалось значительно сложнее. Например, надо было выяснить систему землепользования. Б.М. Житков, посетивший Ямал в 1908 году, отметил, что у ненцев сохранилось родовое землепользование и составил карту распро-

странения территории полуострова между родами. Мы были уверены, что на основе опросных данных составим такую же карту. Перед этим изъяты и переданы рыбозаводам наиболее важные рыболовецкие угодья, принадлежащие отдельным вотчинникам или группе сородичей. Владельцам этих угодий разъяснили, что земля и вода не могут принадлежать отдельным семьям или группе семей, угодья принадлежат всем людям. И когда мы показывали участок на карте и спрашивали ненца, чья это земля, обычно получали такой ответ — «земля ничья, земля всех людей».

Тогда решили пойти по иному пути — оставить карту расположения слопцов (пастей), этого, пожалуй, единственного оседлого орудия производства ненцев. Собрав данные о расположении слопцов с указанием их владельцев, а также материалы о тех, кто выпасает оленей на этой территории и занимается охотой, мы получили такую картину: на севере полуострова (севернее реки Се-яхи и Мордо-яхи) сохранилось родовое землепользование, и наша карта совпала с картой Житкова. На южном Ямале родовое землепользование уже нарушено и определенного порядка в использовании угодий, еще не сложилось. Наши данные о землепользовании позднее были подтверждены материалами землеустроительной экспедиции и во многом помогли при проведении коллективизации.

Примерно за два года Культбаза собрала большой материал об имущественных отношениях, использовании богатыми ненцами форм родовой взаимопомощи в целях эксплуатации, о семейных отношения и так далее. Выяснилось, ненцы строго соблюдают экзогамию (запрещение брать жен в противоположной фратрии, то есть группе родов). Ненецкая семья не является экономически цельной единицей. Сохранилось раздельное владение имуществом. Все связанное с производственной деятельностью мужчин (ружья, лодки, капканы) являются собственностью мужчины, так же как и все созданное трудом женщины является ее собственностью (выделанные шкуры, меховая одежда, даже та, которую носит муж).

Большая часть самого ценного имущества — олени — составляли собственность жены. Это были олени, полученные в приданое. Впоследствии количество их пополнялось, как за счет естественного прироста, так и новых подарков, полученных от родителей. Олени жены, помимо общей метки, имели особую метку на ушах. В некоторых хозяйствах основная часть стада принадлежала жене. Например, в хозяйстве Молоко Окоттэто было 246 оленей, из них 200 принадлежало жене. Ясно, что при решении вопросов оленеводства нельзя было игнорировать женщин, они владели значительным количеством поголовья.

В ненецкой семье сохранилось естественное разделение труда. Все работы, связанные с ловом рыбы, охотой и изготовлением средства производства являлись мужским занятием и, наоборот, все работы, связанные с так называемым домашним хозяйством, были женским занятием. Так, вязание сетей выполнялось исключительно мужчинами, тогда как установка

чума, заготовка топлива выполнялась женщинами. Потребовалось более 10 лет, чтобы преодолеть этот порядок и вовлечь женщин во все отрасли производства.

Каждый работник культбазы в какой-то степени участвовал в изучении края, но это не значит, что культбаза только этим и занималась. Сразу же после приезда каждый специалист приступил к организации того учреждения, в котором он должен работать. Это было трудным делом.

Взять хотя бы больницу, первую больницу на Ямальском полуострове. До ее организации всеми лечебными делами ненцев монопольно ведали шаманы. Их лечение сводилось к тому, чтобы выгнать из больного злых духов.

Бубен и ритуальные пляски были главным лечебным средством. Шаманы заверяли ненцев, что русские лекари лечить ненцев не могут, что если больной обратится за помощью в больницу, ему будет еще хуже, духи рассердятся на такого больного и усилят его страдание, если не сразу, то в будущем. Они рассказывали доверчивым ненцам, что русские врачи режут больных большими ножами, колют огромными иглами, специальными машинками выкачивают кровь.

Хорошее помещение больницы с оборудованной амбулаторией, четырьмя палатами, хирургическим кабинетом долгое время пустовало. Большие запасы медикаментов не находили спроса. Тогда заведующий больницей В.И. Константинов решил не ждать больных, а выявлять их среди населения, пропагандировать медицинские знания.

Восемь месяцев потребовалось Виктору Ивановичу, чтобы объездить почти все стойбища полуострова. Многим больным оказал он помощь, и благодарные ненцы назвали его «Арка лекарь», что значит «большой доктор». Чтобы прекратить разговоры о больших ножах, которыми режут больных, о машинках, выкачивающих кровь и других ужасах, выдуманных шаманами, мы решили взять на работу в больницу ненок. Быстро освоились с работой в больнице Софья Лапцуй, Одики Салиндер. Ненцы с любопытством расспрашивали их о русских лекарях, о порядках в больнице, о страшных и кровососущих машинах. Скромные труженицы, сами того не подозревая, своими правдивыми рассказами о больнице многое сделали для устранения шаманов от «лечебных» дел.

Скоро отпала необходимость навязывать свою помощь ненцам. Часто ночью врачам приходилось выходить на стук, ехать с ненцами в чум. Да и в приемной у врачей все больше стало посетителей в малицах...

У ненцев существовал обычай — женщину перед родами удалять из чума. Она должна рожать без посторонней помощи. Даже разговор о том, что надо обращаться в больницу считался непристойным, и долгое время ненки не хотели об этом слушать. Но постепенно и этот предрассудок преодолели. Ненка Мария Худи первой на Ямале легла в больницу. Это была крупная победа, о ней много говорили среди населения. Медики сообщили об этом в Москву, в Комитет Севера и в ответ получили поздравительные телеграммы.

У ненцев были тяжелые санитарные условия. Во многих чумах не было печек, люди не имели белья, а если и имели, то носили его до полного износа. Всем — врачу, зоотехнику, агроному — приходилось уговаривать ненцев купить железную печку, белье, платье. Вспоминается случай с ветеринарным врачом К. Цабут. Она была направлена с оленеводами и 6 месяцев жила в чуме с пастухами. Врач иногда кипятила голову для мытья головы. Старший пастух Маку за 60 лет своей жизни ни разу не мыл голову и потому спросил: «Зачем часто голову мочишь?». К. Цабут ему, шутя, ответила: «Если голову мыть горячей водой, она лучше думает». И предложила самому так сделать.

Старик согласился, и голова Маку, избавленная от шестидесятилетнего нароста грязи, почувствовала себя легче. Ненец довольно заявил: «Правду сказала, голова лучше думает». После этого случая, только Цабут мыла свою голову, старик подставлял свою: «Мой и мою голову, она тоже хочет лучше думать». Цабут научила невестку Маку мыть старику голову и постепенно вся семья стала мыться, стирать белье.

Работники культбазы много времени проводили в чумах, вели разъяснительную работу. На культбазе построили школу-интернат на 50 мест, укомплектовали ее учителями, воспитателями и обслуживающим персоналом. Послали людей по стойбищам собирать детей, но ненцы отказывались отдавать детей в школу. Первый год с большими усилиями набрали в школу 7 ребят.

Ненцы любят детей и скрывают их. Ребенок в своих играх, подражая взрослым, с раннего возраста овладевает всеми навыками, необходимыми для суровой жизни в тундре. Решиться отдать ребенка в совершенно иную обстановку, к людям, не знающим даже ненецкого языка, конечно, было трудно, да и слухов разных по тундре ходило много. Поучат, дескать, в этой школе и дальше отправят, не видать вам больше своих детей, или, мол, будут кормить только русской пищей, а от нее дети заболеют и умрут.

Часто нам говорили: «Вы испортите ребенка, он будет жить у вас в доме, отвыкнет от чума, будет дыма бояться, выучится грамоте, а не научится пасти оленей, ловить песца. Какой ненец из него выйдет? Только не нужный для тундры человек...»

Неудача первого года заставила серьезно продумать организацию жизни школы-интерната и найти формы постоянной связи школы с населением. Для начала в интернате организовали мастерские. В столярной мастерской ребята мастерили игрушки, используя при этом не только топор и нож — инструменты уже известные в тундре — но и рубанки, фуганки и так далее, о которых их родители знали только понаслышке. В слесарной мастерской с участием детей ремонтировались капканы, ружья. И отцам было приятно получать из мастерской капканы, в ремонте которых участвовали и их сыновья.

Ученик, вернувшись в чум, демонстрировал родителям свое умение вязать сети, с гордостью рассказывал, что этому научился в школе.

В интернате появились свои ружья, капканы, ребята под руководством учителя А. Ильина с удовольствием занимались охотой. Песец, добытый учеником и переданный отцу, лучше всяких слов гасил в родителях тревогу. Вскоре учащихся на месяц отправили в тундру, в центр ненецких стоянок. Преподаватель С. Станкевич устроила в чуме интернат и школу. В свободное время ее питомцы пасли оленей, охотились, то есть жили обычной жизнью родителей.

Все это показало ненцам, что их опасения напрасны и у школы нет желания оторвать детей от тундры, тем более что и ученики, приезжающие в чум на каникулы, рассказывали о школе и учителях много хорошего.

Воспитателем в интернат мы подобрали грамотную ненку М. Айваседо, двух ненок взяли уборщицами. Ненки рассказывали родителям о жизни детей в интернате, их рассказы тоже способствовали укреплению доверия ненцев к школе.

Учительский коллектив сумел хорошо организовать самоуправление в интернате. Ребята чувствовали себя хозяевами и выполняли эту роль хорошо. Когда приезжали родители, их обычно встречали воспитанники и ученик, которому было поручено принимать гостей. Как и положено, по ненецкому обычаю вначале гостя надо накормить. Ученики вели приехавших в столовую, повар подавал гостям еду и густой чай. Накормив гостей, ребята показывали им спальни, классы, мастерские, рассказывали о своей жизни. Часто родители знакомились с учителями, воспитателями, заведующим школой и, при возвращении в тундру, отзывались о школе очень тепло.

Сложной проблемой оказалось питание учащихся. Дети привыкли есть парное мясо, пить кровь оленей. Пришлось 1–2 раза в месяц забивать оленей прямо у интерната и отдавать в распоряжение ребят свежую тушу мяса.

В первый учебный год удалось полностью преодолеть недоверие к школе. Пожалуй, решающую роль в этом сыграли работающие в школе ненки и сами учащиеся. Своими рассказами о школе они пробудили к ней интерес родителей. На второй год в школе было 35 учеников, на третий — 55, а затем — 110.

Не менее трудно было организовать учебный процесс. Обычная методика преподавания не годилась. Положение осложнялось тем, что учителя не владели ненецким языком, а ученики не знали русского языка. Первое время работали с переводчиками, но к чести тех и других надо сказать, что учителя быстро овладевали ненецким языком, а ученики — русским. Уже на второй год учитель и ученик прекрасно понимали друг дуга.

Первые школы явились и проводниками нового быта в тундре. Учащийся, приезжая в чум, приносил в семью приобретенные в интернате культурные навыки — стирку белья, мытье посуды, а девочки, имевшие практику на интернатской кухне, стали учить матерей готовить ранее неизвестные кушанья. Окончившие школу и оставшиеся в тундре, использовали все возможности, чтобы и в чуме жить более культурно. Они рассказывали о том, что сами учили в школе, тем самым расши-

ряли кругозор ненцев, расшатывали суеверия, преодолевали вредные обычаи.

Можно было бы рассказать о «красных чумах», о доме ненца, в котором было клубное помещение, ненецкая чайная и комната для приезжающих, о первых спектаклях на ненецком языке, о том, как ненцы смотрели первую кинокартину, как они в первый раз слушали радио и о многом другом, но, к сожалению, возможности газеты ограничены. Остановлюсь еще на двух эпизодах.

В поселок культбазы перекочевали ненцы, не имевшие оленей. Часть из них работала на культбазе, а многие вступили в организованный колхоз «Харп». Некоторые чумы расположились на окраине поселка, а восемь чумов выстроились в центре, на площади. На фоне двухэтажных домов эти чумы наглядно демонстрировали уходящую эпоху.

В чумы провели электрический свет. Яркое освещение подчеркивало убожество этого жилища. Много хлопот доставила электрофикация чумов нашему электрику. Ненцы по привычке часто переставляли чумы, нарушали электропроводку и просили вновь наладить «холодный огонь».

Поселок, где была культбаза, превратился в большой населенный пункт, в центр Ямальского района: с длинными улицами домов, крупными фермами и другими производственными учреждениями. Жители Яр-Сале быстро достигли общего уровня экономики и культуры советской страны.

Решающее влияние на социалистическое преобразование на Ямале имело развитие местных очагов промышленности, в частности, строительства Ново-Портовского и Пуйковского рыбозаводов, развитие транспорта, создание широкой сети факторий.

Культбаза провела значительную работу по коллективизации и укреплению колхозов, особенно в их первой переходной форме — простейших производственных товариществ.

В 1934 году 17 хозяйств ямальских ненцев, преимущественно из рода Вануйто, объединились в производственное товарищество. Хозяйства до объединения имели от 50 до 150 оленей, а всего — 1500 голов. Раньше каждый ненец сам выпасал своих оленей, занимаясь зимой охотой на песца, а летом кочевал по тундре. Обычно летом эти маленькие хозяйства испытывали большую нужду, часто голодали, так как забивать оленей не могли, а дичь и рыбу добывать не всегда удавалось. Объединившись в товарищество, они организовали совместный выпас оленей, и в тундру, на летнее кочевье пошли только 7 хозяйств, а остальные переключились на рыболовецкий промысел, создали две бригады и заключили с Пуйковским рыбозаводом договор на сдачу рыбы. В путину 1935 года члены товарищества заработали по 1400 рублей на каждого рыбака, создали для себя обеспеченные условия жизни на летний период.

С наступлением зимы, вернувшись с летних кочевий, оленеводы, раздали колхозникам их оленей с приплодом, и каждый на своих оленях стал заниматься охотничьим промыслом. Характерно, что олене-

водческая отрасль хозяйства стала в новых условиях развиваться лучше, так как в летний период меньше оленей было использовано на перевозке чумов, людей. Да и выпас оленей в более крупных стадах также оказался более рентабельным.

Переход части колхозников на рыболовецкий промысел вызвал желание членов товарищества обзавестись своими орудиями лова и отказаться от их аренды. В 1936 году колхоз уже имел неводник (большую лодку), три невода и другой рыболовецкий инвентарь. Председатель товарищества Алексей Вануйто возглавлял одну из рыболовецких бригад. На мой вопрос, какую пользу он видит в товариществе, ответил:

— Разве сам не видишь, что кругом хорошо выходит. У меня было раньше больше 100 оленей, я кочевал по тундре, возил на оленях свой чум, ребятишек. Олень был тощий, избитый, даже стельных важенок приходилось запрягать, и как я не берег оленей, их становилось все меньше и меньше. Рыбу и утку в тундре не всегда добудешь, приходилось голодать. Думал, что совсем пропал, олени кончатся и совсем жить плохо будет. Когда пришел в товарищество, у меня осталось 70 оленей. В прошлом году у меня приплод оленей получился, — осенью мне пастух привел 15 телят, а я сам на рыбалке хорошо заработал. Досыта ел хлеб, часто покупал масло и сахар. Хорошее дело для ненцев с этими товариществами придумали, очень хорошее...

Дальнейшее укрепление товариществ, рост общественного хозяйства создали условия к переходу на устав артели. С переходом на устав артелей многие товарищества объединились и превратились в экономически мощные колхозы.

Коллективизация проходила в обстановке обостренной борьбы с кулаками и шаманами. При наличии многих пережитков родового строя у ненцев было резкое имущественное неравенство. Ямальский туземный совет в 1929 году провел выборочное обследование 297 хозяйств, кочующих на полуострове. Они все имели 52 882 оленей. По наличию поголовья:

до 100 оленей имели 63,7%;
от 100 до 200 имели 14,8%;
от 200 до 800 имели 17,2%;
от 800 до 4 000 имели 4,8% населения.

В заключение необходимо остановиться на одном вопросе, имеющем теоретическое и практическое значение, на вопросе «О роли пережитков родового строя в социалистическом строительстве». Одни товарищи считают, что пережитки родовых отношений играют положительную роль при проведении социалистической реконструкции хозяйства, другие, наоборот, считают их тормозящими, реакционными.

Значение пережитков родового строя в социалистическом строительстве нельзя определять догматически. Одни из них имели положительное, другие — отрицательное значение. Об этом свидетельствует и опыт ямальских ненцев. Конечно, развитие ямальских ненцев по социалистическому пути происходило на основе общих законов развития советского общества, но формы и методы социалистического строительства на Крайнем Севере были несколько иными, чем в центральных районах страны.

ЦК КПСС принимал несколько постановлений о коллективизации в районах Крайнего Севера. В этих постановлениях подчеркивалась недопустимость механического перенесения на Крайний Север опыта передовых районов страны, и предлагалось сосредоточить главное внимание на организацию лишь простейших форм производственного кооперирования — производственных товариществ.

При проведении коллективизации на Ямале пришлось столкнуться прежде всего с тем, что в сознании каждого ненца сохранилось понятие его принадлежности к определенному роду и признание установившейся системы родства. Однородцы называли друг друга нями — мой брат, хотя они не находились в близком родстве и жили далеко друг от друга.

Положительным из пережитков родового строя являлась привычка ненцев к коллективному труду, к совместному владению средствами производства. У ненцев были широко распространены такие производственные объединения, как артельный лов рыбы, совместный выпас оленей (парма), совместный загон песца (талара), хозяйственная взаимопомощь в различных формах. Живучесть этих коллективных объединений обуславливалась тем, что при примитивном хозяйстве отдельная семья не могла обеспечить себе даже скудного существования, поэтому приходилось объединять свои усилия, что в свою очередь, создало привычку к коллективному труду, коллективному владению средствами производства. Это оказывало положительное влияние при проведении коллективизации.

Отрицательным фактором явилось то, что в колхозы был перенесен сложившийся в бытовых производственных объединениях порядок распределения заработка уравнительно, — по паям или, как их ненцы называли, юганом. Но эту уравниловку удалось преодолеть сравнительно быстро.

Мешало укреплению колхоза разделение труда и различные табу для женщин, т.е. запрещение выполнять мужские работы и прикасаться к предметам мужских занятий. Это тормозило вовлечение женщин в такие отрасли производства, как рыбодобыча, охота и другое. Но и этот пережиток родового строя удалось постепенно преодолеть. Вначале уговаривали молодых, более смелых женщин заменить заболевшего мужчину, затем отдельные женщины стали постоянно выполнять считавшиеся мужскими работы. Во время войны тазовская ненка Мария Айваседо организовала первую женскую рыболовецкую бригаду. Эта бригада заняла одно из первых мест, за что Айваседо была награждена орденом «Знак почета».

Отрицательным пережитком родовых отношений явился авторитет стариков и их большое влияние на жизнь своих сородичей. Первое время председателями колхозов, бригадирами избирались, как правило, старики. Это были наиболее консервативные люди, поддерживающие и защищающие вредные предрассудки. Старики не долго сохраняли свое преимущественное положение. Ненцы быстро поняли, что стариковский опыт в новых условиях не годится, и стали выдвигать в председатели и бригадиры

не по принципу возрастного старшинства, а по деловым качествам, с учетом их грамотности.

Практика социалистического строительства показала, что даже отрицательные пережитки строя не являются непреодолимым препятствием, что при чутком отношении, при строгом учете всех и всяких особенностей можно обеспечить полную победу социализма на далеких, ранее отсталых окраинах.

Опыт социалистического строительства на Ямале полностью подтверждает положение великого Ленина о том, что отсталые народы при помощи победившего пролетариата могут перейти к социализму, минуя мучительную стадию капиталистического развития.

(Красный Север. 1963. — №№ 148, 150, 159, 160, 161)

От трудодня — к ежемесячной денежной оплате труда колхозников

Хозяйственный центр сельскохозяйственной артели имени Ленина в пос. Яр-Сале Ямальского района. Это один из крупных колхозов округа с развитым комплексным хозяйством. В колхозных стадах выпасается 16 000 оленей, на звероферме 130 песцов и лисиц, колхоз добывает ежегодно около 4 000 центнеров рыбы, занимается охотой, кустарным промыслом, имеет животноводческую ферму и в значительных размерах ведет строительство. В 1958 году получено 2 295 тыс. рублей валовых денежных доходов, из них 833,5 тыс. рублей — от оленеводства.

Семилетним планом предусмотрено значительное расширение общественного хозяйства, повышение продуктивности и товарности всех отраслей производства.

Обсудив исторические решения XXI съезда КПСС, члены колхоза имени Ленина взяли дополнительные социалистические обязательства по развитию оленеводства, звероводства и перевыполнению планов сдачи государству рыбы и пушнины. Поставлена задача — семилетний план артелью выполнить досрочно.

Для успешного решения этой благородной задачи наряду с такими важными организационно-техническими мероприятиями, как создание оленеводческой промежуточной базы, строительство вечномерзлотных холодильников, организация второй зверофермы, постройка слопцов и т.д. потребовалось коренным образом изменить

порядок оплаты труда колхозников, повысить их материальную заинтересованность в развитии общественного хозяйства.

Нельзя было дальше мириться с тем, что в колхозе — едином хозяйстве — труд колхозников, работающих в разных отраслях производства, оплачивался по разному: в оленеводстве, звероводстве, и на хозяйственных работах — по трудодням, на строительстве — по государственным денежным расценкам, а охотники получали 80% от стоимости добытой ими пушнины. Разные принципы оплаты труда приводили к тому, что за одинаковую по трудности и сложности работу люди получали разную оплату. Ненормально и то, что в оленеводстве и звероводстве оплата труда проводилась с головы оленей и зверей, независимо от продуктивности. Нормы выработки значительно устарели и не соответствовали современному состоянию колхозного производства.

Правление создало комиссию и поручило ей разработать показатели по оплате труда во всех отраслях производства, а также управленческого персонала в прямой зависимости от количества и качества продукции. Комиссия должна была также пересмотреть нормы выработки и определить сдельные расценки не в трудоднях, а в деньгах; широко привлечь колхозников к обсуждению всех вопросов, связанных с изменениями порядка оплаты труда.

Комиссия справилась со своей задачей, разработала нормы выработки и денежные расценки, организовала широкое обсуждение их с оленеводами, звероводами, строителями и рабочими в других отраслях производства, собрала и учла много ценных замечаний колхозников. В работе комиссии участвовали специалисты сельхозинспекции и сельскохозяйственной опытной станции.

На обсуждение общего собрания были внесены конкретные предложения по всем вопросам, связанным с переходом на денежную оплату труда.

Как же практически решены вопросы перехода на денежную оплату труда в колхозе имени Ленина?

Самым трудным оказалось создание денежного резервного переходящего фонда. Дело в том, что 58% денежных доходов колхоз получает от оленеводства и звероводства в конце года, а с колхозниками надо рассчитываться ежемесячно, поэтому образуется значительный разрыв между доходами и расходами в отдельные месяцы.

Подсчеты показали, что колхоз должен иметь в резервном фонде 253 тыс. рублей, а имеется возможность выделить в этот фонд только 134 тыс. рублей.

Раньше не было необходимости получать авансы от рыбкоопов и рыбозаводов по договорам на сдачу рыбы и пушнины, теперь решили использовать возможность, предоставленную правительством и перекрывать разрыв между доходами и расходами за счет этих авансов.

В будущем балансировать доходы и расходы за счет авансов колхоз не собирается, это временная и вынужденная мера. Поставлена задача в течение двух ближайших лет довести резервный фонд до 350 тыс. рублей, чтобы он не только покрывал

месячные разрывы, но надежно гарантировал устойчивую оплату труда колхозников в случае стихийных бедствий или неблагоприятных производственных условий в том или ином году.

Большая работа проведена по пересмотру норм выработки и установлению денежных расценок. Можно было бы арифметически в расценках перевести трудодни на деньги, но нормы выработки устарели, в ряде случаев занижены, и оплата труда в некоторых отраслях, как мы уже отмечали, не стимулирует повышение продуктивности.

Раньше оленеводы основную оплату получали с головы выпасаемых оленей. Хорошо работающие и дающие больше и лучшего качества продукцию получали почти столько же, сколько и те бригады, которые дали меньше продукции низшей сортности. Сейчас размер оплаты оленеводов полностью зависит от того, сколько и какого качества продукции будет получено от стада оленей, закрепленных за бригадой. За каждый центнер живого веса оленей, полученных сверх основного (январского поголовья) выделенных из стада на забой, продажу, воспроизводство и т.д., бригаде производственного (плодового) стада выплачивается: за оленей жирной упитанности 195 руб. За центнер живого веса, средней — 150 руб., ниже средней — 120 руб.

За работы, связанные с прививками, противооводовыми обработками и другими ветеринарными мероприятиями, особой оплаты пастушеской бригаде не производится, так как эти работы обеспечивают большее сохранение оленей и повышение упитанности, а в результате этого увеличивается заработок бригады.

Бригаде производственных стад установлено плановое задание по выходу продукции — 18 центнеров мяса в живом весе на 100 январских оленей. Выполнение этого задания при нормальной упитанности оленей обеспечивает следующие заработки: бригадиру 900 рублей в месяц, старшему пастуху — 750 рублей, пастухам — по 600 рублей.

Количество, качество продукции, следовательно, и размер заработка бригады можно определить в конце года. До сдачи продукции пастухам ежемесячно выдается 70% из планового заработка: бригадиру 630 рублей в месяц, старшему пастуху 525 рублей, пастухам — по 420 рублей.

В конце года с пастушескими бригадами производится окончательный расчет по фактическому выходу продукции и ее качеству. При низкой продуктивности, обусловленной неблагоприятными условиями года, указанные размеры оплаты пастухов являются их гарантированным заработком.

Пастушеской бригаде нагульных стад установлена оплата за центнер мяса в живом весе за оленей жирной упитанности — 65 рублей, средней — 50 рублей, ниже средней — 40 рублей. Расценки в нагульных стадах значительно ниже, чем в производственных, но заработок бригады натурального стада при хорошей упитанности оленей будет не ниже, так как оплата будет произведена за всех оленей, поскольку стадо полностью будет забито.

Пастухам транспортных стад решено платить по 3 рубля 35 копеек

в месяц за каждую голову оленей, закрепленных за бригадой. За оленей выше средней упитанности оплата им увеличивается на 15%, а за оленей ниже средней упитанности снижается на 15%. Упитанность оленей транспортных стад определяется в октябре специальной комиссией, созданной правлением колхоза. Окончательный расчет с бригадами нагульных и транспортных стад производится в конце года, а ежемесячно им выплачивается: бригадиру 650 рублей в месяц, старшему пастуху 490 рублей, пастухам — 420 рублей.

Несколько меньшая ежемесячная оплата бригадам транспортных стад, по сравнению с производственными, вызвана тем, что в транспортных стадах пастухи будут иметь дополнительный заработок за счет транспортных работ.

Правление колхоза в начале года устанавливает каждой бригаде задание, в котором определяется не только выход продукции в живом весе на 100 январских оленей, но также процент сохранения взрослого поголовья, а также деловой выход телят на 100 маток.

Сохранена дополнительная оплата. Всех взрослых оленей, сохраненных сверх плана и телят, полученных сверх планового задания, решено выдавать пастушеским бригадам в порядке дополнительной оплаты труда.

Также пересмотрена оплата труда работников зверофермы. Раньше им оплачивалось за сохранение взрослого поголовья, за щенят до отсадки и т.д. Теперь им оплачивается только по одному показателю — сумме произведенной продукции. Каждый звероводу должен дать от закрепленного поголовья зверей на 80 000 рублей пушнины и ему выплачивается 100 рублей за каждую 1 000 рублей стоимости продукции. При выполнении плана годовой заработок звероводу будет 8 000 рублей. Работникам зверокухни установлена расценка 52 рублей. С 1 000 рублей продукции. Колхозники, работающие на звероферме, так же, как и оленеводы, ежемесячно получают 70% планового заработка.

Такая система оплаты труда колхозников, работающих на звероферме, создает у них высокую материальную заинтересованность в увеличении продуктивности звероводства, так как чем больше продукции они произведут, тем больше заработают.

Принципы оплаты труда рыбаков и охотников остались прежние, они оплачиваются с суммы добытой рыбы и пушнины. Но и здесь внесены некоторые изменения. Раньше рыбаки получали одинаковый размер оплаты и зимой и летом, поэтому у колхозников, добывающих рыбу по открытой воде, был более высокий заработок. Теперь за 100 рублей добытой рыбы по открытой воде выплачивается 48 рублей, а на подледном лове — 63 рубля.

Прежде охотникам выдавалось 80% стоимости пушнины, теперь они будут получать 70%, но это не ущемляет интересов охотников, т.к. им безвозмездно выдаются транспортные олени на период промысла.

Основная оплата труда на животноводческой ферме установлена за центнер молока по таким расцен-

кам: доярке зимой — 50 рублей, летом — 35 рублей, скотнику — 20 рублей, пастуху — 12 рублей 50 копеек. Кроме того, дояркам оплачивается по 50 рублей за каждого родившегося теленка, скотнику — за уход за производителями и молодняком.

Пока у колхоза нет достаточного опыта нормирования решили труд колхозников, работающих на строительстве оплачивать по расценкам, установленным для государственных строительных организаций. По нормам и сдельным расценкам, применяемым в МРС, будет оплачиваться ремонт флота и орудий лова.

Все транспортные, хозяйственные и другие работы разбиты на 6 разрядов и установлено соотношение между 1 и 6 разрядом, как один к двум. Введена следующая тарифная сетка:

Разряд	Сдельно	Повременная
1	14.00	12.50
2	16.20	14.50
3	18.70	16.50
4	21.00	1875
5	24.80	21.75
6	28.06	25.00

Установление повременных расценок вызвано тем, что есть работы на которых нельзя применить сдельные расценкам. Например, на период отела приходится привлекать в оленеводство дополнительную рабочую силу, сдельных расценок здесь не установишь, а такая работа будет оплачиваться по повременной ставке 3 разряда.

Разбивка работ на разряды помогла более правильно установить одинаковые расценки за работы примерно одинаковой сложности и трудности. Приведем нормы выработки и сдельные расценки на некоторые виды работ (*см. табл.*).

Можно было сделать проще: определить только расценку за единицу, но определить норму дневной выработки и расценки за выполнение этой нормы является как бы заданием колхознику на день и, зная дневную норму, он будет стремиться перевыполнять ее. Руководители работ по выполнению дневной нормы могут правильно определить трудовую активность каждого колхозника, организовать социалистическое соревнование за перевыполнение норм выработки. Наличие дневных норм облегчает планирование трудовых затрат по колхозу в целом и по отдельным отраслям производства.

Наведен порядок и в оплате труда руководящих работников. Раньше председателю и заместителю начислялись трудодни за количество важенок, за поголовье зверей и скота, а специалистам выплачивались твердые оклады. К тому же был большой разрыв между заработком руководящих работников и колхозников, занятых физическим трудом.

Учитывая, что по объему производства хозяйство колхоза не меньше крупного совхоза, колхозники признали, что заработок руководящих работников должен быть, примерно на уровне зарплаты директора специалистов совхоза. Поэтому председателю колхоза установили оклад 2 400 рублей в месяц или 28 800 рублей в год.

Установленный оклад имеет только расчетное значение. По существу председатель колхоза работает как бы на сдельной оплате труда. На 1959 год запла-

Наименование работ	Единица измерения	Разряд	Дневная норма	Расценка в рублях	
				За норму	За единицу
Забой, разделка и съемка шкуры взрослых оленей со сбором крови и других субпродуктов	голов	3	4,7	18,17	4,00
Сушка шкур	штук	1	28	14,00	0,50
Поделка упряжи легковой	комплект	3	0,5	18,70	37,40
Перевозка грузов на оленях	тн/км	4	18	21,00	1,16
Сделать нарту с заготовкой материала:					
2-х копыльную	шт.	4	0,33	21,00	63.00
3-х копыльную	шт.	4	0,25	21,00	84.00
4-х копыльную	шт.	4	0,20	21,00	108.00
Подвозка воды с реки зимой	бочка	4	14	21,00	1,50
Выделка шкур взрослых оленей	шт.	2	2	16,20	8,10
Сшить малицу из 5 шкур	шт.	4	0,33	21.00	63,00
Заготовка дров	куб.м.	3	2	18,70	9,35

нировано произвести продукции на 2,9 млн рублей, и за нее председатель получит 28 800 рублей в год, т.е. за продукцию на 1 000 рублей ему приходится 10 рублей заработка. Можно было бы такую расценку и установить, но в колхозе поступили иначе. Там где возможно, стоимость продукции перевели в натуральные показатели, затем установили более высокую оценку за отстающие и наиболее важные отрасли производства.

С учетом этого председатель должен получать в год за каждую 1 000 рублей:

Добытой рыбы ..... 13 рублей
Пушнины..... 13 рублей 30 копеек
Продукции
зверофермы ..... 13 рублей
Выполненного
строительства..... 10 рублей
Изделий кустарного
промысла ..... 10 рублей
Валовых доходов извоза на лошадях и оленях ..... 10 рублей

За центнер оленьего мяса в живом весе:

Жирной упитанности.....6 рублей
Средней упитанности .....5 рублей
Ниже средней
упитанности .....2 рубля 10 копеек
За центнер молока.....3 рубля

В таком же порядке установлена оплата руководителям отраслей хозяйства. Например, заведующий зверофермой получает со стоимости произведенной продукции, заведующий рыболовным и охотничьим хозяйством с суммы, на которую добыто рыбы или пушнины.

Так как выход продукции по ряду отраслей производства можно установить только в конце года, руководителям колхоза и специалистам ежемесячно выдается 70% планового заработка, а в конце производится окончательный расчет.

В связи с переходом на денежную оплату труда принято решение прекратить выдачу натуры. Мясо и шкуры колхозники будут поку-

пать в колхозе по государственным заготовительным ценам. Учитывая, что на закупку мяса и шкур нужны значительные средства, общее собрание постановило отчислять 5% заработка у каждого колхозника, к концу года накопятся деньги, и он сможет расплатиться за мясо и шкуры.

Новый порядок оплаты труда колхозников и руководящих работников повышает материальную заинтересованность в дальнейшем развитии хозяйства колхоза.

М. Броднев, зав. отделом экономики Ямальской сельскохозяйственной опытной станции.
(Советский Таймыр. — 1959. — №60. — 21 мая. — С. 3-4. Из опыта колхоза им. Ленина Ямало-Ненецкого национального округа)

Поднять темпы добычи пушнины

Лозунг перед статьей: «Товарищи охотники и заготовители! Направим все наши силы и энергию на выполнение и перевыполнение государственного плана пушных заготовок!

М.М. Броднев — председатель Ямало-Ненецкого исполкома окружного Совета депутатов трудящихся.

В народном хозяйстве страны пушнина имеет огромное значение не только как важное сырье для нашей промышленности, но и как экспортный товар. Увеличение добычи пушнины увеличивает валютные фонды нашей страны, что в послевоенный период имеет большое экономическое значение.

В течение последних четырех лет округ ежегодно перевыполнял планы пушных заготовок и давал государству на миллионы рублей высокоценной пушнины.

В пушной сезон 1948—1949 года партийные, советские органы и заготовительные организации ослабили внимание к заготовке пушнины, пустили это дело на самотек и по большинству районов сорвали выполнение плана четвертого квартала и плана на январь месяц.

Особенно отстающими районами по выполнению плана четвертого квартала явились: Тазовский — 15%, Надымский — 16,6%, Приуральский — 21,6%, Ямальский — 29,8% и другие. В этих районах не только не исправлено положение с выполнением плана пушных заготовок в январе, а наоборот — допущено снижение темпов

сдачи государству пушнины. План января Надымский район выполнил только на 6,6%, Ямальский — на 23,5%, Приуральский — на 16%, Тазовский — на 27,3%.

Особенно ненормально то, что районы, хорошо справившиеся с выполнением плана четвертого квартала, резко снизили добычу пушнины в январе. Так, например, Красноселькупский район перевыполнил план четвертого квартала, а план января выполнил всего лишь на 7,8%.

Многие работники заготовительных организаций ссылаются на плохую промысловую обстановку.

Эти ссылки несправедливы.

Выход белки в этом году довольно хороший и такие районы, как Пуровский, Красноселькупский, Надымский, Приуральский, Шурышкарский, при надлежащей организации промысла имели все возможности выполнить план за счет белки.

Если даже учесть плохой выход песца в некоторых районах, то при хорошей организации промысла недолов песца можно было компенсировать усилением добычи горностая, лисы, зайца, волка.

Практика показывает, что в тех колхозах, где хорошо организовали промысел, план перевыполнен, хотя промысловая обстановка для этих колхозов была такая же, как и для остальных.

Так, например, колхоз «Красный пахарь» (председатель колхоза тов. Уткин) выполнил план первого квартала на 192%, колхоз «Заря» (председатель колхоза тов. Казанцев) — на 121%, колхоз «За лучшую жизнь» (председатель колхоза тов. Канев) — на 117%, заготовительные организации Куноватского сельсовета — на 130% и так далее.

По Шурышкарскому району 67 охотников перевыполнили нормы отстрела — 100–328%, по Приуральскому району — 13 охотников, по Ямальскому — 15, по Красноселькупскому — 16 и т.д.

Охотник колхоза «Советский Север» Тимкин Василий Маркелович квартальный план выполнил на 259%, охотник колхоза «Заря» Федоров Александр Иванович — на 343%, охотники Куноватской ПОС Русмиленко А.И. — на 250% и Сатруев М.К. — на 328%, охотник колхоза «Память Чапаева» Пандо М.Х. — на 403%, охотник Ямальского района Тадибе Няхучи — на 200% и т.д.

Опыт передовых охотников и передовых колхозов подтверждает, что и при сложившейся промысловой обстановке можно перевыполнить планы заготовки пушнины.

Крупнейшим недостатком в работе заготовительных организаций, партийных и советских органов, является то, что опыт передовых охотников не пропагандируется, не внедряется в отстающие бригады; социалистическое соревнование в ряде случаев организовано формально.

Во многих колхозах в погоне за песцом, забросили охоту на горностая, лисицу, волка. Особенно это относится к Ямальскому и Приуральскому районам.

Заготовительные организации в ряде случаев допускают издевательское отношение к охотникам. Так, например, в Шурышкарском районе не хватало капканов, но кап-

каны были на окружной товарной базе и заготовительным работникам — тов. Шаталову и тов. Зуеву потребовался двухмесячный срок для того, чтобы эти капканы вывезли из Салехарда в Шурышкарский район. При наличии в округе достаточного количества капсюлей, охотники Красноселькупского района испытывают в них острую нужду. В большинстве мест не организована доставка продуктов, боеприпасов и всего необходимого охотникам на места промысла. Охотники вынуждены тратить много драгоценного времени, чтобы ходить за продуктами в поселки.

Для рыбкоопов не составляет особой трудности организовать приемку пушнины от охотника на месте промысла и завезти для него все необходимое.

То обстоятельство, что это простое дело не организовано, показывает на отсутствие элементарной заботы заготовительных организаций об охотниках, что мешает выполнению важнейшего государственного задания.

Заготовительные организации и правления колхозов почти ничего не делают для повышения производительности труда охотников. В Шурышкарском, Красноселькупском, Пуровском районах многие охотники охотятся без собак, а известно, что охота на белку без собаки, малопроизводительна, особенно в первом квартале, когда по следу искать белку трудно.

Следовало бы всех охотников обеспечить собаками. У нас в округе значительное количество, так называемой, хантыйской лайки, которая идет на белку. Следовательно, можно было бы собак, пригодных для использования на промысле, взять у лиц, которые сами не занимаются охотой, во временное пользование для охотников, выдавать охотникам для прокорма собак отруби, смет и т.д.

Нельзя мириться с таким позорным провалом выполнения плана пушных заготовок.

Заготовительные организации, местные Советы, партийные органы должны принять исчерпывающие меры к резкому увеличению добычи пушнины, к ликвидации большого прорыва, создавшегося с выполнением плана.

Для того чтобы обеспечить коренной перелом в заготовках пушнины, выполнить план первого квартала и ликвидировать задолженность по четвертому кварталу, необходимо прежде всего изменить отношение партийных и советских органов к выполнению плана пушных заготовок, изгнать из заготовительного аппарата ту большую распущенность, которая серьезно вредит делу и тормозит нормальному проведению пушных заготовок.

Безусловно, нельзя поощрять совершенно неправильное стремление некоторых правлений колхозов снять охотников с пушного промысла. В Ямальском районе на промысел не направлено 140 охотников. Необходимо увеличивать количество охотников, организовать переброску охотничьих бригад в места наибольшей концентрации пушного зверя, выделить для этой переброски необходимое количество транспорта колхозов, а также создать для охотника наилучшие условия промысла, обеспечить его боеприпасами,

продуктами, организовать приемку пушнины на местах промысла, завозить продукты и все необходимое для охотника с тем, чтобы охотник не тратил время на длинные переходы в поселки.

В песцовых районах, наряду с использованием всех возможностей охоты на песца, надо широко организовать промысел горностая, зайца, белки; максимально увеличить количество ловушек, применять простейшие ловушки, в частности, ледянки на горностая и т.д.

Местные Советы депутатов трудящихся должны усилить контроль за работой заготовительных организаций, чаще заслушивать их на своих заседаниях, внимательно интересоваться жизнью охотников, знать их нужды и запросы, и обеспечивать немедленно эти нужды.

Нельзя ограничиваться только увеличением количества сдаваемой пушнины. Необходимо принять ряд мер к резкому повышению качества шкур пушных зверей, т.е. к увеличению сортности пушнины.

Качество пушнины, принимаемой большинством рыбкоопов округа, за последние годы значительно ухудшилось. Очень много шкур со значительными дефектами, что понижает их сортность.

Так, например, в Красноселькупском районе многие беличьи шкурки имеют много пробоин.

В Ямальском и других районах сдаваемые шкурки песца имеют много дефектов, вызванных прорезами при их снятии.

В рыбкоопах не организована обезжировка пушнины. Заготовительные организации почти ничего не делают по обучению охотников лучшей съемке шкуры, не проводят производственного инструктажа. В результате на пониженной сортности пушнины охотники округа теряют более 10% заработка.

Необходимо серьезно заняться повышением качества сдаваемых шкурок и развернуть в этом направлении соответствующую работу.

Партийные организации должны резко улучшить проведение массово-политической работы среди охотников, широко организовать среди них социалистическое соревнование, обеспечить передачу опыта лучших охотников другим охотничьим бригадам.

При общем огромном трудовом подъеме в стране, при большом перевыполнении планов работниками промышленности и тружениками сельского хозяйства отставание нашего округа в выполнении плана пушных заготовок является позорным.

Мы не должны и не можем забывать, что пушной промысел в наших колхозах является одним из основных отраслей хозяйства, что заготовка пушнины имеет большое государственное значение и поэтому выполнению плана пушных заготовок должна быть подчинена вся наша работа.

Колхозы округа имеют возможность дать стране больше пушнины.

Направим все наши силы и энергию на выполнение и перевыполнение государственного плана пушных заготовок.

(Нярьяна Нгэрм. — 1949. — № 29. — 9 февраля)

Академия Наук СССР
Госплан СССР
Комиссия по проблемам Севера
Совета по изучению производительных сил

ПРОБЛЕМЫ СЕВЕРА

Выпуск 13
Отдельный оттиск

Издательство «Наука»
Москва
1968

П.Н. Востряков, М.М. Броднев
(НИИ сельского хозяйства Крайнего Севера,
Ямальская сельскохозяйственная опытная станция)

Ямало-Ненецкий национальный округ — один из основных оленеводческих районов страны. На начало 1967 г. в нем насчитывалось 366,4 тысяч оленей, почти седьмая часть всего поголовья находилась в СССР. Недостатки планирования оленеводства в прошлом наносили значительный ущерб этой отрасли хозяйства. С 1957 по 1960 гг. количество оленей здесь сократилось почти на 50 тысяч голов, продуктивность их значительно снизилась.

Несмотря на то, что с 1960 г. происходит рост численности оленей (с 322,4 тысячи до 366,4 тысячи голов) в оленеводстве имеются еще недостатки. Развитие звероводства, домашнего животноводства, уменьшение транспортного значения оленей породили у некоторых работников недооценку оленеводства и ослабление внимания к нему. В результате продуктивность этой отрасли на Ямале гораздо ниже по сравнению с другими оленеводческими районами страны, в частности с соседним Ненецким национальным округом. В хозяйственных государственных и кооперативных организациях Ямало-Ненецкого национального округа в 1965 г. насчитывалось 251,4 тысяч голов оленей, а в Ненецком национальном округе — 153,1 тысяч. Причем число маток к основному поголовью в Ямало-Ненецком округе составило 48,7%, сохранность взрослого поголовья — 91,6%, деловой выход телят — 67,8%, мяса (в живом весе), на 100 январских оленей было произведено 17,6 центнеров, а в Ненецком национальном округе эти показатели соответственно 57,6%, 93,6%, 75,9% и 25 центнеров.

Условия содержания и разведения оленей в Ненецком и Ямало-Ненецком национальных округах примерно одинаковые, а продуктивность и товарность оленеводства разные. Между тем экономическая эффективность оленеводства в условиях Ямало-Ненецкого национального округа весьма высокая, что подтверждают, в частности, данные о получении продукции в денежном выражении на 100 рублей затрат в разных отраслях производства Ямальской сельскохозяйственной опытной станции — наиболее крупного комплексного хозяйства округа. Например, стоимость продукции по ценам реализации на 100 рублей затрат в этом хозяйстве в 1966 г. была следующей: оленье мясо — 169,44 рублей, шкурки клеточных зверей (с надбавкой на пушнины) — 115,65, молоко — 66,74, мясо крупного рогатого скота — 24,69, картофель — 71,62, овощи открытого грунта — 90,44, овощи закрытого грунта — 10,83.

Оленеводство — наиболее рентабельная отрасль во всех хозяйствах округа. В 1966 г. совхозы и другие государственные предприятия получили от оленеводства 787 тысяч рублей прибыли, в то время как рыболовство, домашнее животноводство и полеводство были убыточны. Важное значение оленеводства подтверждается и тем, что потребности населения Ямала в мясе в основном удовлетворяются за счет оленины, производство которой обходится в несколько раз дешевле по сравнению с мясом других видов животных. Нельзя сбрасывать со счета шкуры и меховое сырье оленей, из которого изготавливаются луч-

шие сорта замши, одежда, обувь. Следует учитывать также и роль оленьего транспорта.

В совхозах округа находится 161,4 тысяч оленей, у рыбозавода — 85,8 тысяч, в хозяйстве Ямальской сельскохозяйственной опытно станции 8,3 тысяч, в кооперативных организациях — 3,3 тысяч, у государственных организаций — 1,8 тысяч, в личной собственности граждан — 107,8 тысяч. Основная часть оленей сосредоточена в совхозах и рыбозаводах, имеющих одинаковые природные условия для ведения оленеводства, однако производственные показатели у них различные. Так, основные показатели по оленеводству совхозов и рыбозаводов округа за 1965 г. были соответственно следующие: поголовье — 158,8 тысяч и 81,5 тысяч голов, маточное поголовье — 50,5% и 45% от основного, сохранение взрослого поголовья — 92,8% и 94,4%, деловой выход телят — 70,1% и 70,8%. Мяса (в живом весе) произведено всего 31 и 14 тысяч центнеров, а на 100 январских оленей — 19,5 и 12,5 центнеров, государству сдано мяса (в живом весе) 14,9 и 3 тысячи центнеров.

Рыбозаводы уделяют мало внимания оленеводству и не обеспечивают его развития. Поэтому целесообразно сосредоточить производство оленьего мяса в совхозах, передав им от рыбозаводов плодовую часть оленьих стад. Это соответствовало бы также требованиям специализации. Рыбозаводам же следует оставить поголовье, необходимое для транспортных работ, создав для этого стада транспортного направления. Некоторые же рыбозаводы (Кушеватский и другие) могут вовсе обойтись без оленей или иметь их в небольших количестве. Рыбозаводы смогли бы передать совхозам 40—45 тысяч оленей, что увеличило бы валовое производство мяса на 8—9 тысяч центнеров.

Один из важных недостатков в организации оленеводческого хозяйства — несоответствие кормовой базы наличию выпасаемых оленей. В одних районах округа пастбища весьма перегружены, в других огромные площади не используются. На 1 января 1967 г. в Ямальском районе оленей было больше расчетной оленеемкости на 33,5 тысяч голов, в Приуральском районе — на 21,3 тысяч, а в Пуровском — на 32,4 тысяч и в Красноселькупском — 30,5 тысяч голов меньше расчетной оленеемкости.

Большая перегрузка пастбищ в Ямальском и Приуральском районах может привести к тяжелым последствиям. Севернее р. Се-Яха (Мутная) Ямальского полуострова в довоенные годы выпасалось более 70 тысяч оленей. К 1944 г. пастбища оказались выбитыми. Пришлось срочно перегонять много оленей в южную часть полуострова, а более 300 семей коренного населения переселять и трудоустраивать на Южном Ямале. В Шурышкарском районе перегрузка пастбищ также привела к сокращению поголовья. В Ямальском районе, несмотря на нехватку пастбищ, за последние годы увеличилось количество оленей на 8 тысяч голов, а в Красноселькупском, где огромные территории пастбищ не используются, за это же время уменьшилось поголовье оленей на 2 800 голов. Необходимо привести поголовье оленей в соот-

ветствие с кормовой базой по каждому хозяйству и району округа.

Включение в оборот неиспользуемых пастбищ Пуровского и Красноселькупского районов связано с большими трудностями. За последние годы несколько стад с тундровых пастбищ были переведены в эти районы и выпасались в лесной зоне. Так, около 2 500 оленей из северных хозяйств были переданы совхозу «Толькинский», расположенному в южной части Красноселькупского района. В стадах, перегнанных на лесные пастбища, произошли большие потери животных, так как методы содержания и разведения оленей, применяемые в тундре, неприемлемы для лесной зоны. Чтобы эффективно использовать пастбища Пуровского и Красноселькупского районов, надо, прежде всего, настойчиво увеличивать поголовье за счет собственного воспроизводства лесных оленей до размеров, удовлетворяющих потребность местного населения в мясе, шкурах и транспорте. Одновременно необходимо изучать и изыскивать более совершенные приемы ведения оленеводства, определить эффективность содержания животных на огороженных пастбищах.

На большой площади тундровых пастбищ нарушена цельность ягельного покрова, произошла замена ценных кормовых видов лишайников (кустистые лишайники, лапостянки) менее ценными или некормовыми видами (трубчатые и шиловидные лишайники, косматки и другие). На отдельных пастбищах тундровой и лесотундровой зон, тяготеющих к населенным пунктам, проходным путям, кораллам и так далее, систематическое низкое стравливание и вытаптывание лишайников вызвало полную замену ягельного покрова мхами и багульником. В результате перегрузки пастбищ уничтожаются не только ягель, но и ценные в кормовом отношении разнотравье и кустарники. Правильная организация пастбищной территории в каждом хозяйстве — это одна из основных мер укрепления кормовой базы оленеводства.

В результате работ, выполненных в 1957—1961 гг. Северной землеустроительной экспедицией Росгипрозема по землеустройству оленьих пастбищ, каждому хозяйству даны проект отвода и ведомости оленеемкости пастбищ. В плане отвода пастбищ (масштаб 1 : 200 000) указаны их границы по сезонам года и маршруты оленеводческих бригад. Вся территория пастбищ разбита на геоботанические контуры, которым в ведомости оленеемкости дана кормовая характеристика. Однако совхозы Ямальского и Приуральского районов, где выпасается значительно больше оленей, чем определено экспедицией, имеют по оленеводству в течение ряда лет самые высокие показатели в округе. Например, в 1966 г. по всем хозяйствам округа сохранение взрослых оленей составило 93,3%, а в совхозах Ямальского района — 94—97%, деловой выход телят в целом по округу — 70,3%, а в совхозах Ямальского района — 73—78%. Очевидно, материалы экспедиции о кормовых ресурсах не отражают их фактических возможностей.

В связи с этим каждому хозяйству рекомендуется тщательно выявить наличие пригодных пастбищ

и более рационально использовать их. Там, где возможно, надо удлинить срок выпаса животных на пастбищах, не являющихся дефицитными, более экономно использовать площади с лимитируемыми ягельными участками и по возможности предоставить отдых сильно выбитым участкам лишайниковых пастбищ. Важно, чтобы специалисты хозяйства сверили данные экспедиции с фактическим состоянием пастбищ и при необходимости внесли в материалы землеустройства соответствующие изменения, согласовав их с местными сельскохозяйственными органами. Необходимо закрепить за каждой бригадой маршруты кочевий стад, возложив на бригадиров ответственность за соблюдение границ и правильное использование пастбищ по сезонам года.

Для того чтобы кормовая растительность после стравливания нормально восстанавливалась, следует давать пастбищам полный отдых после сезона их использования. На ягельных пастбищах надо ввести правильный пастбищеоборот. Исследования по определению размера пастбищных площадей, проведенные в Ямало-Ненецком округе с учетом восстановления в течение последующих двух лет отдыха стравленных кормов, позволили установить средние фактические размеры площадей на одного оленя в год: в тундровой зоне — 115 га, в том числе на весенних пастбищах — 36, на летних — 12, на осенних — 17, на зимних — 50 га; в лесотундровой зоне — 100 га, из них на весенних пастбищах — 29, на летних и осенних — по 13, на зимних — 45 га. В хозяйствах со средним запасом ягеля достаточно иметь трехлетний пастбищеоборот, когда участки пастбища стравливаются один раз в три года.

На пастбищах с истощенными ягелями (большинство весенних пастбищ тундровой зоны) следует вводить четырехгодичный пастбищеоборот. Летние пастбища надо использовать ежегодно, но в течение разных сроков за время сезона. На участках, используемых ранним летом, олени должны выпасаться только поздним летом следующего года. Такое чередование необходимо для сохранения ценных летних кормовых растений, которые могут выпадать из травостоя при ежегодном их стравливании ранним летом до обсеменения.

Существенной мерой сохранения ягеля в некоторых хозяйствах может быть более продолжительный выпас оленей на летних пастбищах. Например, стада совхозов «Ярсалинский» и «Россия» в октябре приходят на участки, близко расположенные к центральным усадьбам этих хозяйств, задерживаются в южной части полуострова Ямал на месяц, а часто и больше в ожидании прочного ледостава через Обь. Здесь многочисленные стада оленей выбивают и без того истощенные ягельные пастбища. Однако выпас оленей можно организовать так, чтобы стада больше времени находились на летних пастбищах, где много зеленых кормов, и подходили к местам перехода через реку на «Хенскую сторону» тогда, когда Обь покроется прочным льдом. Это предотвратит окончательное стравливание ягельных пастбищ в районе Порс-Яха и в других местах, расположенных вблизи перехода стад через Обь.

Из передовых приемов содержания оленей, проверенных долголетней практикой, заслуживает внимание так называемый бесчумный выпас стад в летний период. Существенное преимущество такого выпаса — возможность большей маневренности стада, наиболее широкий охват пастбищной территории, сохранение ягельного покрова от перетравливания.

Большой ущерб пастбищному хозяйству наносит нарушение границ землепользования. Назрел вопрос о принятии закона об охране оленеводческих пастбищ, в котором целесообразно предусмотреть ответственность за нарушение установленного порядка землепользования и потраву пастбищ.

Напряженное положение с пастбищами вызывает необходимость навести порядок и с оленеводством, находящимся в личной собственности населения. В Ямало-Ненецком округе в личной собственности находится 107,8 тысяч оленей, или почти 1/3 общего поголовья, в то время как по РСФСР в личной собственности находится 250 тысяч оленей — примерно 12% их общего поголовья. Было бы разумным разрешить рабочим и служащим иметь в личной собственности до 30—50 оленей в лесной зоне округа и до 50 оленей — в тундровой. Выпас оленей должен быть организованным. В каждом совхозе и рыбозаводе следует организовать специальные стада оленей личного пользования и закрепить за ними определенные участки сезонных пастбищ.

В ближайшие годы главная задача оленеводства состоит в повышении продуктивности стад. Для этого в округе имеются большие возможности. В 1966 г. совхозы Ямала на 100 январских оленей произвели 19,5 центнеров мяса (в живом весе), рыбозаводы — 12,5 центнеров. Эти показатели значительно ниже, чем в Ненецком национальном округе, Коми АССР и некоторых других районах страны. По продуктивности оленеводства совхозы значительно различаются. Например, совхоз «Россия» на 100 январских оленей произвел 24,3 центнера оленьего мяса, «Ямальский» — 24,9, «Толькинский» — 17,6, а «Полярный» — только 10,4 центнера.

Один из путей увеличения производства оленеводческой продукции — улучшение структуры стада. В стадах оленеводческих хозяйств еще низок процент важенок и сыриц: в совхозах — 50,5%, в рыбозаводах — 45%. За последние годы в хозяйствах стала заметной тенденция к дальнейшему сокращению удельного веса маток в стаде. В общественных стадах удельный вес важенок и сыриц составлял в 1962 г. 49%, в 1965 г. — 47,9%, в 1966 г. — 49,3%, в 1967 г. — 48,9%.

В стадах многих хозяйств сложилось неправильное соотношение полово-возрастных групп оленей. В структуре стад большой процент занимает неплодовая часть: нялуку-хоры, намнюку, хоры, быки. В ряде хозяйств Приуральского, Ямальского, Тазовского и других районов нялуку-хоры составляют 11—12% при норме 6—8%, намнюку — 8—12% при норме 5—6%. Низкий процент маточного поголовья не только снижает доходность оленеводства, но и не обеспечивает

ремонт и прирост стада. В 1970 г. количество важенок и сыриц в структуре стад по округу следует довести минимум до 55%. Это позволит получить дополнительно около 8 тысяч центнеров мяса (в живом весе). При установлении структуры стада следует учитывать особенности отдельных хозяйств (протяженность маршрутов кочевий, потребность в оленьем транспорте для охотников и т.д.).

Важным фактором повышения продуктивности оленеводства является снижение яловости маток. Решающее условие сокращения яловости — правильный отбор маток, хоров-производителей и ремонтного молодняка, хорошая организация гона, кормления и содержания оленей. Большое значение имеет обмен хорами-производителями. Практика передовых оленеводческих районов страны доказывает, что благодаря правильной организации племенной работы можно резко снизить яловость оленей. В оленеводческих хозяйствах Корякского национального округа яловость маток снизилась за 10 лет с 12,5% до 5%. Это достигнуто путем широкого проведения племенной работы и осуществления ряда других зоотехнических и организационных мер.

Основной резерв повышения продуктивности оленеводства заключается в сокращении непроизводительных отходов. Сокращение непроизводительных отходов животных лишь на 1% даст округу дополнительно более 2 тысяч центнеров мяса (в живом весе). Резкого снижения непроизводительных отходов в оленеводстве можно добиться путем проведения ряда организационных и зоотехнических мер. Весьма важно широко проводить в хозяйствах профилактические и лечебные мероприятия по борьбе с некробациллезом, пневмонией, гельминтозом и другими болезнями, а также меры борьбы с оводами и двукрылыми кровососущими насекомыми. К сожалению, ветеринарная служба в оленеводстве округа находится на низком уровне.

Развитию оленеводства препятствует ряд нерешенных вопросов. До сих пор оленеводству Ямала большой ущерб причиняют хищники, главным образом волки, которые ежегодно уничтожают 4—6 тысяч оленей. В прошлые годы здесь успешно уничтожали волков с самолетов. Но с 1964 г. это мероприятие не проводится. Между тем при помощи авиации в сочетании с наземными способами истребления можно резко сократить поголовье волков.

Во многих хозяйствах еще недооценивается значение упитанности оленей как одного из условий повышения продуктивности стада. Средний вес оленя убойного контингента в 1966 г. был равен 62 кг. Осуществляя соответствующие зоотехнические мероприятия, можно увеличить средний вес оленя до 70 кг и более и получить дополнительно несколько тысяч центнеров мяса.

Улучшение качества продукции зависит не только от правильного выпаса и охраны стад, соблюдения зооветеринарных правил, повышения уровня организации и оплаты труда, но в значительной мере и от рациональной организации убоя оленей. Известно немало случаев, когда от хорошо упитанных оленей хозяйства получают низкосортное мясо. Про-

исходит это потому, что в округе на убойных пунктах нет оборудования холодильных емкостей, а убой оленей проводится с наступлением холодов и продолжается до двух месяцев и более. При больших перегонах, а также вследствие длительной задержки оленей на плохих пастбищах, расположенных вблизи хозяйственных центров, животные теряют упитанность, а хозяйства получают от каждого животного на 7—8 кг мяса меньше и более низкого качества, чем получили бы при своевременном убое оленей. В Ямало-Ненецком национальном округе ежегодно забивают на мясо 60—70 тысяч оленей. При правильной организации приемки и убоя животных в наиболее целесообразные сроки можно увеличить производство мяса минимум на 4 тысячи центнеров. Этот большой резерв в увеличении производства мяса можно успешно использовать путем строительства убойных и приемных пунктов с холодильными камерами.

В Ямало-Ненецком округе низка товарность оленеводства. Так, в 1964 г. реализованные олени составили лишь 9,4% основного январского поголовья, в 1966 г. — 12,9%, в то время как в Ненецком округе — более 20%. Товарность оленеводства может быть резко увеличена, прежде всего, за счет сокращения расхода пищевого мяса на корм зверям, превышающего почти в 2 раза сдачу мяса государству.

В настоящее время результаты хозяйственной деятельности в оленеводстве оцениваются по показателям сохранения взрослых оленей, выходу телят или получению мяса в расчете на 100 январских оленей. Следует пересмотреть критерии оценки деятельности оленеводческих хозяйств и считать один из основных показателей, особенно для совхозов, сумму полученного дохода на 100 январских оленей. Доходы совхозов округа от реализации продукции оленеводства существенно различаются.

Ниже приводятся данные выхода мяса (в центнерах живого веса) и денежного дохода совхозов (в рублях) в расчете на 100 январских оленей:

Совхоз	Выход мяса (в живом весе), ц.	Денежный доход, руб.
«Горковский»	19,6	98
«Мужевский»	19,4	512
«Байдарацкий»	24,6	1208
«Ныдинский»	25,2	382
«Ямальский»	22,7	550
«Ярсалинский»	20,5	890
«Россия»	26,1	1265
«Пуровский»	17,1	249
«Верхнее-Пуровский»	14,0	82
Ямальская с/х оп. станция.	22,2	1457

В среднем по совхозам округа получено по 20,9 центнеров мяса на 100 январских оленей и 650,6 рублей дохода, а в Ямальской сельскохозяйственной опытной станции — соответственно 22,2 центнеров мяса и 1457 рублей.

Показатели передовых хозяйств (сельскохозяйственная станция, совхозы «Байдарацкий» и «Россия») свидетельствуют о том, что совхозы могут удвоить доходы от реализации продукции оленеводства и значительно повысить его товарность.

Хозяйства, имеющие более высокую товарность оленеводства, высокорентабельны. Например, совхозы «Байдарацкий» и «Россия» в 1964 г. получили каждый свыше 100 тысяч рублей прибыли, в то время как хозяйства с низкой товарностью имели убытки. Средняя себестоимость 1 центнера оленьего мяса (в живом весе) в 1964 г. в совхозах равнялась 46,57 рублей, по отдельным же совхозам она резко колебалась: в «Пуровском» составила 38,35 рублей, в «Верхне-Пуровском» — 63,37 рублей, в «Полярном» — 128,24 рублей.

Основным элементом затрат в оленеводстве является заработная плата. В совхозах, расположенных за Полярным кругом, заработная плата на 20% выше, чем в более южных хозяйствах. Казалось бы, в северных совхозах должна быть и более высокая себестоимость продукции. Однако во многих случаях бывает наоборот. Например, в совхозе «Россия», который находиться за Полярным кругом, себестоимость 1 центнера оленьего мяса в 1964 г. равнялась 38,2 рублей, а в совхозе «Горковский», распложенном в южной части округа, — 45,902 рублей. Многое зависит от рачительного хозяйствования, умения изыскивать резервы по укреплению экономики.

Экономические показатели должны быть основным критерием в оценке работы каждой оленеводческой бригады и главным ориентиром, определяющим размер оплаты труда пастухов. Известно, что реализационная цена мяса в зависимости от категории упитанности существенно различается. Так, для Ямало-Ненецкого округа установлена сдаточная цена 1 центнера мяса в живом весе (без коэффициента): высшей упитанности в декабре—июле — 117 руб., а в августе—ноябре — 103 руб., средней упитанности — соответственно 97 и 86 рублей, ниже средней упитанности — 73 и 64 рубля. Поэтому конечным итогом работы бригады надо считать продукцию не в натуральном, а в денежном выражении, по которому и следует производить материальное и моральное поощрение членов бригады. При такой оценке передовиками производства будут те, кто при прочих равных условиях произвел продукцию лучшего качества и более высокой стоимости в денежном выражении. Оплату труда оленеводов следует производить не за 1 центнер, а за стоимость всей произведенной продукции, установив соответствующие расценки. Показатель производства, выраженный в денежном исчислении, дает более полную и объективную характеристику работы бригады.

В оленеводческих бригадах Ямальской сельскохозяйственной опытной станции при примерно одинаковом основном поголовье оленей в 1964 г. произведено продукции: бригадой стада №2 (бригадир Ф.Р. Попов) — на 19 072 рубля, бригадой стада №1 (бригадир Г.Д. Терентьев) — 24 009 рублей, бригадой стада №3 (бригадир А.И. Терентьев) — на 24 312 рублей. Бригада №3 добилась высоких качественных и количественных показателей. Поэтому и оплата труда пастухов этой бригады должна быть выше, чем в других бригадах. Установление твердых планов сда-

чи продукции позволит совхозам округа принять наиболее целесообразное сочетание отраслей производства в хозяйственном комплексе, привести объем производства в соответствие с более рациональным использованием имеющихся условий хозяйственной деятельности, в частности с правильным использованием кормовой базы оленеводства, звероводства, домашнего животноводства.

Мартовский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС указал на необходимость широкого внедрения в производство опыта передовиков и достижений науки. В Ямало-Ненецком округе по изучению, пропаганде и внедрению передового опыта применительно к оленеводству сделано пока очень мало.

Общеизвестно, что материальная заинтересованность и бытовые условия людей оказывают прямое влияние на их производственную деятельность. Однако, занимаясь такими важными вопросами, как изыскание нового типа жилища для кочевника, возможности применения механизации при выпасе оленей и т.д., часто забывают о насущных вопросах быта оленеводов. В Ямало-Ненецком округе оленеводческие хозяйства недостаточно снабжаются сукном, брезентом, сыромятью, юфтью и другими жизненно необходимыми предметами. Оленеводы, особенно тундровой зоны, тратят много времени на заготовку твердого топлива и нередко везут его за сотни километров. Между тем снабжение кочевников печами на жидком топливе и широкое распространение положительного опыта некоторых хозяйств Ямала по применению в оленеводстве портативных газовых плит для приготовления пищи значительно улучшило бы быт оленеводов. Необходимо также обеспечить оленеводов высококачественными продуктами питания, в частности, снабжать консервированным хлебом и многими другими продуктами, не теряющими питательных и вкусовых качеств длительное время.

Проблемы «Северных цветов»

ЦК КПСС неоднократно обращал внимание на необходимость развития тех отраслей производства, которые в конкретных условиях дают продукцию с меньшей затратой труда и средств. Такой отраслью хозяйства в Ямало-Ненецком округе является оленеводство.

Совхозы Ямало-Ненецкого территориального совхозного управления в 1962 году имели убытки от звероводства, рыбодобычи, полевой пушнины, а от оленеводства получили 93 тысячи рублей прибыли.

Ямальская сельскохозяйственная опытная станция в 1962 году на сто рублей затрат получила продукции: в оленеводстве — 183 рубля, звероводстве — 113 рублей, в молочном животноводстве — 106 рублей. Себестоимость центнера оленьего мяса составила 29 рублей 96 копеек, а говядины — 18 рублей 80 копеек.

Оленеводство — высокорентабельная отрасль производства. По дешевизне содержания у оленей нет конкурентов среди сельскохозяйственных животных. Они круглый год находятся на подножном корме, для них не нужно ничего строить.

Несмотря на очевидную выгодность оленеводства, внимание к этой отрасли в Ямало-Ненецком округе за последние годы ослаблено, и основные показатели оленеводческого производства ухудшились.

Падеж, потери и травеж в 1960 году составляли 21,6 тысячи оленей, в 1961 году — 35 тысяч, 1962 — 44 тысячи. Увеличилась яловость маток. Процент прохолостовавших маток за 1952—1956 годы составлял от 5—7%, а за последние четыре года — от 9% до 13%. Производство оленьего мяса в 1962 году по сравнению с 1960 годом сократилось на 8 тысяч центнеров.

Основная часть оленей сосредоточена в совхозах. В прошлом году они приняли некоторые меры к улучшению оленеводства, в частности, повысили материальную заинтересованность пастухов. По предварительным данным итоги 1963 года в этой отрасли производства будут несколько лучше. Однако оснований к успокоению нет, так как не устраняются решающие причины низких показателей в оленеводстве.

К числу таких причин, прежде всего, относится тот факт, что в ряде районов округа создалось несоответствие между наличием оленей и кормовой базой. Сравнение отведенных землеустроительной экспедицией пастбищ с наличием поголовья оленей показывает явное неблагополучие с использованием кормовой базы. Особую тревогу вызывает положение, создавшееся в Ямальском районе. Землеустроительная экспедиция определила, что по наличию кормов в Ямальском районе можно выпасать 77 тысяч оленей и рекомендовала сократить поголовье. Здесь поступили наоборот, за последние два года увеличили стада на четыре тысячи и довели количество оленей до 107 тысяч.

Некоторые районы округа уже жестоко расплачивались за легкомысленное отношение к кормовой базе оленеводства.

В северной части Ямальского полуострова в начале сороковых годов круглогодично выпасалось бо-

лее 70 тысяч оленей. Специалисты предупреждали районные организации, что более тридцати тысяч оленей здесь содержать нельзя. На эти предупреждения не обратили внимания. К 1944 году зимние пастбища оказались настолько выбитыми, что началась массовая гибель животных от бескормицы, пришлось значительную часть оленей перегонять в южную часть полуострова и более трехсот семей переселять и трудоустраивать в южных районах округа. В Шурышкарском районе при наличии пастбищ на 30 тысяч оленей поголовье их к 1957 году довели до 50 тысяч голов. Через три года в районе осталось 24 тысяч оленей, большинство животных погибло от бескормицы.

Огромные площади ягельников в округе уже выбиты, а на восстановление их требуется много лет, причем на сильно выбитых участках ягель не восстанавливается.

В противовес перегрузки пастбищ в Ямальском, Приуральском, Пуровском, Красноселькупском и Надымском районах кормовая база позволяет увеличить количество оленей на 75 тысяч голов. За последние два года в Надымском и Красноселькупском районах поголовье сократилось на 7 тысяч оленей. Странная практика: там, где недостает кормов, поголовье животных увеличивают, а там, где пастбищные площади не используются, количество оленей сокращают.

Пора потребовать от руководителей хозяйств и районов прекратить такое отношение к кормовой базе оленеводства и поставить перед ними в качестве важнейшей задачи уравнение количества оленей в соответствии с кормовой базой.

Прежде всего, надо энергично увеличивать количество оленей в Пуровском и Красноселькупском районах, как за счет естественного прироста, так и перегона туда оленей из районов, где пастбища перегружены. Пропорционально росту количества оленей в благополучных с пастбищами районах, сокращать поголовье там, где пастбища перегружены. Причем это сокращение должно происходить, прежде всего, за счет стад личной собственности граждан. Тем более что в Приуральском и Ямальском районах находится почти половина (около 50 тысяч) оленей, принадлежащих рабочим и служащим округа. И если в Пуровском районе в среднем на частника приходится по 15 оленей, а в Красноселькупском — 9 голов, то в Ямальском — 38, а в Приуральском — 39. Кроме того, только в этих районах сохранились еще единоличники (около 30 хозяйств). Они нигде не работают, кочуют по тундре со своими оленями и травят пастбища государственных организаций. Мы считаем, что есть полная возможность, не уменьшая общего поголовья оленей в округе, привести их количество в полное соответствие с кормовой базой. При этом поголовье оленей в государственном секторе должно увеличиться.

Необходимо также серьезно заняться упорядочением использования пастбищ, их улучшением, сохранением имеющихся ягельных кормов, предупреждением полного стравливания выбитых участков.

Существенной мерой сохранения ягельных кормов в некоторых хозяйствах может быть более продол-

жительный выпас оленей на летних пастбищах. Например, стада совхоза «Ярсалинский» и «Россия» в октябре приходят на участки, близко расположенные к центральным усадьбам этих хозяйств и задерживаются в южной части полуострова Ямал на месяц, а часто и больше, в ожидании прочного ледостава через Обь. Здесь многочисленные стада оленей выбивают и без того очень истощенные ягельные пастбища. Однако выпас оленей можно организовать так, чтобы стада большее время находились на летних пастбищах, где много зеленых кормов и подходили к местам перехода на Хэнскую сторону в такое время, когда Обь покроется прочным льдом и можно перейти ее, как говорят, с ходу. Это предотвратит окончательное стравливание ягельных пастбищ в районе Порс-Яха и других местах, находящихся поблизости перехода через Обь. Чтобы избежать раннего прихода стад в южную часть Ямальского полуострова, надо провести ряд мер и, прежде всего, организовать массовый убой оленей на севере Ямала. Для этого необходимо организовать убойные пункты в устье Юрибея, на Морды-Яхе и в других местах.

В ряде хозяйств пастбища не закреплены за бригадами и каждая из них стремится занять лучшие участки. Более доступные участки вытравляются. Это наносит большой вред кормовой базе.

Чтобы устранить обезличку в использовании пастбищ, руководителям хозяйств необходимо распределять территории пастбищ между бригадами, возложив на бригадиров ответственность за соблюдение установленных границ и правильное использование отведенных пастбищ по сезонам года. Одновременно должен быть установлен порядок чередования пастбищ. Количество дней выпаса на том или ином участке должно соответствовать запасам корма, так как выпас сверх положенного количества ведет к перетравам кормов.

Для того чтобы корма после их стравливания нормально восстанавливались, необходимо предоставлять пастбищам полный отдых после сезона их использования.

Руководители некоторых хозяйств и районов игнорируют веками проверенную истину — чем больше в стадах маток, тем больше телят, тем больше мяса. Увеличение маточного поголовья — одно из важнейших резервов повышения продуктивности оленеводства. Расчеты показывают, что увеличение маточного поголовья только на один процент даст дополнительно примерно 450 центнеров мяса. Хозяйства округа имеют возможность на 5–6% увеличить вес маток в стадах, т.е. дополнительно получить мяса в пределах 2 500 центнеров.

В 1962 году процент важенок в округе уменьшился с 49,2% до 48,8%. Это очень опасная тенденция. Необходимо в каждом хозяйстве провести нужные мероприятия по улучшению структуры стад, по увеличению в них количества маток. Следует указать, что в других областях процент маток в стадах значительно выше. Так, в Ненецком национальном округе он равен 55%, в совхозах Архангельской области — 60%.

Наряду с увеличением маточного поголовья должна быть повыше-

на плодовитость важенок и сыриц. В 1962 г. прохолостало 11 тысяч маток. Главной мерой борьбы с яловостью является обновление хоров. Опыты сельхозстанции показывают, что при участии в гоне производителей из других стад яловость маток составляет менее 1%. Широкий обмен производителями между хозяйствами должен быть прочно введен в практику оленеводства.

Экономические показатели оленеводства снижает необоснованная низкая товарность этой отрасли производства. В 1962 г. на 52 тысячи убитых на мясо оленей сдано государству только 27 тысяч, т.е. почти половина. На 100 оленей сдача мяса государству составляла: в Ямало-Ненецком округе — 54 центнера в живом весе, в Магаданской области — 220, в Мурманской — 114 центнеров. Цифры говорят сами за себя.

Часть добротного оленьего мяса расходуется на корм зверям. Это явная бесхозяйственность. Происходит это главным образом из-за неорганизованности приемки оленьего мяса. Эта функция возложена на Окррыболовпотребсоюз. Они принимает мясо там, где находит для себя выгодным. В 1962 г. Ямальский совхоз не смог сдать 40 тонн мяса в убойном весе и направил его на ближайшие зверофермы.

Окррыболовпотребсоюз грубо нарушает установленный в стране порядок и категорически отказывается от приема живых оленей. В Ненецком округе, в Магаданской области и других районах Крайнего Севера хозяйства сдают живых оленей, а заготовительные организации производят убой. Наши же кооперативы считают, что законы писаны не для них, и в заготовках не только оленьего мяса, но и других сельскохозяйственных продуктов допускают самовольство.

Следует порядок заготовки мяса, существующий в стране, полностью распространить на оленеводство и обеспечить, чтобы произведенная оленеводами продукция обязательно принималась заготовительными организациями. Иначе нет смысла ее производить.

Известно, что в стране уделяется большое внимание концентрации и специализации сельскохозяйственного производства. В Ямало-Ненецком округе в 1961 году колхозы были преобразованы в совхозы и другие предприятия. Олени колхозов были переданы совхозам и рыбозаводам. Предприятия рыбной промышленности получили их около 70 тысяч, в том числе Тазовский рыбоконсервный комбинат 30 тысяч. По нашему мнению передача оленей рыбозаводам была ошибочной. В комплексе производства предприятий рыбной промышленности олени являются чужеродным телом, лишней обузой, рыбозаводы не могут квалифицированно руководить этой отраслью производства и трудно рассчитывать на подъем у них оленеводства. Первый год их хозяйничанья в оленеводстве уже принес известный вред. Сокращение маточного поголовья в округе произошло за счет предприятий рыбной промышленности. Они приняли от колхозов стада с маточным поголовьем 48% и за год снизили его до 47,2%, а Кушеватский рыбозавод сократил удельный вес маток на 10%.

Следовало бы исправить допущенную ошибку. В Тазовском районе на базе оленеводства рыбоконсервного комбината создать совхоз, это будет крупное, высокорентабельное оленеводческое хозяйство. Оленей остальных предприятий рыбной промышленности передать совхозам, они имеют больше возможностей квалифицированно заниматься этим видом заполярного животноводства. Конечно, некоторое количество оленей на рыбозаводах можно оставить, но их стада должны иметь транспортное направление и размер поголовья должен определяться потребностями в оленьем транспорте.

Ямало-Ненецкий округ является одним из основных оленеводческих районов страны. Он занимает второе место среди северных округов по количеству оленей, на его территории находится одна пятая всех оленей Советского Союза. Показатели же оленеводства в округе значительно хуже, чем в других оленеводческих районах. Например, в соседнем Ненецком округе в 1962 году получено по 76 телят на 100 маток, сдано государству 21,5% оленей в расчете к основному поголовью, в то время как на Ямале на 100 маток получено 67 телят, а государству сдано 11,1% оленей в расчете к основному поголовью.

В Ненецком округе более настойчиво внедряют в оленеводство проверенные и оправдавшие себя приемы ведения хозяйства. Так, заботятся о том, чтобы иметь больше маток. Здесь их удельный вес в стадах доведен до 55%. Оленеводы занимаются улучшением организации выпаса, более рационально используют пастбищные территории и т.д.

Показатели других оленеводческих районов страны, достижения передовых пастушеских бригад округа подтверждают наличие больших резервов, использование которых даст значительное повышение продуктивности оленеводства — важной отрасли хозяйства нашего округа.

М. Броднев,
научный сотрудник
Ямальской сельскохозяйственной
опытной станции.

(Красный Север. — 1963. — №221. — 3 ноября)

Прошлое народов Ямала

От редакции

Долгие годы жил и работал в нашем округе Михаил Митрофанович Броднев. Сейчас он живет в Тюмени. Издательство «Наука» приняло его книгу о Ямале. Автор любезно предоставил нам первую главу этой книги под заголовком «Прошлое народов Ямала», ибо прошлое помогает лучше понять настоящее.

Из ненецких слов «я» — «земля» и «мал» — «конец» образовалось название полуострова Ямал. Теперь этим словом называют территорию, входящую в состав Ямало-Ненецкого национального округа. Это огромный край, его площадь 768 тысяч квадратных километров, т.е. больше Англии в три раза, Франции — в полтора раза, Белорусской ССР — в три раза. Около половины его территории находится за Полярным кругом.

Климатические условия тяжелые, как говорят шутники, «двенадцать месяцев зима, остальное лето». Шутка хороша, а многолетние данные метеостанций точнее: земля покрыта снегом в Тюмени 164 дня, в Салехарде — 233, в Новом Порту — 247. Среднегодовая температура воздуха в Тюмени плюс 1,5°С, в Салехарде минус 6,3°С, на мысе Дровянном минус 9,5°С. Максимальная температура воздуха в декабре—феврале иногда доходит до минус 58°С.

Равнинный рельеф местности и безлесье создают условия для беспрепятственного движения воздуха по просторам тундры. Число дней с сильными ветрами в Салехарде 45,5%, а в Новом Порту — 67,6%, в Мара-Сале — 89,4%. Ямальцы на вопрос, что самое неприятное в условиях их жизни, отвечают: сильные ветры-бураны зимой, гнус летом.

В декабре-январе в южной части округа солнце появляется на 2—3 часа в день, а на севере в это время полярная ночь. Угнетающе действуют она на людей. Неописуемый восторг вызывают первые лучи солнца. При их появлении люди выбегают из жилищ, и каждый по-своему выражает радость наступлению пока крошечного дня — бросают вверх шапки, криками приветствуют светило, пляшут, поют.

Как бы желая сгладить зимнюю невнимательность к Заполярью, солнце щедро отдает тепло и свет летом, наступает полярный день продолжительностью два месяца. В июне-июле, скатившись до горизонта и не скрываясь за ним, солнце начинает свой новый круглосуточный цикл. Даже в Салехарде можно читать без искусственного света в любое время суток. Между прочим, это не нарушает обычного режима у людей, они нормально спят, работают.

О климате, как и о вкусах, спорить не следует — кому что по душе. Мне нравится сравнительно ровная ямальская зима, быстрая смена времен года, короткая осень без грязи и дождей. А весна! Бурно и стремительно оживает природа, растительность появляется и развивается на глазах, огромное количество прилетевших птиц своим го-

моном возбуждают радость жизни. А где найдешь лучшие места для рыбалки и охоты!

За тридцать с лишним лет я и члены моей семьи не почувствовали на себе вредности ямальского климата. У нас выросли здоровые дети и внуки, да и сам я на седьмом десятке лет жизненного пути чувствую себя не хуже своих сверстников, проживших в южных широтах страны.

Ямал являлся местом обитания людей в далекой древности. Ученые установили, что племена, жившие здесь несколько тысяч лет назад, создали вещи, не уступающие по своей художественной ценности уникальным находкам на юге России. Только в городской черте Салехарда обнаружено семь археологических памятников древних. Найдены они в Яр-Сале, на побережье Байдарацкой губы и в других местах. Археологи установили своеобразие усть-полуйской и ярсалинской древних культур.

С древних времен на Ямале обитают ненцы, ханты, селькупы.

Знакомство с человеком мы начинаем с того, как его зовут, где он живет, чем занимается. Давайте в таком же плане познакомимся и с основной народностью Ямала.

Название народности — ненцы — является несколько измененным самоназванием «ненэць» — человек, во множественном числе «ненэця». До революции ненцев называли — «самоеды», «самоедины», «самоядь». Название обидное. Один мой приятель в двадцатых годах поехал учиться в Москву и, заполняя анкету, постеснялся назвать себя самоедом, как тогда еще и в документах называлась народность, а записал: зырянин. Прошли десятки лет. Надо было выдвинуть кандидатуру в депутаты Верховного Совета СССР. Стали подбирать из ненцев достойного, и этого товарища признали наиболее подходящим. Когда же ознакомились с анкетой, удивились, что он пишется коми. «Молодой был, думал, что напишу «самоед» смеяться будут, найдутся шутники и станут расспрашивать, какой вкус человеческого мяса».

Происхождение этого названия народности ни в коей мере не связано со словообразованием «самоед», т.е. сам себя едящий. Бытует такая легенда: русские, впервые познакомившись с ненцами, обратили внимание на то, что те кочуют отдельными чумами, живут «само един», и стали называть их самоединами, а затем искаженно «самоедами». Ученые точно не установили, как появилось название «самоед». Некоторые исследователи считают, что оно перешло с лапландского языка. В древние времена лапландцы называли свою землю «самэ-едне» — земля саамов, это название распространилось на ненцев.

К чести ненецкого народа в целом надо сказать, что это племя проявило огромную жизнедеятельность, будучи вытесненным от Саян в Заполярье, универсально приспособились к новым условиям, сохранило свой язык, свою культуру, освоило огромные пространства тундры от Белого моря до р. Енисей. И тундру они считают лучшим местом на земле. (Предками ненцев являлись племена алтайской группы. Появились они в тундрах Приобья в X–XII вв. Проведен-

ные раскопки показали, что до ненцев на этой территории обитала другая народность — сииртя, жившая в землянках и занимающаяся охотой, рыболовством и зверобойным промыслом. Ненцы ассимилировали остатки этого аборигенного населения и сами подверглись его влиянию, что обусловило возникновение специфических особенностей в этнографии ямальских ненцев. (В.Н. Чернецов. Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры: материалы исследования по археологии СССР. — М.: АН СССР, 1957 г. — С. 58).

Вспоминаю такой случай. Я заехал в чум, где хозяин знал русский язык, что в то время среди ненцев было редкостью.

— Откуда на нашу землю приехал?

— Из Москвы.

— Хорошее там место?

— Очень хорошее.

— А оленей много?

— Оленей в Москве не разводят, там есть такое место, где живут разные животные, есть и несколько оленей, их показывают людям.

— А песца много?

— Есть два—три, сидят в клетках, их тоже показывают народу.

— А река есть?

— Есть. Москва называется.

— Большая, с Обь будет, рыбы в ней много?

— Река Москва небольшая, вот как протока Юмба, а рыбы в ней мало.

— Какое же хорошее место? Совсем худое место, песца и рыбы не добудешь, оленей нет, зачем там жил, надо было давно к нам приехать, у нас...

И полилось прямо-таки поэтическое восхваление Ямала.

Ненцы физически выносливы. Нельзя не восхищаться их способностью по 18—20 часов подряд работать на рыбных тонях, сутками ехать на оленях, ночевать, зарывшись в снег («куропачий чум»), многими часами гнаться за зверем.

Раньше у ненцев не было письменности, но они не лишены способности к обобщениям, к установлению взаимозависимости явлений и знают много примет, по которым определяют природные явления: время вскрытия рек, продолжительность начавшейся пурги, какой будет год по выходу песца, задержится он на месте или будет мигрировать и т.п.

С раннего детства ненцы усваивают знания, накопленные поколениями, они хорошо знают жизнь и повадки зверей, птиц и рыб, замечательно разбираются в травах, лишайниках, кустарниках и их питательных свойствах для оленей, ими создано много хитроумных ловушек для добычи рыбы и зверя, выработаны наиболее целесообразные приемы хозяйственной деятельности. Например, отбор щенят, которых надо вырастить. Они делают так: весь помет зарывают в снег и оставляют тех щенят, которые вылезли из-под него, т.е. более сильных и выносливых.

Поражает способность ненцев ориентироваться в просторах тундры. По бесконечной снежной равнине, без дороги, без каких-либо видимых ориентиров ненец уверенно гонит упряжку оленей через десятки, сотни километров и безошибочно достигает намеченного места. Их спо-

собность определять местоположение по солнцу, звездам, по снежным застругам, по растительности и ветру вызывает изумление. Известный исследователь Ямала Б.М. Житков писал: «...способность обитателей тундры ориентироваться в гладкой тундре, выследить даже во время бурана проехавшего человека, определить время и направление, по которому «скаслал» (кочевал) чум, приближается к способности зверья» (Б. М. Житков. Полуостров Ямал. 1913. — С. 209).

Приведу несколько пример из личных наблюдений. На трех нартах мы выехали от реки Салеты. Надо было проехать 60 километров и попасть в красный чум. На полпути поднялась сильная пурга. За несколько метров еле виден силуэт передней упряжки, которой правит старик Любане Салиндер. Он «выжимал» предельную скорость и привез нас в нужный чум. Для нас так и осталась неразгаданной способность «вслепую» точно определить направление.

В дельте Оби есть так называемые Наричинские салмы, где ловили муксуна. При выезде рыбаков на лов башлык (руководитель артели) обычно не говорил, где ловить рыбу, спрашивать его об этом было не принято, он направлял лодку все дальше и дальше. Берег уже еле виден, кругом необъятная водная ширь, вода темная и кажется — плывешь по глубине, но в это время раздается команда, и пятовщик смело прыгает в воду, укрепляет кол, к которому прикреплена мотня невода, начинается замет. На вопрос к башлыку, как он определил, что в этом месте мелко, что здесь есть рыба и следовало закидывать невод, он показывает на рябь и цвет воды, чаек и другие признаки, мало понятные для человека непосвященного.

До 1937 года полных географических карт Обского Севера не было. У Ямальской культбазы была карта Ямальского полуострова Б.М. Житкова, в основном составленная по опросным данным, далеко не совершенная. Когда дело доходило до пользования ею, она подвергалась серьезным коррективам. Ненец, с которым советовались о маршрутах кочевья, рассматривал нашу карту и говорил: «Неверно». Ему давали карандаш, он уверенно и сравнительно точно наносил конфигурацию озер, истоки и изгибы рек, протоки и другие ориентиры.

Характерно, что ненцы не только зрительно хорошо знают тундру, но и большинству речек, озер, морских заливов дали свои названия. Ими создана довольно полная неписаная география своего края. На карте Ямало-Ненецкого национального округа большинство географических названий ненецкие, хантыйские, селькупские. Обь ненцы называют Саля-Ям, Пур — Пюра-Ям, Таз — Тасу-Ям. Неточные переводы названий на русский язык приводят к недоразумениям. На Обской губе есть мыс Каменный. На вопрос, есть ли камень на мысе, ненцы недоумевают: камня нет и быть не должно, они называют этот мыс по его форме Пай-Сале, т.е. Кривой мыс, а штурман Иванов неточно перевел это слово как мыс Каменный (по-ненецки будет Пэ-Сале).

Между прочим, хорошо зная свой край, местные жители оказывали огромную помощь различным

экспедициям. Вспоминается такой случай: в Ямало-Ненецком окрисполкоме рассматривали материалы экспедиции и хвалили товарищей за удачное изыскание места прокладки железнодорожной линии через Полярный Урал. Начальник экспедиции П.К. Татаринцев на эту похвалу ответил: «Это заслуга местных людей, они подсказали нам путь через Елецкое седло».

Отличной чертой в характере ненцев является настойчивость, упорство, тщательность. Например, на некоторые поделки из мамонтовой кости (ножны, табакерки, детали упряжи) они тратят много месяцев и доводят их до совершенства. Нарты делали, пользуясь только ножом и топором, но всегда с большой тщательностью, придерживаясь, если можно так сказать, «известных стандартов». А сколько упорства и терпения тратили женщины на отделку орнаментов на обуви, одежде и других поделках из меха.

Нельзя не указать на исключительную честность коренных жителей Ямала. По сложившимся правовым нормам у ненцев не требовалось показание свидетелей при разбирательстве виновности сородича родовым судом. Искренность и честность показаний обвиняемого, как правило, не вызывали сомнений. Уходя на летние пастбища, ненцы оставляли в тундре нарты с упакованными вещами. Владелец не беспокоился о них: ненец не возьмет чужого.

Добродушие ненцев беспримерно. Кто бы ни приехал в чум, его обогреют и накормят. Отказ нуждающемуся в помощи считался таким же недостойным поступком, как воровство. Для них характерно внимательное, чуткое, ласковое отношение к окружающим. Бить жен и детей не принято. Мне неизвестны случаи умышленного убийства ненцами человека.

С жителями тундры приятно беседовать. Они не спрашивают приезжего, откуда, зачем приехал, пока сам не расскажет. Говорят неторопливо, обстоятельно, на вопросы отвечают обдуманно. У них развито чувство собственного достоинства.

В южной части округа живут ханты. Они, как народность, образовались в результате длительного процесса смешивания угорских народов, кочевников-коневодов, с племенами северных уральцев. Хантыйский язык относится к угорской группе финно-угорских языков и имеет много общего с мансийским и венгерским языками.

В бассейне реки Таз издавна живут селькупы. Они также как и ненцы, происходят от саянских племен. Селькупский язык является родственным ненецкому, он также относится к группе самодийских языков. По характеру хозяйственной деятельности, быту, культуре селькупы были ближе к хантам, у них много общего, что в значительной степени обуславливалось большим сходством физико-географических условий занимаемых ими пространств.

Ненцы, ханты, селькупы мастера на все руки — рыбачат, охотятся, разводят оленей, изготавливают ловушки, делают предметы домашнего обихода и универсально приспособились к тяжелым условиям Крайнего Севера.

При низком уровне производства жители Севера вынуждены

были использовать все возможности, созданные природой, и вести комплексное хозяйство, занимаясь оленеводством, рыбодобычей, охотой и т.д.

Для ненцев особенно большое значение имело — их древнее занятие. Одни из наиболее вероятных центров его возникновения многие исследователи считают Саянское нагорье. Предки ненцев начали продвижение на Крайний Север, уже будучи оленеводами, и от них пошло распространение оленеводства к другим народностям.

Олень воспет поэтами и прославлен художниками всех эпох. Но истинную ценность оленя знают только жители Севера. Многие века олень являлся основой жизни населения тундры. Люди питались в основном оленьим мясом, из оленьих шкур изготавливали одежду, обувь и жилище, олень был единственным видом транспорта. Главным преимуществом оленя является его исключительная приспособлено к суровым условиям Заполярья, способность во все периоды года использовать подножный корм.

На Ямале сложился своеобразный (ненецкий) тип оленеводства, воспринятый многими другими народностями. Здесь применяли только упряжный способ езды на оленях. Используют высокую и длинную нарту с тремя-четырьмя парами копыльев (иногда больше), наклоненными вверху назад, потяг с нартой соединяется при помощи остроумной блокировки, не позволяющей отдельному оленю упряжки ослаблять усилия или вырываться вперед. Пасли оленей с собаками, что применялось чукчами и некоторыми другими народностями. Оленеводам многие века хорошо известен и широко распространен закрытый способ кастрации. Без каких-либо ветеринарных хирургических инструментов они мастерски проводят эту операцию, применяя несколько оригинальных вариантов. (Сейчас этот способ кастрации, как ни странно, вновь «открыт» и обоснован в животноводстве под названием «Метод А.А Байбуртуяна», широко освещен в специальной и популярной литературе, как своего рода новое слово в ветеринарно-зоотехнической практике.)

При оценке значения оленеводства следует учитывать, что оно оказывало влияние на другие отрасли хозяйственного комплекса. Например: хозяйства, имеющие больше оленей, ставили больше ловушек на песца и добывали больше пушнины.

Продукция оленеводства использовалась не только самими оленеводами — шкуры оленей в форме взаимопомощи, подарков, обмена получали безоленные и этим путем обеспечивали себя меховой одеждой и чумовыми нюгами (покрышками). В этом смысле можно сказать, что оленеводство являлось жизненной основой для всего населения.

Дореволюционные данные о количестве оленей противоречивы. Одни исследовали определяли наличие их в 400—500 тысяч голов, другие в два раза меньше. Мы полагаем, что в последние, дореволюционные годы, состояние оленеводства не могло быть лучшим по сравнению с 1926 годом (учитывая, в частности, массовую гибель животных в 1911 году от сибирской

язвы). Считаем более правильным определять наличие оленей в годы, предшествующие революции, примерно в размерах поголовья, учтенного переписью в 1926—1927 гг., т.е. в 260—270 тысяч.

Как по приученности животных, способам ведения хозяйства, так и по большой зависимости от природных условий, дореволюционное оленеводство являлось отсталой отраслью хозяйства и его можно сравнить с зачаточным скотоводством отдаленной эпохи. Оленьи стада, а с ними и владельцы, не могли задерживаться на одном участке, они перегонялись на другой. Как правильно заметил П.Г. Смидович, не олень ходит за человеком, а человек за оленем (П.Г. Смидович. «Социалистическая реконструкция Крайнего Севера. Кн. «Проблемы Севера». 1933. — С. 68). В прошлом у ненцев сложилась известная система кочевий и использования пастбищ. Весной они начинали движение на север, к зиме возвращались на юг. Многие хозяйства совершали ежегодные переходы больше тысячи километров.

Главными врагами оленей являются волки. Сейчас их уничтожают всеми возможными средствами, в частности с помощью самолетов. В прошлом они съедали много животных безнаказанно. Ненцы считали их носителями злого духа и не убивали, оленеводы были убеждены, что за пострадавшего волка духи жестоко отомстят.

Вспоминается такой случай. Я приехал на факторию Се-Яха. Ко мне пришел мой старый знакомый ненец.

— Я тебе подарок привез, — передавая мне щенка, сказал он.

— Так это же волчонок.

— Волчонок вырастет, может хороший, как собака, станет.

— А что сам не растил?

— У меня олени, вырастет, давить их будет, а у тебя оленей нет, вот и расти.

— А что же ты не убил его?

— Нельзя. Его мать узнает, что я плохо сделал ее маленькому, будет нападать на мое стадо. У тебя оленей нет, тебе не страшно.

Осень и зиму волчонок жил в квартире, вел себя, как собака, а к весне стал злым, опасным. Пришлось убить. Между прочим, многие на Ямале выращивали волчат, но результат был такой же.

Много оленей гибло от гололедицы, колоссальные опустошения производили эпизоотии. Сибирская язва была страшным бедствием. Участник экспедиции Академии наук П. Тоболяков так описал трагедию оленевода: «Ачи Яр утром выходил из своего просторного чума и довольными глазами взирал на охраняемое работниками и собаками двухтысячное стадо оленей — наследство, полученное им от отца. Ой как быстро растут на его капиталы проценты — родившиеся нынешней весной телята с длинными неуклюжими ногами... Однажды на рассвете один из пастухов закричал: «Олени падают!» Ачи Яр выбежал из чума и увидел. Что вчера еще здоровые олени, его дорогие олени кашляют, сопят, дрожат. Многие из них, скрещивая передние ноги, валятся уже на мох, изо рта у них с хрипом вылетают клубки белой пены, животы раздуваются, и они

умирают, словно удушенные невидимым арканом. Некоторые, объятые внутренним ужасом, бросились к Ачи и в поисках защиты пытались проникнуть в чум. Здесь постигала их невидимая стрела, они падали, бились в конвульсиях, стараясь подняться, и тотчас же умирали с высоко поднятой к небу головой и остекленевшими широко открытыми глазами. Телята дико вертелись среди стада, отыскивая свою обезумевшую мать, а, найдя ее павшей, пробовали сосать ее мертвые сосцы». (В. Тоболяков. К верховьям исчезнувшей реки. Тобольск, 1930. — С. 33–34).

В районе озера Ней-То и других местах тундры еще недавно встречались страшные памятники сибирской язвы, называемые ненцами Хальмер-мя, т.е. мертвый чум. В этих обветшалых чумах лежали скелеты людей, а окружающая территория была застлана костями павших животных.

Березовский исправник Ямзин в 1911 году докладывал тобольскому губернатору, что около озера Яро-То у ненцев пали почти все олени. В. Колмыков, посланный на Ямал тобольскими властями для выяснения последствий сибирской язвы сообщил, что в 1911 году от эпизоотии сибирской язвы на территории Ямала погибло 100 тысяч оленей. Эта болезнь косила не только животных, но и людей, употреблявших в пищу мясо заболевших оленей (Архивные материалы Ямальской с/х станции).

Отрицательно влияли на состояние оленеводства сложившиеся социально-экономические отношения. Большинство ненецких хозяйств были малооленными, в то время как богатые владели огромными стадами. Закономерности развития крупных и мелких оленеводческих хозяйств были различны, величина стада являлась важным условием, определяющим рост и упадок отдельного оленеводческого хозяйства. Существовал известный минимум оленей, необходимый для удовлетворения потребностей семьи в пище, одежде за счет естественного прироста стада. Для тундровой зоны этот минимум определялся в 200–250 голов. Если оленей в хозяйстве было менее этого количества, стадо неизбежно сокращалось, владелец вынужден был забивать животных, чтобы удовлетворить неотложные нужды в одежде и пище. Мелкое хозяйство изнуряло на транспортных работах не только быков, но и маток. Истощенные олени легче поддавались таким заболеваниям, как некробациллез (копытка). Стада у ненцев-бедняков неизбежно сокращались.

Царское правительство безразлично относилось к катастрофическому положению в оленеводстве и не считало нужным оказать помощь. Заброшенность этой отрасли хозяйства подтверждает и тот факт, что до революции на Ямале не было ни одного ветеринарного работника. Между прочим, если после присоединения ненцев к русскому государству в рыболовстве и охоте произошли значительные прогрессивные изменения, то этого нельзя сказать об оленеводстве. Русским людям это занятие было незнакомо, правительственные органы к оленеводству относились безразлично, торговый ка-

питал слабо вовлекал оленеводство в сферу рыночных отношений, купцы скупали только небольшое количество шкур. Отсталость и застойное состояние оленеводства являлось следствием социально-экономических отношений и колониальной политики царской России.

Одним из важнейших источников средств существования, особенно лесных ненцев, ханты и селькупов, являлось рыболовство. По территории округа протекает могучая Обь с ее многочисленными притоками, а также такие большие водные магистрали, как река Таз (длина 1 400 км), река Пур (760 км) и др. Здесь находится 61 тысяча озер, среди них такие крупные, как Яро-То (площадь 800 кв. км), Ней-То (325 кв. км). На значительном протяжении ненецкая земля омывается водами Карского моря и его заливов. В речных, озерных и морских водоемах водятся многие породы рыб: нельма, муксун, сырок, ряпушка, пыжьян, щекур, омуль, корюшка, щука, язь, налим, ерш, навага, сорога, чебак, окунь, карась, таймень и др., а также морские звери: белуха, нерпа, морской заяц, тюлень.

До революции лов рыбы проводили в основном самодельными, примитивными, малопроизводительными ловушками — вершами, мордами, удами, переметами. Перегораживали реки и протоки, в изгороди оставляли проходы и ставили в них ловушки корзиночного типа. Местные жители умели вязать полотно невода из коры тальника, веревка изготовлялась из этого же материала. Такие невода были небольшими, тяжелыми, неудобными и малопроизводительными. Больших лодок делать не умели, обитатели лесной зоны изготавливали долбленные лодки, называемые колданками или обласками.

В районах промышленного рыболовства ненцы и ханты промышляли современными по тем временам неводами, но они принадлежали рыбопромышленникам и давались на сезон за половину улова.

Рыболовство у безоленных хозяйств было основным источником средств существования. Производительность рыбаков была низкая. Дореволюционных данных по этому вопросу нет. Перепись 1926 года выявила, что местное население за год добыло 26 890 центнеров рыбы, что в среднем составляло на 1 хозяйство 10,8 центнеров, а продавало около 15 тысяч центнеров, или по 6 центнеров на хозяйство. Для сравнения укажем, что в настоящее время добыча товарной рыбы в среднем на одного рыбака составляет 70—80 центнеров.

На Ямальском Севере благоприятные условия для охотничьего промысла. В тундре, лесотундре и лесной зоне обитают дикий олень, лось, песец, лиса, белка, горностай, соболь и др. Колоссальное количество птиц — гусей, уток, гагар — прилетает на север весной. Из пернатых есть и постоянные обитатели — в тундре много куропаток, а в лесах глухарей.

До революции промысловые возможности использовались далеко не полностью, техника охотничьего хозяйства оставалась примитивной. Многие охотники белку и дичь стреляли из лука. И. Шухов, посетивший реку Щучью в 1913 году,

писал: «Ружья здесь все еще кремневые. Луки и стрелы не вышли из употребления» (И. Шухов. Река щучья: еженедельник Тобольского Губернского музея. Вып. XXII).

Лук оставался основным орудием охоты у многих лесных ненцев вплоть до коллективизации. Материалы переписи 1916 года показывают, что 10% всех ружей были кремневые, а 36% — шомпольные.

Ненцы добычу песцов вели и загоном. Соседи договаривались о времени и месте его проведения, и каждое хозяйство направляло возможное количество упряжек. Охватив определенную площадь на оленях, сжимая постепенно круг, окружали зверей и убивали их из лука или ружья. В годы хорошего выхода зверя такой заезд давал до 50 песцов.

Коллективно добывалась и водоплавающая дичь. В период линьки, когда гуси и утки не могут летать, места их скопления оцеплялись и одни пешим порядком, другие на лодках гнали беспомощную птицу в заранее подготовленный загон из сетей или прутьев, тут птицу ловили руками, убивали палками. Известны случаи добычи этим способом до 3 тысяч птиц за выезд.

На диких оленей охотились разными способами Например, треугольником расставляли на шестах махалки из гусиных крыльев, развешивали одежду и другие предметы, которых олень боится. Заехав сзади стада, гнали его в этот треугольник. Олени, подгоняемые людьми и напуганные махалками, устремлялись в проходы, где спрятались стрелки. Применялся и такой способ. Охотник окружает себя домашними оленями и, укрывшись за ними, незамеченный подходит к диким на расстояние выстрела. Маскировкой также служит щит из белой шкуры. Охотник, одетый в белую одежду, толкает вперед щит и, подползая к стаду диких оленей, стреляет по ним. Не лишен оригинальности и такой прием. Домашнего оленя пускали к диким, на его рогах укрепляли петлю, во время драки в этой петле запутывался рогами дикий олень.

Много оригинального и остроумного применяли ненцы в охоте, но техника, организация и экономика охотничьего промысла находились на низком уровне; русская администрация на это не обращала внимания, сроки охоты не регулировались, поэтому основная часть песцов добывалась раньше срока. На обдорской ярмарке было продано в 1899 году 13 тысяч песцовых шкурок, из них 7 тысяч штук недопесков, крестовиков и синяков. (Белый песец к весне синеет и зовется «синяком», а затем буреет, на спине появляется крест, отсюда и название «крестовик».) В 1902 году на 2 тысячи полноценных шкур было 12 тысяч невыходных. До революции выходной песец стоил 20 рублей, недопесок — 4 рубля, синяк — 2 рубля, крестовик — 1 рубль 50 копеек. Охотники очень много теряли на добыче пушнины раньше срока. Крайняя нужда заставляла их использовать любую возможность получения хоть небольших доходов.

Кроме оленеводства, рыбной ловли и охоты у местного населения много времени уходило на домашние занятия. Потребности семьи в одежде, хозяйственной утвари, упряжи и т.д. удовлетворялись изделиями

собственного производства. Кроме оленьих шкур выделывали и рыбьи кожи, в частности, из налимьей шили штаны. Все детали упряжи, начиная от вожжечки и кончая нартой, делали сами, причем весь инструмент состоял из ножа и топора. Знакома им была и примитивная обработка металла — из кусочка железа или подпилка делали ножи.

Местные жители обитали в разных зонах от тайги до Арктики. Их производственная деятельность определялась естественными условиями района обитания. Например, ханты, имея хорошие рыболовные угодья и возможность продавать рыбу, основные доходы получали от рыболовства. Верхнетазовские селькупы, владея рыболовными угодьями, не имели рынка сбыта рыбы, поэтому ограничивались добычей ее только на личное потребление; у них главным был охотничий промысел. Для тундровых ненцев основным занятием было оленеводство.

Производственная деятельность определяла бытовой уклад. Почти все ненцы были кочевниками (по переписи 1926 года — 97,2% хозяйств). Кочевой и полукочевой образ жизни вели рыболовецкие и охотничьи хозяйства. При отсталой технике и ограниченности природных ресурсов на одном угодье нельзя было добыть достаточные средства к жизни, приходилось осваивать огромные пространства. Место добычи рыбы обычно не совпадало с охотничьими угодьями.

Жители, не имевшие оленей, делали пешие переходы на десятки, а иногда и сотни километров. Этим кочевникам-пешеходам было особенно трудно добывать средства к жизни. Складывая свое имущество на нарты, люди сами тащили их. Во время холодов один из семьи бежал вперед и разжигал костер, чтобы остальные могли обогреться. Отогревшись, двигались дальше, и опять один уходил вперед и готовил новый костер. Шли сутками, иногда неделями. Так кочевали многие лесные ненцы, селькупы.

Кочевому образу жизни соответствовал и тип жилища — чум. Конусообразная форма чума обеспечивает устойчивость при частых и сильных ветрах. Общий вес всех деталей чума не превышает 100 кг. Они малогабаритны, удобны для перевозки, сборка и установка чума занимает 30—40 минут. Чум — универсальное помещение. Он обслуживал все жилищно-бытовые нужды, одновременно являясь местом приготовления и принятия пищи, а также местом, где работают, спят, хранят запасы пищи, одежду, утварь, инвентарь, тут же живут собаки. Отапливался и освещался чум обычным костром. Большую часть суток люди проводили в меховой одежде. Постоянный дым и сажа в чуме способствовали распространению туберкулеза и болезни глаз. До революции железные печи и лампы имели очень немногие даже из богатых оленеводов.

Из покупной домашней утвари имелись только чайник, чашки и котлы. Все остальное делали сами из дерева, бересты, пузырей и желудков животных. Тазы, тарелки, половники заменяли деревянные корыта и черпаки.

Оленеводы в основном питались оленьим мясом, а семьи промысловиков — рыбой. Значительная часть мяса и рыбы съедалась в сы-

ром виде. Мучные продукты употреблялись в небольшом количестве. У кочевников-ненцев в предреволюционное время потреблялось муки 4–5 кг на душу населения в год, ее использовали на заправку супа и на углях пекли пресные лепешки. Мучные продукты они любят, а малое их потребление в прошлом объясняется низкой покупательной способностью и трудностью доставки в отдаленные места.

Особое пристрастие у всех ненцев к чаю, заваривают его густо, пьют много и с наслаждением. Наибольшим спросом пользовался кирпичный чай. Привычка к крепкому чаю, видимо, объясняется температурными условиями. Русские, оказавшись в тундре, быстро входят во вкус и по чаепитию не отстают от ненцев.

Наиболее плохо питались малооленные семьи, а их было большинство. Они могли забить оленей только в крайнем случае и стремились пропитаться рыбой, дичью, ели падаль и нередко голодали. Промысловые хозяйства пресыщались едой во время удачного промысла, но голодали в межпромысловый период, особенно весной до вскрытия рек.

Потребность в одежде удовлетворялась за счет продукции своего хозяйства. Материалом для ее изготовления служили преимущественно оленьи шкуры. Форма одежды не имела большой дифференциации, различалась только мужская и женская одежда. Дети носили одежду такого же типа, как и взрослые.

Мужчины имели штаны из замши и на голое тело надевали малицу — длинную, до пят, меховую рубаху, мехом внутрь, но без разреза, с плотно облегающим голову капюшоном, к рукавам пришиты рукавицы. Низ малицы обшивался специальной меховой оторочкой — пандой, шерстью вверх. Капюшон сшит из шкурок молодых телят, мехом изнутри и сверху. Рукавицы из кожи оленьих ног, шерстью вверх и мездрой внутрь. Малица — теплая, мягкая и легкая одежда.

Разница между зимней и летней одеждой заключалась только в том, что зимой носили более новую одежду и с плотным мехом, а летом — потертую. Во время поездки или работы ненец подвязывает малицу ремнем так, что она не связывает его движений и не мешает при ходьбе. Если холодно, мужчина на малицу надевает гусь (совик) такого же покроя, как и малица, но шерстью вверх и без рукавиц.

Обувь состоит из двух частей: вниз надеваются меховые чулки — чижи, они из телячьей шкуры внутрь шерстью, на чижи надевают кисы из хорошо выделанных шкур, снятых с ног оленя, подошвы из щеток оленя. Кисы для удобства под коленками подвязывают тесьмой или специальным пояском.

Женская одежда отличается от мужской. Женщины не носили платья, а нижняя одежда, как и у мужчин, ограничивалась замшевыми штанами. На голое тело надевали ягушку — шубу с двухсторонним мехом, с вырезом впереди, по бортам оторочка из песцовых хвостов. Ненки подпоясываются широким ременным поясом с медными кольцами на конце вместо пряжки. Головной убор не пришит, как у малицы, а надевается отдель-

но. Он имеет вид капора с двухсторонним оленьим мехом и опушен песцовыми хвостами. Сзади капор удлинен книзу и на нем подвешивают разные фигурки из железа, меди, бронзы, являющиеся не только украшением, но и грузом, благодаря которому капор плотно прилегает. Обувь почти одинакового покроя с мужской, разница заключается в том, что женские кисы сшиты из более узких полос и имеют поперечную отделку ближе к стопе, а на мужских кисах отделка чуть ниже колена.

Завозную одежду — рубахи, брюки, платья, пиджаки — раньше носили немногие, главным образом береговые, но отношение к ней было своеобразное — одежда эта никогда не стиралась и носилась до полной непригодности.

Личная гигиена сводилась к нескольким несложным правилам. Мужчины обрезали волосы под кружок, растительность на лице выщипывали (ногтем прижимали волос к ножу и рывком удаляли). Женщины опутывали шерстяными нитками волосы в виде длинных кос. Голову и тело никогда не мыли, лицо и руки мыли, но без мыла, полотенец не имели, вытирались древесной стружкой.

Перечисленные данные показывают, что примитивность производства, способ приготовления и потребления пищи, разновидность домашнего инвентаря, тип жилища, покрой одежды, личная гигиена ненцев характерны для народов, стоящих на низкой ступени исторического развития.

Говоря о примитивности бытового уклада, следует отметить, что при том уровне производительных сил местные народности проявили много изобретательности. «Никакое другое жилище, кроме чума, как он есть, для тундры не годится. Все малейшие подробности одежды, утвари, упряжи оленей доведены до возможного совершенства. Сам Эдисон не мог бы выдумать ничего практичнее для тундры, чем оленья нарта, в смысле легкости и прочности» — писал один из исследователей.

Низкой ступени развития производительных сил соответствовали и социально-экономические отношения. Ряд русских и иностранных исследователей, писавших о ненцах, отмечали наличие у них родовой организации.

Ко времени установления Советской власти процесс выделения семьи из рода полностью не закончился. Даже перед коллективизацией многие нити связывали отдельные семьи с родом и общиной. Только коллективными усилиями обеспечивался успех охоты на диких оленей, лов линной дичи, зверобойный промысел. Известно, что не только на Ямале, но и у всех отсталых народов был распространен коллективный труд.

Почти все хозяйства местного населения в той или иной степени были связаны совместной производственной деятельностью. У оленеводов было широко развито объединение выпаса оленей — парма. Редко даже крупные оленеводы кочевали только своей семьей, обычно они принимали в парму малооленных, будучи заинтересованными в рабочей силе, а бедняк, не имея возможности

самостоятельно кочевать, нуждался в транспортных оленях и вынужден был идти на такое объединение.

Отсталость хозяйства, коллективный труд и общее владение некоторыми средствами производства обуславливали уравнительное распределение продуктов труда. Пять–семь семей объединялись в артель, каждая вносила 30–40 метров невода, эти части сшивали, и получался коллективный невод. Когда рыбаки возвращались с добычей, из каждого чума выходили женщины и брали рыбы столько, сколько надо было их семье. Обычно в местах промысла проживали и те семьи, в составе которых не было рыбаков, но они также брали из улова нужное количество рыбы, и все считали это нормальным. Заработанные деньги делили только между рыбаками, но делили поровну. Дряхлый старик, которого держали в артели из-за приличия, или подросток получали одинаково.

Для более полной характеристики народности необходимо кратко остановиться на мировоззрении ненцев в дореволюционное время. В основе мировоззрения у ненцев, как и у всех отсталых народов, лежал анимизм — одухотворение сил природы.

Вселенную ненцы представляли так: небо, земля, подземный мир. На небе живет Нум (главный дух, бог), на земле — люди, под землей умершие. Мир населен духами, добрыми и злыми, своими и чужими. Эти духи ведут постоянную борьбу, одни помогают человеку во всех его делах: в размножении и сохранении оленей, в рыбной ловле, охоте, а другие, носители зла, отгоняют рыбу, зверя, вселяют в людей и оленей болезни.

У ненцев появилось, хотя и неясное, деление на низшие и высшие. Вселенной и духами управляет Нум. Духи — «ервы» ведают пастбищами, водоемами и охотничьими угодиями. Дух — старик Иллибен Пэрти пасет стада диких оленей в Ямальской тундре и каждому ненцу представляет возможность убивать оленей в зависимости от поведения человека: хорошим людям — больше и жирнее, худшим — меньше и минее упитанных; а плохим, если и позволит убить оленя, то самого тощего.

Специализация духов, их функции и иерархия окончательно не определились, не сложилось сколько-нибудь четких представлений о взаимоотношениях между различными духами. Вероятно, Нум и ервы недавнего происхождения, в ненецком языке еще не появились специальные слова для их обозначения. «Нум» обозначает — небо, природа, главный дух. Словом «ерв» — понятие хозяин, начальник, дух, ведающий угодьями.

Большая роль в жизни ненцев принадлежала шаману — посреднику между людьми и духами. Шаманы выходили из сравнительно узкой родственной группы, но не в порядке прямого наследства. Умершего шамана заменял его сын, внук или племянник, как по мужской, так и по женской линии. Шаман имел специальное облачение и бубен значительных размеров. Ненцы верили, что шаман по своему желанию может вызвать духов и просить их о разных услугах: излечении больно-

го, прекращении заболевания оленей, удачи в охоте, рыбной ловле и т.п.

Духи оказывают помощь человеку не бескорыстно, а требуют вознаграждения, которое им дается в виде жертвоприношений. Жертвы приносились в домашней обстановке, на промысле и на специальных местах. Где бы ни находился ненец, ему приходилось заботиться о подачке духам. Часто встречаются чахлые березки, лиственницы, украшенные лоскутами материи или кусочками мехов. Это дар духам. Жертвы приносились мясом, рыбой, жиром, оленями (мясо жертвенного оленя съедают, а голову и часто шкуру оставляют на жертвенном месте). По представлениям ненцев души животных также переселяются в подземный мир и могут там оказать пользу умершим родственникам.

Духи являлись морально гнетущей силой, постоянно внушающей страх, неуверенность. Каждый род имел свои сядаи — изображения духов-покровителей, сделанных из дерева наподобие человека, а иногда похожего и на животных. На Северном Ямале мне пришлось видеть сядая, напоминающего формой белого медведя. Сядаи делаются из обрубка дерева с головой и грубыми насечками на месте носа, глаз и рта.

Некоторые сядаи и священные места были общеродовыми. У пролива Малыгина, недалеко от мыса Хаен-Сале, находится знаменитый ненецкий сядай Ямал-Хэхэ, к которому приезжали ненцы даже из Большеземельной тундры, за многие сотни километров. При нем состоял специальный шаман (перед революцией Лямбы Вэнго)

Кладбища-хальмеры до последнего времени были родовыми, они находятся на высоких, сухих и наиболее красивых местах. Приходилось наблюдать, да это отмечено и другими исследователями, что когда ненцы находятся за сотни километров от своей родовой территории, и у них кто-либо умирал, то его не хоронили, а, завернув в шкуры или бересту, укладывали на нарты и везли на родовую территорию. Если расстояние до родовой территории было значительным и не было условий сохранения трупа, то хоронили на кладбище другого рода, но по возможности на таком, где уже похоронен кто-то из сородичей.

Ненцы верили в загробный мир. По их представлениям, он находился под землей. Умершего снабжали всем необходимым, с ним клали нож, топор, кружку, табак, пушнину, деньги, чашку с блюдцем, чай, сахар и всю его одежду. На кладбище оставляли нарту, забивали оленей, т.е. делали все, чтобы умерший в том, другом мире ни в чем не нуждался. Как правило, ненцы покойников в землю не закапывали, что объясняется условиями вечной мерзлоты, а оставляли на поверхности, поставив ящик с умершим на вбитые в землю колья.

У ненцев были родовые имена. Причем настоящее имя человека могли знать только родичи. Называть человека по имени в присутствии чужеродцев запрещалось. Если имя названо не вовремя или произнесено тем, кому это не положено, по преданиям ненцев, с носителем имени может случиться беда. Постепенно этот обычай смягчился, нередко муж жену называл по име-

ни и как будто бы исчезли многие ограничения. При изучении оказалось, что ненцы нашли обходной путь — помимо основного имени давали другое, подставное. Основное имя было известно только узкому кругу людей и по отношению к этому имени соблюдались все ограничения, второе же имя было для широкого пользования и к нему не применялось никаких ограничений. В этом, между прочим, выражена наивность, характерная для ненцев в их обращении с духами. Если подставное имя, предположим Софья, произнесено с нарушением места, времени или тем, кому не положено называть настоящим именем, злой дух будет искать виновницу Софью. На самом деле Софья это не Софья, а Некучи.

Имя ребенку дают произвольно. В одном чуме мальчика звали Хасово Мась — мужчин довольно, а девочку Савоне Тара — хороших женщин надо. На мое удивление этими странными именами отец сообщил, что у него уже было три мальчика, ему хотелось иметь дочь, а когда вместо ожидаемой дочери вновь родился мальчик: «Я, — говорит отец, — рассердился и так много раз сказал: Хасова мась, хасова мась! Так и будем его звать — Хасово Мась. Когда родилась девочка, я очень обрадовался и так сказал: «Савоне тара, савоне тара!! Так и назвали ее — Савоне Тара».

Встречаются такие ненецкие имена: Пэйси — в переводе «дыра в камне», Некучи — кусочек женщины, Манор — маленький или маленькая, Ерва — хозяин, Епти — роса, Тибитяма — зуб еще надо, Лонгали — неспокойный, Лукули — маленький глухарь, Нянгаси — бесподбородочный, Папайне — младшая сестра, Панорчи — подол у малицы (панда), Паркаси — голый и т.п.

Теперь многие ненцы присвоили понравившиеся им русские имена, а название рода перешло в фамилию.

Приведенные данные показывают, что у ямальских ненцев сохранились многие пережитки родовой идеологии. Живучесть прежней идеологии неоднократно подмечалась классиками марксизма. Говоря о периоде возникновения Афинского государства, Энгельс указал, что «моральное влияние, унаследованные взгляды и способ мышления старой родовой эпохи еще долго жили в традициях и только постепенно отмирали».

Ненцы в советскую эпоху вступили народом отсталым, в их экономике и бытовом укладе сохранились многие пережитки родового строя. В исторически короткий срок удалось преодолеть патриархальщину и достигнуть высокого уровня экономики и культуры, минуя капиталистическую стадию развития. Это подтверждает гениальное положение В.И. Ленина о возможности некапиталистического пути для отсталых народов.

(Красный Север. — 1970. — №№ 201–206.)

Салехарду вторую молодость

Недалеко то время, когда на Оби близ Салехарда будет строиться Нижне-Обская ГЭС. В связи с этим в окрисполкоме состоялось совещание, на котором рассматривались вопросы строительства новых жилых микрорайонов на Ангальском мысу. В работе совещания приняли участие сотрудники института «Печорпроект» и воркутинского домостроительного комбината «Печоршахтострой», которым поручены проектирование и будущие строительные работы, а также архитекторы, топографы и геологи.

Проектировщики, руководители и исполнители изыскательных и строительных работ осмотрели с воздуха район будущей застройки. Топографы начали изыскательские работы на месте строительства.

Что будут представлять собой новые микрорайоны? В них будут проживать до 20 тысяч человек. Проектом предусматривается строительство крупнопанельных 5-этажных домов с полным комплексом элементов благоустройства. Дома будут иметь одно—, двух— и трехкомнатные квартиры. Все новое жилое строительство обеспечивается центральным отоплением от котельной, которая предназначена и для подачи горячей воды в квартиры — для ванн.

Центральное водоснабжение из верхней части плотины со сбором канализационных стоков в нижнюю часть плотины создает условия для уменьшения и даже полной ликвидации инфекционных заболеваний.

Для того чтобы новые районы приобрели вид действительно современного города, архитекторы разместят несколько жилых зданий в 9—12 и 16 этажей. Застройкой предусматривается также элементы максимального озеленения как дворов, так и будущих улиц.

Новинкой явится размещение в кухнях домов электроплит, отапливаемых электроэнергией. Совместно с жилым комплексом в микрорайонах предусматривается строительство всех необходимых культурно-бытовых учреждений, торговых предприятий и других служб, потребных для нормальной жизни цивилизованного города.

На каждую тысячу жителей будет предоставлено 100—120 мест в детских садах и 150—160 мест в школах. По опыту воркутинских строителей жилой дом на 60 квартир сооружается 3—5 месяцев. Это повлечет более интенсивную застройку вспомогательных сооружений.

— Мы надеемся, — сказал главный инженер проекта института «Печорпроект» М.В. Петрашень, — что все организации Салехарда окажут проектировщикам и строителям всестороннюю помощь и поддержку в осуществлении этой большой и ответственной задачи. Пусть ваш город обретет вторую молодость!

(Красный Север. — 1963. — № 160. — 11 авг.)

Себестоимость — барометр производства

Себестоимостью называются все затраты хозяйства на производство и реализацию продукции, выраженные в денежной форме. Себестоимость продукции является основным экономическим показателем, она как барометр отражает состояние производства.

На декабрьском Пленуме ЦК КПСС (1963) Н.С. Хрущев говорил: «Только создавая достаточное количество материальных ценностей и снижая себестоимость продукции, наше общество получит возможность шаг за шагом идти по пути снижения розничных цен на товары народного потребления, повышать заработную плату, увеличивать отчисления в общественные фонды».

Борьба за производство продукции с меньшими затратами труда и средств является всенародных делом и каждый трудящийся может внести свой вклад в решение этой благородной задачи.

В докладах и выступлениях на февральском Пленуме ЦК КПСС, в речи Н.С. Хрущева на совещании руководящих работников партийных, советских и сельскохозяйственных органов убедительно показано, что совхозы и колхозы страны имеют большие резервы сокращения затрат труда и средств на производство зерна, мяса, молока, яиц и т.д.

В нашем округе производительность труда в сельскохозяйственных отраслях производства очень низкая, себестоимость сельскохозяйственной продукции высокая, большинство совхозов и подсобных предприятий рыбозаводов являются убыточными, хотя имеются большие резервы улучшения этих показателей.

Более подробно рассмотрим возможности улучшения экономических показателей в оленеводстве. В 1963 году в целом по совхозам округа себестоимость центнера оленьего мяса в живом весе обошлась в 40 рублей 40 копеек. По отдельным же хозяйствам она имеет большие колебания, от 31 рубля в Байдарацком совхозе до 72 рублей в Пуровском. Это объясняется разной продуктивностью стад. Байдарацкий совхоз в расчете на 100 январских оленей произвел 27,8 центнеров мяса, а Пуровский — только 6,9 центнера.

Себестоимость продукции оленеводства определяется, прежде всего, количеством мяса, произведенным на сто оленей основного поголовья. Следовательно, главным путем снижения себестоимости продукции в этой отрасли производства является увеличение продуктивности стад.

Что же можно рекомендовать хозяйствам для решения этой задачи?

Прежде всего, сократить так называемые непроизводительные отходы оленей. Насколько велики эти отходы, можно судить по такому сравнению: в 1963 году всеми хозяйствами округа сдано государству 23 тысячи оленей, а пало, потеряно, уничтожено хищниками 38 тысяч голов. Сокращение непроизводительных отходов увеличит выход мяса в округе на 10 тысяч центнеров, а доходы хозяйства возрастут как минимум на полмиллиона рублей.

Сохранение взрослых оленей в 1963 году по всем хозяйствам

округа составило только 92,2%, а на сто маток получено по 70,6 теленка. Из числа родившихся телят погибло 18,9%. За этими средними показателями скрывается безобразное положение в отдельных хозяйствах. В совхозе «Полярный» пало и потеряно 15% взрослых оленей и 30% молодняка!

Опыт передовиков показывает, что можно значительно сократить непроизводительные отходы. Бригада Нэркагы Мэйдась из совхоза «Россия» сохранила 97,5% взрослых оленей и получила по 85 телят на 100 маток. Соответственно бригада Сядай П.Н. (совхоз «Байдарацкий») — 98,6% и 86,9; Лаптандера Нгэку (Ямальский совхоз) — 98,9% и 87,3; Худи Сэроко (Ярсалинский совхоз) — 97,2% и 81,1; Чупрова И.А. (Ныдинский совхоз) — 97,7% и 86.

Большим резервом повышения продуктивности оленеводства является увеличение маточного поголовья в стадах. Подсчитано, что оленеводческие хозяйства могут в среднем по округу довести маточное поголовье до 54%, а совхозы — до 55%. Передовые хозяйства уже превзошли этот показатель, например, Ямальская сельскохозяйственная станция имеет в своих стадах 58,3% маток. В целом по округу происходит сокращение удельного веса важенок и сырищ. На начало года онасоставлял: 1962 г. — 49,2%, 1963 г. — 48,8%, 1964 г. — 48,2%. Многие руководители хозяйств не учитывают, что каждая добавочная важенка в стаде — это дополнительный теленок, т.е. добавочные 50 килограммов мяса. Хозяйства округа имеют возможность увеличить количество маток минимум на 15 тысяч голов и получить дополнительно примерно 6 тысяч центнеров мяса.

Значительно снижает продуктивность и повышает себестоимость продукции оленеводства высокая яловость маток. Прохолостало маток в 1962 г. — 9,4%, в 1963 г. — 12,8%. В некоторых хозяйствах положение с яловостью маток катастрофическое. Например, в 1963 году в стадах Толькинского совхоза пропустовало 38,2% маток, в Верхне-Пуровском — 25,7%, в Пуровском — 23,3%. В передовых хозяйствах яловость значительно ниже, например, в совхозе «Россия» — 5,1%. В прошлом яловость маток в округе была относительно низкой, например, в 1952–1954 гг. в целом по округу — в пределах пяти процентов. Основной причиной высокой яловости маток является запущенность племенной работы, в частности, редко проводится обмен производителями, и во многих стадах происходит родственное размножение. Сельхозстанция провела такой опыт: во время гона в одну группу пустили производителей из чужих стад, и среди этих маток не оказалось яловых, в то время как в тех группах, где производители были из своих стад, яловость была значительной.

Большую экономическую эффективность уменьшения яловости показывает такой расчет. Если по всем хозяйствам округа снизить яловость маток до 5%, это дополнительно дает более 9 тысяч телят, т.е. около 5 тысяч центнеров мяса в живом весе.

Совхозы и рыбозаводы имеют возможность значительно увеличить выход продукции и поднять рентабельность оленеводства путем лучшего нагула оленей. О неблагополучии с качеством мяса говорят такие сравнения: закупочная стоимость центнера оленьего мяса в живом весе, средней упитанности, 71 рубль, а совхозы в целом получили за сданное государству мясо по 54 рубля за центнер. Это значит, что большая часть мяса сдана ниже средней упитанности.

Организация лучшего нагула оленей — важный фактор снижения себестоимости продукции. Ведь чем упитаннее животные, тем больше от них мяса, следовательно, тем больший выход продукции и ниже ее себестоимость.

Здесь мы указали только на главные резервы роста продуктивности оленеводства, снижения себестоимости продукции и повышения рентабельности хозяйств. Имеются и другие возможности, например, укрупнение стад, более полное использование субпродуктов, повышение товарности оленеводства и т.д. Практика передовых хозяйств показывает, что в целом по округу возможно снизить себестоимость центнера оленьего мяса на 9—10 рублей. Известно, что округ ежегодно производит в пределах сорока тысяч центнеров оленьего мяса, значит, такое снижение себестоимости центнера даст экономию около четырехсот тысяч рублей.

Не меньшие возможности интенсификации производства имеются в звероводстве. В передовых хозяйствах это высокорентабельная отрасль хозяйства. Например, сельхозстанция в 1963 году получило от звероводства более 100 тысяч чистой прибыли, а некоторые совхозы и рыбозаводы хозяйственный год по звероводству закончили с убытком. Имеется возможность во всех хозяйствах округа снизить себестоимость продукции и значительно повысить рентабельность звероводства.

Следует рекомендовать хозяйствам обратить особое внимание на повышение выхода щенков на самку. Практика передовых звероферм подтверждает такую возможность, например, по песцам выход щенков составил: на сельхозстанции — 8,2, в Ныдинском и Пуровском совхозах — по 7,5, а в целом по совхозам — только 5,8.

Более 60% всех затрат на производство клеточной пушнины приходится на корма. На корм зверям расходуется много оленьего мяса. Удешевление кормов можно получить за счет полного использования субпродуктов оленеводства, малоценных пород рыбы и т.д.

Особенно неблагополучно с себестоимостью продукции в животноводстве. На производство центнера молока совхозы округа в 1963 году затратили 33 рубля 22 копейки. По отдельным хозяйствам себестоимость молока колеблется от 30 рублей 28 копеек (Мужевский совхоз) до 46 рублей 62 копеек (Пуровский совхоз).

Такую высокую себестоимость молока нельзя оправдать длительным стойловым содержанием скота и другими особенностями Крайнего Севера. Высокая себестоимость продукции — показатель плохой организации животноводства. Совхозы «Россия» и «Ярсалинский»

находятся в одинаковых условиях. Первый из них на производство центнера молока затрачивает 1,8 человекодня, и ему молоко обходится по 30 копеек на килограмм, а второй на центнер затрачивает 2,9 человекодня и производит молока с затратами 41 копейку на килограмм. В Ярсалинском совхозе годовой надой на фуражную корову на 700 килограммов меньше, чем в совхозе «Россия».

Увеличение удоев является одним из важных путей снижения себестоимости продукции. Средний удой на фуражную корову за прошлый год в совхозах округа составил 1 965 килограммов, а по отдельным хозяйствам значительно меньше, например, в Пуровском совхозе 1 315 килограммов. Практика передовых хозяйств показывает, что можно получить значительно больше. На сельхозстанции, даже при плохой обеспеченности концентрированными кормами, надоено на каждую корову 2 523 килограмма, а в совхозе «Россия» — около 2 500 килограммов.

В условиях округа особенно важно повышать продуктивность коров, иметь в стадах больше животных с высокими надоями. Учеными подсчитано, что корова с годовым удоем 1 500 килограммов расходует на 100 килограммов молока 130 кормовых единиц, а с удоем 3 000 — 95 кормовых единиц. Затраты труда на содержание высокоудойного скота также меньше. Каждое хозяйство должно принять все меры к улучшению стад, замене коров низкой продуктивности высокоудойными.

В затратах на производство молока более половины всех расходов приходится на корма. Сильно удорожает стоимость кормов доставка их с лугов к местам потребления. Себестоимость тонны сена на лугах обошлась сельхозстанции в 40 рублей, а вывозка к местам потребления — более 30 рублей. Если бы основную часть сена станция вывозила не тракторами и лошадьми, а водным путем, она значительно сократила бы стоимость кормов и снизила себестоимость молока.

В ряде хозяйств за счет улучшения сенокосов, находящихся ближе к местам потребления сена, можно сократить заготовку его на дальних участках, шире применить механизацию и этим удешевить производство кормов.

Некоторые руководители совхозов и рыбозаводов пытаются сокращать животноводство на том основании, что оно убыточное. Объем производства молока должен определяться потребностями населения каждого поселка в цельном молоке. До этих размеров и надо доводить его производство, одновременно изыскивая пути снижения себестоимости продукции, повышения рентабельности животноводства.

Перспективы промышленного развития округа требуют более серьезного решения вопросов развития производства сельскохозяйственных продуктов, в расчете на полное удовлетворение потребностей населения в молоке и в значительной мере в овощах и мясе. К этому делу не может быть деляческого подхода.

Нельзя считать нормальным, что посевные площади в округе сокращаются. Многолетней практи-

кой сельскохозяйственной опытной станции доказана возможность получения высоких и устойчивых урожаев картофеля и овощей. Сокращение овощеводства руководители совхозов и рыбозаводов объясняют нерентабельностью. Действительно, себестоимость центнера картофеля совхозам в 1963 году обошлась в 21 рубль 36 копеек, т.е. значительно выше цен реализации. Сельхозстанция затратила на производство центнера картофеля 9 рублей 43 копейки, она ежегодно получает от овощеводства значительные прибыли.

Если совхозы и рыбозаводы по-настоящему организуют овощеводство, оно станет рентабельным.

Чтобы снизить себестоимость картофеля и овощей, необходимо, прежде всего, поднять урожайность на полях совхозов. Совхозы получили в 1963 году около 70 центнеров картофеля с гектара, в то время как сельхозстанция получила 117 центнеров с гектара. Чтобы получать более высокие урожаи, нужно соблюдать агротехнику, вносить нужное количество удобрений, вовремя проводить посадку и уборку, обеспечить правильный уход за посевами.

Общим мероприятием для всех отраслей хозяйства по повышению производительности труда и на этой основе снижения себестоимости продукции является механизация. Значение механизации можно иллюстрировать такими примерами: в совхозе «Победа» (станция Сейда) применена механизация доения коров и других работ в животноводстве. Валовое производство молока здесь на одну доярку более 800 центнеров. На нашей сельхозстанции, не применяющей механизации в животноводстве, на одну доярку производится 363 центнера молока. На весь цикл работ по выращиванию картофеля сельхозстания затрачивает 60 человекодней, а при полной механизации требуется 25 человекодней, при этом себестоимость одного центнера картофеля не будет превышать четырех рублей.

Необходимость максимальной механизации всех возможных видов — работ очевидна. Наряду с повышением технической базы производства должно быть обращено внимание на более полное использование имеющейся техники. А с этим делом во многих хозяйствах неблагополучно. Так, например, в совхозах тракторы проработали по 157 смен, а в Горковском совхозе — 113 смен. Большую часть времени машины простаивали, а ведь на них начисляется амортизация, содержатся трактористы, а все это тяжелым бременем ложится на себестоимость продукции.

Во всех отраслях хозяйства на состояние производительности труда и себестоимость продукции оказывает влияние квалификация рабочих. Постоянно заботится о повышении квалификации рабочих, помогать им овладевать передовыми методами — об этом должны помнить руководители хозяйств, партийных и профессиональных организаций. Именно этим путем может быть ликвидирована отставание ферм, бригад, звеньев, они смогут с меньшей затратой труда и средств производить продукцию. Это один из важных факторов,

способствующих снижению себестоимости продукции, повышению рентабельности хозяйства. Этого требует он нас февральский Пленум ЦК КПСС.

(Красный Север. — 1964. — № 102. — 22 мая)

Я и мой Север

От редакции

Михаил Броднев, комсомолец и кандидат в члены партии с 1920 года, в 1935 году приехал на Ямал и прожил здесь тридцать лет. Он работал сначала заведующим Ямальской культбазой Комитета Севера ВЦИК, потом начальником окружной конторы ГУСМП (главного управления Северного Морского пути), заведующим окроно, председателем окрисполкома, научным сотрудником Ямальской сельхозстанции. Сейчас Михаилу Митрофановичу Бродневу 63 года, он живет в г. Тюмени. Сегодня мы публикуем его ответ на нашу анкету.

«На Ямал я приехал молодым — тридцатилетним, а выехал, когда перевалило за шестьдесят. Лучше годы жизни провел я в этом далеком крае. Почему? Своеобразие условий превращало работу в интересную, творческую, недостаток кадров повышал сознание своей полезности и все это давало большое удовлетворение работой. Это, конечно, главное. Но имела значение и природа. Мне нравится ямальская зима, нравится быстрая смена времен года. А как стремительно оживает природа весной?! Растительность появляется и развивается на глазах, огромное количество птиц своим гомоном возбуждает радость. А где найдешь лучшее место для рыбалки и охоты?

Выехали мы с женой с Ямала только потому, что трудно стало нам, пожилым, возиться с топкой печей, беспокоиться о доставке воды и из-за прочих неудобств быта.

В этой связи мне хочется пожелать ямальцам поскорее начать строительство благоустроенных домов и капитальнее решать проблемы быта. Это сократит текучесть населения и принесет большую выгоду государству.

Что я считаю главным достижением Советской власти за 50 лет? Применительно к Северу я вижу главное в великом преобразовании отсталых в прошлом окраин страны, переходе ненцев, ханты, селькупов и других малых народностей Севера от патриархально-родового строя к высшим социалистическим формам хозяйства и культуры.

Дореволюционный исследователь писал о ненцах и ханты: «Инородческое племя... вымирает медленно, год за годом, семья за семьей».

Октябрьская революция спасла народности Севера от физического вымирания. Советская власть, избавив эти народности от жесточайшей эксплуатации, нужды и голода, создала условия для быстрого естественного роста населения. В 1926 году на Ямале обитало 7 462 ненца, теперь их проживает в округе более 16 тысяч человек.

Произошли огромные качественные изменения людей — вырос новый человек, свободный, сознательный, грамотный, активный творец новой жизни. Если в 1926 году на 300 ненцев был один умеющий читать и писать, то в 1967 году на 1 200 человек населения приходится один неграмотный в основном из числа престарелых. Многие из коренных жителей Ямала стали квалифицированными рабочими, зоотехниками, учителями, врачами.

Тысячи людей — представителей разных национальностей — трудятся сейчас на Ямале. Это они построили рыбные и консервные предприятия, провели железную дорогу, открыли кладовые седого Ямала и создали базу для мощного индустриального развития. Резко возросла обжитость Ямальской земли. При образовании округа в 1931 году на его территории проживало 23 тысячи человек, теперь — более 70 тысяч человек.

Успехи социалистического преобразования Ямала, как и других в прошлом отсталых районов страны являются победным торжеством национальной политики партии. «Советское многонациональное социалистическое государство, — говорится в Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Великого Октября, — демонстрирует на практике торжество пролетарского интернационализма».

Мне повезло: я был очевидцем и участником освоения Севера. Рассказать обо всем, что видел и пережил, сейчас трудно, надо для этого много времени и места. Но о некоторых эпизодах все-таки расскажу.

Скажу прямо, наше поколение и не мечтало о тех изменениях, которые произошли в округе.

Вспоминается такой случай. Мы, коммунисты, посланные работать на Ямальскую культбазу, пришли к секретарю окружкома партии А.А. Тарасову. Он рассказал нам о тяжелом положении с кадрами, подчеркнул, что особенно не хватает специалистов, резко говорил о временщиках,

которые уезжали из округа. Беседа подходила к концу, когда Тарасов задал нам вопрос, как мне показалось, не без ехидства:

— А вы, ребята, надолго ли в округ? Скоро ли по домам собираетесь?

Я не выдержал.

— Уедем, когда к Салехарду подойдет железная дорога. В вагонах уедем.

— Шутник ты, парень, и, видимо, ершистый. Железную дорогу к Салехарду... — и секретарь рассмеялся так, как взрослые смеются над несуразной фантазией ребенка.

Позднее я узнал, что Алексей Архипович Тарасов, в прошлом уральский рабочий, умный, душевный человек, сам любил помечтать о будущем округа. Но фантазия о железной дороге рассмешила и его. Впрочем, я и сам считал, что сболтнул сгоряча.

Строительство железной дороги до Салехарда и дальше явилось для всех нас неожиданным. Какое влияние она оказала на экономику округа, общеизвестно.

Трудно переоценить и моральное значение открытия железнодорожного сообщения Салехарда с южными районами страны. Исчезло чувство отдаленности от «Большой земли».

В 1935 году зимой меня вызвали в Москву. Ехал до Тобольска на лошадях, добрался до Москвы через три недели. Редко кто выезжал на юг зимой. Только по крайней нужде человек решался на такое длительное и дорогое путешествие. Ездили на юг летом, на пароходе. Путь до Москвы через Омск занимал минимум две недели.

Потому и думали мы тогда: «Далеко живем». Получая центральные газеты двух, а то и трехнедельной давности, вздыхали: «Ох, далеко забрались».

Угнетающе действовало это чувство отдаленности. И хорошо, что теперь нет оснований к обидам на расстояния: ямальцы поездом попадают в Москву на третий день, а если воспользоваться авиацией, то можно позавтракать в Салехарде, а поужинать в Москве.

Вспоминается еще один эпизод, связанный с изменением жизни местного населения.

В начале тридцатых годов почти все семьи местного населения жили в чумах. В 1935 году первые две семьи перешли в дома.

Произошло это так. В поселок Яр-Сале приплавили много леса. Ненцы, наблюдавшие за выгрузкой, спросили меня: «Зачем столько?» Объяснил и, между прочим, сказал:

— Лес дешевый, кто пожелает строить дом, продадим лесу и поможем в строительстве.

На второй день ко мне пришли двое.

— Хотим жить в таком чуме, как твой. Помогай строить.

Договорились, что плотницкие работы они выполнят сами, а окна и двери сделаем в мастерской культбазы.

В октябрьские праздники устроили новоселье. Культбаза подарила кровати, столы, табуретки. Обставили дома, как положено. Женщины повесили на окнах занавески.

Через несколько дней я посетил новоселов. Подаренная нами

мебель была выставлена на улицу, а в доме восстановлена обстановка чума.

— Почему на кровати не спишь? — спрашиваю Максима.

— Не терпит моя, падать, однако, буду.

На мои доказательства, что на кровати спать удобнее, теплее, Максим не нашел возражений, молчал. «Вековая привычка — штука серьезная», — подумал я.

Прошло много лет. Я приехал в Яр-Сале и зашел к Максиму. Обстановка в доме не отличалась от обстановки квартир русских. Показывая на заправленную кровать, спросил:

— Здесь спишь?

— Это моя постель.

— Ты мягко привык спать?

— А ты, наверное, помнишь, как я кровать выбросил? Видишь, к хорошему тоже привыкнуть надо. Но это не трудно. Многому мы научились у русских, — и старик пустился в воспоминания.

— У меня не было оленей. Охотился пешком, а от охоты, пока колхоза не было, зависела судьба всей моей семьи. Песец не живет скученно, надо ставить капканы по большому кругу. Много ходил по тундре, а добывал за сезон не больше десятка песцов.

А вот моя Нина в прошлом году сдала 60 песцов, да не белых, а голубых, дорогих. Я гонялся за зверем, а теперь звери сидят в клетках и зависят от моей дочери. Она сдала пушнины больше, чем раньше сдавали десять охотников. Не она одна научилась этому. Сколько в округе звероферм?... Вот. А ты кровать вспомнил.

Старик помолчал и повторил.

— Многому хорошему научились мы у русских, — показал на портрет Ленина. — И вот ему мы всегда говорим спасибо.

(Красный Север. — 1967. — № 193. — 26 сент. — 50 лет Красного Севера. Юбилейная анкета)

На Ямальском полуострове

Когда астрономы определяют местоположение нашего поселка Яр-Сале, астрономический знак остановится несколькими минутами южнее 67° северной широты. Обычно наши друзья в письмах к нам спрашивают о том, как мы переносим тяжелые условия Севера. Многим из них наша жизнь за полярным кругом кажется романтичной и вообще необычной. Так ли это?

Зимой в нашей культбазовской столовой подаются свежие огурцы и зеленый лук, выращиваемые в нашей теплице. Но нам и этого кажется мало. Мы хотим создать яблочную теплицу. Желаем иметь помидоры собственного производства, а некоторые из нас мечтают вслух о выращивании своего винограда. Теплицу мы построили в 1935 году. Когда ее не было, весной люди вздыхали: «Теперь на Юге уже овощи есть, огурцы едят». Сейчас слышишь иное: «Огурцы мы и на Севере едим». Полярный круг, как барьер, за которым люди обречены на консервы, разрушен.

Теперь о природе. Ветер доставлял и доставляет людям Севера много неприятностей и катастроф своими буранами, штормами. Мы заставили ветер производительно работать. На площадке культбазы выросло своеобразное сооружение — высокая железная башня. Когда смотришь издали, кажется — на башне сидит самолет с крыльями и хвостом. Это ветродвигатель. Он дает нам 16 киловатт электроэнергии и является хорошим маяком для населения тундры. Мы собираемся заставить ветер давать нам тепло. Установив 100-киловаттный ветродвигатель, мы сможем электроэнергией отопить всю культбазу и этим освободить себя от ежегодного завоза 3 тысячи кубометров дров.

Электрический свет создал у людей еще более бодрое настроение, исчезло чувство глуши, заброшенности. Электроэнергия, вырабатываемая динамо-машиной, как будто частично аккумулировалась и в людях. Они чувствуют себя энергичнее, работают больше.

Многие представляют работников Севера оторванными от более южных областей. Ошибочность этого впечатления создают огромные расстояния, отделяющие районы Крайнего Севера от центра. Ближайшая станция железной дороги находится от нас на расстоянии 3 тысячи километров. Далеко! Но ведь для самолета — одни сутки пути. Самолет и прекрасные авиаторы Арктики сблизили Север и Юг с нескольких недель езды до суток. Эту оторванность устранила не только авиация. Радио играет не меньшую роль. Вот только что по станции имени Коминтерна я прослушал последние известия. Прослушал одновременно с тысячами москвичей. Разве я могу чувствовать себя оторванным от центра?

Мы не можем чувствовать себя оторванными от жизни страны еще и потому, что работаем на более отсталом и трудном участке социалистического фронта. Сознание того, что нам партия и правительство доверили работу на Крайнем Севере, поднимает энергию, самодисциплину. Мы не можем себя чувствовать оторванными. Мы связаны с общим трудовым коллективом нашей заме-

чательной страны. Эффективность мероприятий часто настолько ощутительна, что она дает огромное самоудовлетворение в работе.

Вот несколько иллюстраций.

Приходит ненец и объясняет: на Юрибее заболело несколько ненцев. Он тоже заболел, но выздоровел. Его послали за лекарем. Чтобы скорей довезти лекаря, он своих оленей оставил отдыхать у чума, до которого сутки езды, а сам приехал на оленях, взятых у другого ненца. «Лекаря повезу, быстро, за трое суток будем на Юрибее».

Молодая фельдшерица Дмитриева выехала к больным, а заведующая больницей Михалева решила в Яр-Сале управиться одна, сознавая, что это от нее потребует почти круглосуточной работы в течение десяти дней.

Раньше лечил шаман. Медработника неохотно пускали в чум. Сейчас советская медицина почти вытеснила шамана. Поездка за лекарем за 350 километров является результатом большой работы нашей больницы.

Ветеринарный врач культбазы Капитолина Моисеевна Цабут шесть месяцев кочевала со стадом колхоза «Харп». Последние два года стадо вместо увеличения поголовья уменьшалось. Цабут получила задание обеспечить нормальное воспроизводство стада. Много труда и энергии пришлось затратить. В результате за 1936 год стадо увеличилось на 18%. Ветврач доволен, довольны колхозники-ненцы, доволен и наш культбазовский коллектив. Однако не только этим удовлетворена Капитолина Моисеевна. Пастух Вася Серасхов был неграмотным. Сейчас на всех документах он уже ставит не тамгу, напоминающее железные вилы, а свою подпись по всем правил ненецкой письменности. Его Цабут учила грамоте.

Старший пастух стада Маку Вануйто за 60 лет ни разу не мыл своей головы и вообще не мылся. Цабут кипятила воду, приучила мыться женщин. Старик долго не соглашался вымыть свою голову. Наконец решился. Цабут вымыла ему голову. Понравилось. Сам стал мыться.

Со всей своей жизни ненецкий народ очищает патриархальную грязь и строит новую, культурную социалистическую жизнь, делая гигантские шаги по пути достижения общего уровня экономики и культуры нашей страны.

На культбазу приехал ненец Лука Анагуричи с такой просьбой: «Пошли русскую женщину ко мне в чум, я купил швейную машину, надо мою жену научить на ней работать». Факт как будто бы мелкий, но если учесть, что Лука Анагуричи пять лет тому назад не имел рубахи, брюк, одевая меховую одежду прямо на голое тело, то этот факт говорит о многом. Помимо всего он говорит о растущей культурной жизни.

Николай Окотэтто со своим братом каслал (кочевал) в районе озер Ярро-то. Решил учиться. Зиму проучился в школе-интернате. Потом работал учеником моториста на катере. Овладел техникой. Ходит мотористом самостоятельно.

Ольга Яптик пришла на культбазу в одной ягушке (верхняя меховая одежда ненки). Белья и платья никогда не носила. Взяли ее работать в больницу. Прошло шесть месяцев.

Изменилась Ольга. Быстро привились к ней культурные навыки, быстро научилась работать наравне с русскими сиделками.

Ненец Валеев окончил Институт народов Севера. Этот высококультурный интеллигент работает в культбазе инструктором по колхозам.

Батрак Василий Лапсуй выдвинут заместителем секретаря райкома ВКП(б), а второй, тоже ненец, батрак Василий Рогалев — председатель Ямальского райисполкома, вполне сложившийся руководитель и организатор.

О многих людях из ненецкого народа, выращенных партией, можно было бы рассказать. О ненке Марии Айваседа, работающей на культбазе ликвидатором неграмотности, об Иване Сераско — охотнике-стахановце, о знаменитом рыбаке Ямала Алексее Вануйто, ежегодно перевыполняющем планы рыбодобычи. Ясно одно: создаются ненецкие кадры во всех областях культурной, хозяйственной, политической жизни. Это ускоряет процесс социалистической переделки тундры, это делает более быстрым процесс упразднения различий межу Югом и Севером нашей страны в технико-экономическом отношении.

Техника ненецким нардом воспринимается быстро. В октябре 1936 года культбаза провела курсы бригадиров охотничьих колхозных бригад. Колхозники не ограничились этим, они просят послать культбазовского охотоведа товарища Васильева на промыслы с тем, чтобы он помог им на практике применить более совершенные способы охоты. Конечно, их просьба удовлетворена. Огромный спрос предъявляется колхозами на катера и моторные лодки. Культбаза имеет 3 катера. Продать катера просят председатели колхозов. Скоро они их получат через машинно-промысловую станцию, которая на Севере выполняет такую же роль, как машинно-тракторные в южных районах.

Помню, в культбазу пришли два колхозника «Харпа» Яков Сераско и Максим Сухарин и заявили: «Хотим жить в таком же чуме, как твой, помогай нам строить дома». Мы помогли. К XVIII годовщине Октября два дома были уже закончены.

На новоселье у Якова и Максима было битком набито ненцев. Все хвалили дома, их хозяев, благодарили за помощь.

В домах Якова Сераско и Максима Сухарина чисто, тепло, уютно. У Якова два стола — туалетный и для еды. Занавески на окнах. Прибранная кровать. Фотографии на стенах. Хозяйка дома — Шура Сераско — всем довольна. Недовольна только полами — «не крашены, мыть трудно». Сговорились, что покрасим обязательно.

Подаренная Максиму Сухарину культбазой кровать не используется. Привычку спать на полу не оставили в чуме, а перенесли в дом. По этому поводу у меня с Максимом состоялся такой разговор:

— Почему на кровати не спишь?

— Не терпит моя. Падать, однако, буду.

— Не знали этого, а то не дали бы кровати. Без дела стоит.

— Зачем без дела? Потом попробую, может, терпеть будем.

— Что же не терпеть — теплее, удобнее на кровати.

Максим не нашел возражений. Он просто умолк. Вековая привычка еще давит его. Но и с ней он распрощается скоро.

Сотни ненцев перебывали в домах у Якова и Максима. Начались многие просьбы о строительстве домов. Строить без плана, без учета перспектив развития колхоза было нельзя. Тем более, что тяга к оседлой жизни диктовалась не только удобствами жить в доме. Интересы колхозной зажиточной жизни пришли в противоречие с кочевым образом хозяйства и быта. Пришлось засесть за разработку плана оседания, органически увязанного с перспективами развития колхоза. Тщательно обсуждали колхозники план. Утвердили строительство колхозного поселка в 52 объекта, в том числе детские ясли, столовая и так далее. Кроме того, запроектировали значительное строительство на рыбных и охотничьих угодьях, на местах выпаса оленей. Все строительство рассчитано на три года. На месте нового поселка большое оживление, строятся и достраиваются новые дома и постройки для хозяйственных надобностей. Поселок Ямала — это ликвидация кочевого образа быта и хозяйства.

Заметен быстрый рост коллективных хозяйств. 38 процентов ненецких хозяйств коллективизировано. Только за последний год в колхозы вступило больше 100 хозяйств. Непосредственно от патриархальных форм хозяйства, преодолевая пережитки родового строя, ненецкий народ переходит к социалистическим формам хозяйства. Патриархальный уклад в экономике вытесняется социалистическим укладом. Торжество социально-экономических укладов жителей Заполярья со всей страной разве не показатель стирания граней между Югом и Севером?

Ленинско-сталинская национальная политика находит свое практическое отражение в быстром росте ненецкого населения до общего уровня культуры и экономики нашей страны.

(Советская Арктика. — 1937. — № 5. — С. 94)

Денежная оплата труда в заполярном колхозе

Сельскохозяйственная артель имени Ленина в поселке Яр-Сале Ямальского района — одна из крупных в тундровой зоне Ямало-Ненецкого национального округа с развитым многоотраслевым хозяйством. Здесь 16 тысяч оленей, на звероферме 130 песцов и лисиц, ежегодно вылавливается около 4 тысячи центнеров рыбы, имеется животноводческая ферма, развиты охотничий и кустарный промыслы, ведется большое строительство. В 1958 году получено 2 миллиона 295 тысяч рублей денежных расходов, из них 838,5 тысячи рублей от оленеводства.

Обсудив исторические решения XXI съезда КПСС, члены колхоза имени Ленина взяли повышенные социалистические обязательства по развитию оленеводства, звероводства, добыче и сдаче государству рыбы и пушнины. Поставлена задача: семилетний план артели выполнить досрочно — в пять с половиной лет.

Для успешного решения этой задачи наряду с другими мероприятиями потребовалось изменить порядок оплаты труда колхозников, чтобы повысить их материальную заинтересованность в развитии общественного хозяйства. Нельзя было дальше мириться с тем, чтобы в едином хозяйстве труд оплачивался по-разному: оленеводам, звероводам, занятым на хозяйственных работах — в трудоднях, строителям — по государственным денежным расценкам и так далее.

Разные принципы оплаты труда приводили к тому, что за одинаковую по трудности и сложности работу колхозники получали разную оплату. К тому же и нормы выработки значительно устарели.

В интересах колхоза и колхозников требовалось пересмотреть нормы выработки и ввести более прогрессивную, единую для всех систему оплаты труда, а размер заработка поставить в прямую зависимость от количества и качества произведенной продукции.

Преимущества денежной оплаты труда были очевидны. Но следует ли отказываться от трудодня? Трудодень в колхозе полноценный. За последние четыре года меньше 14 рублей на трудодень не приходилось. Кроме денег, выдавались мясо, шкуры. Тревога и сомненья проскальзывали в отдельных высказываниях, когда этот вопрос обсуждался на заседании правления.

Было решено вынести предложение о переходе на денежную оплату труда на общее собрание колхозников. Создали комиссию и поручили ей разработать показатели по оплате труда во всех отраслях производства, а также управленческого персонала в прямой зависимости от количества и качества продукции; пересмотреть нормы выработки и определить сдельные расценки не в трудоднях, а в деньгах; широко привлечь колхозников к обсуждению всех вопросов, связанных с изменениями порядка оплаты труда.

Комиссия разработала нормы выработки и денежные расценки, организовала широкое обсуждение их с оленеводами, звероводами, строителями и работающими в дру-

гих отраслях производства, собрала и учла много ценных замечаний колхозников.

На обсуждение общего собрания были вынесены конкретные предложения по всем вопросам, связанным с переходом на денежную оплату труда. Собрания постановило перейти с 1959 года на денежную оплату труда колхозников, создать денежный резервный переходящий фонд и утвердило нормы выработки и сдельные расценки.

Самым трудным казалось создание денежного резервного фонда, так как 58% денежных доходов колхоз получает от оленеводства и звероводства в конце года, а с колхозниками надо рассчитываться ежемесячно. Поэтому в отдельные месяцы получается значительный разрыв между доходами и расходами.

Подсчеты показали, что колхоз должен иметь в резервном фонде 253 тысячи рублей, а имеется возможность выделить в этот фонд только 134 тысячи. Недостаток средств в резервном фонде решено покрывать за счет авансов, получаемых с рыбозаводов и рыбкоопов по договорам на сдачу продукции, а в течение двух ближайших лет довести резервный фонд до 350 тысяч рублей. Такой фонд надежно гарантирует устойчивую оплату труда колхозников даже в случае стихийных бедствий или неблагоприятных условий года.

Большая работа проведена по пересмотру устаревших норм выработки и установлению денежных расценок.

Раньше оленеводы основную оплату получали с головы выпасаемых оленей. Хорошо работающие бригады, дающие продукции больше и лучшего качества, получали почти столько же, сколько и бригады, давшие меньше продукции и худшей сортности. Сейчас оплата оленеводов полностью зависит от качества и количества продукции, полученной от закрепленных за бригадой оленей.

За центнер живого веса оленей, полученных сверх основного (январского) поголовья и выделенных из стада на забой, продажу, воспроизводство и так далее, бригаде производственного (плодового) стада выплачивается: за оленей жирной упитанности 195 рублей, средней — 150 и ниже средней — 1 210 рублей.

Бригаде производственных стад установлено плановое задание по выходу на 100 январских оленей 18 центнеров мяса в живом весе. Выполнение этого задания при нормальной упитанности оленей обеспечивает заработок бригадиру 900 рублей в месяц, старшему пастуху — 750 рублей, пастухам — по 600 рублей.

До сдачи продукции пастухам ежемесячно выдается 70% их планового заработка, а конце года производится окончательный расчет по фактическому выходу продукции и ее качеству.

Раньше работникам зверофермы оплачивалось за сохранение взрослого поголовья, щенят до отсадки и так далее. Теперь звероводы получают заработок только по одному показателю — произведенной продукции, выраженной в рублях. Каждый зверовод от закрепленного поголовья зверей должен дать

на 80 тысяч рублей пушнины. Ему выплачиваются по 100 рублей за каждую тысячу рублей стоимости продукции. При выполнении плана годовой заработок зверовода будет составлять 8 тысяч рублей. Работникам зверокухни установлена расценка 52 рубля с тысячи рублей продукции. Звероводы, так же как и оленеводы, ежемесячно получают 70% планового заработка, а окончательный расчет производится в конце года.

Принципы оплаты труда рыбаков и охотников остались прежние — с суммы добытой рыбы или пушнины. Но раньше рыбаки получали одинаковую оплату зимой и летом. Теперь на 100 рублей добытой рыбы по открытой воде выплачивается 48 рублей, а на подледном лове — 63 рубля.

Охотники будут получать 70% от стоимости пушнины. Кроме того, им на период промысла, безвозмездно выдаются транспортные олени; запланировано создать колхозную материально-техническую базу, в частности, построить значительное количество слопцов. Это повысит производительность труда и заработки охотников.

Основная оплата труда на животноводческой ферме установлена за центнер молока по таким расценкам: доярке зимой — 50 рублей, летом — 35 рублей, скотнику — 20 рублей, пастуху — 12 рублей 50 копеек. Кроме того, за каждого родившегося теленка дояркам оплачивается по 50 рублей.

Пока у колхоза нет опыта в нормировании, решено труд на строительстве оплачивать по расценкам, установленным для государственных строительных организаций. По нормам и сдельным расценкам, применяемым в МРС, будет оплачиваться ремонт флота и орудий лова рыбы.

Все транспортные и другие работы разбиты на шесть разрядов. Ставка первого разряда 14 рублей, второго — 16 рублей 20 копеек, шестого — 28 рублей. При повременной оплате ставка понижается.

Каждый вид работы отнесен к определенному разряду, установлена норма выработки, расценка за норму и единицу продукции. Например, сушка оленьих шкур отнесена к первому разряду, дневная норма 28 штук, расценка за норму — 14 рублей, за одну шкуру — 50 копеек. Перевозка грузов на оленях отнесена к 4 разряду, дневная норма — 18 тонно-километров, расценка за норму — 21 рубль, за тонно-километр — 1 рубль 16 копеек.

Установление повременных расценок вызвано тем, что есть работы, на которых нельзя применять сдельные расценки. Например, в период отела оленей приходится привлекать дополнительную рабочую силу. Такая работа будет оплачиваться по повременной ставке 3 разряда.

Наведен порядок и в оплате руководящих работников. Раньше председателю и заместителю начислялись трудодни за количество важенок, за поголовье зверей и скота, а специалистам выплачивались твердые оклады. К тому же был большой разрыв между заработком руководящих работников и колхозников, занятых физическим трудом.

Учитывая, что по объему производства хозяйство артели не меньше крупного совхоза, колхозники при-

знали, что размер заработка руководящих работников должен быть установлен примерно на уровне работников совхозов. Поэтому председателю колхоза, например, установили оклад 2 400 рублей в месяц, или 28 800 рублей в год.

Установленный оклад имеет только расчетное значение. По существу, председатель колхоза также работает как бы на сдельной оплате. На 1959 год запланировано произвести продукции на 2,9 миллиона рублей. При этом председатель получит 28 800 рублей в год, т.е. за каждую тысячу рублей дохода приходится 10 рублей заработка. Можно было бы такую расценку и установить. Но в колхозе поступили иначе, установили более высокую расценку за отстающие и наиболее важные отрасли производства.

С учетом этого председатель должен получать в год за каждую тысячу рублей добытой рыбы 13 рублей, пушнины — 13 рублей 30 копеек, продукции зверофермы — 13 рублей, выполненного строительства — 10 рублей, изделий кустарного промысла — 10 рублей, доходов от извоза на лошадях и оленях — 10 рублей. За центнер оленьего мяса в живом весе жирной упитанности — 6 рублей, средней упитанности — 5 рублей, ниже средней — 2 рубля 10 копеек, за центнер молока — 3 рубля.

В таком же порядке установлена оплата руководителям отраслей хозяйства. Например, заведующий зверофермой получает оплату в зависимости от стоимости произведенной продукции, заведующий рыболовным и охотничьим хозяйством — от стоимости добытой рыбы или пушнины.

Руководителям колхоза и специалистам ежемесячно выдается 70% планового заработка, окончательный расчет в конце года.

В связи с переходом на денежную оплату труда решено прекратить выдачу натурой. Мясо и шкуры колхозники будут покупать в колхозе по государственным заготовительным ценам. Учитывая, что на закупку мяса и шкур нужны значительные средства, на общем собрании решено ежемесячно отчислять 5% заработка каждого колхозника, чтобы к концу года у него накопились деньги для оплаты за мясо и шкуры.

Новый порядок оплаты труда колхозников и руководящих работников повышает материальную заинтересованность в дальнейшем развитии хозяйства колхоза, способствует успешному претворению в жизнь решений XXI съезда партии.

М. Броднев, зав. отделом экономики Ямальской сельскохозяйственной станции

(Тюменская правда. — 1959. — 20 марта. — С. 3)

Возрожденный народ

Ненцы были самой отсталой, вымирающей народностью в Российской империи. Самодержавие равнодушно относилось к их катастрофическому положению, ухудшалось и без того скудное существование сбором ясака. Ясак в большинстве вносился пушниной и шел в доход личного кабинета царя и его свиты. Из местных сборов на нужды населения расходовались гроши. На территории, занимаемой ненцами, не было ни одного медицинского пункта. Вся «забота» о просвещении местного населения ограничивалась обучением одиночек в миссионерской школе. В Обдорской волости грамотность ненцев составляла всего лишь 0,3%.

Жестоко эксплуатировали ненцев купцы, промышленники, ростовщики. Пользуясь отсталостью населения, его слабым представлением о мерах длины, веса и действительной стоимости товаров, купцы обманывали ненцев и ханты, мало платили им за пушнину, дорого брали за свои товары.

Рыбная промышленность в низовьях Оби не получила широкого развития в дореволюционное время, промысел носил сезонный характер, в нем принимало участие не более 10 процентов местного населения. Хозяйство ненцев — оленеводство, охота, рыболовство — было примитивным, в основном натуральным. Ненцы жили в тяжелых бытовых условиях. Жилищем служил чум, отапливаемый и освещаемый костром. Питались рыбой и мясом преимущественно в сыром виде. Верхнюю одежду шили из оленьих шкур, штаны — из замши или лимьей кожи.

В экономике и быту ненцев длительное время сохранялись многие признаки родового строя, деление на экзогамные группы и запрещение браков внутри этих групп, родовые кладбища и жертвенные места, родовое и общинное землепользование, значительное распространение совместных форм труда и коллективного владения средствами производства (рыболовецкие артели, талара, пармы, подерпо и другое), имущественная дифференциация достигала значительного развития.

Основой благополучия и богатства ненцев являлся олень. Подсчитано, что для удовлетворения потребностей средней семьи в пище и одежде требовалось около 200 оленей. Материалы переписи 1926 года показывают, что 68,7% хозяйств имели менее 100 голов оленей, а 7% крупных оленеводов Ямальского полуострова владели половиной общего поголовья оленей. Были и тундровые «магнаты». Еко Анагуричи, имевший 10 тысяч оленей, Лукучи Окатэтто и Яптик Логанзи — по 5 тысяч, Хороля Серу — 4 тысячи и другие.

Ненецкое население угнеталось и эксплуатировалось не только самодержавием, купцами, промышленниками, но и своими богатеями и шаманами.

Октябрьская социалистическая революция внесла коренные изменения в жизнь ненцев. Она возродила ненецкий народ, принесла ему освобождение и вывела на социалистический путь развития. Первые же мероприятия Советской

власти — отмена ясака, ликвидация ростовщичества, установление нормальных цен на промышленные и продовольственные товары, рыбу, пушнину — резко улучшили условия жизни ненцев. Коммунистическая партия не ограничилась этими мерами, она определила пути ликвидации вековой отсталости и перехода ненцев от патриархальных форм хозяйства к социализму.

Великий Ленин указывал, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития». (Соч. Т. 31. — С. 219).

Партия неоднократно подчеркивала необходимость учитывать особенности каждой народности — историческое прошлое, экономическое состояние, социальные отношения, бытовой уклад и не допускала механического перенесения практики государственного, хозяйственного и культурного строительства южных районов на Крайний Север. Переход ненцев от патриархальных форм хозяйства к социализму удалось осуществить в исторически короткий срок. Формы и методы социалистического строительства определялись с учетом своеобразия сложившихся условий.

После установления Советской власти у ненцев вместо родовых старшин были организованы родовые и туземные Советы. Они отличались от Советов других районов страны не только тем, что были построены по родовому признаку, но и кругом прав. На них были возложены судебные функции, им предоставлялось право рассматривать все гражданские дела. Родовые и туземные Советы являлись формой политической организации местного населения. Родовые и туземные Советы провели большую работу по освобождению бедноты от эксплуатации и зависимости от крупных оленеводов; добились улучшения рыболовецкого и пушного промыслов. Через кооперацию комитеты взаимопомощи помогали лучшему оснащению рыбаков и охотников орудиями лова, проводили перераспределение рыболовных угодий, устанавливали сроки охоты, помогали бедноте обзавестись оленями.

На первом этапе родовые и туземные Советы были наиболее целесообразной формой государственного строительства, но с развитием экономики и культуры они не могли возглавить организацию просвещения, здравоохранения, культпросветработы и руководить колхозами, рыбозаводами и т.п.

Правительство учло происшедшие изменения, и 10 декабря 1930 года приняло постановление об организации Ямало-Ненецкого национального округа. Ненцы были выделены в самостоятельное национальное административно-территориальное объединение, и этим завершилось их государственное устройство.

Взамен туземных Советов образовались административные районы, вместо родовых — кочевые Советы по территориально-экономическим признакам. Изменилось и судоустройство — В районах были созданы народные суды, а для разбора мелких дел — кочевые суды.

Формой экономической организации ненцев явилась интегральная

(смешанная) кооперация. Она снабжала членов кооператива на льготных условиях ружьями, капканами, неводами, сетями, организовывала бригады и простейшие товарищества, предоставляла кредиты на покупку оленей, занималась сбытом продукции, выполняла торговые функции. Через интегральную кооперацию ненцы перешли к коллективным формам хозяйства.

Большую роль в повышении культурного уровня населения сыграли культбазы, созданные в Тазовской и Ямальской тундрах. Эти комплексные учреждения имели школы, интернаты, больницы, красные чумы, зоотехнические и ветеринарные пункты, охотоведов, этнографов, экономистов. Через культбазы определялись более правильные пути развития хозяйственного и культурного строительства в условиях тундры.

В настоящее время в округе работают сельскохозяйственная комплексная станция, научно-исследовательская ветеринарная станция и стационар Уральского филиала Академии Наук. Сейчас 36 научных сотрудников, в том числе 12 кандидатов наук, занимаются изучением и внедрением в производство научно-обоснованных методов ведения оленеводства, рыбного хозяйства, звероводства, полеводства и домашнего животноводства.

Коренные преобразования в экономике, культуре, быте местного населения наглядно подтверждают успехи колхозов. За последние десять лет неделимые фонды в колхозах увеличились в три раза и достигли 27,7 тысяч рублей в среднем на семью колхозника. Валовые денежные доходы с 23,9 миллиона рублей в 1945 году увеличились до 63 миллионов рублей в 1956 году. Заработки колхозников за это же время возросли в четыре раза. В среднем семья колхозника получает деньгами в 1956 году в сельхозартелях — 7,8 тысяч рублей, в рыболовецких артелях — 10 тысяч рублей. Кроме денег колхозники получают натуральную оплату, а также значительные доходы от личного хозяйства. Абсолютное большинство членов артелей живет зажиточно. Почти половина колхозов округа миллионеры.

Колхозы являются многоотраслевыми комплексными хозяйствами. Это значит, что здесь природные богатства используются полнее, источники доходов значительно расширились.

Через колхозы изменен способ производства, проведено техническое перевооружение и внедрение достижений науки в оленеводство, рыболовство и охоту.

В результате победы колхозного строя оленеводство стало устойчивой, высокодоходной отраслью общественного хозяйства. За последние десять лет поголовье колхозных оленеводческих стад увеличилось на 111 тысяч голов. Если в 1926 году важенок было 36,4% к общему количеству оленей, то в 1956 году — 50%; товарная часть продукции оленеводства в 1926 году составляла 16,3%, в 1956 году — 50%; денежный доход на 100 оленей в 1926 году составлял 31 рубль, а в 1956 году — 3 500 рублей.

Не менее разительные изменения произошли в рыболовстве. Раньше ненцы и ханты ловили рыбу само-

дельными ловушками, производительность труда рыбаков была низкой. В 1926 году нижнеобскими ненцами и ханты добыто товарной рыбы около 15 тысяч центнеров. В 1956 году такое количество рыбы сдали два колхоза — «Новая сила» Ямальского района и имени Молотова Надымского района. При помощи Советского государства колхозы коренным образом изменили технику промысла, способы добычи рыбы. Изменение (техника рыболовства) осуществлялось путем применения новых орудий и способов лова; получили широкое применение плавные сети. Тяжелый труд рыбаков облегчен механизацией. В целом по округу с использованием механизмов добыто рыбы в 1940 году 2,4 тысяч центнеров, в 1950 году — 5,0 тысяч центнеров, в 1956 году — 67,8 тысяч центнеров. Выловов рыбы местным населением за 30 лет увеличен в 10 раз.

О росте производительности труда говорят такие цифры: в 1926 году в среднем на хозяйство добыто 6 центнеров рыбы, а в колхозах улов на рыбака составлял в 1956 году 43,2 центнера. Колхозы обеспечили рыбакам высокий уровень материальной жизни. Средний денежный доход колхозника в рыболовецких артелях составлял: в 1940 году — 2 090 рублей, в 1945 году — 3 666 рублей, в 1956 году — 10 тысяч рублей.

В большинстве колхозов организованы звероводческие фермы, в них разводят черно-серебристых лисиц, голубых песцов и норку. Первая колхозная звероводческая ферма появилась в округе в 1946 году, а сейчас их 39. Колхозы от звероводства ежегодно получают более 4 миллионов рублей дохода.

За последние 6 лет в колхозах округа построено 796 жилых домов, 8 радиоузлов, 3 электростанции, 18 бань, 7 клубов и изб-читален, 36 складов, 35 скотных дворов, 13 конюшен, 17 телятников, 7 ледников и других производственных и бытовых зданий.

Культурно-социальные учреждения, выполняя свою функции, произвели коренной переворот в мировоззрении ненцев, помогли им освободиться от суеверия, выйти из-под влияния шаманов, преодолеть многие пережитки родовой идеологии, снять различные табу (запреты) с женщины и поставить ее в равноправное положение.

С первых же дней установления Советской власти начался прирост местного населения. Если в 1935 году количество ненцев по сравнению в 1926 годом увеличилось на 18,3%, то за последние 30 лет численность ненцев почти удвоилось.

Возрождение ненцев и ханты, подъем их экономики, рост материального благосостояния и культурного уровня — результат последовательного проведения ленинской национальной политики, полностью отвечающий интересам коренных жителей Севера. Не случайно в ненецких легендах о В.И. Ленине говорится, что «Он на Ямале был, жизнь ненцев видел, ненцам правильный путь указал». Вместе со всем советским народом трудящиеся Крайнего Севера с большой радостью встречают сороковую годовщину Великого Октября.

(Красный Север. — 1957. — № 150. — 31 июля. — С. 3. — К сороковой годовщине Великого Октября)

Карские экспедиции

Большая гидрографическая экспедиция, организованная в 1918 году по постановлению СНК (Совет народных комиссаров), подписанному В.И. Лениным, занималась исследованиями, позволившими организовать Карские экспедиции. В частности изыскивались возможности захода морских судов в южную часто Обской губы, выбиралось место, где бы морские суда могли произвести прием грузов доставленных речными пароходами, а также перегрузку на них товаров с морских судов. Удобным местом встречи оказался район, позднее получивший название Нового Порта.

В 1920 году из Архангельска вышла первая Карская экспедиция в составе 18 судов. Она должна была доставить промышленные товары в Сибирь и привезти в Россию сибирский хлеб, масло, пушнину и так далее.

О трудностях организации этой экспедиции можно судить по такому факту: уголь для судов Карской экспедиции добывали с пароходов, затопленных немцами в Белом море в 1915 году. Водолазы проделали неимоверно трудную работу, подняв с морского дна 3 500 тонн угля.

Начальник экспедиции М.И. Николаев перед выходом в плавание издал приказ, в котором говорилось: «Советская власть, зная тяжелые условия плавания экспедиции, делает все, чтобы экипажи судов были снабжены в достаточном количестве продовольствием, одеждой и всем необходимым, и щедрой рукой отпускает экспедиции, что может из тех скудных запасов, которые имеются у нее в распоряжении, ясно сознавая, что каждый отпущенный экспедиции фунт хлеба, угля, керосина и прочего обездоливает в такой же мере трудящееся население».

19 августа 1920 года суда Карской экспедиции вошли в бухту Находка. Речники Оби на шести пароходах и 15 баржах доставили для погрузки на суда экспедиции 958,5 тонны хлеба, 1 114 тонн жиров, на 12 миллионов рублей пушнины.

Перевалка грузов с речных судов на морские проходила в крайне неблагоприятных условиях штормовой погоды. Экипажи судов, красноармейцы охранного отряда работали без сна, отдыха и успешно закончили перегрузку. 2 октября экспедиция благополучно вернулась в Архангельск, доставила из Сибири голодающей России жизненно важные грузы. Было положено начало использования Ледовитого океана для массовой перевозки из Сибири в голодающую Россию продовольствия и других грузов.

В.И. Ленин поручил подготовить вторую Карскую экспедицию 1921 года со значительно большим объемом перевозок. Он лично занимался подготовкой этой экспедиции, настойчиво требовал четкой организации ее подготовки. 11 июня 1921 года Ленин поручает Смольянинову проверить, как идет подготовка к проведению Карской экспедиции. В Ленинском сборнике опубликована записка Смольянинова, из которой видно, какое значение придавал Ленин этой экспедиции: «Запросите факты, проверьте их. Проверьте лично и дважды. Потом поговорите по прямому проводу...

без всего этого я не поверю, что дело обеспечено» (С. 262)

Ленинская забота обеспечила успех второй Карской экспедиции. В 1921 году было завезено в Сибирь 9 636 тонн промышленных изделий и вывезено 13 370 тонн продовольственных и экспортных товаров.

В 1922 году операции Карской экспедиции были еще более расширены. В.И. Ленин по-прежнему придавал им большое значение. В начале 1922 года в Сибирь был откомандирован Ф.Э. Дзержинский для организации отправки грузов Северным морским путем. Объем перевозок, по сравнению с предыдущими годами, увеличился.

Карские экспедиции в первые годы советской власти выполняли задание Ленина по снабжению районов Сибири промышленными товарами и по доставке в голодную Россию продовольствия из Сибири.

Этим не ограничивалось их значение. Опыт Карских экспедиций подтвердил возможность использования Ледовитого океана для освоения огромных пространств Крайнего Севера с огромными природно-экономическими условиями. Карские экспедиции положили начало Северному морскому пути, который в наше время имеет большое значение в экономике страны. Освоение этого огромного и сложного пути связано с именем Владимира Ильича.

(Красный Север. — 1969. — № 241. — 3 дек. — Ямал. Ленин. Советская власть)

Для развития окраины

В 1901 году Д.И. Менделеев направил министру финансов Витте записку «Об исследовании Северного полярного океана», в которой писал: «Я получил полное убеждение в возможности решительной победы над полярными льдами при помощи соответствующих для того приспособлений».

Практические предложения Менделеева по исследованию Ледовитого океана не получили поддержки. Товарищ министра финансов Ковалевский сообщил Менделееву, что в высших кругах отнеслись «самым категорическим образом против» его предложений.

Сибирский промышленник М.К. Сидоров, неоднократно обращавшийся к царскому правительству с предложением о создании промыслов на Севере и изыскании морского пути к устью Оби и Енисея, пишет: «Я, — пишет Сидоров, — Не встречал ни в ком сочувствия, на меня смотрели, как на фантазера».

Царское правительство пресекало всякие попытки освоения Крайнего Севера. Оно защищало интересы помещиков и капиталистов центральной России. Открытие водных путей из Сибири вызвало бы поток дешевых сибирских товаров, особенно хлеба и леса, в Россию и за границу, это было невыгодно буржуазии. Да и самодержавию было легче держать в повиновении отсталые народы окраин.

Можно без преувеличения сказать, что Октябрьская революция сняла оковы с развития производительных сил Крайнего Севера. В апреле 1918 года В.И. Ленин

написал «Набросок плана научно-технических работ» и указал, что в план реорганизации промышленности должно входить «...рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья» (Т. 27. — С. 212).

Использование природных богатств Севера возможно с разрешением проблемы транспорта. Несмотря на то, что страна находилась в неимоверно трудных условиях, созданных разрухой и гражданской войной, В.И. Ленин много внимания уделяет освоению Севера, и Советское правительство на эту цель отпускает значительные средства.

В 1918 году организуется гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана. В.И. Ленин подписал постановление СНК об ассигновании миллиона рублей на ее проведение. В распоряжение этой экспедиции было выделено 22 судна с механическими двигателями, кроме того, суда ледокольного типа — «Таймыр», «Вайгач» и «Малыгин». Экспедиция получила большое количество снаряжения и продовольствия.

К 1918 году относится начало изыскания мест строительства портов в устьях рек Оби и Енисея. В частности, проводились гидрографические работы в южной части Обской губы, в районе Нового Порта. Эти исследования позволили через два года организовать Карские экспедиции.

В 1920 году при Сибирском революционном комитете (Сибревкоме) был создан Комитет Северного морского пути. Он провел большую работу по улучшению условий плавания по Оби, Енисею, Обской губе. Правительство дало высокую оценку работы Севморпути. 11 сентября 1923 года в Новом Порту состоялось торжественное поднятие Красного знамени, врученного ВЦИКом с надписью: «Знанию, энергии и самоотверженному труду горстки работников Комитета Северного морского пути, рабочих, служащих и экипажа экспедиции, пролагателям новых путей будущего Сибири».

10 марта 1921 года Владимир Ильич подписал декрет СНК о создании плавучего морского научного института с задачами всестороннего исследования северных морей, их островов, побережий, имеющих важное государственное значение.

6 апреля 1921 Ленин вновь занимается вопросами освоения Севера и подписывает постановление СНК об организации Ямальской экспедиции. В этом постановлении указывалось, что Ямальская экспедиция вызывается необходимостью «создания великого северного пути из Сибири в Европу и наши северные порты для экспорта леса, хлеба, рыбы, мяса, пушнины, жировых продуктов, богатств недр и поверхности земли».

Внимание Владимира Ильича к всестороннему, комплексному развитию Крайнего Севера подтверждается хотя бы тем, что 4 марта 1920 года по его указанию была создана Северная научно-промысловая экспедиция ВСНХ. Председателем ученого совета этой экспедиции был президент Академии Наук Карпинский, его заместителем — Ферсман. В состав совета входили: А.М. Горький, профессора Ю.М. Шокальский, К.М. Де-

рюгин, Л.С. Берг и другие крупные ученые. Эта экспедиция провела значительную работу на территории, вошедшей в состав Ямало-Ненецкого национального округа.

Это далеко не полный перечень мероприятий, проведенных по освоению Крайнего Севера по указанию В.И. Ленина и при его личном участии. А ведь надо учесть, что в период гражданской войны, разрухи, голода Советское правительство выделяло огромные средства и силы на освоение Крайнего Севера. И именно прозорливости Ленина мы обязаны бурному развитию северных окраин страны.

(Красный Север. — 1969. — № 273. — 27 нояб. — С. 2. — Ямал. Ленин. Советская власть)

Дети Севера

Яр-Сале (переводится с ненецкого как песчаный мыс. Находится на Ямале, примерно на 67 градусе северной широты) имеет свою длинную и поучительную историю, которая языком фактов прошлого и замечательными примерами настоящего показывает различие капиталистического и социалистического путей освоения северных окраин.

Яр-Сале с давних времен привлекал внимание торгово-промышленного капитала как один из основных пунктов, через который кочуют ненцы с Северного Ямала на юг. Хорошие рыбные и охотничьи угодья, высокое песчаное место привлекали на Яр-Сале большую часть населения. Под влиянием развивавшихся капиталистических отношений забитое ненецкое население лишалось оленьего поголовья и вынуждено было выходить поближе к берегам больших рек и переключаться на рыбный товарный промысел.

В Яр-Сале на берегу Малой Юмбы до сих пор сохранились наполовину высунувшиеся из земли бревна дома купца Трофимова. Там же стоит уже покосившийся дом другого купца—промышленника — Протопопова.

О нищете и голоде, о издевательствах и вымирании ненецкого народа рассказывают эти памятники не особенно давней ярсалинской старины.

Со временем ненецкая литература подробнее восстановит образ купца Трофимова. Это будет жуткий рассказ о капиталистическом хищнике. Приехав из Москвы за «большой

наживой», Трофимов обманывал не только ненцев, но и своих «коллег-купцов». Из самых грязных судебных дел он выпутывался безнаказанно и этим обязан своей кличке «московская пробка».

Это был хищник большого масштаба. Его шхуна ежедневно огибала берега Малого и Большого Ямала, где он за бесценок забирал у ненцев пушнину. Старик Вануйто еще и сейчас с большой обидой рассказывает, как купец Трофимов избил его, отобрал малицу и как он зимой без малицы бежал четырнадцать километров. Поводом к этой расправе послужил отказ Вануйто отдать песца за плитку чая, фунт табаку и бутылку водки.

По следам торгового капитала шел капиталист-промышленник. Рыбный магнат Оби Плотников захватил все лучшие ненецкие угодья и часть ненцев превратил в своих наемных рабов. Колхозник Марко Худи рассказывает, что он работал у Плотникова, получая 20 копеек в день — и то не деньгами, а товарами по высоким ценам.

В 1908 году в Яр-Сале появился конкурент Трофимову — Протопопов. Перед революцией Протопопов был главным разбойником на большой дороге кочевий ненцев.

Царское правительство не только помогало купцам грабить, но и само включилось в этот грабеж. Еще и сейчас в архивных бумагах, накопленных за много лет, среди ордеров и договоров на сдачу пушнины попадаются квитанции в приеме ясака. О пролитой крови и мордобитии говорят эти квитанции. Особенно сильно страдала от побоев беднота и обездоленные. Их бил старшина, урядник, били все, кому не лень.

Ненецкий народ страдал не только от русских капиталистических хищников. Он страдал и от местных кулаков. Ненецкое народное творчество передает много сказаний о том, как богатые отбирали оленей у бедняков и середняков. Мне пришлось слышать рассказ, переданный Петром Ямалом, о человеке, у которого кулак отобрал оленей и который всю жизнь пас этих оленей, не получая даже достаточно мяса. О положении батраков говорят и такие факты: Серотетто Латай два с половиной года работал у кулака Серотетто Пинчи. Пинчи кормил Латая самым плохим. Ничего не платил за работу. Часто бил. Один раз ударил суковатой палкой и разбил голову.

Можно ли удивляться тому, что находившийся до революции под таким бременем ненецкий народ шел по пути вымирания?

До революции на Ямале не было ни одной школы, ни одной больницы, и вообще отсутствовала хотя бы самая дешевая помощь царского правительства ненецкому населению.

Только пролетарская революция ликвидировала этот путь нищеты и вымирания целых племен и народностей и вывела ненецкое население на широкую дорогу советской культуры, зажиточной жизни, на дорогу социализма.

Яр-Сале из места купеческого разбоя превратился в крупный культурно-экономический центр Ямальского полуострова. Крупным культурно-экономическим фактором Ямала является культбаза, через ко-

торую советское государство оказывает помощь ненецкому населению.

* * *

Замечательным учреждением культбазы является школа-интернат. О росте влияния школы можно судить хотя бы по росту количества учащихся детей: 1933/34 году — 26 человек, в 1934/35 году — 34 человека, в 1935/36 году — 52 человека.

Комплектование школы-интерната проходило сначала с большими трудностями. Родители, ведущие кочевой образ жизни, должны на долгое время отдавать своего ребенка в интернат, то есть в обстановку, совершенно противоположенную их быту. Кулаки и шаманы всячески старались запугать родителей. Они распространяли слухи, что если ненцы отдадут детей в школу, то не получат их совсем, что детей увезут на Юг и так далее.

Когда же ненцы убедились на опыте, что детей никуда не повезут, у кулаков появился другой «аргумент» против школы. Стали запугивать тем, что детей в интернате отучат от чума, и они забудут, как выпасать оленей, как промышлять песца, будут бояться дыма и вообще будут ненужными людьми в тундре.

Сейчас и эта агитация не имеет успеха. Ребята, возвращаясь из интерната, не только не забывают тундровой жизни, а, наоборот, привозят целый ряд полезных и нужных в тундровом хозяйстве сведений. Оружие, капканы, находящиеся в распоряжении учеников интерната, вызывают особую похвалу ненцев. Учащиеся интерната часто охотятся и довольно успешно.

Например, ученик Данило Возелов за ноябрь прошлого года поймал шесть горностаев.

Характерно, что сейчас сами дети включились в борьбу за школу.

Хабай Худи хотел учиться, но дед не отпускал, и никакие уговоры на него не действовали. Хабай сам начал «войну» за школу, и кончилось тем, что дед привез его в интернат.

В 1936 году учащихся интерната распустили на каникулы. Многие работники базы не верили, что дети полностью вернутся обратно, и большинство сомневалось в возвращении их к сроку. Однако в точно назначенный день в интернат явились не только все учащиеся, но они привезли с собой пять новых учеников.

Сами ненцы стали активнее помогать в комплектовании интерната. Например, Лука Анагуричи сам рассказал приехавшему работнику базы, где скопление ненцев, и посоветовал ехать туда для вербовки детей в школу. Факт этот с первого взгляда кажется незначительным, но в условиях тундры Ямала приобретает большое значение.

Тяга в школу — даже маленьких ребят — большая. Был такой случай: в дошкольную группу пришел мальчик лет шести-семи. Он снял малицу, сел за стол и заявил: «Падер тара, карандаш тара» (бумаги надо, карандаш надо). Учащиеся этой группы и педагог не знали мальчика, посоветовали ему идти домой и привести родителей. Он отказался. Тогда решили постричь его, вымыть, дать белье, поместить в интернат, а потом уже разыскивать родителей.

Из этих фактов, однако, не следует, что трудности в привлечении детей в школу уже исчезли. Эти факты свидетельствуют об огромном сдвиге, о росте тяги к знанию и просвещению, о росте культурности населения. Но косности еще много. Даже в Яр-Сале есть еще несколько детей, которых родители отказываются отдавать в школу. Пережитки прошлого еще дают себя чувствовать при столкновении нового со старым.

Но постепенно новое побеждает. Вот другие показательные примеры. Николай Окотетто со своим братом каслал (кочевал) в районе озер Яро-то. Он решил учиться. Но брат его малооленный, отвезти его не мог. Тогда пятнадцатилетний мальчик пошел по тундре пешком в Новый Порт. А это тяжелый 150-километровый путь, изрезанный большим количеством речек. Оказавшись в Новом Порту без хлеба и денег, он стал ловить рыбу, заработал денег и поехал в Яр-Сале. В пути три дня он ждал «оказии» и на попутной лодке приехал на культбазу. Несмотря на возраст (для школы-интерната он переросток) он был принят в интернат. Поучился зиму. Весной у нас с ним состоялся такой разговор:

— Пойдешь на катер в мотористы учиться?

— Не сумею, однако, мудрая машина-то шибко.

— А ты попробуй, первым мотористом из ненцев будешь.

— Саво! (хорошо), — ответил он.

Прошел год. Сейчас Николай Окотетто самостоятельно работает мотористом электростанции, и «шибко мудрая машина» слушается его прекрасно.

Таборчи Худи по вине своих родителей был беспризорником тундры. Культбаза взяла на себя опекунство Таборчи. Оказавшись в интернате, Таборчи стал хулиганить, дрался с детьми, бил окна, воровал и т.п. Этот единственный во всем интернате трудновоспитуемый ребенок потребовал много энергии и труда, и не безрезультатно. Таборчи назначили заведовать школьной столярной мастерской и установили ему десять рублей зарплаты в месяц. Таборчи перестал воровать и очень рьяно выполнял свои обязанности: охранял инструмент, закрывал мастерскую, в пределах своих способностей чинил инструмент и вообще был крайне доволен своей должностью. Так был отучен он от воровства.

Сейчас Таборчи пионер и лучший воспитанник интерната.

В классе висит рисунок, изображающий завод с трубой, узкоколейкой и т.д. Кто мог дать такой рисунок и на такую тему? Это ученик Данило Возелов. Он в 1934 году ездил на экскурсию в Тюмень и свои впечатления вложил в рисунок. Вложил правильно и удачно. Он же дал такой рисунок: песец смеется над плохо поставленным капканом. Рисунок получился очень удачный по исполнению и злободневный по теме.

Ненецкие дети увлекаются рисованием и имеют неплохие способности. Был такой случай: восьмилетний мальчик на третий день после своего прихода в интернат, видя портреты и картины на стенах, вырезал из букваря все картинки и вывесил

в классе. Дополнительно к рисункам из букваря он дал на «эту выставку» и свои «произведения».

На площадке культбазы поставили ветродвигатель. Ветер, приносивший до этого своими штормами и буранами только неприятности, стал давать электроэнергию. На школе-интернате также появился маленький ветродвигатель с маленьким флажком такой же конструкции, как и большой ветряк. Это сделали сами ученики.

Некоторые ученики удачно делают летающие модели самолета. Вообще ненецкие дети проявляют значительные конструкторские способности.

Я зашел в интернат. Восьмилетний Манор обратился ко мне с просьбой: «Пойдем, посмотри, как постель убрал». За два месяца перед этим я встречался с Манором в чуме, он еще не был учеником интерната и не говорил по-русски. Его русская речь показалась мне более удивительной, потому что в интернате преподавание ведется на ненецком языке, и русским языком он овладевал как бы самостоятельно. Между собой дети разговаривают на ненецком языке. Но каждый из них, попадая в интернат, быстро осваивает и русский язык.

Даже в таких дисциплинах, как математика, ненецкие дети проявляют значительные способности. Тетради поражают чистотой и опрятностью.

Ненецкие дети быстро становятся поборниками нового быта. Заправку постелей учащиеся проводят сами. Плохо заправленная кровать вызывает общее порицание самих детей, а хорошо заправленной постелью ребята не прочь щегольнуть. Буквально через несколько дней вновь прибывший ребенок уже не отличается от остальных детей: сам умывается, в определенное время заправляет постель и соблюдает все гигиенические правила интерната.

Главная заслуга в этом самих ребят. Они быстро вводят новичка в общие нормы жизни интерната.

В интернате у детей быстро исчезают отрицательные навыки чума. Например, ненецкий ребенок привыкает в чуме закладывать за губу табак. Первые дни в интернате он испытывает большую потребность в табачном соке и всякими путями старается достать табаку. Но класть табак за губу считается учащимися интерната позорным явлением, и ребенок под влиянием детской общественности безболезненно отвыкает от скверной привычки и сам начинает бороться с нею.

Вечерам особое оживление в клубной комнате интерната. Ребята хорошо играют в шашки, бильярд, а струнный оркестр интерната является большой гордостью не только детей, но и всего Ямальского полуострова. Двадцать учеников на балалайках, гитарах, мандолинах, на шумовых инструментах исполняют и коллективно, и поодиночке ряд вещей.

Хорошо играют ребята на сцене. Поставленная ими на ненецком языке пьеса «Батрачонок» вызвала заслуженное восхищение у ненцев и русского населения.

К общественной жизни тундры дети проявляют большой интерес. В 1935 году началось оседание колхоза «Харп». Отец ученика Вани Ямал был слепой и имел большую

семью. Вложить в строительство дома полагающуюся с него часть средств он не мог. Дети устроили платный вечер и собрали на постройку дома 175 рублей. За ними последовали комсомольцы, и 7 ноября 1936 года Петр Ямал справлял новоселье.

Выезжая в тундру на летние каслания, дети забирают с собой все свои книги, тетради и в чуме являются — на первый взгляд незаметными — пропагандистами. Их рассказы о жизни интерната, об учебе доходят до сознания родителей. Это одна из частностей огромной революционной роли школы в тундре.

Мероприятия культбазы являются только частью той огромной помощи, которую партия и правительство оказывают ненецкому народу. В этой заботе ярко выражено существо ленинско-сталинской национальной политики.

(Советская Арктика. — 1937. — № 11. — С. 84–91)

Главы из рукописи

Пережитки родовых отношений у ненцев и их роль в социалистическом строительстве.

У ненцев, или как их раньше называли самоедов, в XVII веке еще существовал патриархальный род.

«Самоядь, — жалуются Обдорские остяки, — приезжает на Обдор родами своими все вместе, многие люди, и Обдорские остяки живут не вместе, по юртам, порознь, всего человек по двадцать и меньше» (Сибирский приказ. С. 656.)

Ненцы кочевали родами, каждый род имел свою родовую территорию, родовые кладбища. Всеми делами в роде управлял старшина. Внутри рода уже в VII веке происходило разложение на большие семьи.

Присоединение Обдорской земли к Русскому государству несколько ускорило процесс разложения родового строя у ненцев. Политика царизма, направленная на использование родовых старшин для усиления своего влияния на местное население, передача старшинам сбора ясака и так далее позволили верхушке ненецкого населения обогащаться и доводить количество оленей за пределы возможного выпаса своей семьей, что уже вызывало превращение части родичей в неравноправных людей, используемых в интересах разбогатевших сородичей.

Однако, не следует преувеличивать влияние царской администрации, купцов и миссионеров на изменение общественных отношений у ненцев, на разложение родового строя. Основная масса ненецкого на-

селения кочевала в далеких тундрах, и огромные расстояния затрудняли воздействие русских купцов и администраторов на уклад их жизни.

Если население близлежащей к Салехарду территории и ханты, проживающие южнее Салехарда, рано попали в полную власть ростовщиков, рыбопромышленников и царских чиновников, то ненцы Ямальской, Байдарацкой, Тазовской тундры оказались от них менее зависимыми.

Географическое положение ненцев создавало им условия относительной изоляции от племен, стоящих на более высокой ступени развития. С севера и запада их территория граничила с Ледовитым океаном, в то время несудоходным, на юге и востоке их соседями были отсталые племена: остяки и тунгусы.

Оленеводство, которым занимались ненцы, давало им все необходимое для жизни: пищу, одежду, жилище. Благодаря наличию оленей, они кочевали по тундре и могли избежать частых соприкосновений с другими родами.

При анализе влияния русских на уклад жизни ненцев нельзя забывать следующие обстоятельства.

Царские воеводы, а позднее земские заседатели, исправники, писаря инородческих управ в основном ограничивали свою деятельность сбором ясака или денежных повинностей и наблюдением за политическим спокойствием края, причем формы своей административной деятельности они пытались приспособлять к сложившимся туземным порядкам. В частности, например, судебные функции по мелким преступлениям были переданы в ведение инородческих управ и родовых старшин.

Купцы бывали в тундре наездом. До XIX века на Оби севернее Салехарда не было ни одной лавки и ни одного населенного пункта. Ростовщическую деятельность и обманную торговлю купцы развертывали в период Обдорской ярмарки.

Рыбопромышленники появились на Обском Севере только во второй половине XIX века, и им пришлось также приспосабливаться к таким фактам родовых отношений, как родовая территория, то есть принадлежность рыбоугодий определенных родам, бытующим объединениям ненцев по совместному вылову рыбы и так далее.

Русские промышленники-охотники также не проникали в тундру, в тундре не было постоянных поселений русских, как это имело место среди других народов Сибири.

Все эти факты содействовали сравнительно замедленному разложению родового строя у ненцев и привели к тому, что ко времени Октябрьской революции у ненцев сохранилось много пережитков родовых отношений.

К этим пережиткам, прежде всего, относится деление ямальских ненцев на две экзогамные группы.

Дореволюционными и советскими этнографами (Городовиков, Вербов, Каргер и другие), достаточно полно освещены вопросы структуры и экзогамии у ненцев, поэтому мне нет необходимости подробно останавливаться на этом.

Известно, что ямальские ненцы делятся на две экзогамные группы и что брак запрещен не только вну-

три рода, но и во всей группы родов одного корня.

Рода распределялись по группам так:

1 группа	2 группа
1. Вануйта	1. Харючи
2. Вэнэнга	2. Окатэхтте
3. Яптик	3. Сэротэтта
4. Яунгад	4. Ямал
5. Сэрпива	5. Ладукай
6. Пуйко	6. Тусяда
7. Пырерка	7. Тэсяда
8. Вылка	8. Худя
9. Лаптандер	9. Тадося
10. Нохо	10. Езынги
11. Пандо	11. Лапсуй
12. Хэтанси	12. Няруй
13. Тысынги	13. Ненянг
14. Яр	14. Явэй
15. Сядей	15. Сусой
	16. Сухоней
	17. Ядне
	18. Ябтоне
	19. Хороля
	20. Нодер

Численность родов далеко не одинаковая. Например, рода Сэрпива, Яунгад насчитывал по 12–15 семей. Такие же рода, как Вануйта, Окатетта насчитывали более ста семей.

Ненецкие предания указывают, что вначале ненецкое племя было разделено на два рода. Рода были экзогамны.

Коренным родом первой группы считается род Вануйта. Из какого рода выделялись рода второй группы предания расходятся: одни называли род Харючи, другие род Окатэтта.

Выезжая на Ямал в 1935 году, я считал, что деление ненцев на две экзогамные группы значения уже не имеет, что сама экзогамия — явление давно минувших лет, и что прошлую родовую принадлежность можно восстановить только по фамилии, так как название рода является фамилией каждого ненца и в настоящее время.

Я глубоко ошибся: родовая связь у ненцев не ограничивалась только фамилией, она оказалась живучей во многих вопросах экономики и быта ненецкого населения.

Взять хотя бы вопросы экзогамии. В 1935 году я и другие работники Ямальской культбазы собрали данные о 200 брачных парах Ямальских ненцев, и оказалось, что на 200 браков было только восемь случаев нарушения экзогамии, т.е. когда жена и муж являются представителями одной и той же родственной группы.

Такое же распределение экзогамии оказалось не только у ненцев Ямальского полуострова. Г.Д. Вербов провел аналогичную работу среди Пуровских ненцев и там оказались такие же результаты.

Незначительное количество браков внутри родственной группы тем более удивительно, что многие ненцы, принадлежащие к одной экзогамной группе, занимали территорию, отдаленную от родов противоположной группы большими пространствами и в поисках невесты надо было ездить за 200–250 километров.

Так, например, семьи рода Окатэтта не имели по соседству семей родов противоположной группы. В 1936 году я не нашел в этом роде ни одного случая нарушения экзогамии, и на мой вопрос — бывали ли

у них в роде такие случаи Окатэтта Пирчи ответил: «Нет. Такой беды у нас еще не бывало». А известно, что род Окаттэта большой род.

Наличие экзогамии означало, что половина девушек-ненок недоступна половине парней, и этот пережиток родовых отношений стал отрицательным фактором, так как при экзогамной системе браки затруднены, что содействует многоженству и так далее.

Ясно, что мероприятия советских органов — это разъяснение устарелости экзогамии, облегчение расходов, повышение культурного уровня населения, вовлечение женщин в производство, — ускорило преодоление сложившихся экзогамных отношений, но они и до настоящего времени в какой-то степени еще продолжают существовать. В 1948 году на Ямальском же полуострове мы вновь собрали данные на 200 брачных пар, и оказалось, что из этого количества только тридцать браков заключены между представителями одной и той же родовой группы.

В этом году в Ямальской тундре я встретил молодого парня Сэротэтта, женившегося на девушке тоже Сэротэтта. Родители были очень недовольны этим браком, девушке ничего не дали, хотя обычно ненцы дают с невестой оленей, подарки родне мужа и так далее. Родители жениха также очень неохотно приняли невесту в чум и постоянно укоряют ее за нарушение установившегося в тундре порядка брачных отношений.

Это показывает, что прежние родовые связи еще окончательно не разрушены, что многие родовые порядки перешли в традиции. Так обстоит дело и с экзогамией, гостеприимством, многими обычаями, обрядами, предрассудками и так далее.

Все эти вопросы сравнительно полно совещены в сравнительно большой этнографической литературе о ненцах, но я считаю большим пробелом имеющейся литературы о ненцах то обстоятельство, что в ней очень слабо отражены пережитки родового строя в экономической жизни ненцев, а они, как показала практика колхозного строительства, имеют огромное значение.

Наиболее важными из этих пережитков, сохранившихся до периода установления Советской власти на Ямале, являются:

Сохранение родовой собственности на рыболовные, охотничьи и частично пастбищные угодья;

Наличие неуставных — бытующих производственных объединений у ненцев (артельный лов рыбы, совместный выпас оленей);

Хозяйственная взаимопомощь в различных формах (в частности по дерпо (*так в тексте. — Прим. авт.-сост.*), т.е. предоставление оленей во временное пользование);

Пережитки половозрастного разделения труда, различных табу (запреты) для женщин;

Авторитет стариков и их большое влияние на всю жизнь своих сородичей;

Шаманизм с его лечебными, ветеринарными функциями, с ролью советника с духами по всем, в том числе экономическим и политическим вопросам;

Одухотворение сил природы (первобытный анимизм), приводя-

щий к запрещению убивать некоторых хищных животных, в частности волков, что приносило, да в некоторой степени и сейчас приносит большой вред оленеводству и охоте.

Пережитки родовых отношений также наложили свой отпечаток на социальную дифференциацию ненцев, вызвали к жизни своеобразные формы эксплуатации бедноты богатыми оленеводами.

Попытаемся дать более подробную характеристику пережитков родового строя и их влияния при проведении коллективизации. Начнем с родовой территории. Почти все рыболовные угодья считались собственностью родов ненцев. Ненцы сдавали рыбоугодья в аренду рыбопромышленникам, хотя в ряде случаев арендная плата была настолько низкой, что она фактически прикрывала захват рыбоугодий промышленниками юридически, потому что угодья оставались собственностью рода. Так, например, в 1914 году Неречинский песок, принадлежавший роду Вануйто, арендовал рыбопромышленник Терентьев за двадцать рублей в год, а за Горно-Хоманельский песок, принадлежавший роду Окатэтта, рыбопромышленник Чирков платил тридцать рублей в год. Некоторые наиболее уловистые угодья сдавались за значительную арендную плату.

Так, например, род Харатетто за пески Зырянский, Панаевск и Комарье получал до двух тысяч рублей в год. Часть рыбоугодий принадлежали отдельным семьям, и они являлись их вотчинами.

Многие угодья принадлежали группе сородичей, и сдачей их в аренду ведал старшина рода.

Охотничьи угодья, а также в значительной мере и пастбищные, также являлись родовой собственностью.

К 1935 году ненцы уже знали, что земля государственная, и когда их спрашивали, чья это земля, они отвечали: «Земля ничья, земля всех людей».

При изучении оказалось, что и в 1935 году, особенно на Северном Ямале, сохранилась родовая территория.

Научный сотрудник Ямальской культбазы Н.К. Каргар в 1936 году составил карту слопцов, расположенных на территории Северного Ямала.

Известно, что слопец (ловушка на песца) является, пожалуй, единственным «оседлым» орудием кочевого ненецкого хозяйства. Расположение слопцов показало, что каждый род ставит слопцы только на своей территории, причем изучение этого вопроса установило следующее размещение родов на Северном Ямале в 1936 году:

1. Район от Юрибиче до Ясовей-Яха с юга на север и от побережья Обской губы до среднего течения рек Се-Яха и Ясовей-Яха и до вершины реки Юрибиче с востока на запад занимает род Вануйто;

2. Район между Ясовей-Яха и Поруй-Яха с юга на север и между Обской губой и вершинами рек: Сяторма-Яха, Сэр-Яха и Поруй-Яха и среднем течении Ясовей-Яха с востока на запад занимет род Сэрпива;

3. Род Яунгад использует угодья в границах от Поруй-Яха на среднее течение Вэнуй-Ецо-Яха и далее к нижнему течению Сасэто-Яха

и далее к нижнему нечению Сасэто-Яха с одной стороны и побережье Обской губы с другой;

4. Участок, граница которого идет от устья Недерме-Яха на среднее течение Тамбей-Яха, затем к верхнему течению Хабей-Яха, по последней вниз до устья и побережьем Обской губы к устью Недерме-Яха — осваивает род Тусяде;

5. Граница родовых владений рода Вэнге идет от среднего течения реки Тамбей на вершину Яхады-Яхе, по последней до устья, далее побережьем пролива Малыгина и Обской губы до Хабей-Яхе. По Хабей-Яхе до ее верхнего течения и, наконец, к среднему течению Тамбея;

6. Значительную территорию занимает на Северном Урале род Окатэтта. Граница его владения от среднего течения Вануйеус-Яхе поднимается по ней до вершины, затем, водораздельным хребтом идет, касаясь вершины Тамбея, к вершине Посяде-Яха, спускается до Пяседей-Яхе до устья. Берегом Карского моря и пролива Малыгина идет до устья Яхады-Яхе, до последней поднимается до вершины. От вершины Яхада-Яхе граница идет к среденму течению Тамбея, оттуда к устью Недерме-Яха, к устью Сабета-Яха. По Сабета-Яха поднимается километров на тридцать и оттуда идет на среднее течение Вэнуй-Зуб-Яхе;

7. Западную часть Северного Ямала от Хоя до Карского побережья и от Се-Яха (западная) до Пясядей-Яха занимает род Яптик.

Сравнивая распределение территории Северного Ямала между родами в 1935 году с данными Б.М. Житкова, собранными им в 1908 году, мы видим, что за 27 лет особых изменений в распределении территории Северного Ямала между родами не произошло.

По данным Житкова эта территория распределялась так:

Побережье Байдарацкой губы от устья Ензер-Яха до устья Юрибея осваивал род Лемдо, Ходя и Сэротэтта;

Среднюю часть полуострова от верховьев Хадыты и Яхады-Яхе до Юрибея занимал род Вануйто; район Мыса Каменного — род Сусой; Обское побережье от Мыса Каменного до Себи-Яхе — род Езынги; побережье Обской губы от Сось-Яха до Се-Яха (восточная) — Вануйто; побережье Байдарацкой губы и Карского моря от устья Юрибея до Маара-Сале и средне течение реки Ясовей-ЯХа (приток Юрибея) — род Сэротэтто и другие; вержнее течение Ясовэй-Яха совмещалось с родом Ходи; верхнее течение Море-Ды-Лембо, среднее и верхнее течение Се-Яха (западной) — родом Хороля; побережье Карского моря от Мааре-Сале до устья Се-Яха и нижнее течение Яе-Яхи — родом Окатэтто.

На Северном Ямале — район Яптик-Яха и Хабей-Яха осваивал род Вэнхе; в северо-западном углу между Яхады-Яха и Пегхюята-Яха — род Ямал; район между реками Тмосей-Яха и Ненаута-Яха — род Гусяда; среднее и нижнее течение реки Вэнуй-Еце-Яха — род Яунгад; среднюю часть полуострова от Ней-то до вершины реки Тамосей-Яха — рода Окатэтто и Вануйто; участок между

Харасавей-Яха и Пухуце-Яха род Окатэтто и, наконец, участок между Пухуце-Яха и Пегхюяте-Яха — род Яптик.

О самом использовании угодий Б.М. Житков говорит:

«Само собой разумеется, что распределение это и места стоянок отдельных чумов не абсолютно постоянны. Случается, что в силу тех или иных причин чум вовсе переменит место летней своей стоянки, передвинувшись даже в пределы владения чужого рода. Но, в общем, самоеды, подобно владельцам рыбоугодий в дельте реки Оби и Нижне-Обским остякам считают себя вотчинниками и каждый хозяин чума укажет точно (по урочищам) границы своих пастбищ, а равно и границы владений своего рода. В пределах своих пастбищ чум мало передвигается весной и летом, только чтобы перегонять оленей на свежее ягельное место.

В черте своих владений самоед ловит рыбу в озерах, гоняет линных гусей и считает своей неотъемлемой собственностью песцовые норы, вблизи которых ставит слопцы и капканы».

Родовая территория была поделена на участки-вотчины между отдельными семьями, причем некоторые семьи, особенно богатые оленеводы, имели лучшие вотчины и постепенно захватывали земли своих сородичей, которые в силу тех или иных причин сделались безоленными.

Считалось невозможным не только ставить слопцы на чужой территории, но даже и бить зверя. В 1936 году я с ненцем из рода Окатэтто ехал на западное побережье Ямальского полуострова и, приближаясь к чумам ненцев из рода Яптик, мы натолкнулись на стадо диких оленей. У ненца была винтовка. Я ему говорю: «Стреляй в оленя!». Он ответил: «Здесь стрелять нельзя, это земля Яптиков и Яптики хозяева этих оленей, они сами их убьют». Таким образом, на факте деления территории по родам возникла и соответствующая мораль, запрещающая бить зверя на чужой территории.

То обстоятельство, что рода ненцев, в частности на Северном Ямале, занимали определенную территорию, вызвало необходимость при проведении коллективизации создавать колхозы преимущественно из людей, в прошлом принадлежащих одному роду и имеющих одну и ту же фамилию.

Встал вопрос — можно ли допускать такие колхозы. Находились товарищи, которые утверждали, что таких колхозов организовывать нельзя, и в Ямальском же районе был случай, когда заведующий районным сельскохозяйственным отделом отказался регистрировать устав простейшего производственного товарищества только на том основании, что в его состав входили ненцы исключительно Окатэтто. Практика показала, что никакой опасности в создании колхозов из представителей одного рода нет и бояться таких объединений не следовало.

На Южном Ямале первые колхозы в форме ППТ (простейшее производственное товарищество) создавались из представителей разных родов, правда, с преобладанием какого-нибудь одного рода. Например, в ППТ имени Сталина входили Вануйто, Тусяда, Яптики

и другие. Преобладал род Вануйто. А рыболовецкие бригады первые три года организовывались исключительно по принципу родства: первая и вторая бригады состояли исключительно из Вануйто, третья из Тусида и так далее.

В колхозе имени Второй пятилетки были представители шести родов с преобладанием рода Анагуричи, а бригады также первые два—три года создавались исключительно из представителей одного рода. Так было и в ряде других колхозов. Это обстоятельство вызывало неправильную систему распределения доходов. Весь заработок бригады делился поровну между всеми членами бригады и, например, в бригаде Луки Анагуричи тринадцатилетний Семен Анагуричи получал полный пай, так же как и бригадир или пятовщик.

Потребовалась длительная напряженная работа в течение нескольких лет, чтобы с этими паями, или как их называют ненцы «югенами», покончить и проводить оплату труда в колхозах в соответствии с количеством и качеством затраченного труда...

Известно, что при родовом строе более старые и опытные ненцы являлись вожаками, руководителями. И многие годы, уже при Советской власти нам приходилось сталкиваться с желанием ненцев выдвигать на посты председателей сельсоветов, колхозов, а также бригадирами стариков. Первые годы с этим приходилось мириться, хотя, в общем, это и приносило известный вред. Старики являлись наиболее консервативными, с опаской относились ко всяким нововведениям. И только за последние годы удалось изжить эту практику подбора руководящих работников в колхозах и общественных организациях по принципу возрастного старшинства.

Перед проведением коллективизации пришлось столкнуться с наличием неуставных бытующих производственных объединений у ненцев. Многие безоленные ненцы собирались в артели, каждый приносил часть невода, и эта артель вылавливала рыбу, сдавала ее до революции рыбопромышленникам, а после революции — рыбозаводам, полученные деньги делили по паям-«югенам». Осенью расходились, каждый забирал свою часть невода, а весной вновь сходились и продолжали коллективный труд. Для примера укажем на артель Тимофея Яра. Эта артель из семи человек работала с 1910 года почти в одном и том же составе. Каждый член артели имел 70—80 метров невода. Тимофей Яр, бессменный башлык (руководитель) этой артели, так же как и все остальные, вносил своей пай невода и получал такой же юген, то есть пай, как и все остальные члены его артели. Единственное преимущество башлыка состояло в том, что он не сидел в гребях, а сидел на корме неводника и управлял лодкой. Ясно, что подобное неуставное производственное объединение не только не мешало переводу ненецких хозяйств на социалистический путь, а наоборот — содействовало ему, так как во многих случаях достаточно было соединить 2—3 таких объединения, и они охотно переходили на устав простейшего производственного товарищества.

Сохранились и такие пережитки родового строя у ненцев, как половозрастное разделение труда. Изучение этого вопроса на Ямальском полуострове показало, что все работы, связанные с ловом рыбы, охотой и изготовлением средств производства, являются мужским занятием, и, наоборот, все связанное с так называемым домашним хозяйством — женское занятие. Так, например, вязать сети — легкая работа — выполнялась исключительно мужчинами, и женщины к этому делу не допускались. Заготовке топлива в условиях тундры — очень тяжелая работа — считалась обязанностью женщин. Этот порядок настолько развит, что даже наиболее передовых ненцев удавалось с огромным трудом убеждать в необходимости его нарушения. Председатель Ямальского райисполкома был довольно развитый ненец Роганев. Он сам никогда дрова не колол, колола жена, а когда я ему указал на несправедливость такого отношения к жене, он ответил: «Это бабья работа и, если я ею буду заниматься, меня ненцы засмеют».

Пережитки половозрастного разделения труда нашли свое выражение в ряде табу — запретов, для женщин выполнять тут или иную работу или прикасаться к некоторым предметам мужских занятий. Так, например, женщина не должна перешагивать через хорей (палка, которой погоняют оленей), она также не может перешагнуть через тынзян (аркан, которым ловят оленей). Женщине-хозяйке запрещено чистить налима и так далее. Все это оказалось очень серьезным препятствием по пути вовлечения женщин в колхозное производство, потребовались десятки лет, чтобы преодолеть эти пережитки половозрастного разделения труда, широко вовлечь женщин в рыболовецкий промысел, в оленеводство, и отчасти в охоту.

Практика колхозного строительства в Ямало-Ненецком национальном округе показала, что многие пережитки родовых отношений не только не тормозят, а наоборот облегчают переход к социалистическим формам хозяйства, что пережитки родового строя, отрицательно влияющие на укрепление колхозов (табу для женщин, большой авторитет стариков и так далее), при правильном проведении национальной политики сравнительно легко преодолимы.

Анализируя пережитки родовых отношений, следует иметь в виду, что принадлежность к роду в советский период и даже многие десятилетия, предшествовавшие ему, нельзя рассматривать как равенство родичей. Наоборот, разложение родового строя зашло уже далеко и привело к значительной классовой дифференциации внутри родов.

Если при родовом строе каждый, в соответствии с полом и возрастом участвовал в общем труде, то с разложением родовых отношений появляются люди, о которых ненцы говорят: «В чуме сидят, мясо едят, по гостям ездят, несколько жен имеют и оленей сами не пасут».

Энгельс, говоря о разложении первобытнообщинного строя, указывал: «Самые низменные интересы — пошлая жадность, грубая страсть к наслаждениям, грязная алчность, эгоистический грабеж

общего достояния — являются восприемниками нового цивилизованного классового общества; самые гнусные средства — воровство, насилие, обман, измена — подкапывают старый бесклассовый родовой строй и приводят его к падению». (Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. — 1938. — С. 129).

Подобная характеристика вполне применима к обогатившейся верхушке ненецкого народа. Не только из ненецких преданий, но и из жизни последних десятилетий XIX века известны факты убийства родичей с целью захвата их имущества и особенно оленей. Известно также как нагло грабили сборщики ясака своих сородичей, беря значительно больше количества пушнины, чем это полагалось.

К периоду установления Советской власти большинство ненцев были бедняками или совсем безоленными (олень был основой богатства и благополучия в тундре). По отчету Ямальского окрисполкома за 1931—1934 года население распределялось по социальным группам:

Бедняки 68%
Середняки.....26%
Богатые 6%

В наиболее характерном тундровом районе — Ямальском — в 1932 году было 10% кулацких хозяйств. Основанием к отнесению хозяйств к типу кулацких служило не только наличие большого количества оленей, но и признаки эксплуатации — использования чужого труда, сдача оленей в аренду и так далее.

Для характеристики кулацкого тундрового хозяйства можно привести хозяйство Окатэтто Высида (данные относятся к 1934 году). Он имел следующее имущество:

Оленей..... 807 голов
Нарт ..... 25 штук
Сбруи..... 25 комплектов
Чумов ..... 1 штука
Топоров ..... 3 штуки
Пил..... 1 штука
Песцовых шкур.... 0 штук
Гусей и малиц ..... 5 штук
Шкур разных..... 23 штуки

Стоимость имущества по ценам 1934 года определялась в 17 650 рублей.

По наличию оленей и имущества это хозяйство могло быть отнесено и к середняцким хозяйствам, но основанием к отнесению его к типу кулацких послужило следующее:

1. У Окотэтто жили и работали безоленные Окотэтта Высоконя и Окотэтта Найдена. Они выполняли все работы, выпасали оленей, добывали песцов и ничего за это не получали. На вопрос, почему он ничего не платит, хозяин ответил: «Ничего не плачу потому, что кормлю всем своим».

2. Он занимался скупом пушнины у малооленных ненцев ниже цен, оплачиваемых факториями, и сдавал ее от своего имени, получал значительные барыши. В 1934 году он скупил и перепродал 82 песца.

Надо заметить, что проживание в чуме богатых ненцев и бесплатная работа на хозяина безоленных ненцев были широко распространены и являлись одной из основных форм эксплуатации бедноты, причем такими бесплатными работниками были не только представители своего рода, но и люди из других

родов. Если у Окотэтто Высида бесплатно работали Окотэтто же, то у кулака Вануйто Паними на таких же условиях работали Яптик Сэротэтто, Окотэтто, Хэсово и Неричи Тетюню.

Примером распространения этой формы эксплуатации может служить тот факт, что за один 1934 год в народный суд Ямальского района обратились 22 ненца с исками к своим хозяевам за работу. Просмотр этих дел показывает, что большинство работавших у богатых оленеводов ничего не получали за свой труд, кроме питания и одежды. Немногие получали некоторую оплату натурой. О размерах этой оплаты можно судить по следующим примерам: Того Балак за 2,5 года работы получил с Ядне Кама: 1 малицу, 1 гуся, 1 ягушку.

Срок носки этой меховой одежды равен 2—3 годам, то есть фактически Того работал бесплатно.

Сэротэтто Лотей, работая у Окотэтто Пончи около трех лет, получил: 1 гуся, 1 малицу, 1 тушу мяса, 1 оленя. Лотей жалуется, что Пончи «кормил его отдельно самым плохим, бил и один раз сильно ударил по голове сучковатой палкой».

Все это показывает, что в тундре, несмотря на остатки значительных пережитков родового строя, не было равенства между родичами, и к моменту установления Советской власти на севере произошла большая дифференциация населения тундры.

Сравнительно подробно я остановился на характеристике эксплуатации богатыми оленеводами тундровой бедноты по двум причинам:

1. В литературе о ненцах часто говорят о батраках в тундре без всяких оговорок, отождествляя тундровых батраков с деревенскими батраками Центральной России. Я, много лет работая в Союзе Работземлеса, объединяющем батраков, обследовал состояние найма во многих губерниях и не знаю ни одного случая, чтобы батрак не оговаривал срока работы, определенной оплаты и условий труда.

Изучая этот вопрос на Ямальском полуострове, я не нашел ни одного случая найма в полном смысле этого слова, то есть установления срока работы и определенной оплаты.

Ненец, лишившийся оленей, в силу эпидемии или других причин, идет к богатому оленеводу и начинает работать у него, ничего не требуя, не оговаривая и полностью полагаясь на добрую волю хозяина. Переход к другому хозяину в условиях тундры очень затруднен огромными расстояниями между чумами. Это усиливает зависимость бедноты от богатых оленеводов и содействует кабальному положению безоленных.

2. Многие исследователи пережитков родового строя у ненцев (и даже такие как Евладов и Каргар) не подчеркивают этой дифференциации тундрового населения, наличия в тундре зверских форм эксплуатации, чем создают впечатление благополучия и родового мира среди ненцев.

Наличие дифференциации тундрового населения и перечисленных форм эксплуатации создают кажущееся противоречие между утверждениями о наличии родовых отношений, но такое противоречие действительно существует и оно только подчеркивает степень разложения родовых отношений в тундре.

К тому же нельзя забывать, что сами пережитки родовых отношений создают своеобразные формы эксплуатации.

Взять хотя бы (*неразборчиво. — Прим. авт.-сост.*). Его сущность в следующем: богатый оленевод отдает малооленному ненцу необученных быков на 5—6 месяцев. Обучив быков и проработав на них немного, бедняк возвращал владельцу обученных оленей, а если он их задерживал на длительное время, платил за них арендную плату пушниной.

Эта форма эксплуатации является пережитком родовых отношений потому, что при родовом строе помощь друг другу в любой беде была широко развита, а теперь, выручая из тяжелого положения малооленного, богатый оленевод на этом стал наживаться.

Также широко была развита эксплуатация малооленных при помощи так называемой «пармы» (объединения по совместному выпасу оленей).

Известно, что в оленеводстве бывают периоды, когда более легко и выгодно выпасать большое стадо оленей. Поэтому несколько оленеводов объединяли свои стада, например, в комариный период, и вместе их выпасали. В этих объединениях сохранился от родового строя интересный порядок выпаса оленей. Каждый вступивший в такое объединение выпас оленей производит по очереди, вне зависимости от того, у кого сколько оленей. Поэтому, например, такое объединение, которое мне пришлось встретить в Ямальской тундре в 1936 году, — Алексея Вануйто, Луки Анагуричи и Семена Анагуричи, которые имели каждый по 200—250 голов и по очереди в одном стаде выпасали их, является хорошей формой кооперации. Оно облегчало жизнь ненцев и давало им возможность освобождаться на время от выпаса оленей, заниматься выловом рыбы и так далее. Но бывали другого порядка аналогичные объединения, когда кулак-ненец, имеющий две—три тысячи оленей, принимал к себе в парму ненцев, имеющих по 50—60 голов оленей. Установившейся порядок выпаса оленей по очереди в данном случае приводил к тому, что богатый оленевод получал бесплатную рабочую силу и таким образом парма, являющаяся пережитком родового строя, использовалась богатыми оленеводами как форма эксплуатации бедноты. Для примера, можно указать на крупного северо-ямальского оленевода, Седы Окатэтто, который, имея в 1935 году более 1 500 голов оленей, имел сменщиков из малооленных ненцев — Окатэтто Манки и Вануйто Теттой с семьями, которые и выпасали оленей Окатэтто, ничего за это не получая. Венго Солю, имея более тысячи оленей, имел постоянно в «Парме» Тусиду, Тенко и Венге Ене, имеющих по 150 оленей. Используя «Парму», богатые оленеводы получали бесплатную рабочую силу.

Перечисленные примеры и факты показывают большое классовое различие ненцев к периоду проведения коллективизации, что не могло не вызвать ожесточенного сопротивления кулацко-шаманских элементов и обострения классовой борьбы в тундре.

Это значит, что обстановка для проведения коллективизации и дру-

гих социально-культурных мероприятий складывалась своеобразно: сохранились существенные пережитки родовых отношений в тундре, в то же время далеко зашла и дифференциация ненецкого населения.

Пути перехода от патриархальных форм хозяйства к социализму

Известно, что вопрос о переходе от патриархальных форм хозяйства к высшим формам исторического развития по-разному решается буржуазной и марксистской науками.

Буржуазная теория деколонизации проповедует необходимость предоставить отсталым народам возможность естественным путем пройти все стадии исторического развития. На деле это означает отказ от революционной борьбы в колониях и защита интересов империалистов.

Марксистская же наука исходит из того, что отсталые народы и страны могут перейти от патриархальных форм хозяйства к высшей форме исторического развития — социалистической форме, минуя отсталые формации.

Еще Энгельс в своей работе «Социальные отношения в России» (К. Маркс, Ф. Энгельс. Собрание сочинений. Т. 16. — С. 393, 394) указывал на возможность такого перехода.

Особенно подробно разработан вопрос о переходе от патриархальных форм хозяйства к социалистическим И.В. Сталиным. Приведем некоторые сталинские положения:

«Дело в том, что целый ряд главным образом тюркских народностей — их около 30 миллионов — не прошли, не успели пройти периода промышленного капитализма, не имеют поэтому или почти не имеют промышленного пролетариата, ввиду чего им приходится из первобытных форм хо-

зяйства перейти в стадию советского хозяйства, минуя промышленный капитализм. Для того чтобы эту тяжелую, но отнюдь не невозможную операцию произвести, необходимо учесть все особенности экономического состояния, даже исторического прошлого, быта и культуры этих народностей. Пересаживать на территорию этих народностей те мероприятия, которые имели силу и значение здесь, в центре России, немыслимо и опасно. Ясно, что при проведении хозяйственной политики РСФСР обязательно нужно принять во внимание все те особенности экономического состояния, классовой структуры, исторического прошлого, которые мы застали на окраинах...» (И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. — С. 77)

Товарищ Сталин много раз подчеркивал, что «... без приспособления к местным условиям, без тщательного учета всех и всяких особенностей каждой страны нельзя построить чего-либо серьезного». (Там же. С. 160).

В статье «К постановке национального вопроса» (1921 год) товарищ Сталин, критикуя деятелей II-го Интернационала за их ограниченность, провозглашение только правового равенства национальностей, подчеркивает необходимость уничтожения фактического неравенства и оказания отсталым национальностям действительной и длительной помощи в их экономическом и культурном развитии:

«...необходимо, чтобы победивший пролетариат передовых наций пришел на помощь, на действительную и длительную помощь трудящимся массам отсталых национальностей в деле их культурного и хозяйственного развития, чтобы он помог им подняться на высшую ступень развития, догнать ушедшие вперед национальности. Без такой помощи невозможно наладить то мирное сожительство и братское сотрудничество трудящихся различных наций и народностей в едином мирном хозяйстве, которые так необходимы для окончательного торжества социализма.

Но из этого следует, что нельзя ограничиваться одним лишь «национальным равноправием», что необходимо от «национального равноправия» перейти к мерам фактического уравнения национальностей, к выработке и проведению в жизнь практических мероприятий по:

1. Изучению хозяйственного состояния, быта, культуры отсталых наций и народностей;

2. Развитию их культуры;

3. Политическому их просвещению;

4. Постепенному и безболезненному их приобщению к высшим формам хозяйства;

5. Налаживанию хозяйственного сотрудничества между трудящимися отсталых и передовых национальностей.

Таковы четыре основных момента, характеризующие новую постановку национального вопроса, данную коммунистами».

В 1932 году на XII съезде Партии товарищ Сталин, вновь ставя вопрос о равенстве правовом и равенстве фактическом, говорил:

«Равенство правовое мы провозгласили и проводим его, но от правового равенства, имеющего само собой величайшее значение в исто-

рии развитии советских республик, все-таки далеко до равенства фактического. Все отсталые национальности и все племена формально имеют столько же прав, сколько и все другие, ушедшие вперед национальности в составе нашей федерации. Но беда в том, что некоторые национальности не имеют своих пролетариев, промышленного развития не прошли, даже не начинали, в культурном отношении страшно отстали и совершенно не в силах использовать те права, которые им предоставлены революцией. Это, товарищи, более важный вопрос, чем вопрос о школах. Тут некоторые из наших товарищей думают, что, выпятив на первый план вопрос о школах и языке, этим самым можно разрубить узел. Наверно, товарищи, на школах тут далеко не уедешь, они, эти самые школы, развиваются, язык тоже развивается, но неравенство фактически — это основа всех недовольств и всех трений. Тут школами и языком не отговоришься, тут нужна действительная, систематическая, искренняя, настоящая пролетарская помощь с нашей стороны трудящимся массам отсталых в культурном и хозяйственном отношении национальностей. Необходимо, чтобы кроме школ и языка, российский пролетариат принял все меры к тому, чтобы на окраинах, в отставших в культурном отношении республиках, — А отстали они не по своей вине, а потому, что их рассматривали раньше как источник сырья, — необходимо добиваться того, чтобы в этих республиках были устроены очаги промышленности».

«...хотя бы маленькие очажки с тем, чтобы в этих очажках были группы пролетариев местных, могущих послужить передаточным мостиком от русских пролетариев и крестьян к трудящимся массам этих республик. Вот в этой области нам придется серьезно поработать, и тут одними школами и языком не отговориться».

Эти положения товарища Сталина не нуждаются в комментариях. Они явились основным направлением при проведении мероприятий по социалистическому строительству и среди народностей Крайнего Севера».

Выполняя сталинские указания об учете экономического состояния классовой структуры и исторического прошлого окраин, Советское правительство на Крайнем Севере допустило даже отступление от общей структуры построения органов административного управления.

«Временным положением об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР» была установлена следующая структура управления в районах Крайнего Севера:

1. Родовые собрания;
2. Родовые Советы;
3. Родовые туземные съезды;
4. Районные туземные исполнительные комитеты, подчиненные райисполкомам.

В соответствии с этим на территории современного Ямальского округа было организовано пять туземных исполкомов.

В состав в Ямальского кочевого туземного исполкома входили родовые советы родов:

1. Худи;
2. Окатэтта;
3. Вануйта;
4. Езынги и так далее

Так же был ряд родовых советов, подчиненных Уральскому туземному исполкому. Именно такая структура на первых порах наиболее полно обеспечивала вовлечение ненцев в дело управления, а также гарантировала более правильное разрешение всех вопросов их жизни. Советское Правительство оказалось в этом вопросе настолько последовательным, что передало родовым советам и туземным исполкомам судебные функции с тем, чтобы при судебных разбирательствах учитывались местные обычаи и местные особенности.

Родовые Советы и туземные райисполкомы провели большую работу по преодолению родовых пережитков по борьбе с влиянием кулаков и шаманов, по повышению политической активности тундровой бедноты и по их организации на борьбу с кулаками и шаманами. В частности, при всех родовых советах были созданы группы бедноты, которые явились важным организационным мероприятием по повышению политической сознательности и активности тундровой бедноты. Родовые советы и туземные райисполкомы также многое сделали по защите бедноты от эксплуатации богатых оленеводов, в частности по решениям родовых и туземных советов многие бедняки, бесплатно работавшие у богатых оленеводов, впервые получили плату за свой труд.

Родовые советы и туземные райисполкомы существовали до 1930 года, то есть до организации Ямало-Ненецкого национального округа. С организацией округа были созданы четыре райисполкома и 11 национальных советов.

Это был перевод системы административного управления на более высокую ступень. Если родовой совет ограничивал свою деятельность делами своего рода, то национальный совет уже объединял все население своей территории и проводил социальные и культурные мероприятия среди всех родов района своей деятельности.

С учетом своеобразия тундровых условий и культурного уровня ненцев были созданы две культбазы — Ямальская и Тазовская. Культбазы Комитета севера ВЦИК были построены, когда еще местные советские органы не окрепли, когда еще требовалось изучение и практическая проверка ряда социально-культурных мероприятий, которые предстояло развертывать на севере в больших масштабах.

Для примера дадим характеристику работы Ямальской культбазы, которой мне пришлось заведывать в течение нескольких лет. Эта культбаза состояла из следующих учреждений:

1. Больница;
2. Школа-интернат;
3. Ветеринарная лечебница;
4. Зоотехнический пункт;
5. Краеведческий пункт;
6. Институт по колхозному строительству;
7. Охотовед;
8. Агроучасток с тепличным парниковым хозяйством;
9. Дом ненца (клубное помещение, столовая-чайная и специальная комната для приезжающих из тундры ненцев);

10. Два Красных чума;

11. Механическая мастерская (где проводился ремонт ружей, капканов и инвентаря ненцев);

12. Столярная мастерская (выполнявшая заказы ненцев).

Культбаза имела электростанцию, три катера и значительный жилищный фонд.

Основные работники и специалисты культбазы назначались в Москве Комитетом Севера ВЦИК, им выписывалась высокая заработная плата, и создавались хорошие бытовые и производственные условия. О размерах и объеме культбазы можно судить хотя бы потому, что она имела около 100 человек специалистов, обслуживающего персонала и рабочих; на ее содержание правительство ежегодно отпускало около 500 тысяч рублей. Все учреждения культбазы были подчинены заведующему культбазой. Они работали по единому плану, утвержденному Комитетом Севера ВЦИК.

Работники культбазы являлись пионерами каждый своего дела в тундре, и значение их работы определялось не столько непосредственными результатами по их специальности, сколько по тому воздействию, которое они оказывали на разложение сложившихся в тундре порядка, представлений и обычаев.

Взять хотя бы больницу. Это была первая больница на Ямальском полуострове. До ее организации всеми лечебными делами ненцев монопольно владели шаманы. Их лечение сводилось к тому, чтобы... выгнать из больного злых духов. Бубен и ритуальные пляски были главным лечебным средством. Значительное количество шаманов жило за счет платы оленями и песцами за свою лечебную практику.

Появление красного лекаря с «пардоном» (лекарством), естественно было встречено шаманами враждебно, и они использовали свое влияние на ненцев против больницы и медицинских работников.

Медицинским работникам приходилось, прежде всего, доказывать преимущества медицины, разоблачать шаманов и постепенно входить в доверие к населению.

Самоотверженно работали фельдшера в тундре. Врач Казанцев В.И. в 1935 году восемь месяцев беспрерывно объезжал чумы всего Ямальского полуострова, лечил больных и на многих примерах показывал преимущества медицины перед шаманами.

После сравнительно длительного времени и больших трудов удалось вытеснить шамана с лечебного поприща и добиться, чтобы заболевший ненец обращался в больницу. Сейчас уже нет ненцев, желающих обращаться к шаману, и в округе создана такая сеть медицинских учреждений, которая позволяет любому заболевшему ненцу получить квалифицированную медицинскую помощь.

Ветеринарным зоотехническим работникам пришлось также вытеснять шамана из оленеводства и добиться, чтобы ненцы при заболевании оленей обращались к «оленьему лекарю» (как они называют ветврача).

Огромные усилия затрачены учителями на преодоление недоверия ненцев к школе. Первые годы после открытия школы удалось собрать только семь учащихся. Характер-

но, что один из наиболее часто повторенных мотивов отдать ребенка в школу было такое заявление ненцев: «Вы мне испортите ребенка, он будет жить у вас в доме, отвыкнет от чума, будет дыму бояться, как вы русские боитесь, выучится грамоте, а не научится пасти оленей, ловить песца, какой ненец из него выйдет, будет ненужный для тундры человек».

Пришлось посчитаться с этими настроениями: в интернаты завезти ружья, капканы, стали отпускать ребят на охоту, организовали вязание сетей, отвели комнаты, где бы дети могли работать топором, ножом, делать для себя игрушки и т.д.

В 1934 году учащихся интернатов направили в тундру, в центр ненецких стоянок. Учитель Станкевич С.И. устроила в чуме интернат и школу, а в свободное время ребята пасли оленей, охотились, то есть жили обычной тундровой жизнью.

Это показало ненцам, что их опасения напрасны, что у школы нет желания оторвать их детей от тундры, а ребята, возвращающиеся в чум на каникулы, рассказывали о школе и учителях много хорошего.

В результате всего этого недоверие к школе начало ослабевать, приток детей в интернат увеличился. Конечно, недоверие к школе прошло не сразу, иногда мелочи срывали налаженное дело. Был, например, такой случай: заведующий хозяйством и повар, только что поступивший на работу, не зная ненецких обычаев, накормили детей котлетами из щуки (ненцы не едят щуку и на вопрос есть ли рыба, часто отвечают: «Рыбы нет, щука есть»). На помойной яме учащиеся увидели много щучьих голов и догадались, что их накормили щукой. К несчастью у одного мальчика случился понос, он сонным оправился в постель и, застыдившись насмешек товарищей, убежал в чум. На второй же день началось паломничество возмущенных родителей: «Забираем ребят, Вы их щукой кормите, они болеют». С большим трудом удалось уговорить родителей оставить детей в школе.

Сопротивление отдаче детей в школу принимало иногда занятные формы. В 1936 году я приехал в чум. С хозяином чума мы долго говорили об охоте, об оленях, обо всех делах и новостях тундры. Он хорошо говорил по-русски и беседовал очень охотно. В чуме был мальчик лет девяти. Я спрашиваю: «Почему не отдаешь мальчика в школу». Он насупился и прекратил разговор.

На повторную попытку начать беседу, он сердито ответил: «Моя по-русски говорить не терпит».

— Как же не терпит, когда мы с тобой целый вечер по-русски разговаривали.

— Ты хорошее слово говорил, оно в ухо лезло, а теперь плохое слово говоришь, оно в ухо-то и не лезет.

Такая наивная хитрость свойственна ненцам. При ее помощи они даже пытаются обманывать злых духов. Каждый ненец и ненка имеют два имени: одно для узкого круга родных, а другое, так сказать для широкого употребления. Для семьи ненка, предположим, Савоне, а для всех остальных она Мария. Значит, если напустят на нее злого

духа, он будет искать Марию и, будучи обманутым, Савоне не тронет.

Работники культбазы, помимо работы по своей специальности, много сделали для повышения культурного уровня населения. Всем — врачу, зоотехнику, агроному — приходилось внедрять чистоту в чуме, уговаривать купить белье, платье, учить мыть посуду и так далее. Вспоминается случай с ветеринарным врачом К. М. Цебут. Она была направлена на летнее кочевье в оленеводческое стадо колхоза «Харп». Ей пришлось шесть месяцев жить в чуме с пастухами. Она иногда кипятила воду и мыла голову. Старший пастух Мекку за 60 лет своей жизни ни разу не мыл голову. Он ее спрашивает: «Зачем часто голову водой полощешь?» Она ему, шутя, ответила: «Если голову мыть горячей водой, она лучше думать будет». И предложила ему попробовать это средство повышения умственных способностей. Старик согласился, она ему вымыла голову. И голова Мекку, избавленная от шестидесятилетнего нароста грязи, почувствовал себя легче. Он довольный заявил: «Правду сказала, голова легче думает». После этого случая, как только Цебут мыла свою голову, старик подставлял свою: «Мой и мою голову, она тоже хочет лучше думать». Цебут научила невестку Мекку мыть старику голову и постепенно вся семья стала мыться.

Когда мне рассказали этот случай товарищи, приехавшие из стада, я написал Цебут и поздравил ее с тем, что ей удалось сделать хорошее дело, так как помимо своей прямой работы, каждый из нас должен смывать, очищать вековую грязь с отсталого в культурном отношении ненецкого народа.

Для иллюстрации воздействия культбазы на быт населения, позволю себе привести выдержку из моего очерка, помещенного в журнале «Советская Арктика» за 1945 год, №3, «Из чума в культурное жилище».

«На культбазу пришло 4 тысячи кубометров леса. Днем и ночью работали люди, катера, лошади, — надо было опередить зиму. На берегу росли гигантские штабеля, а в речке плавали сотни дров, ожидая своей очереди попасть на берег. Я подошел к группе ненцев, наблюдавших за выгрузкой леса.

«Шибко много леса у культбазы, зачем столько». Коротко объяснил и сказал: «Лес дешевый. Кто из ненцев пожелает строить дом, продадим леса и поможем всем необходимым».

На второй день ко мне пришли Яков Сереехо и Максим Сухарнов.

«Хотим жить в таком же чуме, как твой. Помогай строить дома!»

Обсудили все детали постройки и пришли к следующему соглашению: они строят дома за свой счет, культбаза отпускает лес, строительный материал по себестоимости, делает рамы, косяки и другие более сложные плотнические работы... Через пять дней на берегу уже было положено по нескольку венцов. Я впервые видел плотников в малицах. Надо отдать им справедливость, плотничали они неплохо.

Приближался праздник Великой пролетарской революции. Мы с Максимом переменились ролями: раньше я ему надоедал «строй ско-

рее, к большому празднику надо переехать в дом». А теперь он ко мне ходит по несколько раз в день: «Рамы давай, большой праздник скоро, я все сделал, а рам юнгу (нет)».

Рамы сделали и пятого ноября из труб двух новеньких домов, покрытых на два ската, пошел дым, являющийся исторической вехой перехода к оседлости и культуре двух туземных семей... в домах Кова и Максима чисто, тепло, уютно... Подаренная Максиму культбазой кровать не используется, привычку спать на полу он не оставил в чуме, принес в дом. По этому поводу у меня с ним состоялся такой разговор: «Почему на кровати не спишь?». — «Не терпит моя. Падать, однако, буду». — «Не знали этого, а то не дали бы кровать, бед дела стоит». — «Зачем без дела, потом попробую, может быть, терпеть буду». — «Что же не терпеть, теплее, удобнее на кровати». Максим не нашел возражений, он просто умолк. Вековая привычка еще давит его...»

Пример этих двух колхозников нашел много подражателей, и в 1936—1937 годах при помощи культбазы было построено еще восемь домов для ненцев, перешедших на оседлый образ жизни, а также построен скотный двор, завезены коровы и лошади. Первое время колхозники боялись этих животных, приходилось подыскивать русский народ для ухода за колхозным скотом, а в 1948 году, приехав в колхоз и осматривая конюшню, я встретил Якова и Максима колхозными конюхами.

Культбазе иногда приходилось вмешиваться и в дела местных органов власти. Характерен такой случай: ненец Иван Няруй рассказал, что одного ненца неправильно отдают под суд за калым. Он говорил: «Насчет калыма русские понимают неправильно, они думают, что жених платит за женщину, за человека. Нет, за женщину, за человека он не платит. Это... ну, как бы по-русски сказать... подарок тестю за те подарки или, как вы русские называете, приданое, которое он получает от тестя. Отец невесты ничего не выгадывает, он получает — Не мир, по-вашему — калым, а отдает мядынзей, по-вашему, приданое. Часто отец невесты отдает больше, чем получает. Обычно он в барышах не остается. Я верно говорю тебе, что вы, русские, не понимаете наших порядков и человек зря пострадать может».

Мне вспомнилось, что я уже встречал такое объяснение калыма. После ухода Неруй я нашел в книге Штернберга «Семья и род у народов Северо-Восточной Азии» (изд. 1933 год. С. 140) следующее место: «Из всего этого видно, что калым, по первоначальному смыслу, вовсе не был платой за невесту, а даром, хотя и обязательным. Но это становится очевидным из того, что дар этот отнюдь не односторонен. Для отца невесты столь же обязателен, помимо приданого, послесвадебный дар жениху... считается позором не отдаривать жениха равноценным».

Эти наблюдения, сделанные Штернбергом у гиляков во второй половине XIX века, совпадали с обычаями у ненцев.

Действительно, в Народном суде предстояло разбирать дело с привлечением к ответственности ненца Ока-

тэтто за то, что он взял у Вануйто калым и продал ему свою дочь.

Показаниями свидетелей и самого Окатэтто установлено, что он выдал свою дочь за Вануйто Хасово и получил за это 60 оленей. Дело казалось бесспорным. Я рассказал судье о своих разговорах с Няруй и посоветовал произвести дополнительное расследование.

Оказалось, что, получив 60 оленей калыма, Окатэтта дал дочери в приданое 40 оленей, 4 ягушки, нюги на половину чума, три нарты и так далее. Экономически он не выгадал, и привлекать его к ответственности не было смысла.

Я сравнительно много места уделил работе культбазы с той целью, чтобы показать, в какой обстановке приходилось работать в тундре и насколько разумны было мероприятия правительства по созданию культбазы, которые подготовили почву для более широкого развертывания социально-культурных мероприятий — коллективизации, строительства школ и больниц и так далее.

С укреплением органов Советской власти на Ямале, культбаза в 1938 году была ликвидирована.

Если в области политического и культурного роста населения тундры огромное значение сыграли родовые туземные советы, культбазы, то в области экономических мероприятий первые 12—15 лет со времени установления Советской власти, пожалуй, решающим фактором были фактории.

Обменная торговля до революции была главным злом, вызывающим обнищание населения, особенно южной части округа.

Естественно, что первой экономической мерой Советской власти было избавление северных народов из-под зависимости купца.

Развернулось энергичное строительство факторий, даже в далекой тундре.

Фактории возникли на мысе Дровяном, в Гыдояме, в Антипаюте и так далее. Их ненцы любовно назвали «мурлавки», то есть народные лавки.

Несмотря на многие ошибки и недостатки в организации торговли в первые годы (допуск многих организаций для торговли и заготовок пушнины... (*неразборчиво. — Прим. авт.-сост.*) между ними, засоренность торгового аппарата бывшими купцами, часто работавшими подолгу и так далее). Вытеснение купцов с севера резко улучшило положение ненцев и ханты. За пушнину они стали получать в пять раз больше, а за товары платить значительно дешевле.

Это сказалось на быте населения. В чумах появились железные печи, лампы. Многие ненцы стали покупать рубахи, платье, белье.

Строительство факторий внесло изменения в пути кочевной жизни, позволило промышлять новые районы, богатые песцом. Так, например, с постройкой факторий в Тамбее и на мысе Дровяном ненцы не стали на зиму уходить с Северного Ямала на Южный. Это позволило резко поднять добычу песца на Северном Ямале.

Строительство факторий в Гыдояме дало возможность ненцам заниматься рыболовецким и зверобойным промыслом.

Фактории стали центром притяжения населения тундры. Многие

безоленные стали оседать на факториях, занимаясь пушным и рыболовецким промыслом и выполняя различные работы в факторийном хозяйстве.

Фактории стали центром и политической работы. Там стали проводиться революционные праздники, собрания, слеты охотников и т.д. Чайные факторий превратились в своеобразные клубы, где проводились беседы, читки. Поездка на факторию — праздник для кочевника и, выезжая сдавать пушнину, он обычно брал с собой жену и детей.

Постепенно фактории стали превращаться в большие культурные поселки, там строились большие больницы, метеостанции и так далее.

О советской торговле в округе далее расскажем подробнее. Сейчас важно подчеркнуть, что вне зависимости от организационных форм и системы торгующих организаций, торговля, особенно первые 10–15 лет после революции, имела огромное значение в экономической жизни и культурном развитии населения.

Партийные и советские органы приспосабливали свою деятельность к кочевым условиям жизни населения. Были созданы кочевые национальные советы, различные фактории, красные чумы.

Красный чум — это комплексное кочевое учреждение, он в своем составе имеет: заведующего, медицинского работника, зоотехника или ветеринарного специалиста. Кочуя в центре оленеводства, красный чум проводит массовую работу, оказывает медицинскую, ветеринарную и зоотехническую помощь, разбирает и разрешает возникающие споры.

Красный чум пользовался и пользуется огромным влиянием среди населения тундры. Ненцы идут в Красный чум с различными вопросами, а особо уважаемым работникам Красных чумов приходится даже разбирать домашние споры и мирить мужа с женой.

Особенно большая организационная работа была проведена Красными чумами по организации бедноты, по отрыву ее от кулацко-шаманских элементов, по коллективизации. В этих мероприятиях им принадлежит первая роль.

О том, какое значение партийные органы придавали работе Красных чумов можно судить хотя бы потому, что до 1937 года заведовать Красным чумом посылали членов бюро окружкома ВКП(б), заместителей председателей райисполкома и так далее.

Красные чумы и сейчас не потеряли своего значения. 13 Красных чумов кочуют по тундрам Ямальского округа.

Забота В.И. Ленина о развитии Крайнего севера

В ноябре 1901 году Д.И. Менделеев направил министру финансов Витте записку «Об исследовании Северного полярного океана». Великий ученый писал: «Я получил полное убеждение в возможности решительной победы над полярными льдами при помощи соответствующих для того приспособлений».

Товарищ министра финансов Ковалевский сообщил Менделееву, что в высших кругах отнеслись «самым категорическим образом против» его предложений.

Сибирский промышленник М.К. Сидоров, неоднократно обращался к царскому правительству с предложениями о создании промыслов на Севере и изыскании морского пути к устью Оби и Енисея. «Я, — пишет Сидоров, — не встречал ни в ком сочувствия, на меня смотрели как на фантазера».

В таком же положении оказались и многие другие передовые люди, добивавшиеся экономического развития северных окраин и изыскания Северного морского пути. Царское правительство пресекало всякие попытки освоения Крайнего Севера.

Развитие промышленности на Севере, открытие кратчайших водных путей из Сибири в Россию вызвало бы поток на внутренние рынки и за границу дешевого сибирского леса, хлеба, рыбы и так далее. Капиталисты и помещики центральной России боялись конкуренции дешевых сибирских товаров, им не выгодно было развитие экономики и средств транспорта на Севере. В сдерживании развития Севера имели значение и политические мотивы — самодержавию было легче держать в повиновении отсталые народы окраин.

После Октябрьской революции положение принципиально изменилось, в основу развития производительных сил был положен социалистический принцип. В апреле 1918 года В.И. Ленин написал «Набросок плана научно-технических работ». Он указал, что в план реорганизации промышленности должно входить «...рациональное размещение промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта».

Это означало необходимость создания промышленности и на Крайнем Севера, удаленном от промышленных центров страны и имеющем огромные сырьевые запасы.

На экономическое развитие Севера было обращено большое внимание в первые же годы Советской власти. Чтобы использовать природные богатства Севера, требовалось решить проблему транспорта. Несмотря на то, что страна находилась в неимоверно трудных условиях разрухи и гражданской войны, В.И. Ленин много внимания уделял освоению Севера, а Советской правительство щедро отпускало средства на эту цель.

В 1918 году была организована гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана. В.И. Ленин подписал постановление СНК об ассигновании миллиона рублей на проведение экспедиции. В ее рас-

поряжение было выделено 22 судна с механическими двигателями, кроме того, суда ледокольного типа — «Таймыр», «Вайгач» и «Малыгин», а также большое количество снаряжения и продовольствия.

В этом же, 1918 году началось изыскание наиболее удобных мест для строительства портов в устьях рек Оби и Енисея. В частности, проводились гидрографические работы в южной части Обской губы, в районе Нового Порта и началась подготовка к проведению Карской экспедиции.

В 1920 году из Архангельска вышла первая Карская экспедиция в составе 18 судов. О трудностях организации этой экспедиции можно судить по такому факту — уголь для судов Карской экспедиции добывали с пароходов, затопленных немцами в Белом море в 1915 году. Водолазы проделали неимоверно трудную работу, подняв с морского дна 3 500 тонн угля.

Начальник экспедиции, моряк М.И. Николаев, перед выходом в плавание издал приказ, в котором говорилось: «Советская власть, зная тяжелые условия плавания экспедиции, делает все, чтобы экипажи судов были снабжены в достаточном количестве продовольствием, одеждой и всем необходимым, и щедрой рукой отпускает экспедиции, что может из тех скудных запасов, которые имеются у нее в распоряжение, ясно сознавая, что каждый отпущенный экспедиции фунт хлеба, угля, керосина и прочего обездоливает в такой же мере трудящееся население».

19 августа 1920 года суда Карской экспедиции вошли в бухту Находка. Речники Оби на шести пароходах и 15 баржах доставили для погрузки на суда экспедиции 958,5 тонны хлеба, 1 114 тонн жиров, на 12 миллионов рублей пушнины.

Перевалка грузов с речных судов на морские проходила в крайне неблагоприятных условиях штормовой погоды. Экипажи судов — красноармейцы охранного отряда — работали без сна, отдыха и успешно закончили перегрузку. 2 октября экспедиция благополучно вернулась в Архангельск, доставила жизненно важные грузы и доложила о выполнении задания.

В.И. Ленин поручил подготовить Карскую экспедицию 1921 года со значительно большим объемом перевозок. Он лично занимался подготовкой этой экспедиции. В записке В.А. Смольянинову 11 июня 1921 года Владимир Ильич писал «...Запросите факты, проверьте их. Проверьте лично и дважды. Потом поговорите по прямому проводу... без всего этого я не поверю, что дело обеспечено».

Ленинская забота действительно обеспечила успех дела. Карская экспедиция 1921 года закончилась также удачно. В Сибирь было завезено 9 636 тонн промышленных изделий и вывезено 13 370 тонн продовольственных и экспортных товаров.

В 1922 году операции Карской экспедиции приняли еще более широкий размах. В.И. Ленин по-прежнему придавал им большой значение. В начале 1922 года в Сибирь был откомандирован Ф.Э. Дзержинский для организации и отправки грузов Северным морским путем.

Опыт Карских экспедиций подтвердил возможность широкого использования Ледовитого океана для установления постоянно действующего Северного морского пути, связывающего северные окраины Советского государства с центральной Россией.

Наряду с проведением Карских экспедиций Советское правительство развертывало большую научно-исследовательскую работу.

В 1920 году при Сибирском революционном комитете был создан Комитет Северного морского пути. Он провел большую работу по улучшению условий плавания по Оби, Енисею, по изучению Обской губы. Правительство дало высокую оценку работы Севморпути. 11 сентября 1923 года в Обской губе — в Новом Порту — состоялось торжественное поднятие Красного знамени, врученного ВЦИКом с надписью: «Знанию, энергии и самоотверженному труду горстки работников Комитета Северного морского пути, рабочих, служащих и экипажа экспедиции, пролагателям новых путей будущего Сибири».

10 марта 1921 года Владимир Ильич подписал декрет СНК о создании Плавучего Морского научного института с задачами всестороннего исследования северных морей, их островов, побережий, имеющих важное государственное значение.

6 апреля 1921 В.И. Ленин подписал постановление СНК об организации Ямальской экспедиции. В постановлении указывалось, что создание Ямальской экспедиции вызывается необходимостью «создания великого северного пути из Сибири в Европу и наши северные порты для экспорта леса, хлеба, рыбы, мяса, пушнины, жировых продуктов, богатств недр и поверхности земли».

Внимание Советского правительства и лично В.И. Ленина к Крайнему Северу не ограничивалось вопросами транспорта. В.И. Ленин придавал большое значение развитию всех отраслей хозяйства. Это подтверждается хотя бы тем, что 4 марта 1920 года по его указанию была создана Северная научно-промысловая экспедиция ВСНХ.

Председателем ученого совета экспедиции был президент Академии Наук А.П. Карпинский, его заместителем А.Е. Ферсман. Членами совета: А.М. Горький, профессора — Ю.М. Шокальский, К.М. Дерюгин, Л.С. Берг и другие. Эта экспедиция провела значительную работу на территории, вошедшей в состав Ямало-Ненецкого национального округа. Этот далеко не полный перечень мероприятий, проведенных по указанию В.И. Ленина и при его личном участии по развитию производительных сил Крайнего Севера, показывающих его большую заботу о народах северных окраин.

(Красный Север. — 1957. — № 273. — 1 ноября. — С. 3-4. — Ямал. Ленин. Советская власть)

Из записных книжек Броднева

Июль 1935 г.

Мой разговор с секретарем ЦК ВКП(б) Тарасовым. Надолго приехал на Север?

Уеду отсюда по железной дороге.

Тогда благоустраивай кладбище, дороги здесь, видишь, скоро не будет.

1945–1946 г.

Работа экспедиции Михеева по изысканию трассы. Все считали это бесперспективным и не реальным. (*Неразборчиво — Прим. авт.-сост.*).

Март — апрель 1947 г.

Приезд (*фамилия неразборчива, возможно, Финьштейн. — Прим. авт.-сост.*) с (*неразборчиво. — Прим. авт.-сост.*), что строить дорогу Чум — Обская — Каменный — дело решенное. Энергичные поиски зданий, (*неразборчиво — Прим. авт.-сост.*) и т.д. для экспедиции.

Июль 1947 г.

На самолете по Полярному хребту, по трассе будущей дороги — поразил ровный, хороший рельеф.

Октябрь 1947 г.

С Зеленковым через Воркуту. От станции Чум — исходный пункт дороги к нему.

Апрель 1948 г.

Поездка с Малиновским в Обскую. Маленький домик управления, где нас принял начальник стройки 501 Никифоров. Моя лекция о Севере. Объезд колонн. Девушка с голубыми глазами, показавшаяся чистой и невинной, а оказавшаяся убийцей своей же подруги арестантки. Осмотр насыпи дороги, еще без рельс. По насыпи ехали на машине.

Июль 1948 г.

Трагедия на Харбее. Бежавшие бендеровцы вырезали в 5 чумах 41 человек, 26 детей.

13 марта 1949 года.

Поездка по трассе. На Полуе проложена дорога, разъезжаются 2 грузовые машины. За несколько дней 60 км автомобильного пути. Полуй раньше был зимой величественным, но уснувшим. Сейчас 220 автомашин работают на трассе. Мы катим на Эмке, как по доброму шоссе.

Заворот на колонну в 8 км от Сале-Харда. Большой поселок: 2 барака для арестованных, помещение для охраны, пекарня, помещение и домики для администрации. В домике прораба (*неразборчиво. — Прим. авт.-сост.*). Спрашиваем: Сколько дней, как приехали сюда?» — «8 дней назад». — «И столько успели!» — «Успели. Работаем по 12 ч. Недоделок много, где щели в потолке, где еще времянка лесенка».

«Мобильность у нас армейская», — говорит зам. нач. политотдела т. (*фамилия неразборчива. — Прим. авт.-сост.*). Это правильно.

В половине февраля приезжал Чернышев — зам. министра и тогда говорил о плане.

Декабрь 1949 г.

Поездка на открытие дороги. Моя речь. Волнения. «Трудно передать значение дороги в жизни округа». Рядом с оленьей упряжкой по тундре бежит поезд. Он сильнее, мощнее, но они не враги, а друзья по общему делу. Рассказ ненца

о паровозе: «большая машина, а дышит, у нее, наверное, сердце есть, сама бежит, сама кричит». Напомнил ямальских ненцев, которые дорогу представляли гладким местом и постланным железными листами (раз она железная).

1 апреля

С т. Барабановым В.А. решить вопросы:

1) о плане ж.д. объектов, с учетом интересов развития города, а не оторванно от города (не узко по-железнодорожному)

2) о планировке поселков: управление строительства, ж.д. поселка, поселка переправы и т.д.

3) о городских дорогах и мосте через р. Шайтанку с учетом работы автотранспорта.

4) о мощности электростанции, водопровода, канализации, с учетом нужд города.

5) о строительстве школы.

6) о строительстве соц. культ. учр. За деньги советов: на 2 млн. руб. в 1949 г. и на 2 млн. в 1950.

7) о передачи местным советам пустующих поселков.

8) Выяснить, по каким вопросам нужны решения и распоряжения правительства.

9) о переносе зональной станции.

11 апреля

Приезд людей, не предъявивших документов.

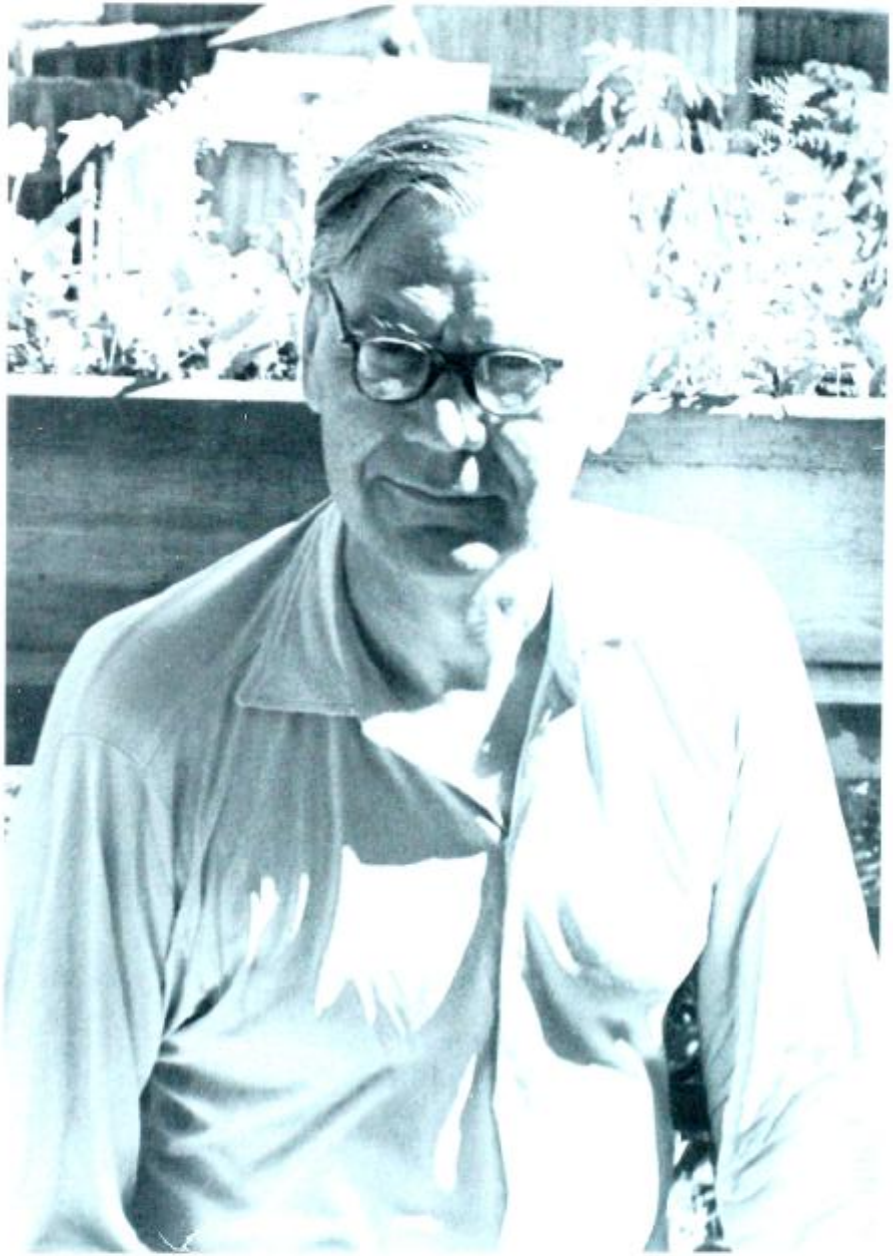
18 апреля

Совет хозяйственного актива 501 стройки.

Октябрь 1949

Поездка по трассе около Полуя. Живописная дорога 64 млн. Благо устроили красивый поселок.

С.И. Станкевич



М.М. Бродиев на сельхоз-странице

Рыбтрест, г. Якутск. В центре первого ряда управляющий М.М. Броднев

Группа работников 42-й геологической партии в пос. Озерный, Якутия.
Замполит М.М. Броднев второй справа в первом ряду. 1954 г.

Работники 42-й геологической партии в пос. Дымок, Якутия. М.М. Бродиев второй слева. 1954 г.

Работники рыбтреста. г. Якутск. М.М. Бродиев в верхнем ряду второй слева. 1951 г.

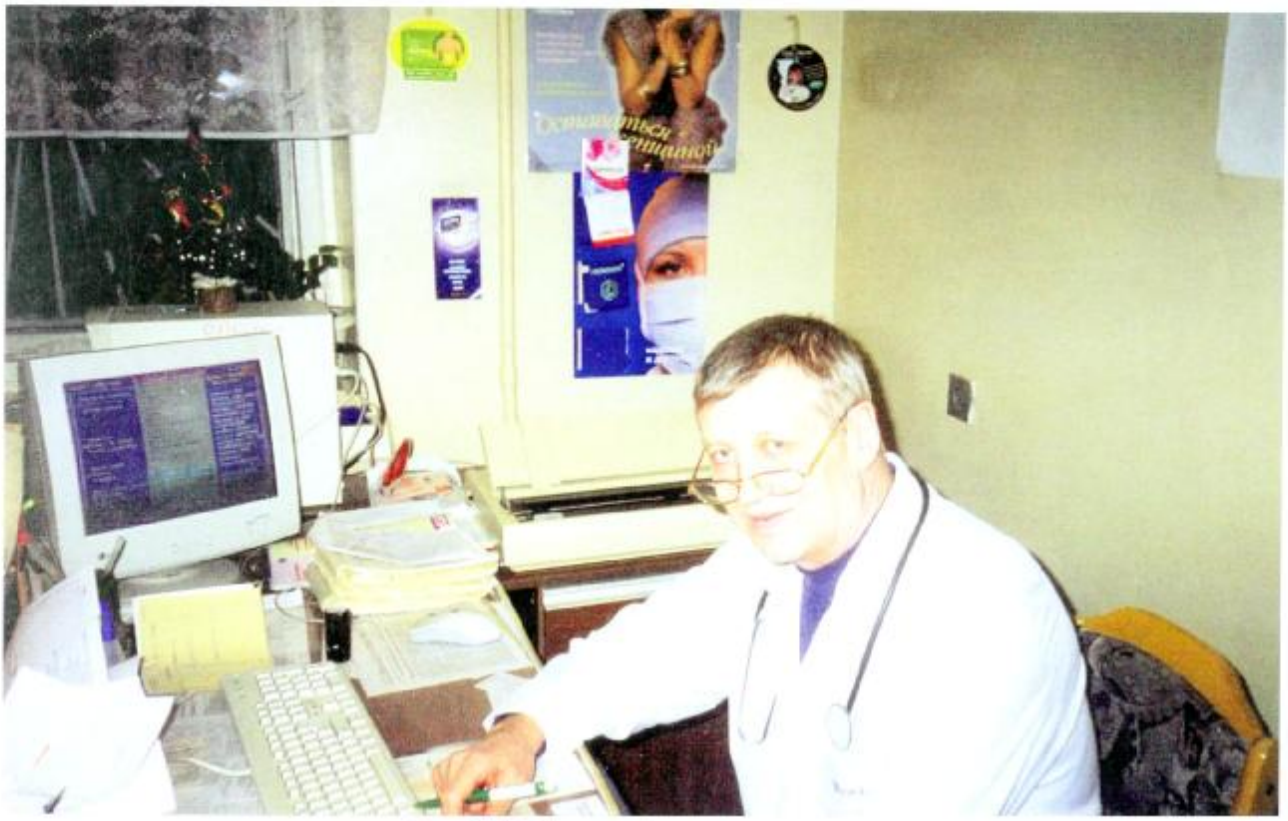
Работники Салехардской опытной станции Демщенко и Броднев (справа)

М.М. Броднев слева. 1953 г.

На рыбалке с друзьями. М.М. Бродиев справа

М.М. Бродиев на рыбалке

Праздник на Салехардском стадионе. М.М. Бродиев справа



Внук М.М. Бродиева Сергей, врач-терапевт

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА, ПОД РУКОВОДСТВОМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ-ВПЕРЕД, К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА!
ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА, ПОД РУКОВОДСТВОМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ-ВПЕРЕД, К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА!
ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

РОССИЙСКАЯ СОВЕТСКАЯ
ФЕДЕРАТИВНАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
РЕСПУБЛИКА

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР

от 8 декабря 1960 г.

Тов. *БРОДНЕВ*

Михаил Митрофанович

В связи с 30-летием со дня образования Ямало-Ненецкого национального округа и за активное участие в хозяйственном и культурном строительстве округа

награжден Почетной Грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР

Секретарь Президиума Верховного Совета РСФСР

25 Зак_6977

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
НАГРАЖДАЕТ
ПОЧЕТНЫМ ЗВАНИЕМ УДАРНИКА
АКТИВНО ПРОЯВИВШЕГО СЕБЯ В БОРЬБЕ ЗА СТРОИТЕЛЬСТВО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В БОРЬБЕ ЗА СОЗНАТЕЛЬНУЮ ДИСЦИПЛИНУ И КАЧЕСТВО УЧЕБЫ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Почетная ГРАМОТА

Товарищу АЛЕХАНОВУ ВАЛЕНТИНУ МАТВЕЕВИЧУ,

директору совхоза "Россия", за успешное выполнение

социалистических обязательств в девятой пятилетке.

Секретарь Ямальского райкома КПСС Н.Тишин

Председатель райисполкома Л.Попов

2 апреля 1976 года с. Яр-Сале

Почетная грамота Алеханова В.М.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Почетная Грамота

НАГРАЖДАЕТСЯ

тов. БРОДНЕВА ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА-

директора Панаевской восьмилетней школы

в честь 40-летия Ямало-Ненецкого национального округа за долголетнюю и добросовестную работу.

Секретарь Ямало-Ненецкого окружкома КПСС В. ЮРИН

Председатель исполкома окружного Совета депутатов трудящихся В. ЮМАТОВ

"10" декабря 1970 г.

Почетная грамота Бродневой Т.М.

М.М. Бродиев с женой Стасей и общим любимцем Пуро

Слева направо: Клавдия Евгеньевна, Михаил Митрофанович и Станислава Ивановна Бродиевы

Министерство просвещения РСФСР

и

Республиканский комитет профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений РСФСР

награждают

ПОЧЕТНОЙ ГРАМОТОЙ

тов. АЛИХАНОВА Валентина Матвеевича –

директора совхоза "Россия" Ямало-Ненецкого национального округа Тюменской области – за активное участие и достигнутые успехи в социалистическом соревновании по подготовке школ к новому 1970-71 учебному году.

Министр просвещения РСФСР

Председатель Республиканского комитета профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений РСФСР

№ 117091

г. Москва, 24 декабря 1970 г.

Грамота Министерства просвещения РСФСР, врученная Алеханову В.М. за участие в подготовеке Панаевской школы к новому учебному году

ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПОД РУКОВОДСТВОМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ —
ВПЕРЕД, К ПОБЕДЕ КОММУНИЗМА!

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Тов. Броднев
Михаил Митрофанович

Салехардский городской комитет Коммунистической партии Советского Союза и исполнительный комитет городского Совета депутатов трудящихся награждают Вас Почетной грамотой за безупречную работу и достигнутые успехи в социалистическом соревновании в честь 42-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Секретарь
городского комитета
Коммунистической
партии Советского Союза
В. Сашин

Председатель
исполкома городского
Совета депутатов
трудящихся
Наболенко

5 ноября 1959

РД 07225 г. Салехард. тип. Гос. облуправл. культ. зак. № 1519, тир. 150

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

Тов. БРОДНЕВУ
МИХАИЛУ МИТРОФАНОВИЧУ

за активное участие в рабселькоровском движении и в связи с Днем печати.

Секретарь
ГК КПСС
/Д.Устюжанинов/

Редактор газеты
„Красный Север"
/Л.Баженова/

5 мая 1965 года

Почетные грамоты окружкома КПСС и райкома ВЛКСМ, полученные Бродневой Т.М.

Алеханов Валентин Матвеевич, зять М.М. Бродмева

Свидетельство участника сельскохозяйственной выставки. 1967 г.

Свидетельство об участии Алеханова В.М. в Тюменской сельскохозяйственной выставке. 1969 г.

О М.М. Бродневе

Глубокие корни

Это рассказ о человеке, которому на подходе шестьдесят. Но до старости ему еще далеко. Разве только седина да морщины под живыми ясными глазами выдают, что человек этот в годах. Да и эка невидаль — седина! В двадцатом только несколько месяцев в боях с бандами на Енисее обошлись для Михаила Митрофановича дороже, чем последние десять лет жизни.

С Михаилом Митрофановичем Бродневым я познакомился не сразу. Живя много лет в Салехарде, мне часто приходилось слышать фамилию этого человека. Сказать откровенно: он казался мне олицетворением всего хорошего, нового, что рождалось в нашем округе. Представление это я сохранил и сейчас после нашей беседы.

Москва. Тридцатые годы. Страна набирает разгон в строительстве социализма. Сколько неотложных дел, забот у молодой республики на путях индустриализации и коллективизации. Дозарезу требуются люди разных специальностей. Но были и другие заботы, которые партия ставила на уровень общегосударственных, общеполитических задач. На выполнение одной из них и был направлен с группой работников Михаил Митрофанович.

— Как сейчас помню, — рассказывает Михаил Митрофанович, — вызвал меня заместитель председателя ВЦИК товарищ Смидович и говорит: «Знаете ли вы, что такое Север?» «Примерно представляю. Сам родом из Сибири». «Вот и отлично, — говорит он, — поезжайте, батенька, в Ямальскую тундру новую жизнь строить...»

Крутой оборот в жизни. Оставлена перспектива на работу в Москве, хорошая квартира, впереди — мир загадок, новых людей.

Край действительно был особенный. Надо было не только обстоятельно изучить, как ведутся здесь оленеводство, охотпромысел, рыболовство, но и создать первую на Ямале школу, больницу, организовать ветеринарное и зоотехническое обслуживание, развернуть кооперирование и коллективизацию ненцев, словом — поднять экономику и культуру края.

Новые дела увлекли, появились первые радости. Были и огорчения и до слез смешные курьезы. К примеру, общая радость: Мария Худи первой на Ямале рожала в больнице. Это был успех немаловажный, о нем писали в газетах. Медики сообщили о нем в Москву в Комитет по делам Севера, как о крупном событии. Врачи получали поздравительные телеграммы.

А это тоже была большая радость, шестидесятилетний пастух Мяку решил впервые за свою жизнь вымыть голову, Михаил Лапсуй приобрел кровать, в школу пришли первые семь учеников. А год спустя тундру облетела весть: дочь ненецкого народа Соня Лапсуй избрана делегатом Чрезвычайного съезда Советов. Она едет в Москву, будет утверждать Конституцию, самую справедливую на земле.

Сейчас, когда спрашиваешь Михаила Митрофановича, почему он, житель столицы, остался на Севере, он, не скрывая гордости, говорит:

— Люблю Ямал, людей здешних, природу. — Помолчав, добав-

ляет тоном чуть пониже. — и потом, корни пустил...

Корни! Конечно, корни. Если видишь, какими стали люди, выросшие на твоих глазах, каким богатым стал этот край — как покинуть его! Да, здесь твои корни. Вырвать их можно разве ценой жизни дерева.

Даже тогда, когда по ложному доносу его арестовали в 1937 году, и тогда он оставался до конца преданным людям. «Выше голову, Михаил! Ты же оптимист», — взбадривал он себя.

Все худшее позади, и возврата к нему, не будет. Но труден бывает внутренний перелом в людях, которые много вынесли на себе от того времени. Не каждый может обрести душевное спокойствие, быстро войти в колею жизни. Друзья говорили после освобождения: «Везучий ты, Михаил». Но не в этом была его главная везучесть.

По образованию экономист, он не знал в совершенстве педагогики, но знал секрет, какой не каждому учителю дается. Годы ученья — это не «подготовка к жизни», а сама жизнь, да еще какая! И, когда пришлось преподавать в зооветтехникуме, культпросветшколе, работать заведующим окроно, он никогда не стоял «над студентами», не признавал школярства и магии отметок.

Любовь к молодежи осталась у него и сейчас. По-прежнему «по-студенчески» друзья, а их много — Володя Ядне, Соня Лапсуй, рыбак Папули, новое поколение молодых специалистов — директоров совхозов — чувствуют себя в скромной квартире Михаила Митрофановича как дома. И так же, как тридцать лет назад, здесь ведутся беседы. Михаил Митрофанович обладает удивительной способностью втягивать собеседника в спор о самом горячем, злободневном, будь это оленеводство или вопросы этнографии, новые формы оплаты труда в совхозах или проблемы земледелия — все равно увлечет, заставит поворочать мозгами.

У него богатая библиотека, в ней собраны произведения исследователей Севера. Михаил Митрофанович скромничает, но многие его работы опубликованы в журналах.

— Вы читали «Зарубежный Север» Аграната? Нет? Рекомендую. А Бартенева, Якубовскую?.. Да, что же вы, а? Возьмите, обязательно возьмите и прочитайте. Север надо знать...

Сколько таких советов за жизнь. И все от чистого сердца.

Его часто приглашают на совещания, встречи, собрания. Он никогда не отказывается, хотя страсть как не любит заседательскую суетню. Помню, пригласили его как-то журналисты на совещание рабселькоров, в президиум избирают, а он:

— Удивлен, предельно удивлен... Балуете...

Выступал он на слете вторым. Говорил с жаром, обставляя каждую фразу примерами из жизни, конкретными предложениями. Ну, как не подумать: этот человек всегда чувствует себя не свидетелем, не очевидцем боя, а бойцом. Иначе как бы он мог зажигать других!

И тут вспоминается другой образ, с обратной, отрицательной характеристикой. Образ из прошлого. Ведь это у Ленина о дурных свойствах интеллигентного человека сказано: «...разгильдяйство, небрежность, не-

ряшливость, неаккуратность, нервная торопливость, склонность заменить дело дискуссией, работу — разговорами, склонность за все на свете браться и ничего не доводить до конца...».

В связи с этим становится понятнее, почему так импонируют окружающим поступки и характер Михаила Митрофановича. Мы знаем по многим примерам из жизни, как трудно дается преодоление любого из перечисленных Лениным качеств, и мы внутренне всегда восхищаемся человеком интеллектуального труда, который этих недостатков лишен и этим утверждает новое, подлинно советское, коммунистическое понимание интеллигентности.

Я еще не сказал, кто сейчас Михаил Митрофанович. Он персональный пенсионер, но продолжает трудиться, возглавляет отдел экономики Ямальской сельскохозяйственной опытной станции. Кроме всего у него много общественных поручений.

Г. Тутолмин

(Красный Север. — 1963. — 30 апр. — С. 5. — Мир интеллигентного человека)

Жизнь и судьба Михаила Броднева

«Утоляя жажду, не забывай об источнике», — напоминает восточная мудрость. Таким живительным родником, питающим культуру современного Ямала, служит интеллектуальный потенциал, созданный талантом и трудом даровитых предшественников. В созвездии личностей, чей светлый разум освещал и обогащал духовную жизнь северян, звездой первой величины выделялся Михаил Митрофанович Броднев.

Броднев принадлежал к тому поколению соотечественников, кому довелось пережить великие и грозные потрясения двадцатого века: превратности царизма и сталинизма, победы и бедствия мировых войн и социальных революций. Фамилия Бродневых указывала на их сибирское происхождение: сибиряки называли броднями кожаные сапоги с высокими голенищами, удобные для ходьбы по сырым и топким местам. Коренной сибиряк, Броднев унаследовал не только их двужильную физическую выносливость, а нечто более важное: вольнолюбивый дух, рисковый характер, критический склад мышления и независимость действий.

Он родился в 1904 году, под грохот бесславной русско-японской войны, в семье крестьян деревни Кузнецовой Пировской волости Енисейской губернии. Грамоте обучали политические ссыльные. В юности «заболев» революционной романтикой, стал комсомольцем и бойцом ЧОН — частей особого назначения, предназначенных для борьбы с внутренней контрреволюцией. Уча-

ствовал в ликвидации колчаковского охвостья. В очередной схватке был тяжело ранен и лишился ноги (*Здесь небольшая неточность. В главе «Детство и юность» М.М. Броднев рассказывает, что нога у него была покалечена с детства. — Прим. авт.-сост.*).

Обреченный на пожизненную инвалидность, Михаил не пал духом, сумев пересилить гнетущее чувство ущербности. На протяжении десяти лет он успешно чередовал учение и службу: работал секретарем Пировского волостного ревкома, инструктором Енисейского уездного и заведующим отделом Ачинского окружного комитета комсомола, учился в советско-партийной школе. В 1925 году его приняли в коммунистическую партию и направили служить в Сибирский комитет профсоюзов сельскохозяйственных рабочих.

После окончания средней школы он продолжил образование в Сибирском плановом институте. Накануне выпуска его отозвали в Москву и по рекомендации партийного центра избрали секретарем Центрального комитета профсоюзов рабочих машинно-тракторных станций. Затем Броднева назначили преподавателем высшей школы профсоюзного движения и одновременно старшим редактором Профиздата. Страна приступила к освоению Крайнего Севера, и Броднева привлекла удивительная судьба аборигенов этих мест. Созрело желание подготовить диссертацию. И тут представился благоприятный шанс.

Весной 1935 года его пригласили в комитет Севера:

— Нам известно, что вас интересует культура и быт северных народностей. Есть возможность поработать руководителем Ямальской культбазы. После недолгих раздумий он принял предложение. На выбор повлияли не только научные интересы: Броднева отвращал моральный и физический террор, развязанный в Москве после убийства С.М. Кирова. Летом тридцать пятого года он прибыл в заполярный поселок Яр-Сале, где обосновалась Ямальская культбаза. Началась его новая жизнь, насыщенная множеством серьезных и драматических событий.

Броднев и его предшественник Борис Иванович Шмырев приложили максимум усилий к тому, чтобы превратить базу в хозяйственный и культурный центр Заполярья. За считанные дни в тундре вырос благоустроенный комплекс: оружейная, сетевязальная и швейная мастерские, рыбоучасток, строительная контора, электростанция, магазин. Чайная, больница, ветеринарный пункт, школа-интернат, Дом ненца. Два красных чума, передвигаясь по тундре, обслуживали кочевников на территории равной крупному европейскому государству.

Север взыскательно экзаменовал людей на прочность. Здесь приживались те, кто обладал сильным интеллектом, чистой душой, крепким здоровьем. Коллектив базы объединил истинных энтузиастов своего дела, прибывших из Москвы, Ленинграда, Омска, Тобольска. Специалисты, находясь в тундре, делили с кочевниками кров и хлеб, учили ненцев русской грамоте и постигали их родной язык. Взаимопонимание рождало доверие, обличая совместное решение больших и малых дел.

Сколько времени, знаний, терпения и выдержки требовалось, чтобы убедить тундровиков в преимуществах коллективного хозяйства и оседлой жизни, в необходимости образования и медицинской помощи, в соблюдении личной гигиены. Броднев всячески поощрял инициативу и самостоятельность работников, не чурался острых вопросов, требующих разумного риска. С его участием началось строительство и электрификация жилого поселка колхоза «Харп». В работе возникали трудности, случались промахи и срывы, давали о себе знать вековые суеверия и предрассудки.

Независимость взглядов и поведение Броднева порождало недовольство и зависть районных властей. Злопыхатели, не брезгуя клеветой, раздували ошибки до размеров преступлений, собирали компромат, готовили расправу. Газета Ямальского политотдела ГУСМП «Ударник Арктики» напечатала заметку, автор которой изобличал Броднева во всех смертных грехах. Ямальский райком ВКП(б) исключил его из партии за сокрытие социального происхождение и связи с троцкистами. Окружком партии, убедившись в нелепости выдвинутых обвинений, восстановил справедливость. Более того, избрал Броднева членом пленума.

Летом злопамятного тридцать седьмого года Броднева перевели во избежание дальнейших конфликтов в Салехард, доверив руководство окружной пушной конторой ГУСМП. Вскоре грянула беда: вторичное исключение из партии, арест и заточение в тюрьму. В биографии Броднева зияет, словно черная дыра, время, проведенное под следствием в застенках НКВД. В его личном архиве сохранились адресованные родным и близким воспоминания о пережитом в тюрьмах Салехарда и Омска, опубликованные спустя четверть века после кончины Михаила Митрофановича строки, преисполненные болью сердца, взывают к памяти и совести потомков: будьте бдительны, воспрепятствуйте злу насилия.

(В статье «Исповедуя правду» Ю. Прибыльский описывает такой эпизод. «О нем вспомнили по истечении трехмесячной «отсидки» в камере предварительного заключения. «Дебют» по заведенному ритуалу состоялся ночью. На допрос конвоировали по заснеженному тюремному дворику. Он с трудом ковылял, оберегая искалеченную ногу, жадно глотал чистый от привычного зловония воздух, крадучись, озирался вокруг... На небе призывно маячила Полярная звезда, верная спутница недавних кочевий в тундре...

В укромном кабинете с «ликом» Ежова на стене его встретил некто в штатском с глазами кролика:

— Наждачный Степан Филимонович, следователь НКВД. Прошу любить и жаловать. Есть ли просьбы и жалобы?

— Есть. Разрешите на допросах сидеть и общаться на «Вы».

— Глянь, какой нотный. Уступаю — В расчете на взаимность. Итак, начнем с уточнения личности и сути обвинения. Вы — Броднев Михаил Митрофанович, 1904 года рождения, русский, из крестьян, образование высшее, пребывание в рядах ВКП(б) с 1925 года, исключен в 1937 году в связи с арестом, по-

следнее место работы — Ямальская культбаза. Правильность данных подтверждаете?

— Да.

— Вам предъявлено обвинение в противоправных действиях, предусмотренных в статье 58-й Уголовного кодекса РСФСР: вредительство, контрреволюционная агитация. Зачем поменяли пост секретаря ЦК профсоюзов на должность начальника какой-то захолустной культбазы? Хотели сыскать безопасное убежище?

— В Заполярье я был направлен в порядке партийной мобилизации с мандатом комитета Севера ВЦИК.

— Маскировка! Те, кто Вас благословил, разоблачены, как враги народа, а Вы — их пособник! Даю недельный срок, чтобы вспомнить и признать содеянное. Чистосердечное признание смягчит приговор.

Ворочаясь бессонными ночами на жестких нарах, он мучительно перебирал в памяти обстоятельства, повлекшие роковой исход... Броднев отчетливо сознавал, как ничтожны шансы на успех: один из ста. Но эту малость он использовал как нить спасения... Следователь Наждачный с профессиональным умением прибегал к «действенным средствам» воздействия. Клонил Броднева к самооговору. Спасла непредвиденная осечка. Изнурительный поединок был прерван, когда из кабинета исчез портрет Ежова. Разжалованный «опричник» последовал в мясорубку вслед миллионным жертвам, в том числе. Смена правителей НКВД повлекла частичное ослабление террора. Из-под следствия освобождались те, кто выстоял под пытками, доказывая личное алиби. В их числе обрел свободу и Броднев»).

Заплечных дел мастера старательно обрабатывали Броднева, прибегая к пыткам, угрозам и лжи, добивались признания в антисоветских преступлениях. Он сумел выстоять, сохранить человеческое достоинство, не запятнав клеветой себя и товарищей по несчастью. Будучи искренним и убежденным приверженцем социализма, он изведал на горьком опыте его чудовищные извращения, усомнился в непогрешимости Сталина. Одному из многих, кого окрестили «врагами народа», Бродневу посчастливилось вырваться на свободу. Он вернулся домой, страдая туберкулезом и цингой...

Уроки жестокости, преподанные в неволе, обострили чувство сострадания и справедливости. Эти нравственные достоинства выручали Броднева всякий раз, когда он решал жизненные ситуации со многими неизвестными. Едва окрепнув, возобновил прерванную в Москве педагогическую деятельность: читал курс политэкономии в Салехардском оленеводческом техникуме и местной политпросветшколе. Возглавив перед войной окружной отдел народного образования, навел элементарный порядок в школах-интернатах, где обучались дети кочевников. В критическом 1942 году Броднев взвалил на себя ношу, от которой надорвались незадачливые предшественники: его избрали первым заместителем председателя, а затем председателем исполкома Ямало-Ненецкого окружного Совета депутатов трудящихся.

«Работники исполкома, как и все ямальцы, трудились для фронта,

не щадя сил и здоровья, — вспоминал Броднев. — В округ хлынули тысячи обездоленных беженцев и ссыльных из Москвы, Ленинграда, Прибалтики, Бессарабии, с Украины и Поволжья. Это были женщины, старики и дети — русские, украинцы, молдаване, латыши, немцы, калмыки и финны. Исполком мучительно решал, как разместить и обеспечить приезжих жильем, топливом, продовольствием, одеждой и обувью, определить способных трудиться на производстве. Несмотря на все бедствия, избежали голода и эпидемий».

К исходу войны возросла социальная напряженность среди оленеводов. Непомерные налоги и обязательные заготовки мяса привели к сокращению поголовья домашних оленей. Увеличилась численность безоленных семей тундровиков, обреченных на вымирание. Чрезвычайная ситуация нуждалась в спешной разрядке, требовалась помощи извне. Областные инстанции, осведомленные о тяготах северян, проявляли полнейшее равнодушие к их просьбам. В поисках выхода из тупика Броднев рискнул, минуя областное начальство, обратиться в Москву. Более месяца обивал пороги столичных учреждений, стучался в двери высоких кабинетов. Настойчивость принесла успех. Его приняли и выслушали: секретарь ЦК ВКП(б) Г.М. Маленков, член Государственного Комитета Обороны А.И. Микоян, глава Правительства Российской Федерации А.Н. Косыгин. Бродневу дали возможность выступить на заседании оргбюро ЦК ВКП(б). Затем последовали закрытые постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о неотложных мерах помощи населению Ямало-Ненецкого округа.

В качестве «доноров» привлекались союзные наркоматы обороны, вооружений, боеприпасов, рыбной промышленности, сельского хозяйства, торговли и заготовок. Единовременная спасательная акция, разрядив критическую ситуацию, оставила нерешенными кардинальные вопросы жизнеобеспечения северян.

К последствиям войны добавились трудности иного рода. С 1947 года на Ямале действовала независимо от местных властей 501-я стройка ГУЛАГа. Десятки тысяч заключенных, жертвуя здоровьем и жизнью, сооружали на собственных костях железную дорогу через Полярный Урал и лесотундру, устремленную к Надыму и заполярной Игарке. Броднев, вникая в дела стройки, трезво оценивал ее преимущества и недостатки. Головной участок трассы Чум — Лабытнанги, введенный в 1949 году, связал округ с европейской частью страны, ускорил промышленное и транспортное освоение природных ресурсов. Но этот позитивный процесс сопровождался издержками, губительными для природы и населения Ямала. Строители, подверженные синдрому вседозволенности, опустошали сопредельные ягельные пастбища, продуктивные леса, промысловые угодья ханты, ненцев и коми.

Попытки окрисполкома воспрепятствовать разорению природы не дали желаемых результатов. «Мертвая дорога», как прозвали брошенную стройку, являла наглядный пример бесхозяйственно-

сти и расточительности в особо крупных размерах. Многолетние физические и нервные перегрузки расстроили здоровье Броднева, обострился туберкулез легких. Он прошел длительный курс лечения в подмосковном санатории Кремля. Здесь восстанавливали здоровье именитые чиновники, засекреченные атомщики, видные ученые и деятели культуры. Всеобщим уважением пользовался академик Отто Юльевич Шмидт. «Это был на редкость мудрый, простой и сердечный человек, — вспоминает Броднев. — Привязанность к Северу и пристрастие к табаку невольно сблизили нас. На перекурах подолгу говорили о влиянии Северного морского пути на судьбы аборигенов, сходились на том, что уход ГУСМП с территории Азиатского Севера осложнил и затормозил его развитие. Шмидт с похвалой отзывался о жизнестойкости ненцев, а мне советовал непременно продолжить исследование их культуры и быта».

Несмотря на старания медиков, прилипчивая, как болотная тина, хворь цепко держала Броднева, спутав его жизненные планы. Пришлось оставить службу и покинуть Салехард до лучших времен. Врачи рекомендовали ехать на юг, а он выбрал Якутию. Получив под начало рыбопромышленный трест, Броднев постарался обновить его промыслово-техническую базу и кадры специалистов. Когда дела пошли на поправку, приключилась семейная трагедия. Возвращаясь домой, в лютый мороз бесследно сгинул единственный и любимый сын Миша. Отчаянные поиски пропавшего без вести юноши не имели успеха. И только весной труп сына вытаял из-под снежного сугроба. Родительскому горю не было предела. Вновь пошатнулось здоровье. Жить в Якутске стало невмоготу.

Броднева по его просьбе направили в отдельную геологоразведочную экспедицию, занятую поисками алмазов. Как заместитель начальника, он занимался подбором и воспитанием кадров. Их большинство составляли вчерашние заключенные, лихой и дерзкий народ. Броднев ладил с подопечными благодаря вниманию к их нуждам, справедливому обращению, терпению и выдержке. Пребывание в хвойной тайге на чистом воздухе сделало то, что не сумела медицина: он избавился от легочной скверны. Победив коварный недуг, Броднев смог исполнить и другое заветное желание. В 1956 году, возвратясь из добровольной ссылки в Салехард, он решил испытать себя профессиональной научной деятельностью.

На то имелись веские основания и реальный задел. Еще в тридцатые годы он заявил о себе в качестве серьезного плодовитого исследователя истории и этнографии народов Ямала. Публикации тех лет в журналах «Советская Арктика» и «Омская область», посвященные переустройству жизни и быта ямальских ненцев, привлекли меткостью и глубиной авторских наблюдений, суждений и выводов, богатством и многообразием сюжетных линий, достоверностью фактических сведений.

Следующей ступенью творчества послужила разработка общих, концептуальных проблем истории, этнографии, экономики народов

Севера. Статьи Броднева, опубликованные в журнале «Советская этнография», содержали критический анализ исторического опыта народов Севера в качестве его освещения в отечественной историографии.

Броднев принципиально осуждал и отвергал односторонний и упрощенный подход к оценке прошлого и настоящего аборигенов Севера с позиций стандартного «торжества» ленинской национальной политики. Он утверждал, что правда истории несовместима с ее тенденциозным, предвзятым, угодливым истолкованием. В журнальной рецензии монографии профессора М.А. Сергеева «Некапиталистический путь развития народов Севера» Броднев сформулировал принципиальные требования к интерпретации исторической действительности. «Результаты ленинской национальной политики убеждают в тех случаях, если показано, какой высокой ценой фактических просчетов и ошибок они достигнуты и упрочены».

«Истина превыше всего» — таково научное кредо Броднева. Зрелостью и мастерством отмечена работа Броднева в должности старшего научного сотрудника Ямальской опытной сельскохозяйственной станции (1956–1967 гг.). Опираясь на богатейший практический опыт, он занимался анализом и прогнозированием традиционного хозяйственного комплекса ханты, ненцев, селькупов. Собранные и обобщенные экономические и статистические данные легли в основу перспективного планирования оленеводства, рыболовства, пушного промысла, колхозного и совхозного производства.

Итогом тридцатилетней творческой деятельности Броднева служила его рукопись «Ямал: время и люди». Энциклопедическая по содержанию работа синтезировала научные сведения, фольклорные источники, личные наблюдения, размышления и оценки автора. Красной нитью прослеживалась мысль: самое ценное достояние Севера — его простые, человечные и мужественные люди. С большой теплотой и неподдельным уважением Броднев описал характерные, типичные и примечательные черты социального бытия, духовного облика, уклада жизни аборигенов Ямала. Сильное впечатление оставлял раздел, повествующий о многообразии деятельности ямальской культбазы.

Рукопись венчала жизненный путь автора. 18 ноября 1971 года Михаил Митрофанович Броднев покинул свет, завещав свое детище ямальцам. Случилось так, что по вине равнодушных чиновников рукопись долгое время лежала под спудом, оставалась невостребованной, утратив во многом первозданную оригинальность и новизну. И только четверть века спустя представилась возможность исполнить завещание Броднева: обнародовать его труд в первоначальном варианте, исключив какие-либо существенные поправки. Поистине, лучше поздно, чем никогда.

Семья Бродневых хранит как реликвию его воспоминания о пережитом и выстраданном в жизни. Это живая, сокровенная, правдивая исповедь человека, в судьбе которого преломилась целая историческая эпоха. С именем и делами Броднева связаны все значительные пре-

образования на ямальской земле во второй трети нашего столетия. Он творил историю Севера и талантливо описывал ее перипетии. Жизнь и судьба Михаила Броднева являют высокий образец выполнения гражданского долга, бескорыстного служения Отечеству, родному северному краю.

Ю. Прибыльский, профессор Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева, доктор исторических наук.

(Ямальский меридиан. — 1996. — № 2 (22). — С. 8-11)

Некролог*

18 ноября 1971 года в г. Тюмени скончался Михаил Митрофанович Броднев, бывший председатель исполкома Ямало-Ненецкого окружного Совета депутатов трудящихся, активный участник социалистического строительства в нашем округе, персональный пенсионер.

М.М. Броднев родился в 1904 году, член партии с 1925 года.

С 1928 по 1934 Михаил Митрофанович работает секретарем ЦК профсоюзов работников МТС и земельных органов в Москве, преподает политэкономию в ВШПД, затем направляется в наш округ, где работает в 1939 год начальником Ямальской культбазы, потом лектором окружкома партии, заведующим окроно, а с 1942 по 1950 год председателем окрисполкома.

С 1950 по 1956 год М.М. Броднев работает управляющим Якутским рыбтрестом и зам. начальника по политчасти геологической экспедиции в г. Якутске, а с 1956 по 1967 год — старшим научным сотрудником Ямальской сельскохозяйственной опытной станции.

М.М. Броднев многое сделал для развития экономики и культуры округа, повышения материального положения и улучшения быта коренного населения.

Одновременно с основной работой и уже будучи на пенсии, Михаил Митрофанович написал много статей на социально-экономические темы, опубликованных в центральных и местных изданиях.

Трудовая деятельность Михаила Митрофановича отмечена высокими правительственными наградами. Он награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом «Знак почета» и медалями.

С чувством глубокого уважения будут всегда вспоминать Михаила Митрофановича все те, кто знал этого неутомимого высокообразованного человека и коммуниста.

ТЮРИН В.Н., САЛАМАХИН В.А., ПРОХОРЕНКО С.С., ЮМАТОВ В.И., ПАДАЛКИН П.П., ЧЕРДЫНЦЕВ И.В., БОРОЗДИЧ В.В., ПЕРВУШИН П.Н., КУЗЬМИН М.С., ЗУБАКИН И.А., БАЖЕНОВА Л.Г., МИРОНОВ К.И., РУДЗЕВИЧ Г.И., ШНЯГИН Н.Ф., ОХМАНОВИЧ Э.Л., ВЛАСЕНКО Т.Н., КРАСНОБАЕВ В.К., САНДАЛОВ Н.И., ДАВЫДОВА А.Я., МЕЛЕЩЕНКО К.П., КОЛОМНИКОВА Н.П., ТОГО Ф.К., УКОЛОВ Б.Г., БИКБУЛАТОВ Ф.Н., КУЗЬМИНА И.И., СТЕПАНОВ В.В., ВАНУЙТО Н.И.

(Подписавшиеся — члены окружкома партии, орисполкома, Салехардского горкома партии, Салехардского горисполкома. — *Прим. авт.-сост.*).

Окружной комитет КПСС и окрисполком выражают соболезнование семье и родственникам по поводу кончины БРОДНЕВА МИХАИЛА МИТРОФАНОВИЧА, персонального пенсионера, длительный период времени проработавшего в Ямало-Ненецком округе, скончавшегося 18 ноября

* Некролог опубликован в газете «Красный Север». 1971. (№ 232 (8592). — 23 ноября. — С. 4).

1971 года на 68-м году жизни, в городе Тюмени.

Горком КПСС и исполком городского Совета депутатов трудящихся выражают соболезнование семье и родственникам по поводу смерти БРОДНЕВА МИХАИЛА МИТРОФАНОВИЧА.

Коллектив учителей Панаевской средней школы выражает глубокое соболезнование Бродневой Т.М. По поводу смерти ее отца БРОДНЕВА МИХАИЛА МИТРОФАНОВИЧА.

Оглавление

Предисловие ..... 4 стр.
Автобиография ..... 6 стр.
Воспоминания ..... 9 стр.
Детство и юность ..... 10 стр.
Новосибирский период ..... 49 стр.
Московский период ..... 66 стр.
Ямальская культбаза ..... 70 стр.
Станислава ..... 83 стр.
Страшное время ..... 95 стр.
От заключения — до власти ..... 112 стр.
Якутия ..... 139 стр.
Енисейск, Салехард, Тюмень ..... 152 стр.
Воспоминания современников о М.М. Бродневе ..... 156 стр.
Дочь и внучка ..... 167 стр.
Письма ..... 183 стр.
В мыслях и сердцем с тобой ..... 184 стр.
Михаил Броднев: Что сделать, чтобы привлечь к Северу внимание? ..... 197 стр.
Михаил Броднев: В интересное время мы живем... ..... 203 стр.
Неизданное ..... 211 стр.
Статьи М.М. Броднева ..... 219 стр.
А фронт был рядом ..... 220 стр.
Ни кто не забыт, ни что не забыто ..... 220 стр.
Весна ..... 223 стр.
Включение Нижнего Приобья в состав русского государства ..... 223 стр.
Внедрять прогрессивные формы оплаты ..... 225 стр.
Кто вернул ненцам солнце ..... 227 стр.
Насущный вопрос зажиточности колхозников ..... 231 стр.
Об ошибке редакции и статье тов. Броднева ..... 233 стр.
Не все же кочевать ..... 234 стр.
Новь Ямальской тундры ..... 236 стр.
От трудодня — к ежемесячной денежной оплате труда колхозников ..... 247 стр.
Поднять темпы добычи пушнины ..... 253 стр.
Проблемы Севера ..... 257 стр.
Проблемы «Северных цветов» ..... 267 стр.
Прошлое народов Ямала ..... 272 стр.
Салехарду вторую молодость ..... 288 стр.
Себестоимость — барометр производства ..... 289 стр.
Я и мой Север ..... 294 стр.
На Ямальском полуострове ..... 298 стр.
Денежная оплата труда в заполярном колхозе ..... 302 стр.
Возрожденный народ ..... 306 стр.

Карские экспедиции ..... 310 стр.
Для развития окраин ..... 311 стр.
Дети Севера ..... 313 стр.
Главы из рукописи ..... 318 стр.
Пути перехода от патриархальных форм хозяйства к социализму ..... 330 стр.
Забота В.И. Ленина о развитии Крайнего Севера ..... 340 стр.
Из записных книжек Броднева ..... 343 стр.
О М.М. Бродневе ..... 345 стр.
Глубокие корни ..... 346 стр.
Жизнь и судьба Броднева ..... 348 стр.
Некролог ..... 356 стр.

Л.Ф. Липатова

«Сава луца» — хороший человек М.М. Броднев

Подписано в печать 02.06.2008
Тираж 1000 экз. Заказ № 6977
Формат 60x90/8. Гарнитура Academy. Печать офсетная

ООО «Сити-пресс»
625019, г. Тюмень, ул. Республики, 211.
Тел. (3452) 37-94-42.